ЧИТ.ЗАЛ

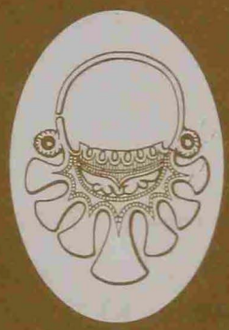
ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель - Май - Июнь
2006

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



http://www.naukaran.ru
http://www.maik.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2006

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Научно-производственное объединение
«Издательство "Наука"»

© Российская академия наук, 2006 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2006

Изучение погребального обряда в зарубежной археологии
Гуляев В. И. 5

Идентификация сезона смерти человека по слоям в цементе зубов (эпоха бронзы)
Клевезаль Г. А., Шишлина Н. И., Пахомов М. М., Хохлов А. А. 15

Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье)
Матвеева Н. П., Аношко О. М., Цембалюк С. И. 24

К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры
Буйнов Ю. В. 39

Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.)
Аксенов В. С. 51

Ювелирный производственный комплекс из "Ветчаного города" домонгольского Владимира
Ениосова Н. В., Жарнов Ю. Э. 64

О мастерах Васильевских врат 1336 г. (эпиграфические наблюдения)
Медынцева А. А. 81

Дискуссии

К проблеме финального палеолита Центральной России
Сорокин А. Н. 91

Радиоуглеродная хронология

Проблема возраста настенных изображений Игнатиевской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента
Широков В. Н. 99

Радиоуглеродная хронология телля Плоская могила (к проблеме хронологии энеолита и ранней бронзы во Фракии)
Чичагова О. А., Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Зазовская Э. П. 106

Ямная культурно-историческая общность: проблемы формирования в свете радиоуглеродного датирования
Иванова С. В. 113

Хронология городищ "дьякова типа" в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования
Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д. 121

Публикации

Неолитическая керамика дронихинского типа со стоянок Среднего Хопра
Сурков А. В. 134

О поясной пластинке с изображением Бахрам Гура с территории золотоордынского города Маджара (Ставропольский край)
Нарожный Е. И. 140

Новая находка золотоордынской торевтики из Сургутского Приобья
Яковлев Я. А. 144

Застройка "Старого города" Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Успенский монастырь)
Черных Н. Б., Карпухин А. А. 148

История науки

Елизавета Арсеньевна Калитина
Чубур А. А. 157

Критика и библиография

Радиоуглерод и археология. Труды 4-го Международного симпозиума. Оксфорд, 2004
Кузьмин Я. В. 162

От редколлегии 165

Об одном переиздании моей книги
Марковин В. И. 166

Г.В. Бабаян. Основы археологии. Конспект лекций. Ростов-на-Дону, 2004
Троицкая Т. Н. 166

Новая литература по археологии Таджикистана (2000–2004 гг.)
Соловьев В. С. 167

Distelberger. Österreichs Awarinnen. Frauen aus Gräbern des 7. und 8. Jahrhunderts. Archäologische Forschungen in Niederösterreich. Bd. 3. St. Pölten, 2004
Коробов Д. С. 170

L.F. Nedashkovsky. Ukek: The Golden Horde City and its Periphery. BAR International Series 1222. Oxford, 2004.
Зиливинская Э. Д. 174

Хроника

Международный симпозиум "Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века"
Артемьев А. Р. 177

Марианна Давидовна Гвоздовер
Васильев С. А., Вангенгейм Э. А., Сулержицкий Л. Д., Янин В. Л., Леонова Н. Б., Соффер О. А. 181

Памяти Виталия Харитоновича Тменова
Кузнецов В. А. 183

Юрий Эдуардович Жарнов
Макаров Н. А., Пушкина Т. А. 184

Владимир Николаевич Марков
Кузьминых С. В. 186

Памяти Игоря Борисовича Васильева
Агапов С. А., Кузьминых С. В. 188

Сдано в набор 13.01.2006 г. Подписано к печати 17.03.2006 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 23.4 тыс. Уч.-изд. л. 25.5 Бум. л. 12.0
Тираж 956 экз. Зак. 1216

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель – Научно-производственное объединение «Издательство "Наука"», 117997 Москва, Профсоюзная, 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2006

Investigations of burial rite in foreign archaeology
Gulyaev V. I. 5

Establishing of seasonal mortality man according to dental cement layers of the Bronze
Klevezal G. A., Shishlina N. I., Pakhomov M. M., Khokhlov A. A. 15

Material of Barkhatovo Late Bronze Age culture from the Kolovo fortified settlement in the forest-steppe area of the Tobol basin
Matveeva N. P., Anoshko O. M., Tsembalyuk S. I. 24

Concerning the history of the Bondarikhino culture tribes
Buinov Yu. V. 39

Burial rite of the cemetery Netailovsky of the 8th–9th cc. AD
Aksenov V. S. 51

Jewellery production association from "Vetchany gorod" of pre-Mongol Vladimir
Eniosova N. V., Zharnov Yu. E. 64

On the artists of the Vasil'evsky gates (1336) (Epigraphic comments)
Medyntseva A. A. 81

Discussions

The problem of final Palaeolithic in Central Russia
Sorokin A. N. 91

Radiocarbon chronology

The problem of chronology of wall paintings in the Ignatievskaya cave (First radiocarbon dates of colour pigment)
Shirokov V. N. 99

Radiocarbon chronology of the tell Ploskaya mogila (Concerning the problem of chronology of the Eneolithic and the Early Bronze Age in Thrace)
Chichagova O. A., Aleksandrovsky A. L., Balabina V. I., Mishina T. N., Zazovskaya E. P. 106

Pit-grave cultural and historical community: Problems of formation in the light of radiocarbon dating
Ivanova S. V. 113

Chronology of the fortified settlements of the D'yakovo type in the Moskva River basin in the light of the results of radiocarbon dating
Krenke N. A., Sulerzhitsky L. D. 121

Publications

The Neolithic pottery of Dronikhino type from the camps of the Middle Khoper River
Surkov A. V. 134

Belt-buckle with the representation of Bahram Gur from the territory of the Golden Horde town Madjar (Stavropol krai)
Narozhny E. I. 140

A new find of the Golden Horde toreutics from the Ob'basin near Surgut
Yakovlev Ya. A. 144

Constructions of "The Old city" of the Kirillo-Belozersky monastery according to the data of dendrochronological analysis (The Assumption cathedral)
Chernykh N. B., Karpukhin A. A. 148

History of science

Elizaveta Arsen'evna Kalitina
Chubur A. A. 157

Critics and bibliography

"Radiocarbon and Archaeology". Proceedings of the 4th International Symposium, 9–14 April 2002, Oxford, UK. Oxford University Sehool of Archaeology Monograph 62, 2004
Kuz'min Ya. V. 162

From The Editorial board 165

Concerning a revised edition of my book
Markovin V. I. 166

Babayan G. V. Basic course of archaeology. Lectures. Rostov-on-Don, 2004
Troitskaya T. N. 166

New publications of the archaeology of Tajikistan (2000–2004)
Solov'ev V. S. 167

A. Distelberger. Österreich Awarinnen. Fauen aus Gräbern des 7. und 8. Jahrhunderts. Archäologische Forschungen in Niederösterreich. Bd. 3. St. Pölten, 2004
Korobov D. S. 170

L.F. Nedashkovsky. Ukek: The Golden Horde City and its Periphery. BAR International Series 1222. Oxford 2004.
Zilivinskaya E. D. 174

Chronicle

International Symposium "Dynamism of people, artefacts and technologies in the North-East of Asia in the Middle Ages"
Artem'ev A. R. 177

Marianna Davidovna Gvozdover
Vasil'ev S. A., Vangengeim E. A., Leonova N. B., Soffer O. A., Sulerzhitsky L. D., Yanin V. L. 181

In memory of Vitaly Kharitonovich Tmenov
Kuznetsov V. A. 183

Yury Eduardovich Zharnov
Makarov N. A., Pushkina T. A. 184

Vladimir Nikolaevich Markov
Kuzminykh S. V. 186

In memory of Igor Borisovich Vasil'ev
Agapov S. A., Kuzminykh S. V. 188

В № 4 за 2005 год в статье А.В. Епимахова, Б. Хэнкса и К. Ренфрю "Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья" было пропущено важное примечание: "Финансовая поддержка проекта была осуществлена National Environmental Research Council (Великобритания) и McDonald Institute for Archaeological Research (Великобритания)".

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 5–14

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2006 г. В. И. Гуляев

Институт археологии РАН, Москва

"Что может быть универсальнее, чем смерть? Но какое невероятное разнообразие реакций она вызывает! Трупы сжигаются или хоронятся в земле, в сопровождении или без человеческих и прочих жертвоприношений; они сохраняются путем окуривания дымом, бальзамирования или даже засолки; трупы съедают; их ритуально выставляют как мертвечину или просто бросают (в лес, поле, пустыню, горы); или же их расчленяют и используют самыми разными способами. Похороны являются поводом для того, чтобы избегать других людей или же, наоборот, устраивать большие празднества, поводом для столкновений и драк, для борьбы за власть и передел имущества, поводом для рыданий и для веселья в тысячах самых разнообразных комбинаций. Это разнообразие культурной реакции является мерилом универсального воздействия смерти на все человеческое общество. Но это не случайная реакция; она всегда осмысленна и очень эмоциональна".

(Metcalf, Huntington, 1979. P. 1)

С самого начала следует оговорить, что в настоящей статье речь пойдет, естественно, не о всей необъятной зарубежной литературе по интерпретации погребального обряда, а только о работах англо-американских (и, частично, скандинавских) авторов. Но ведь именно англо-американская археология за последние 30–40 лет является главным поставщиком новых идей в области археологической теории, в том числе и по погребальному обряду. Учитывая ограниченность пространства (рамками журнальной статьи), я постараюсь изложить лишь самые основные концепции и взгляды на проблемы изучения погребального обряда в рамках "новой" (или "процессуальной") археологии 60–80-х годов XX века и "пост-процессуального" направления в науке (90-е годы XX в. и начало XXI в.). Хорошо понимая все значение конкретных примеров и фактов в археологии, мною будет сделана попытка, хотя бы и в самой краткой форме, проиллюстрировать чисто теоретические постулаты ссылками на современные археологические исследования, осуществляемые сейчас в странах Западной Европы и США.

Интерес археологов к материалам из погребений и погребальному обряду в целом объясняется тем, что традиционно это один из двух основных видов археологических источников (другой вид – поселения). Опираясь на его анализ, мы можем реконструировать быт, духовную и материальную культуру, социальное устройство, идеологические представления, уровень развития изучаемого общества, его традиционность и подверженность влияниям – словом, весь спектр вопросов, которые археологи пытаются решить с большей или меньшей объективностью для воссоздания истории давно исчезнувших людей, оставивших эти погребальные памятники.

Археологи хорошо знают, что после завершения процедуры раскопок погребений и первичной обработки полученных результатов (классификация материала, его предварительное хронологическое и культурное определение и т.д.) наступает новый этап в исследовании: вещеведческий анализ заканчивается и археолог вступает в область *интерпретации* данного погребального комплекса (или комплексов). А она требует не только знаний ряда других научных дисциплин, но и специальной методики для сопряжения самых разных видов источников – археологических, этнографических, исторических, антропологических и пр.

На протяжении всего времени существования научной археологии интерпретация погребального обряда осуществлялась в четырех основных направлениях: 1) религиозно-мифологическом (или идеологическом); 2) этнокультурном (выделение "погребального эталона" и отклонение от него в рамках определенной этнокультурной группы); 3) хронологическом (выявление динамики "погребального эталона" во времени); 4) социальном (или социологическом, включая палеодемографию).

В разные периоды то или иное направление могло разрабатываться более интенсивно, чем остальные, но вместе с тем приходится признать, что все они существовали и развивались параллельно.

Систематические раскопки погребений (прежде всего, погребений, видимых на поверхности земли – "погребальных холмов" или "курганов") начались в США и Западной Европе в конце XVIII – начале XIX в.: Томас Джефферсон в США; Йенс-Яков Ворсо в Дании; Каннингтон, Мортимер и Гринвелл в Англии (Chapmen, Randsborg, 1981. P. 2).

В течение XIX в. был накоплен огромный материал, заполнивший местные музеи и сохранивший до наших дней бесценные сведения о погребальном обряде людей, живших в Европе в эпохи неолита, бронзы и раннего железного века. Именно тогда появились в археологических кругах первые, еще очень робкие попытки осмыслить данные из погребений в хронологическом, этнокультурном и религиозно-мифологическом плане.

Первые солидные труды по интерпретации погребального обряда были созданы этнографами в последние десятилетия XIX в. Это работы Эдварда Тэйлора "Первобытная культура" (1871; Taylor, 1939) и Джеймса Фрэзера "Золотая ветвь" (1886; Frazer J., 1981). Оба исследователя объясняли все особенности и разнообразие погребального обряда только исходя из первобытной мифологии и религиозных верований.

В первые десятилетия XX в. хронологический, этнокультурный и религиозно-мифологический подходы в объяснении погребального обряда продолжали развиваться как в Европе, так и в США, но появилось и нечто новое: труды группы ученых из школы Эмиля Дюркхейма – Роберта Гертца в 1907 г. (Hertz, 1960) и Арнольда ван Геннепа в 1909 г. (van Gennep, 1960).

Эти исследователи связывали захоронение умершего с различными аспектами социальной системы. По их мнению, различия в погребальных ритуалах могли быть вызваны разницей в статусе умерших индивидов внутри данного общества, а также таким фактором, как способ (причина) смерти. А самый главный их постулат гласит: погребальный обряд следует рассматривать в ряду других "обрядов перехода", означающих перемены в статусе индивида (рождение, инициации, женитьба, беременность и, наконец, смерть); в данном случае, погребальный обряд – это "переход" умершего члена общества из мира живых в мир мертвых.

По сути дела, это были первые исследования, которые трактовали смерть как социальную и биологическую трансформацию. Следует также отметить, что и ван Геннеп и Гертц строили свои выводы на чисто этнографическом материале традиционных обществ Африки и Юго-Восточной Азии.

По их мнению, похороны – это отражение обряда "перехода" с трехступенчатой структурой.

1. *Первая стадия* – "обряд отделения" (изоляции) трупа от других членов общества. Труп помещают отдельно, в особое место (жилище, святилище, специальная площадка и т.д.). Участники ритуала "выходят" из своих прежних социальных ролей и "переходят" в иное, так называемое "пороговое" состояние.

2. *Вторая стадия* – осуществление самих похорон (с захоронением трупа любым традиционным способом), когда их живые участники превращаются в "плакальщиков", а умерший переходит от статуса личности, индивида, к статусу трупа, и при этом душа его отделяется от тела.

3. Наконец, *третья стадия*: "ритуаул воссоединения", когда участники похорон возвращаются к обычной жизни. "Плакальщики" возвращаются к общественной жизни, но уже без мертвеца, труп которого окончательно помещен в нужном месте, а душа должна присоединиться к душам предков.

Для Р. Гертца смерть осознавалась как некая внешняя сила, ударяющая по данному коллективу и сотрясающая самые основы его жизни. Гибель индивида была равносильна катастрофе и ставила перед обществом в целом массу серьезных проблем.

Тело (труп), душа умершего и живые сородичи находились при этом в определенной взаимосвязи, но не похожей на ту, что существовала до факта смерти. Чтобы облегчить этим трем составляющим переход в новый социальный статус и решить проблемы своих взаимоотношений, в каждой из них должны произойти перемены и должно быть восстановлено равновесие в течение определенного отрезка времени, варьирующего от нескольких минут до нескольких лет.

Р. Гертц утверждал, что "обряды перехода" как раз и выполняли эту задачу, и именно данные ритуалы, оставляющие после себя какие-то материальные следы, и находят при раскопках археологи.

Воздействие смерти индивида на оставшихся членов группы (общины) может различаться в очень значительных пределах, в зависимости от положения умершего в данном обществе, так же как могли сильно варьировать масштабы и форма обрядов, необходимых для "выведения" его (или ее) из этого мира в мир иной.

Итак, масштабы и формы ритуалов, необходимых для достижения эффекта "отделения" ("выведения"), сильно отличаются в соответствии с социальным статусом участников похорон и умершего внутри данного общества. Одним из побудительных мотивов этих церемоний было вос-

становление социального порядка перед лицом хаоса.

С одной стороны, статус умершего влияет на масштаб обрядов, необходимых для обеспечения его "удаления" ("отделения"); с другой – реинтеграция участников похорон с другими членами общества требует восстановления социальной структуры и взаимосвязи живых и мертвых. Это и есть тот принцип, который лежит в основе всех эмпирически наблюдаемых вариаций в погребальном обряде любого общества.

Вторая связь, на которую обращает особое внимание Р. Гертц, это связь между трупом и душой. Погребальный процесс должен способствовать *отделению* души от тела, обычно сразу же после наступления смерти, а затем, по прошествии некоторого времени, это должен быть акт в виде церемонии, отмечающей воссоединение души умершего с душами предков. Правда, следует отметить, что часто наблюдается некоторая двусмысленность в разделении этих двух этапов. И Р. Гертц сделал очень важное замечание о том, что физическое состояние трупа и состояние души часто тесно связаны. Только когда труп достиг стабильной физической формы, будь то через гниение или через кремацию, в конце данного процесса душа действительно становится полноправным членом загробного мира.

Поэтому, похороны отражают три этапа в этой взаимосвязи: отделение тела от души, "пороговая" стадия, где душа еще находится на перепутье, и "пост-пороговая" стадия, когда она присоединяется к сообществу мертвых (предков).

Третья, связанная с похоронами сфера, – это взаимосвязь души умершего с живыми соплеменниками. Отделение души от мира живых часто довольно длительный процесс. В течение этого периода те, кто был близок к мертвецу либо физически, либо по кровному родству, сами находятся в "пороговом", осквернённом (грязном) состоянии. Таким образом, похоронный процесс имеет здесь две сверхзадачи: кроме обозначения отделения души от тела, необходимо постепенное уменьшение взаимосвязей души умершего с живыми. Это достигается по истечении определенного времени и благодаря правильному отправлению ритуалов. Завершение данного процесса отмечает окончательное освобождение души (и переселение ее в мир предков) и реинтеграцию общины живых.

Взгляды Р. Гертца и А. ван Геннепа позволили в общих чертах определить ту ритуальную структуру, стоящую за спиной погребальных реалий, которые находят в процессе раскопок археологи. Их работы, в целом, выдержали проверку временем и оказали огромное воздействие на развитие археологической науки.

Правда, это произошло значительно позже. А в те годы (первые десятилетия XX в.), да и какое-то время спустя, в гуманитарных науках Запада господствовали теоретические концепции так называемой "культурно-исторической" школы. Особенно сильны были ее позиции в США, где во главе ее стояли такие крупные фигуры, как этнограф Франц Боас и археолог Альфред Крёбер (Аверкиева, 1979. С. 68–197). Последний с завидным упорством доказывал, что погребальный обряд менее, чем другие черты культуры, полезен при реконструкции истории культуры, поскольку он весьма нестабилен и изменчив. И эта нестабильность связана с непостоянством человеческого поведения, очень похожего на капризы моды.

В начале 60-х годов прошлого века взгляды А. Крёбера и всей школы в целом подверглись разгромной критике со стороны Л. Бинфорда – "отца-основателя" "новой", или "процессуальной" археологии. Он отверг тезис о нестабильности погребального обряда и на основе ряда впечатляющих примеров (как этнографических, так и археологических) продемонстрировал его завидную устойчивость и консервативность.

Как ответная реакция на взгляды культурно-исторической школы с ее концепцией однолинейной эволюции, внутри этнографии Запада возникло течение "*диффузионизма*", объясняющего с помощью диффузии все изменения материальной культуры во времени и пространстве (теория "культурных кругов" Ф. Гребнера, В. Шмидта и др.) (Першиц и др., 1968. С. 21). Что касается погребального обряда, то сходство и различие между культурами в таких чертах, как трупоположение (ингумация) и трупосожжение (кремация), индивидуальные или коллективные захоронения, формы и размеры могил, интерпретировались сторонниками этого направления только через диффузию и миграции.

Последователем его был и выдающийся английский археолог Вир Гордон Чайлд[1]. Он, как и многие его коллеги, считал, что погребальный обряд следует целиком отнести к сфере религии (идеологии) (Childe, 1951. P. 170, 171).

"НОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ" И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

В середине 60-х годов XX в. в западной археологии сформировалось теоретическое направление, получившее название "новой археологии". Оно заявило впервые о себе в 1962 г., когда в журнале "American Antiquity" вышла программная статья Льюиса Бинфорда "Археология как антропология" (Binford, 1962). Однако подлинным манифестом нового теоретического течения стал вышедший в 1968 г. сборник "Новые перспективы в археологии" под редакцией самого Л. Бинфорда и его жены (New perspectives in archaeology, 1968).

[1] Хотя чаще его в литературе называют лидером нео-эволюционистского течения в археологии Запада.

Суть теоретических взглядов "новых археологов" сводилась к нескольким принципиальным положениям. Одним из исходных было то, что главной задачей своей науки представители данного направления считали не исторические реконструкции, а изучение закономерностей человеческого поведения и культурного развития в прошлом. Соответственно археология провозглашалась дисциплиной, принадлежащей не к истории, а к культурной антропологии (т.е. этнографии).

Ставя перед археологией задачу изучения закономерностей развития культуры, "новые археологи" понимали культуру как развивающуюся динамичную систему адаптации человека к природной среде и включающую в себя такие компоненты, как технологический, социологический и идеологический, следы которых могут быть прослежены на археологическом материале. При этом, следует отметить, что изучение культуры и культурных процессов часто становилось у них самоцелью, заслоняя собой изучение общества, продуктом которого культура и является. В американской историографии описательные дисциплины (куда "новые археологи"-"процессуалисты" относят и историю) традиционно не имеют статуса подлинной науки. Именно с этим и был связан призыв "процессуалистов" превратить археологию в науку, снабдив ее прогрессивными методами компьютерного века. Важнейший из них – "гипотетико-дедуктивный" метод, когда исследование начинается с выдвижения гипотезы, которая затем подвергается проверке фактами или с помощью эксперимента. Традиционный для археологии индуктивный метод (от фактов к выводам) "новыми археологами" оценивался крайне негативно.

Большое место в "процессуальной" археологии занимает системный подход, позволяющий, по мнению ее сторонников, комплексно решать вопросы взаимодействия компонентов культуры как системы, строить "модели" и использовать ЭВМ для решения важных археологических проблем. Широкое применение в "новой археологии" нашли этнографические аналогии и математические методы исследования. В дальнейшем, до начала 1980-х гг., "новая археология" создала или заметно развила и усилила такие направления в нашей науке, как этноархеология, экологическая археология, палеодемография и "поведенческая" (behavior) археология. Особо надо отметить ее тесную связь с естественными науками – биологией, географией, математикой и др.

С точки зрения многих российских археологов, "процессуальная археология" содержит в своем методическом багаже ряд позитивных моментов, заслуживающих внимания: строгие аналитические процедуры в работе с археологическим материалом, формализация и математизация, широкое применение методов естественных наук, более строгое и продуманное использование этнографических аналогий для объяснения археологических реалий. Близка к нам и оптимистическая позиция "новой археологии" относительно познавательных возможностей нашей науки – способность по археологическим материалам реконструировать не только экономику и технологию, но и социально-политические и идеологические стороны общественной жизни. Много общего у нас и в стремлении проследить *процесс* развития культур прошлого, выявить его закономерности.

Однако нам чужды позитивистская философская основа "процессуализма", крайности его системного подхода, на практике переходящие в плюрализм, его объяснение причин развития культуры "внешним толчком", или импульсом, склонность к экономическому, экологическому, демографическому детерминизму, противопоставление дедукции и индукции.

Впрочем, вернемся к проблемам интерпретации погребального обряда.

Л. Бинфорд в своей главной работе на эту тему "Погребальные практики: их изучение и потенциал" на основе этнографических параллелей дал свою интерпретацию погребального обряда – точнее, его социальной составляющей (Binford, 1971). Автор доказывает, что формы, представленные в погребальной практике символами, не должны смешиваться с тем, что в действительности они символизируют. Так, различные способы захоронения умерших – ингумация, кремация и пр. – могут в разных обществах иметь разное значение. Если же просто сопоставить эти символы и вывести в итоге некие формальные взаимосвязи между двумя (и более) обществами, как это часто делалось представителями "культурно-исторической" школы, то это – чистая фикция.

Но какие же именно аспекты социальной организации общества могут быть символически отражены в погребальном обряде? Согласно Л. Бинфорду, это, во-первых, *социальная личность* умершего; во-вторых, состав и величина социальной группы, выражающей в ходе похорон свое отношение к умершему.

Главные показатели "социальной личности", которые проявляются в погребальной практике, это возраст, пол, социальное положение, социальные связи, условия и место смерти. Основной вывод автора таков: форма и структура, характеризующие погребальную практику любого общества, есть отражение формы и организационных особенностей самого этого общества. Исследование Л. Бинфорда было основано на материалах 40 этнографически описанных традиционных обществ Старого и Нового Света. Ученый понимал при этом, что реально ему не удастся достигнуть той степени точности, какая требовалась при анализе этнографических данных для выявления

разнообразия статусов индивидов или социально-культурной структуры. Однако он считал, что способы жизнеобеспечения (subsistence) четко коррелируются с социальной сложностью общества: охотники-собиратели, перемещающиеся с места на место земледельцы, оседлые земледельцы и пастухи-скотоводы были четырьмя социальными группами, выделенными им на основе способа жизнеобеспечения. В ходе своего исследования Л. Бинфорд обнаружил, что общества, относящиеся к оседлым земледельцам, чаще используют эти параметры (пол, возраст, социальное положение, условия и место смерти, социальные связи – членство в клане, роду, общине, племени и т.д.) для символизирования "социальной персоны" умершего в своих погребальных ритуалах, нежели другие три группы.

Наконец, ученый проанализировал взаимосвязи этих параметров "социальной персоны" с особыми формами погребальной церемонии. Он изучил способы подготовки тела и его размещения, формы могил, их ориентировку и местонахождение, количество и характер погребального инвентаря, которые были известны для отобранных им этнографических обществ. На его взгляд, использование некоторых из этих особых погребальных ритуалов варьирует в соответствии с параметрами "социальной персоны": а) пол (мужской или женский) выделяется только ориентировкой и типом погребального инвентаря; б) возраст определяется на основе размещения трупа (могила, помост, река, лес и т.д.),типа могилы и ее местонахождения.

"Социальный подход" к погребальному обряду в духе идей Л. Бинфорда нашел довольно много сторонников, как в США, так и в Западной Европе. Напомню, что речь идет о конце 60-х–70-х годов XX в. Одним из главных его последователей был археолог и этнограф Артур Саксе. Его докторская диссертация "Социальные параметры погребальной практики" (Saxe, 1970) вышла даже чуть раньше основополагающей работы самого Л. Бинфорда на ту же тему (Binford, 1971). А. Саксе взял этнографические описания трех традиционных обществ (ашанти в Западной Африке, папуасы-капауку в Новой Гвинее и бонток игорот на Филиппинах) и на основе этих материалов выдвинул *восемь* (!!!) гипотез по социальному осмыслению погребального обряда. Я не буду излагать их здесь все – они довольно тривиальны и во многом повторяют выводы Л. Бинфорда. Наибольший (а возможно, и единственный) интерес для археологов представляет у А. Саксе его *гипотеза № 8*. Ее краткое содержание таково: "Формальные места (или участки), предназначенные только для захоронения умерших (кладбища, могильники), организуются или устраиваются корпоративными социальными группами, чтобы через наследство от предков, похороненных там, узаконить свои права на важнейшие, но ограниченные ресурсы (в том числе на землю)".

Нет никаких сомнений, что А. Саксе очень образованный человек, прочитавший по своей теме массу соответствующей литературы. Однако есть большие сомнения в возможности найти надежные и объективные доказательства для выдвинутых им гипотез. Ведь все они основаны на старых этнографических отчетах. А проверить их достоверность практически нельзя. Как уже отмечалось выше, самой интересной для археологов является у А. Саксе его *гипотеза № 8*, созданная на основе наблюдений этнографа Меггита в Папуа Новой Гвинее. Суть ее состоит в утверждении права на землю живых членов общины с помощью ссылок на наследие от предков. Именно для этой цели и устраивались формальные могильники и кладбища.

Эту гипотезу (№ 8) повторно рассмотрела позднее Линн Гольдстейн, использовавшая при этом уже материалы по 30 этнографическим группам. Она установила, что организация постоянного, специализированного и ограниченного участка для захоронения была тем средством, с помощью которого корпоративная группа, пытаясь узаконить свои права на ограниченные ресурсы, могла облечь данную взаимосвязь в ритуальные "одежды". Другими словами, отсутствие формального места для захоронений не всегда информирует нас о социальной структуре общества, тогда как его наличие реально говорит о существовании корпоративной группы и почитании предков (Goldstein, 1976).

Таким образом, из всех гипотез А. Саксе только гипотеза № 8 продолжает активно обсуждаться в среде археологов Западной Европы и США. Правда, ее подверг резкой критике главный лидер "пост-процессуализма" Йан Ходдер (Англия). И тем не менее эта гипотеза может, вероятно, помочь нам в понимании вопроса, почему устраивались кладбища и могильники. Но она бессильна объяснить, почему именно формальные участки для захоронения умерших, а не другие формы легитимизации использовались группами для утверждения своего права на землю и другие местные ресурсы. Кроме того, взаимосвязи живых соплеменников с предками гораздо шире и глубже, нежели простое установление через них функциональных связей с землей, как это считали А. Саксе и Л. Гольдстейн. И для этого есть множество примеров из обществ разных эпох и разных культур Старого и Нового Света. Достаточно сослаться на богатейшую традицию культа предков у древних майя (Гуляев, 1981) или перуанских инков (Tombs for living, 1995).

В 1978 г. появилась работа еще одного сторонника идей Л. Бинфорда – Джозефа Тэйнтера. Называлась она "Погребальный обряд и изучение

первобытных социальных систем" (Tainter, 1978). И опять основывалось данное исследование только на этнографических материалах: на этот раз было рассмотрено 103 традиционных общества. На основе своего анализа Дж. Тэйнтер пришел к выводу, что определенные похоронные обряды были тесно связаны с определенным социальным рангом, а именно: сложность обращения с трупом, сооружение и месторасположение могилы или гробницы, ее размеры, а также масштаб и продолжительность погребального ритуала, материальные затраты на этот ритуал и наличие (или отсутствие) жертвоприношений (включая человеческие). Ученый предложил абстрактное понятие "затрата энергии", или "затрата труда", и установил, что социальный ранг умершего индивида коррелируется со степенью затрат энергии на его погребальный обряд в 90% всех рассмотренных случаев. Напротив, считает этот автор, если судить по погребальному инвентарю, то социальный ранг по вещам отмечен всего в 5% случаев.

Итак, Дж. Тэйнтер считает, что объем затрат труда коллектива в похоронном ритуале будет во многом зависеть от социального статуса умершего индивида. Эти затраты должны отражаться в таких чертах погребения, как его размеры и тщательность оформления, методы обращения с трупом и способ его захоронения, а также характер погребального инвентаря. Основной вывод этого ученого гласит: "Этнографическая литература ясно показывает, что затраты энергии на погребальный ритуал прямо соответствуют рангу умершего, ранговой градации общества".

Но, по признанию самого автора идеи, измерить затраты энергии можно пока только относительно, в рамках "больше" или "меньше". Как считает сам Дж. Тэйнтер, для изучения социальных аспектов погребального обряда важны два момента: а) пространственное размещение погребений (наличие кладбищ, могильников), которое содержит информацию о наличии корпоративных групп[2]; б) затраты энергии на похороны как отражение социальных градаций.

Апофеозом в изложении идей "новой археологии" по погребальному обряду явился выход в Кембридже в 1981 г. сборника статей под леденящим душу названием "Археология смерти". Вступительную статью – "Подходы к археологии смерти" – написали составители и ответственные редакторы этого тома Роберт Чэпмен и Клавс Рандсборг. Среди его авторов многие известные специалисты по изучению погребального обряда: Джеймс Браун, Джейн Буикстра, Джон О'Ши, Линн Голдстейн, Йан Киннес и др. Все они не только сторонники общих концепций "новой археологии", но и активные сторонники "социального подхода" к погребальному обряду. Материалы для выводов взяты авторами из археологических памятников неолита и бронзы Западной Европы и материалов индейских обществ Америки.

Основное внимание в этих работах уделено определению степени стратификации (или "ранжирования") в обществах древней и средневековой эпох на основе изучения могильников. Обычно при этом приводятся три главных аргумента.

Первый – принцип (объем) затраты усилий (энергии) общества на осуществление похорон. Эта затрата будет отражаться в сложности процедур по обращению с трупом, в местоположении, размерах и конструкции погребальных сооружений, в масштабах и продолжительности ритуалов, связанных с погребальным циклом.

Второй аргумент – пространственное размещение погребений (формальные, четко установленные кладбища и могильники), которое прямо связано с создавшими их корпоративными группами (семья, род, племя, община).

Третий аргумент – количество и качество погребального инвентаря (особенно наличие предметов, символизирующих высокий статус их владельца).

Методы, используемые данными исследователями при анализе погребений, варьируют от сравнительно простых корреляций взаимосвязи между возрастом, полом и погребальным инвентарем до изучения взаимного расположения могил внутри могильника с целью выделения каких-то социальных групп и делений и компьютерных программ для кластерного анализа. Широко применяются ими и антропологические методы: палеодемография, палеопатология и определение пищевого рациона древнего населения.

В середине 1980-х годов в университетском Кембридже (Англия) вокруг заметной фигуры археолога Йана Ходдера объединилась группа специалистов самых разных профессий, которые главной своей целью ставили критику основных постулатов "новой археологии". Так появился на свет еще один феномен археологической мысли – "пост-процессуализм". Всех этих ученых объединяло стремление воссоздать по данным археологии и смежных с ней дисциплин не только экономическую и социальную историю древних обществ, но и их духовную культуру – идеологию (прежде всего, религию). В рамках "пост-процессуализма" вышла в свет монография Й. Ходдера "Археология символов", или "Символическая археология" (Hodder, 1984), ставшая подлинным

[2] Например, на Гаваях могильник в Калоко состоит из четырех групп погребений (каждая обнесена своей отдельной оградой) и селение Калоко (точнее община) также делится на четыре части (больших семей или линиджей). И именно эти подразделения внутри общины владеют земельными участками вокруг поселка, ссылаясь на право наследия на землю от своих предков.

знаменем нового направления в теоретической археологии.

Однако наиболее развернутую и глубокую критику основных идей "новых археологов" по погребальному обряду осуществил недавно Майк Паркер Пирсон в своей фундаментальной монографии "Археология смерти и погребений" (Pearson, 2000). Сам автор так определяет суть своей книги: "Моя работа не столько о мертвых, сколько о живых людях, которые их хоронили". По этой причине, погребальные обряды, как он считает, создают искаженный, идеализированный и ритуализированный портрет умершего, поскольку такие обряды осуществляются не самими покойниками, а другими людьми – их живыми сородичами. М.П. Пирсон критически разбирает концепции всех крупнейших "процессуалистов" – Л. Бинфорда, А. Саксе, Дж. Тэйнтера, Л. Гольдстейн, Дж. О'Ши и др. По его мнению, погребальное разнообразие не всегда отражает нюансы социальной организации. В противовес этому, он рассматривает различные похоронные ритуалы как символическое насыщенное поле (или арену), где участники процесса похорон обсуждают вопросы о власти, имуществе (собственности) и идеологии внутри общества живых. Он убедительно показывает ("в пику" сторонникам "социального подхода"), как каноны религии, эсхатология и космология могут оформить и предопределить похоронные ритуалы человеческих коллективов прошлого, минуя материальные и социальные факторы.

Автор книги абсолютно не согласен с главным постулатом "новой археологии", рассматривавшей погребальный обряд как основной источник сведений о ранге и статусе покойного. Современные археологи "пост-процессуальной" школы вообще выражают большое сомнение в четкости образа "социальной персоны", отражаемого в самом факте похорон. Этнография дает немало случаев, когда умерший, кто бы он не был при жизни, может быть абсолютно не представлен (или представлен очень плохо) после смерти как социальная личность. Простейший пример: родные и близкие могут просто словесно выразить свое горе над телом покойного, похоронить его, поплакать над могилой и тихо разойтись по домам.

Итак, в течение 1980 и 1990-х годов, постепенно нарастая, поднялась волна жесткой критики против основных взглядов представителей "новой археологии" по поводу изучения погребального обряда. Гипотеза Л. Бинфорда о "социальной персоне" была всесторонне рассмотрена и отвергнута (Pearson, 2000). То же самое произошло и с "теорией ролей", которые, якобы, были заранее предписаны всем участникам похоронного процесса и которые, как считалось, целиком отражали их социальный статус.

"Пост-процессуалы", напротив, уверены в том, что участники погребальных церемоний – умные и импровизирующие актеры, а не механические куклы, автоматически исполняющие предписанные им роли.

Другая слабая сторона "процессуального" подхода к погребениям состояла в том, что археологи этого направления некритически использовали этнографические данные, часто вообще полученные из вторых рук или основанные на очень ненадежных наблюдениях и плохо документированные. А это, в конечном счете, вело и к ошибочным выводам.

Погребальный обряд считался "процессуалистами" лишь пассивным отражением социальной структуры общества, тогда как он должен трактоваться как активное поле деятельности всех участников похорон. Ведь во многих случаях похороны – это не просто переутверждение социальной структуры и социальных ролей, а ключевой момент в общественной жизни – борьба за власть и влияние, за передел имущества и собственности, за решение хозяйственно-экономических и социальных вопросов. Как отмечал М.П. Пирсон, "мертвые не хоронят сами себя, и если могилы являются в какой-то мере указанием на социальный статус, то здесь налицо и социальный статус организаторов похорон и социальный статус умершего".

Критике подверглась и гипотеза Дж. Тэйнтера о "затратах энергии". Ведь эта модель де-факто предполагает полное совпадение затрат на похоронный ритуал в целом и того, что получается из археологически наблюдаемых остатков погребального обряда. Нет в данной гипотезе и четких критериев измерения этих затрат (труда, энергии).

"Новые археологи" всегда делали упор на изучение формы, а не содержания рассматриваемого явления. Назначение и символизм предметов погребального инвентаря и самих погребальных обрядов практически игнорировались. Например, "процессуалисты" никогда не задавались вопросом – *почему* погребение обычно связано с *особым набором вещей*? Все внимание этих ученых уходило на выяснение взаимосвязи между данными предметами и поиски признаков их "престижности" и "богатства" (для решения вопроса о социальной стратификации, ранжирования и т.д.).

Между тем, как считают "пост-процессуалисты", предметы погребального инвентаря должны рассматриваются не просто как внешние атрибуты при теле покойника, отражающие (но далеко не всегда) его социальный статус, а как вещи, демонстрирующие сложные взаимосвязи между живыми и мертвым индивидом, как своего рода "обмен дарами" с мертвецом. Ведь нередки случаи, когда в могилу кладутся предметы казалось бы утилитарного назначения и вроде бы относящиеся к личным вещам покойника, а на самом де-

ле их изготовили только для похорон, и никогда в обыденной жизни они не использовались. Так, в кургане бронзового века из Восточной Англии погребенный там взрослый мужчина имел при себе кремневый кинжал и набор орудий из того же материала, а трассологический анализ показал, что они никогда не использовались по назначению и были изготовлены и положены с покойником специально для похорон (Pearson, 2000). Есть довольно много этнографических примеров по поводу погребальных одежд. Если считать, что они соответствовали тому, что носили люди той эпохи при жизни, то это – явное искажение реальной картины. Археолог отнюдь не всегда должен интерпретировать облачение (костюм) мертвеца как воплощение личного имущества умершего, как одежду, типичную для живых людей той эпохи.

В заключение, мне представляется весьма полезным, привести несколько примеров современных исследований археологов-"пост-процессуалистов" в области погребального обряда. В авангарде этого направления идут, безусловно, ученые Англии и скандинавских стран.

Начну, причем совершенно произвольно, с работы Андерса Калифа (Швеция), вышедшей в 1996 г. и озаглавленной "Могильные структуры и алтари: археологические следы эсхатологических концепций бронзового века" (Kaliff, 1996). Автор делает свои выводы по материалам раскопок на острове Рангеби в Швеции. И суть его публикации такова. Погребальная практика может интерпретироваться как система ритуалов, основанных на понимании (восприятии) людьми прошлых эпох проблем жизни и смерти. Есть все основания предполагать, считает А. Калифф, что те виды древних памятников, которые мы называем могильниками, выполняли помимо служения в качестве мест захоронений умерших, также и иную функцию – они служили ритуальными центрами. На могильниках конца бронзового века в Южной Скандинавии встречается несколько типов построек и сооружений, которые позволяют дать более широкую интерпретацию назначения данных памятников. На острове Рангеби на могильнике были обнаружены "дом мертвых" (ритуальная постройка, святилище), каменные алтари и кучи обожженных камней или вымосток. Автор призывает коллег понять, что *могила* – более сложное понятие, чем обычно считают. «Форма могил, – пишет он, – подобно другим религиозным и священным местам, создается на основе определенных символических соображений, с помощью которых люди хотят продемонстрировать нечто важное. Это может быть символическая картина жизни, смерти и возрождения, или символическая космология. Могила имеет и другую функцию – как место связи (место сообщения) между живыми и мертвыми или между людьми и божествами. С могилой связаны также и представления как о месте для инициаций и возрождения. Форма могилы может отражать социальный статус умершего, а также его собственные пожелания (еще при жизни) относительно внешнего вида и устройства его "последнего приюта". Могильные материалы особенно ценны для изучения религии и духовной культуры (интерпретация эсхатологических идей)» (Kaliff, 1996. P. 177).

Как отмечает этот скандинавский исследователь, особый интерес к углублению знаний о функциях древних могил связан сейчас с появлением "пост-процессуальной" археологии, с ее новым взглядом на назначение символов и ритуалов. Вместо прежних упоминаний символических проявлений просто как пассивных величин, они рассматриваются теперь как факторы, активно участвующие в развитии общества. Заметно пересмотрена в настоящее время и общая роль религии в жизни человеческих коллективов древности и средневековья. «Задача современных археологов, – считает автор, – состоит в том, чтобы найти способ приблизиться к пониманию мыслей и чувств древних людей. "Пост-процессуализм" и сосредоточил свои усилия именно на таких вопросах, хотя, как это часто бывает, теоретические рассуждения не совсем совпадают с полевыми археологическими исследованиями» (Kaliff, 1996). Поэтому, видимо, нужно снова и снова обращаться к конкретному археологическому материалу – это наш главный "оселок" для проверки достоверности любых теоретических построений. Автор и дает нам, как раз, такую возможность. Скандинавские археологи давно обратили внимание на тот факт, что некоторые местные могильники эпохи древности являлись, кроме своей основной функции – как места успокоения усопших, еще и ритуальными центрами. Причем, могильники этого типа были обнаружены вблизи земледельческих поселений, и они (могильники) часто перекрывают культурные слои этих, более ранних по времени поселений. Это позволяет предполагать, что культ предков был важным элементом в древнескандинавской религии.

Остров Рангеби стал использоваться для захоронения умерших с 1000 г. до н.э. Здесь же, среди могил (и в прямой связи с ними), отправлялся культ предков и совершались жертвоприношения. Предки, чьи кости лежали в этой земле, должны были защищать живых и помогать им: способствовать развитию земледелия, охоты, рыболовства, а также узаконить право живых соплеменников на владение территорией острова.

Главным обрядом при захоронении была кремация тела умершего: сжигался труп и сопровождающий его инвентарь, а все что оставалось после сожжения помещалось в могиле. Разрушая тело (при кремации) и "запечатывая" оставшееся

от этого в могиле, люди стремились всячески способствовать быстрейшему отделению души от тела покойного. Огонь и дым, возможно, ассоциировались с улетанием души на небо.

Здание для отправления сложных обрядов, связанных с культом предков, как уже отмечалось выше, находилось прямо на самом могильнике. Там же обнаружены и многочисленные каменные платформы для совершения обряда кремации.

Далее, от бронзового века к неолиту в той же Швеции, Александр Грамш в статье "Смерть и непрерывность", 1995 г. возвращается к идеям "обрядов перехода" ван Геннепа и Гертца и пытается найти их подтверждение на материалах из длинных курганов эпохи неолита (Gramsch, 1995). Автор изучал длинные земляные курганы в Швеции (эпоха местного неолита) и, к своему удивлению, обнаружил под ними "кучи мусора" – остатки более ранних поселений. Начав более тщательно анализировать эту ситуацию, он обнаружил точно такие же случаи (длинные курганы, возведенные на культурных слоях покинутых поселений) в Дании, Польше и Северной Германии. Какова же причина столь странной взаимосвязи? Для объяснения данного феномена А. Грамш использует идеи об "обряде перехода" ван Геннепа и Гертца. Он считает, что суть всех этих действий связана с воссозданием единства и стабильности общины перед лицом смерти. Выделяются три этапа в усилиях коллектива: "отделение", "пороговое состояние" и "возрождение". Отделение состоит в строительстве деревянной ограды вокруг курганов или выкапывания рва-траншеи. Возрождение – это воздействие оплодотворяющих сил мертвых предков (культурный слой заброшенного селения) на землю и, тем самым, повышение ее плодородия.

Не отстают от скандинавов и англичане. Лукас Гэвин в статье "Смерть и дом: история тела в неолите и ранней бронзе Йоркшира", 1996 г., вновь ставит вопрос о реальной функции гробницы или могилы в древних обществах. В тот период в Англии жили пастухи-скотоводы и мотыжные земледельцы. Они обитали небольшими полукочевыми группами и хоронили своих умерших в коллективных гробницах (Gavin, 1996). Эти гробницы впущены в землю и построены из дерева. Их размеры – от двух до двадцати метров длины. Но важна даже не сама гробница, ее размеры и обустройство. Важна судьба трупа внутри гробницы.

Гробницы имеют трехчленное деление: вход с западной стороны, сама погребальная камера и восточный терминал (как бы "выход") с восточной стороны. В большинстве склепов трупы расчленены. Однако процессы разложения или расчленения тела умершего и манипуляции с ним осуществлялись внутри самой гробницы. В некоторых случаях костей в склепе очень мало, а иногда встречаются и совсем пустые. Отмечены и скопления одних черепов в погребальной камере. Автор считает, что гробница функционировала не как место вечного успокоения усопших, а как "канал" ("переход"), через который трупы проходили от состояния целого тела с плотью до расчлененного скопления костей. И, видимо, в какой-то момент останки некоторых индивидов вообще удалялись из гробницы. Для объяснения данной конкретной ситуации опять вспоминаются "обряды перехода". По мысли автора, мы имеем дело с переходным обрядом, превращающим плоть трупа в голые кости, т.е. мертвого человека в скелет – в предка, уже далекого и аморфного от мира живых, но очень нужного им для помощи в жизнеобеспечении и узаконивании прав соплеменников на землю и местные ресурсы.

И заканчиваю я этот короткий обзор ссылкой на работу американских археологов Л. Гамбле, Ф. Уокера и Дж. Расселла "Интеграционный подход к погребальному анализу: социальные и символические параметры погребальных обрядов индейцев чумаш", 2001 г. (Gamble et al., 2001). Авторы применили на деле комплексный подход к изучению погребального обряда индейцев чумаш, живших в I–II тыс. н.э. на тихоокеанском побережье Калифорнии США. Были задействованы этнографические, исторические и археологические источники, связанные с могильником Малибу. В этом индейском обществе бусы из морских раковин считались эквивалентом денег и мерилом богатства в целом. Изучая количество бус в могилах, ученые смогли выделить социальные иерархические группы внутри общества чумаш. Причем, богатые могилы принадлежали как взрослым, так и детским погребения мужского и женского пола. Пространственно они концентрировались на определенных ограниченных участках в центре и на юге кладбища. Богатые могилы более глубокие и просторные, чем рядовые и содержат, помимо большого количества бус, украшения, культовые и бытовые предметы и, в особых случаях, самую большую ценность у чумаш – досчатые лодки.

Таким образом, несмотря на крах основных концепций "новой археологии", часть ее идей по погребальному обряду ("социальный подход") продолжают существовать и использоваться и в наши дни. "Пост-процессуализм" отверг многое из теоретического багажа своих предшественников и сделал акцент на идеологические, религиозные, символические аспекты похоронных ритуалов.

Что же полезного мы можем извлечь и, по возможности, использовать в своей практике по интерпретации погребального обряда из опыта наших зарубежных коллег? Прежде всего, как показывает и наш и зарубежный опыт, при изучении погребального обряда (а тем более при его интерпретации) необходим *комплексный подход*, т.е. привлечение максимально полного набора источ-

ников. Далее, требуется корректное и постоянное применение этнографических аналогий. Весьма перспективен "ландшафтный подход" – "макро" и "микро" анализ расселения древнего человека с выявлением всех синхронных и диахронных археологических памятников: поселений, могильников, культовых мест, дорог и т.д.

Требует внимания и проблема локализации могильников на местности и осмысление истинного назначения наземных погребальных сооружений (курганов, мегалитов, дольменов и т.д.) – их символизм и практический смысл.

Наконец, необходимо широкое внедрение методов антропологии в изучение погребального обряда (вопросы палеодемографии, палеопатологии, стрессов, пищевого рациона и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.

Гуляев В.И. Культ предков у древних майя // Ежегодник по религии и атеизму. М., 1981.

Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. М., 1968.

Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1981.

Binford L. Archaeology as anthropology // American Antiquity. 1962. V. 28. № 1.

Binford L. Mortuary practices. Their study and potential // Approaches to the social dimensions of mortuary practices. Salt Lake City, 1971.

Chapman R., Randsborg K. Approaches to the archaeology of death // The archaeology of death. Cambridge, 1981.

Childe V.G. Man makes himself. N.Y., 1951.

Frazer J.G. The Golden Bough. L., 1886.

Gamble L.H., Walker Ph.L., Russell G.S. An integrative approach to mortuary analysis: social and symbolic dimensions of Chumash burial practices // American Antiquity. 2001.V. 66. № 2.

Gavin M. Lucas. Of death and debt. A history of the body in neolitic and early bronze age Yorkshire // J. Europ. Archaeology. 1996. V. 4.

van Gennep A. The Rites of Passage. Chicago, 1960.

Gramsch A. Death and continuity // J. Europ. Archaeology. 1995. V. 3 № 1.

Goldstein L. Spatial structure and the social organization: regional manifestation of Mississippian society. Ph. D. dissertation. Seattle, 1976.

Hertz R. Death and the right hand. L., 1960.

Hodder I. The Symbolic Archaeology. Cambridge, 1984.

Kaliff A. Grave structures and altars: archaeological traces of Bronze Age eschatological conceptions // J. Europ. Archaeology. 1996. V. 1. № 2.

Metcalf P., Huntington R. Celebations of death. The Anthropology of mortuary ritual. Cambridge, 1979.

New perspectives in archaeology. N.Y., 1968.

Pearson M.P. The Archaeology of Death and Burial. Texas, 2000.

Saxe A. Social dimensions of mortuary practices. Ph. D. dissertation. Ann Arbour, 1970.

Taylor E. The Primitive culture. L., 1871.

Tainter J.A. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Advances in Archaeological Method and Theory. V. 1. N.Y., 1978.

Tombs for living: Andean mortuary practices. Dumbarton Oaks (Washington D.C.), 1995.

Investigations of burial rite in foreign archaeology

V. I. Gulyaev

Summary

Burial rite has interested American and West European archaeologists since the very beginnings of scientific archaeology, that is, from the 19th c. The first basic works concerning interpretation of burial rite were published by the ethnographers E. Taylor (1871) and J. Frazer (1886). The both scholars explained the whole variability of burial rites proceeding only from the primitive mythology. R. Hertz (1907) and A. van Gennep (1909) were the first to establish relationship between burial rites and different aspects of the social system the dead lived in. But the key point was that both Hertz and van Gennep considered the burial rite as one of "transitional rites" marking the changes that occurred in one's status during lifetime (birth, initiation, marriage, and, finally, death). Thus, burial rite represented a transition of a dead member of society from the world of the living to the world of the dead. In the 60-s and 70-s of the 20th c. in the West dominated the ideas of "processual" archaeology. This trend has been headed by L. Binford (USA). In his opinion, burial rite always reflects "a social personality" of the dead, structure and size of the social group he belonged to. During the burial ceremonies the group expresses its attitude toward the dead. L. Binford and his followers considered the type and structure of the mortuary practice of certain society to mirror the type and structure of this society. Thus, social aspect was the main position in investigation of burial rite. In the mid 1980-s so-called "post-processual" archaeology emerged (mainly in Britain and Scandinavia). It makes stress on the ideological (religious and symbolic) aspects in investigations of burial rite (J. Hodder and others).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 15–23

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СЕЗОНА СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА ПО СЛОЯМ В ЦЕМЕНТЕ ЗУБОВ (ЭПОХА БРОНЗЫ)

© 2006 г. Г. А. Клевезаль*, Н. И. Шишлина**, М. М. Пахомов***, А. А. Хохлов****

* *Институт биологии развития РАН, Москва*

** *Государственный Исторический музей, Москва*

*** *Вятский государственный университет*

**** *Самарский государственный педагогический университет*

При изучении сезонной хозяйственной активности древнего человека стало популярным оценивать сезон гибели животных, останки которых найдены при раскопках стационарных памятников, стоянок, погребений (Gordon, 1991; Seasonality and sedentism, 1998; Сезонно-экономический цикл..., 2000). Такую возможность дает наличие в зубах (в дентине и/или цементе) практически всех млекопитающих годовых слоев, формирование которых отражает чередование периодов роста организма: активный рост (весна–лето) и остановка или замедление роста (осень–зима) (Клевезаль, Клейненберг, 1967; Клевезаль, 1988).

В связи с этим нам представлялось особенно важным определить сезон смерти и самих людей, останки которых найдены при раскопках археологических памятников. В цементе зубов современного человека обнаружены слои, сходные с таковыми в зубах других млекопитающих, но отличающиеся невысокой четкостью, к тому же различной в разных зубах одной особи (обзор см.: Klevezal, 1996). Одни исследователи полностью отрицают возможность использования этих слоев для определения возраста современного человека, другие находят этот метод вполне пригодным. Но даже в работе, дающей самую оптимистическую оценку этому методу, среднее отклонение от реального возраста было ±3 года (Grosskopf, 1990). В этой ситуации нет уверенности, что последний по времени образования слой цемента был сформирован в последний год жизни человека. В какой мере такая невысокая точность определяется спецификой жизни именно современного человека, остается не ясным.

При попытках использовать число слоев для определения возраста современного человека выяснилось также, что корреляция числа слоев с реальным возрастом в старших возрастных группах существенно ниже, чем у людей молодого и среднего возраста (Lipsinic et al., 1986; Condon et al., 1986; Miller et al., 1988); наилучшее соответствие числа слоев цемента возрасту наблюдается у особей не старше 30 лет и соответствие практически отсутствует после 50 лет (Kvaal, Solheim, 1995). Возраст был определен с ошибкой менее чем 3 года у 64% особей до 35 лет и лишь у 31% – старше 35 лет (Grosskopf, 1990).

Для определения возможности оценки по слоям цемента сезона смерти людей из археологических раскопок следовало бы, конечно, проверить эту возможность на современном материале, когда сезон "смерти зуба" известен, например, на зубах современного человека с известным сезоном удаления зуба. Однако в силу высказанных выше сомнений, это вряд ли целесообразно. Следовательно, нужно было искать другие способы проверки.

Такую возможность предоставил археологический материал – погребения древнего человека, когда сезон захоронения мог быть определен другими методами: по анализу пыльцы из определенного археологического контекста или по сезону гибели найденных в захоронении животных. Первые опытные исследования показали, что оценить по цементу зубов сезон смерти людей, останки которых найдены в погребениях ямной и катакомбной культур эпохи бронзы, можно (Klevezal, Shishlina, 2001). Поэтому работы в этом направлении были продолжены и ниже представлены полученные результаты.

Материал и методика. В нашем распоряжении был материал от 28 человеческих скелетов из погребений эпохи бронзы Северо-Западного Прикаспия (рис. 1). Все они относятся к III тыс. до н.э. В большинстве случаев для исследования брали зубы в альвеолах, их сохранность была хорошей. Предпочтение отдавали таким образцам, где было не менее двух зубов в альвеолах и определенный антропологом возраст был не более 30–35 лет. В некоторых случаях для анализа можно было получить только один зуб. Для таких образцов мы считали оценку сезона смерти условной. Зубов с признаками кариеса не было.

Определения пола и возраста людей проводили на основе морфологических особенностей скелетов. Были использованы методики, разработанные в антропологии отечественными и зарубежными учеными. Эти данные представлены во

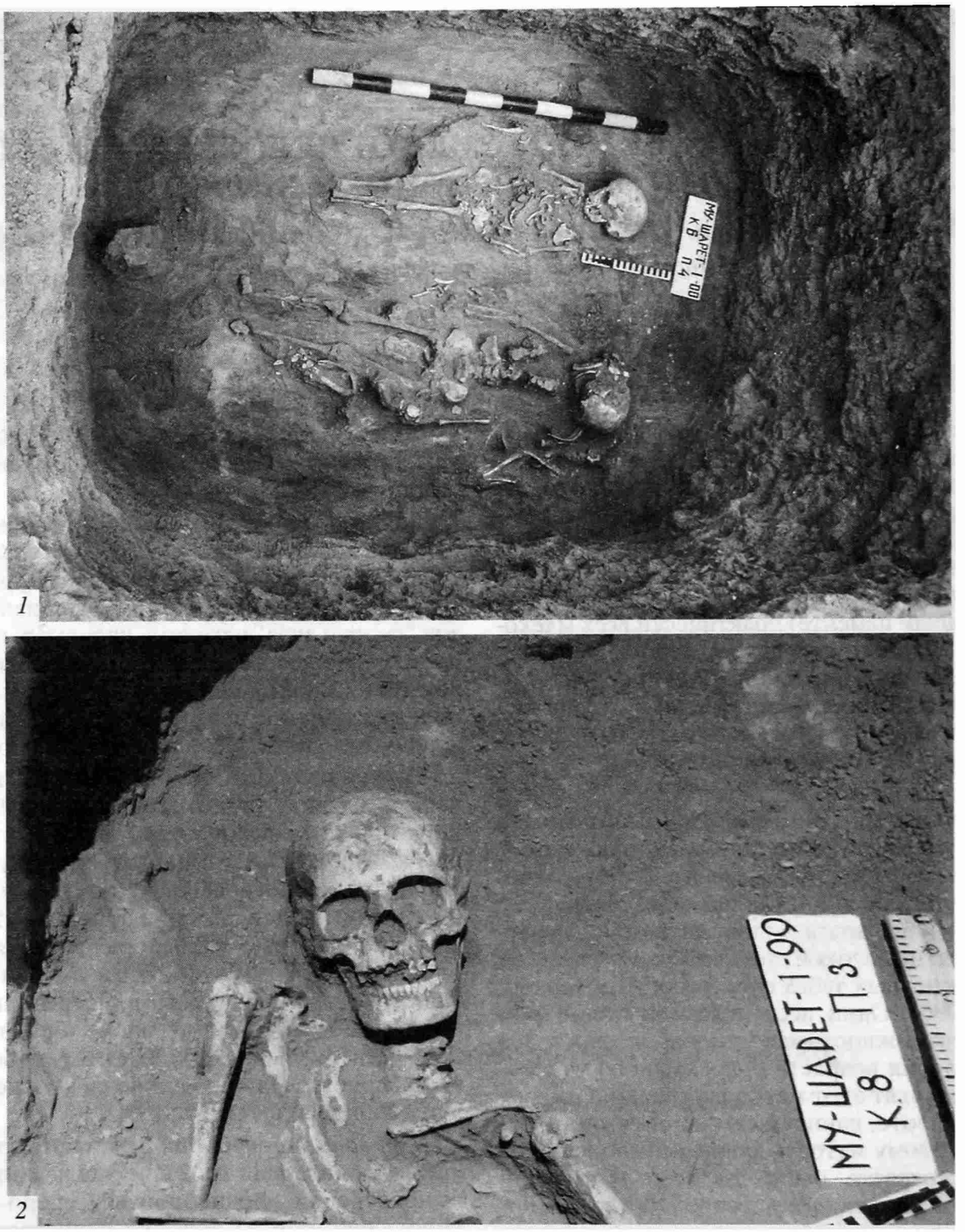


Рис. 1. Погребения эпохи бронзы Калмыкии. Могильник Му-Шарет 1. *1* – Курган 6, погребение 4, северокавказская культура; *2* – курган 8, погребение 3, деталь, ямно-катакомбная культура.

многих антропологических и судебно-медицинских учебных пособиях (Алексеев, Дебец, 1964; Пашкова, 1963; Алексеев, 1966; Пашкова, Резник, 1978; Walker, 1994).

Техника определения пола сравнительно стандартна, обычно приводятся иллюстрации и схемы морфологической дифференциации мужского и женского пола, внешние характеристики. Это касается как отдельных частей скелета, включая развитие челюстно-зубного аппарата, так и всего скелета в целом.

Диагностика возраста зачастую более сложна, особенно по отношению к физиологически зрелым людям. Это обусловлено и генетическими особенностями субъекта и, чаще всего, разными влияниями внешних факторов на биологическую изнашиваемость организма. Одним из существенных факторов такого рода может служить система питания человека. Именно вследствие этого оценки "зубного возраста", проведенные на основе степени стирания жевательной поверхности взрослого индивида по разработкам разных авто-

ров (Герасимов, 1955; Brothwell, 1963), не всегда совпадают.

В целом при оценке возраста учитываются следующие морфологические критерии: возрастные изменения в зубной системе и степень облитерации швов черепа, синостозирование костных элементов в посткраниальном скелете, плотность или разреженность костной ткани.

В краниологии широко применяется метод оценки возраста, основанный на следующих категориях: Infantilis I (до появления первых постоянных зубов), Infantilis II (до появления вторых постоянных моляров), Juvenis (до закрытия основно-затылочного синостоза), Adultus (приблизительно до 30–35 лет), Maturus (приблизительно до 50–55), Senilis (старческий возраст).

Нередко специалисты, комбинируя различные методы, а также на основе личного опыта дают более узкие возрастные интервалы – в 10 или даже 5 лет. Более точное определение возраста на основе морфологических особенностей скелета невозможно, так как индивидуальные проявления этих особенностей довольно сильны и не отражают календарный возраст.

Мы анализировали зубы людей только из таких погребений, из которых были взяты пробы грунта под головой умершего, из района "желудка", из сосуда в могиле, со дна могилы и идентифицирован сезон по пыльце, или сезон совершения погребения был определен другими методами.

При сравнении разных методов выявления слоев цемента зубов у современного человека было показано, что слои видны более четко на декальцинированных срезах, окрашенных гистологическими красителями, чем на шлифах (Kvaal et al., 1996). Судя по состоянию некоторых зубов из нашего материала, их можно было бы декальцинировать и делать окрашенные срезы. Мы, однако, не рискнули применить эту методику, опасаясь повредить краевой цемент при декальцинации, и использовали метод, дающий положительные результаты при исследовании зубов животных из археологических раскопок (Beasley et al., 1992): зубы заключали в синтетическую смолу и резали циркулярной пилой низкой скорости (Isomet, Buehler). Использовали и поперечные, и продольные срезы разных зубов (корней и межкорневой подушки) в разных плоскостях, исследуя сначала аншлифы в отраженном свете, затем тонкие шлифы в проходящем и отраженном свете. Исследовали и клеточный, и бесклеточный цемент. Заключение о сезоне смерти делали по совпадающим оценкам сезона на разных участках одного зуба и разных зубов.

Кроме определения сезона смерти определялся возраст особи в момент смерти по числу слоев цемента (считая их годовыми) и сравнивали полученную оценку с таковой, данной антропологом. Для перехода от числа слоев цемента к возрасту особи мы использовали поправку на возраст появления как зуба, так и того участка корня, на котором проводили подсчет слоев, пользуясь данными антропологических таблиц (Hillson, 1996).

Оценивая сезон смерти человека, исходили из тех же положений, которые используются при определении сезона гибели других млекопитающих (Клевезаль, 1988; Klevezal, 1996): 1) линия прироста цемента (прозрачная, светлая в проходящем и темная в отраженном свете) образуется с конца осени до начала весны, а широкая, менее прозрачная полоса цемента – с весны до осени; 2) менее прозрачная, светлая в отраженном свете, полоса может оканчиваться еще менее прозрачным и потому ярко-светлым в отраженном свете цементом; 3) в начале своего формирования очередной элемент ростового слоя виден не на всех участках зуба; 4) при определении сезона гибели необходимо принимать во внимание возраст особи: наличие полностью сформированной широкой ("летней") полосы по наружному краю цемента молодой особи свидетельствует о смерти в конце лета–осенью, а у старшей – в середине лета–осенью.

Для того чтобы оценить четкость слоев и воспроизводимость результата их подсчета при работе с годовыми слоями зубов животных, была использована ранее предложенная балльная система от одного – аргументированную оценку числа слоев дать невозможно, до пяти – слои четкие, их подсчет затруднений не вызывает (Клевезаль и др., 1981; Клевезаль, 1988). Если качество слоев оценивали как 1 или 2, то считали, что сезон смерти определить невозможно, и этот экземпляр из анализа исключали.

Сопоставление полученных результатов с данными споро-пыльцевого метода имело, как отмечалось, огромное значение. В результате многолетних исследований материалов из погребений и курганов мы пришли к выводу, что интерпретация палинологических данных из таких комплексов имеет свою специфику (Шишлина, Пахомов, 2002). Пробы, взятые из-под черепа скелета, лежащего в погребении, интерпретируемые археологами как остатки растительной подушки, не отражают естественного растительного фона окружающего пространства. Они содержат так называемый дезекватный споро-пыльцевой спектр и указывают лишь на состав растений, положенных у головы умершего.

Знание фенологии степных растений, определение возможно полного флористического состава пыльцы в пробе, учет сезонности произрастания и цветения растений позволяют определенно установить сезон года, когда было совершено захоронение. Эфемеры и геофиты (эфемероиды) чаще встречаются при весенне-раннелетних захо-

ронениях, флористическое многообразие спектра чаще указывает на летний сезон погребения, позднецветущие степные маревые и полыни обозначают позднее лето–осень. Нередко определялась пыльца растений, цветение которых имеет и более ограниченный интервал, например, рогоза (цветет в мае–июне), многих лилейных, цветение которых приурочено к апрелю–маю и т.д.

Отсутствие пыльцы интерпретируется как указание на совершение погребения поздней осенью, зимой или очень ранней весной. При этом необходимо помнить, что отсутствие пыльцы в пробе из-под черепа не всегда может указывать на холодное время года. Ведь под голову человека могли положить не растения, а шкуру животного или другие нерастительные материалы. Отметим также, что у умершего человека в его "желудке" могла остаться какая-то еда, в том числе и растительная. Поскольку существовали сезонные вариации в системе питания древнего человека, то состав пыльцы в сосудах, которые ставили в могилы, и в "желудках" человека также используются нами как "сезонный индикатор". Наконец, пробы, взятые со дна могилы, могут содержать "пыльцевой дождь", синхронный времени сооружения могилы, если погребальная конструкция хотя бы какое-то время оставалась экспонированной. Открытые просторы степи с ее ветрами способствуют переносу пыльцы растений на большое расстояние. Это относится, прежде всего, к изредка встречающимся в степных спектрах некоторым древесным растениям (береза, сосна, орешник и т.д.), пыльца которых может приноситься ветром с ближайших гор или из речных долин, где сохранялись древесные формации. Цветение этих растений также приурочено к определенному (чаще – весеннему) периоду года и может быть использовано для определения сезона захоронения. Отсутствие пыльцы в нескольких пробах из одного и того же захоронения, скорее всего, действительно указывает на холодный сезон года, когда растения уходят в зимний анабиоз.

Другие методы определения сезона погребений – это анализ годовых слоев дентина и цемента в зубах животных, которых принесли в жертву при совершении погребения, и идентификация скорлупы яиц диких птиц, найденных в погребении. Полученные нами результаты также были проверены споро-пыльцевым анализом (Кириллова и др., 2000).

Результаты. Были исследованы зубы от всех 28 скелетов. У четырех были только молочные зубы, которые рассматривали отдельно.

Один экземпляр с молочными зубами принадлежал ребенку, возраст которого был определен антропологом в 1.5–2 года, в клыке и втором коренном цемент был гомогенным, в нем не было слоев. У трех детей, с оцененным возрастом 3–5, 5–6 и 4–6 лет, в молочных коренных в межкорневой подушке слои были практически не видны, лучше они прослеживались на внутренних стенках корней. Возраст по слоям цемента был определен как 4, 6 и 4 года. В целом клеточный цемент был крупнозернистым, слои видны плохо. Из этих трех образцов лишь для одного совпали оценки сезона смерти особи по цементу и сезона захоронения, определенного споро-пыльцевым анализом. Молочные зубы были исследованы также в двух образцах, у которых были и постоянные зубы (таблица № 5, 8). Слои в молочных зубах были видны существенно хуже, чем в постоянном М1.

Слои в постоянных зубах в целом были средней четкости (рис. 2). В бесклеточном цементе слои были более равномерные, чем в клеточном, их удобно было использовать для определения возраста, но они, как правило, были очень узкие, что затрудняло определение степени сформированности последнего по времени образования слоя. Слои клеточного цемента обычно шире, и хотя они могут быть извилистыми, определить характер последнего слоя легче. Степень сформированности последнего слоя оценивали по отношению к предыдущему. Первый, прилежащий к дентину слой цемента, имел разную ширину в зависимости от того, в какой мере корень был сформирован ко времени осенне-зимнего замедления роста и мог быть узким (рис. 3). Один-два последующих слоя, как правило, были широкие, затем слои становились более узкими.

Из 24 исследованных экземпляров с постоянными зубами ни разу оценка качества не достигала 5 баллов, в 11 случаях оценка была – 4 и в восьми – 3. Для пяти образцов качество слоев было 1 и 2, и эти экземпляры были исключены из рассмотрения. Для четырех исследованных экземпляров не удалось получить результат пыльцевого анализа. Таким образом, для окончательного рассмотрения оказалось 15 экземпляров, имеющих постоянные зубы (таблица). Во всех случаях получено соответствие оценок возраста особи, определенного по числу слоев, и определенного независимо по скелету и состоянию зубной системы.

В 12 из 15 случаев оценка сезона смерти по слоям цемента соответствовала оценке сезона захоронения, полученной независимым методом (таблица). Все три образца, где определения сезона не совпали, имели оценку качества слоев 3. Один из них (№ 11) – это зубы вне альвеол с краевым цементом плохой сохранности. По краю была видна линия прироста, указывающая на смерть ранней весной. Однако уже в процессе обработки стало ясно, что это может быть артефактом, поскольку при плохой сохранности зуба краевой цемент может отслаиваться как раз по линиям прироста. Для одного экземпляра (№ 9) определе-

Результаты определения сезона гибели особи по цементу зубов и сезона захоронения другими методами

№	Могильник, курган, погребение	Зубы		Возраст (число лет)		Сезон гибели, определенный по цементу	Сезон захоронения, независимо определенный другими методами
		предоставленные	использованные	определенный антропологом	определенный по цементу		
1	Зунда Толга-1, к. 5, п. 1	Все зубы мандибулы	P1, 2, M1, 2, 3	Около 18, жен.	17–22	Весна (4)*	Весна – по цементу зубов мелкого копытного из могильной ямы; по скорлупе яиц фазановых (*Phasianidae*) у западной стенки входной ямы
2	Манджикины-1, к. 3, п. 1	Кусок мандибулы с P2 и M1 + кусок с M1	P2, M1, M1	Около 15, жен.	16	1-я половина лета (4)	Лето – по пыльце (подушка под черепом – маревые (*Chenopodiacea*), полыни (*Artemisia*), злаки (*Poaceae*), осоки (*Cyperaceae*), гвоздичные (*Caryophyllaceae*), розоцветные (*Rosaceae*), бобовые (*Fabaceae*))
3	Шупта 1, к. 1, п. 2	Обе половины мандибулы с зубами	I2, C, M1–3	20–30, муж.	21–23	Поздняя зима – ранняя весна (4)	Поздняя осень – зима – ранняя весна – отсутствие пыльцы в пробах грунта из погребения (под черепом, на дне могилы, под тазом)
4	Манджикины-1, к. 5, п. 1	M2, M3 в альвеолах	M2, M3	20–30, жен.	23–25	Лето (3)	Поздняя осень – зима – ранняя весна – отсутствие пыльцы в пробах грунта из погребения (под черепом, под тазом, на дне могилы)
5	Манджикины-1, к. 5, п. 2	Куски мандибулы с dm1, dm2, M1	dm1, dm2, M1	6–8, ребенок	7	Поздняя весна – начало лета (3)	Май–июнь – по пыльце (подушка под черепом: чаще всего – маревые (*Chenopodiacea*), полыни (*Artemisia*), эфедра (*Ephedra*), мареноцветные (*Rubiaceae*), житняк (*Agropirum*), гвоздичные, смолевковые (*Silenaceae*), лилейные (*Liliaceae*), единично – сосна (*Pinus*), гречишные (*Polypodiaceae*))
6	Му-Шарет-1, к. 8, п. 3	Половина мандибулы со всеми зубами	M1, M2	17–19, жен.	16	Весна – начало лета (4)	Ранее лето – по пыльце (подушка под черепом: густые скопления недоразвитой пыльцы трав, часто маревые (*Chenopodiacea*), полыни (*Artemisia*), астровые (*Asteraceae*))
7	Манджикины-2, к. 45, п. 2	Кусок мандибулы с P1, 2 и M1, 2	P1, 2 и M1, 2	Нет данных	19–20	Конец лета – осень (3)	Поздняя осень – зима – ранняя весна – отсутствие пыльцы в пробах грунта из погребения (грунты под черепом, в районе желудка, на дне могилы)
8	Манджикины-2, к. 54, п. 5	Кусок мандибулы с dm1, dm2, M1	dm1, dm2, M1	Нет данных	8	Лето (4)	Лето – по пыльце (подушка под черепом: маревые (*Chenopodiacea*), реже злаки (*Poaceae*), редко полынь (*Artemisia*), астровые (*Asteraceae*), цикориевые (*Cichoriaceae*), единично – ольха (*Alnus*) и сосна (*Pinus*))

Таблица. Окончание

№	Могильник, курган, погребение	Зубы		Возраст (число лет)		Сезон гибели, определенный по цементу	Сезон захоронения, независимо определенный другими методами
		предоставленные	использованные	определенный антропологом	определенный по цементу		
9	Манджикины-2, к. 37, п. 4	Мандибула с молочными зубами и M1	M1	Нет данных	6	Конец лета – начало осени (3) (условно, поскольку 1 зуб)	Поздняя осень – зима – ранняя весна – отсутствие пыльцы в пробах грунта из погребения (грунты под черепом, на дне могилы, под тазом)
10	Му-Шарет-1, к. 6, п. 4	Верхний M1 не в альвеоле	M1	6–8, ребенок	6	Конец весны – лето (4)	По пыльце – лето (подушка под черепом: очень редко – полынь (*Artemisia*), маревые (*Chenopodiacea*), полностью отсутствуют лилейные (*Liliaceae*), единично – ольха (*Alnus*), лещина (*Corylus*))
11	Островной, к. 3, п. 28	P1, 2 вне альвеол	P1, 2	Молодая жен.	18–19	Ранняя весна (3) (вероятно это артефакт, т.к. цемент сыпался)	Лето – по пыльце (грунт из курильницы: густые скопления пыльцы маревых (*Chenopodiacea*), полыни (*Artemisia*), разнотравья (*Varia*), редко – пыльца свинчатковых (*Plumbaginaceae*) и рогоза (*Typha*), из древесных – пыльца сосны (*Pinus*), березы (*Betula*) и пихты (*Abies*))
12	Бага-Бурул, к. 1, п. 3	M1 в альвеоле	M1	18–25, жен.	16–18	Весна – 1-я половина лета (4) (условно, т.к. только один зуб)	Лето – по пыльце (подушка под черепом: чаще всего – маревые (*Chenopodiacea*), цикориевые (*Cichoriaceae*), реже гвоздичные, смолевковые (*Silenaceae*), астровые (*Asteraceae*), гераниевые (*Geraniaceae*))
13	Чилгир, к. 3, п. 3	Все зубы мандибулы	P1, 2 M1, 2	25–35, муж.	32–36	Осень – зима (4)	Поздняя осень – зима – ранняя весна – отсутствие пыльцы (грунт из сосуда – в сосуде нет пыльцевых зерен)
14	Чилгир, к. 2, п. 4	Все зубы мандибулы, но постоянный только M1	M1	9–10, ребенок	10	Весна – 1-я половина лета (4) (условно, так как только 1 зуб)	Лето – по пыльце (грунт из сосуда – микрочастички злаков, остатки члеников насекомых вредителей)
15	Чилгир, к. 3, п. 6	I, P, M1–3 в альвеолах	M1, M2	25–35, жен.	27	Осень – зима (4)	Поздняя осень – зима – ранняя весна – отсутствие пыльцы в пробах грунта из погребения

* В скобках указан балл оценки качества слоев.

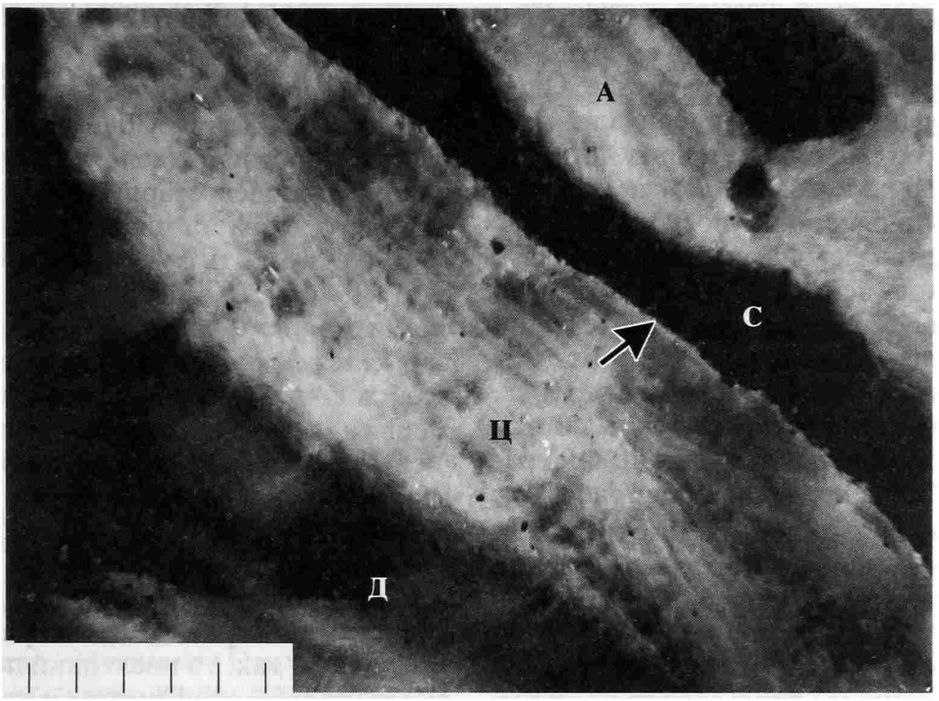


Рис. 2. Нижняя треть корня М1 образца № 7. Поперечный шлиф, отраженный свет. По краю видна полностью сформированная опаковая полоса ростового слоя (указана стрелкой). В клеточном цементе под микроскопом видно 12–14 слоев. Д – дентин, Ц – цемент, А – альвеола, С – смола. Цена деления масштабной линейки – 0.1 мм.

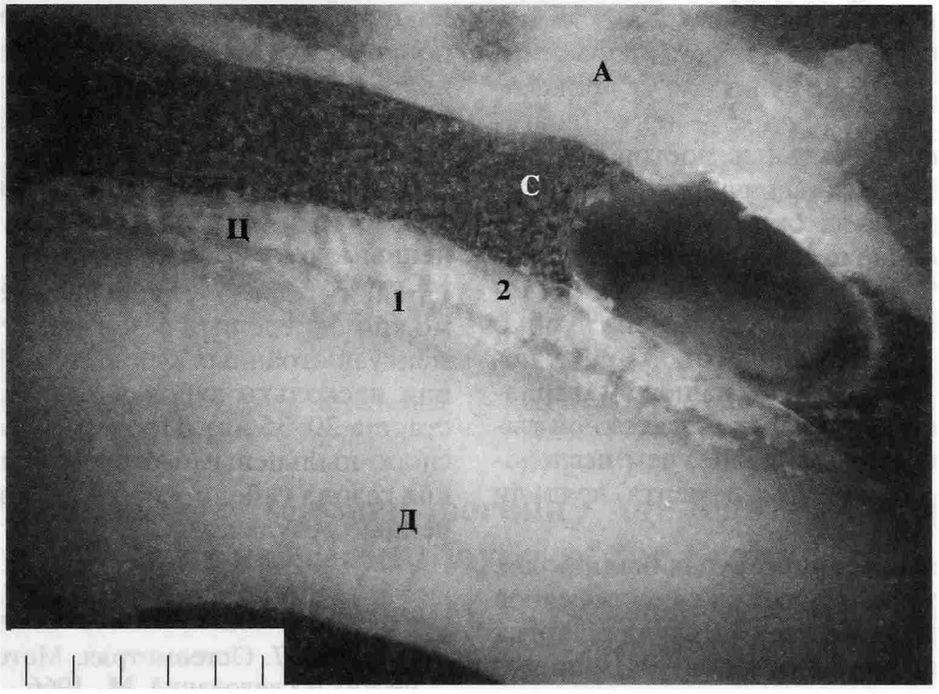


Рис. 3. Нижняя часть корня М1 образца № 8. Поперечный шлиф, отраженный свет. Опаковая полоса второго ростового слоя сформирована еще не полностью. Ширина первого ростового слоя существенно меньше последующего. Цифрами указаны ростовые слои, буквенные обозначения и маштаб – см. на рис. 2.

ние сезона смерти было условным, поскольку использован лишь один зуб.

До сих пор никто не исследовал формирование годовых слоев в цементе молочных зубов человека. В цементе молочных зубов других млекопитающих образуются такие же годовые слои, как и в постоянных зубах (Клевезаль и др., 1991). У человека в молочных зубах наслаивается, чередуясь, и клеточный, и бесклеточный цемент; в 4-м молочном зубе развитие корней заканчивается в 5-летнем возрасте, но наслоение цемента продолжается. Оно продолжается и в 6–7 лет, когда уже начинается резорбция корней (Зайцева, 1965). Мы обнаружили слои в цементе у детей 4–6 лет,

число слоев соответствовало возрасту, определенному антропологом, однако сезон смерти был определен правильно лишь в одном случае. Один из образцов, где оценки сезона не совпали, принадлежал ребенку из парного детского погребения (№ 5). У второго ребенка мы смогли исследовать не только молочные, но и постоянный зуб. В этом случае оценка сезона смерти совпала с оценкой сезона захоронения. Таким образом, для определения сезона смерти по слоям цемента не следует использовать молочные зубы. Во-первых, слои видны хуже, чем в постоянных зубах, во-вторых, трудно быть уверенным, что на выбранном участке отложение цемента не прекратилось по причине начала резорбции корней.

Свою оценку сезона смерти человека по постоянным зубам мы основывали на исследовании как бесклеточного, так и клеточного цемента. Бесклеточный цемент, как правило, формируется на участках ближе к шейке зуба, где слои более равномерные. Клеточный образуется на участках ближе к апикальной части корня, слои здесь часто извилисты. Некоторые исследователи (Lieberman et al., 1990; Lieberman, 1994) считают, что для определения сезона смерти следует использовать бесклеточный цемент. Штутц (Stutz, 2002) на материале по копытным эпохи верхнего палеолита показал, что в ископаемых зубах могут происходить изменения в бесклеточном цементе (диагенез), имитирующие нормальные ростовые слои, и без специального исследования определение сезона смерти может быть ошибочным. В свете этих данных клеточный цемент имеет преимущество перед бесклеточным при определении сезона смерти особи, поскольку расположен глубоко в альвеоле и менее подвержен влиянию окружающей среды. Кроме того, возраст нашего материала (в среднем от пяти до четырех с половиной тысяч лет) был существенно меньше, чем исследованный Штутцем, и диагенез цемента вряд ли имел место.

Слои цемента в постоянных зубах были более четкими, чем в молочных. Оценки качества слоев варьировали от 1 до 4. Во всех 11 случаях, когда качество слоев было хорошим (оценка 4), определение сезона смерти по характеру последнего слоя цемента совпало с оценкой сезона захоронения, полученной другими методами.

Следует отметить, что на нашем небольшом материале мы не смогли выявить ни зуба, ни участка зуба, где качество слоев гарантированно было бы наиболее пригодным для определения сезона смерти. Решение об уровне и направлении каждого следующего среза приходилось принимать на основании исследования предыдущего. Анализ каждого экземпляра занимал много времени и требовал опыта (который имел один из авторов, много лет работавший с зубами млекопитающих).

Мы старались исключить из рассмотрения зубы от особей старше 30–35 лет. Как было сказано выше, корреляция числа слоев с возрастом уменьшается у людей старшего поколения. У особей старшего возраста число слоев цемента меньше, чем должно быть с учетом возраста зуба (Lipsinic et al., 1986), т.е. в последний год жизни слой цемента мог не формироваться. При этом не подвергается сомнению, что цемент растет в течение всей жизни человека (Bosshardt, Schroeder, 1996). Видимо, у человека имеет место такое же нарушение ежегодного образования годовых слоев с возрастом, какое обнаружено у некоторых животных (Klevezal, Pucek, 1987): образование слоев продолжается, но в отдельные годы цемент мог не формироваться. К такому же заключению приходят и Чарльз с соавторами (Charles et al., 1989). Если так, то последний по времени образования годовой слой может быть сформирован задолго до момента смерти. Мы полагаем, что можно, с некоторой долей вероятности, сделать заключение о сезоне смерти людей старшего возраста, если один и тот же элемент последнего по времени формирования слоя цемента виден в зубах, прорезающихся в разном возрасте. Самыми старыми в нашем материале были две особи, возраст которых антропологом был оценен в 25–35 лет (№ 13 и 15). Мы исследовали несколько зубов, следуя изложенному выше принципу, и оценки сезона смерти совпали с сезоном захоронения, оцененным другими методами.

Таким образом, наши данные показывают, что можно определить сезон смерти человека по цементу постоянных зубов, если иметь в распоряжении несколько зубов в альвеолах от особей не старше 30–35 лет. Проверка полученных данных споро-пыльцевым методом и методом определения сезона гибели животных подтверждает полученные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. М., 1964.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. 1955. ТИЭ. НС. Т. XXVIII.

Зайцева А.П. Развитие цемента молочных зубов человека // Кариес и пародонтоз. 1965. Вып. 1.

Кириллова И.В., Гольева А.А., Клевезаль Г.А. и др. Комплексный метод определения сезона совершения погребений эпохи бронзы Калмыкии // Сезонно-экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. Тр. ГИМ. Вып. 120. М., 2000.

Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М., 1988.

Клевезаль Г.А., Груе Х., Мина М.В. Способ оценки пригодности регистрирующих структур для подсчета слоев при определении возраста животных // Зоологический журнал. 1981. Т. 60. Вып. 12.

Клевезаль Г.А., Клейненберг С.Е. Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кости. М., 1967.

Клевезаль Г.А., Суховская Л.И., Киселева Е.Г. О чувствительности дентина и цемента как регистрирующих структур (на примере исследования молочных и постоянных зубов зубра Bison bonasus) // Зоологический журнал. 1991. Т. 70. Вып. 2.

Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.

Пашкова В.И., Резник Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов, 1978.

Сезонно-экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. Тр. ГИМ. Вып. 120. М., 2000.

Шишлина Н.И., Пахомов М.М. Споро-пыльцевое исследование почвенных образцов из могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста, 2002.

Beasley M.J., Brown W.A.B., Legge A.J. Incremental banding in dental cementum: method of preparation of teeth from archaeological sites and for modern comparative specimens // International J. Osteoarchaeology. 1992. V. 2.

Bosshardt D.D., Schroeder H.E. Cementogenesis reviewed: A comparison between human premolars and rodent molars // Anatomical Record. 1996. V. 245.

Brothwell D.R. Dental antropology. N.Y., 1963.

Charles D.K., Condon K., Cheverud J.M., Buikstra J.E. Estimating age at death from growth layer groups in cementum // Age markers in the human skeleton. Springfield, 1989.

Condon K., Charles D.K., Cheverud J.M., Buikstra J.E. Cementum annulation and age determination in Homo sapiens. II. Estimates and accuracy // Amer. J. Physical Anthropology. 1986. V. 71.

Gordon B.C. Archaeological seasonality using incremental structures in teeth. An annotated bibliography // Zooarchaeological Research News. Special Publication. N.Y., 1991.

Grosskopf B. Individualalterbestimmung mit Hilfe von Zuwachsringen im Zement bodengelagerter manschlicher Zahne // Zeitschrift fur Rechtsmedizin. 1990. Bd. 103.

Hillson S. Dental anthropology. Cambridge; L.; N.Y., 1996.

Klevezal G.A. Recording structures of mammals. Determination of age and reconstruction of life history. Balkema; Rotterdam, 1996.

Klevezal G.A., Pucek Z. Growth layers in tooth cementum and dentine of European bison and its hybrides with domestic cattle // Acta Theriologica. 1987. V. 32. № 9.

Klevezal G.A., Shishlina N.I. Assessment of the season of death of ancient human from cementum annual layers // J. Archaeological Sci. 2001. V. 28.

Kvaal S.I., Solheim T. Incremental lines in human dental cementum in relation to age // European J. Oral Sci. 1995. V. 103. Iss. 4.

Kvaal S.I., Solhein T., Bjerketveld D. Evaluation of preparation, staining and microscopic techniques for counting incremental lines in cementum of human teeth // Biotechnic and Histochemistry. 1996. V. 71. № 4.

Lieberman D.E. The biological basis for seasonal increments in dental cementum and their application to archaeological research // J. Archaeological Sci. 1994. V. 21.

Lieberman D.E., Deacon T.W., Meadow R.H. Computer image enchancement and analysis of cementum increments as applied to teeth of Gazella gazelle // J. Archaeological Sci. 1990. V. 17.

Lipsinic F.E., Paunovich E., Houston G.D., Robison S.F. Correlation of age and incremental lines in the cementum of human teeth // J. Forensic Sci. 1986. V. 31. № 3.

Miller C.S., Dove S.B., Cottone J.A. Failure of use of cemental annulation of teeth to determine the age of humans // J. Forensic Sci. 1988. V. 33.

Seasonality and sedentism. Archaeological perspectives from old and new world sites / Eds. Th.R. Rocek, O. Bar-Josef. Cambridge (USA), 1998.

Stutz A.J. Polarazing microscopy identification of chemical diagenesis in archaeological cementum // J. Archaeological Sci. 2002. V. 29.

Walker P.L. Standarts for data collection from human skeletal remains // Arkansas archaeological survey researche series. 1994. № 44.

Establishing of seasonal mortality Age man according to dental cement layers of the Bronze

G. A. Klevezal, N. I. Shishlina, M. M. Pakhomov, A. A. Khokhlov

Summary

The article is devoted to establishing human seasonal mortality based on the phenomenon of yearly layers in dentine and\or cement of practically all mammals. Formation of these layers reflects the periods of organism's growth: active growth in spring-summer season and slow one in autumn-winter one. Teeth of 28 skeletons have been analysed. The applied method had already shown positive results, when used for the investigations of animal teeth obtained from archaeological excavations: teeth imbedded in synthetic resin were cut with lowspeed circular saw (Isomet, Buehler). Both cellor and acellular cement was studied. Season of death was established basing on coincidence of seasonal indications from different probes taken from the same tooth and from different teeth. The individual's age in the moment of death was established according to the number of dental cement layers, the latter being interpreted as yearly signs. Then the results were compared with those obtained by physical anthropologists. The published data may be applied to establish human age according to dental cement, if collection consists of several teeth preserved in alveoli and coming from the individuals not older than 30–35 years of age. Cross-checking of the data with pollen analysis and the method of establishing of animals'death confirms the obtained results.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 24–38

МАТЕРИАЛЫ БАРХАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФИНАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА С КОЛОВСКОГО ГОРОДИЩА (ЛЕСОСТЕПНОЕ ПРИТОБОЛЬЕ)

© 2006 г. Н. П. Матвеева, О. М. Аношко, С. И. Цембалюк

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Поздний бронзовый век лесостепного Притоболья остается одним из наименее изученных периодов, хотя еще в 1960-е годы К.В. Сальников предложил гипотезу о проживании в Зауралье в начале I тыс. до н.э. племен черкаскульской культуры березовского этапа и территориально соседствующих с ними на востоке и на юге групп с флажково-жемчужной керамикой. Им также был аргументирован тезис о сходстве некоторых элементов орнамента данного типа керамики с керамикой культур ирменской и курмантау (Сальников, 1967. С. 389–391). Практически сразу флажково-жемчужная посуда была атрибутирована как керамика "бархатовского типа" (Генинг, Совцова, 1967). В последующие годы эти взгляды подверглись существенной корректировке. Отсутствие однослойных памятников бархатовского типа и недостаточное количество накопленных к тому времени материалов привели к тому, что поздний бронзовый век Притоболья был соотнесен исследователями с межовскими древностями, впоследствии выделенными в самостоятельную культуру (Стоколос, 1972. С. 82–86, 91–96; Косарев, 1981. С. 162–168; 1984; Потемкина, 1985. С. 59, 97; Обыденнов, Шорин, 1995. С. 52–107).

Пополнение корпуса источников, в частности исследование на данной территории новых памятников, вновь приводит к концепции К.В. Сальникова. Получены доказательства правомерности гипотезы о культурной дифференциации позднего бронзового века Зауралья. Однако выделенная О.Н. Корочковой (1987) в Тоболо-Ишимье бархатовская культура не получила за истекшее с тех пор время надлежащего признания, как нам кажется, из-за отсутствия публикаций опорных памятников. Ряд авторов продолжают рассматривать памятники позднеброзового периода как локальную группу межовских древностей Уральского региона (Косарев, 1993. С. 104, 105), либо как тип в составе "межовско-ирменского культурно-хронологического пласта" (Борзунов и др., 1994. С. 165–170); некоторые исследователи помещают в западной части Западносибирской лесостепи белое пятно (Молодин и др., 2001. С. 6. Рис. 1).

Поддерживая идею оценки памятников лесостепного Зауралья как самостоятельного историко-культурного образования в ранге археологической культуры вслед за О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым (1991), А.В. Матвеевым (1988), отметим, что изучение бархатовских древностей велось с конца 1980-х годов со значительными перерывами (Рис. 1). В настоящее время намечены лишь пути решения основных вопросов их развития: происхождения (Корочкова, Стефанов, 1991; Матвеев, 1999), периодизации (Матвеев, Аношко, 2001; Матвеева, Аношко, 2002), исторической судьбы (Матвеева, 1987; 1989). Источниковую базу их изучения составляют несколько довольно полно раскопанных поселенческих комплексов, таких как Миасское городище (Иванов, Пшеничнюк, 1978), Ново-Шадрино-2, Ново-Шадрино-7, Палатки-2 (Корочкова и др., 1991), Красногорское городище (Матвеев, Бурлина, 1990), Заводоуковское-10, Щетково-2 (Матвеев и др., 2001). Однако полученные материалы не имеют однозначной оценки у исследователей из-за различий в позициях по использованию радиокарбонных дат, а также из-за преобладания эволюционистских или миграционистских подходов в оценке причин культурной динамики. К сожалению, до сих пор единичны погребальные памятники бархатовской культуры, слабо изучены городища.

Поскольку значительная часть материалов Коловского городища относится к позднему бронзовому веку, то публикация итогов его многолетних полевых исследований представляется актуальной.

Коловское городище находится на правом берегу р. Исети, в 2 км к юго-юго-востоку от бывшей дер. Колово и в 1 км к северо-западу от дер. Лога в Исетском р-не Тюменской обл. В геоморфологическом отношении данный памятник приурочен к коренной террасе высотой 40 м, которая мысом вдается в прибрежную равнину и окружена заболоченной низменностью. Он представляет собой трехплощадочное городище с тремя оборонительными (вал–ров) линиями поперек мыса и четырьмя селищами за его пределами. Вдоль восточной стороны укрепленного поселения наблю-

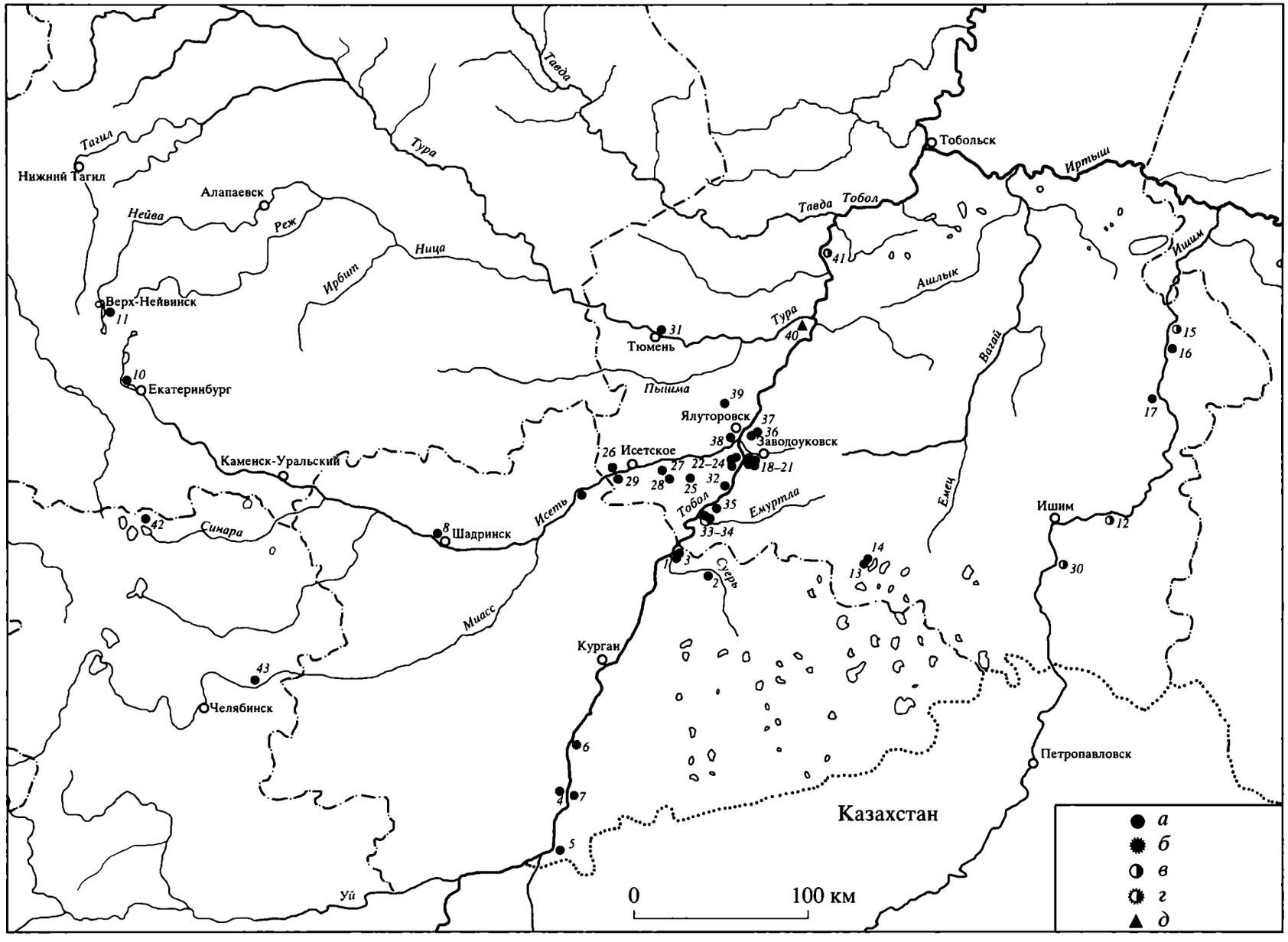


Рис. 1. Расположение памятников с бархатовскими материалами на территории Зауралья. 1 – Высокая Грива; 2 – Камышное; 3 – Усть-Суерское 3; 4 – Язево 1; 5 – Алабуга 1 (хутор Андроник); 6 – Камышное 2; 7 – Ялым; 8 – Баборыкино 2; 9 – Бархатово-Заречное; 10 – Палатки 2; 11 – Три Сестры; 12 – Чупино; 13 – Рямовое 1; 14 – Рямовое 3; 15 – Боровлянка 2; 16 – Ивановское (Чалпан); 17 – Пестова 1; 18 – Заводоуковское 9; 19 – Заводоуковское 10; 20 – Ук 1; 21 – Ук 3; 22 – Старо-Лыбаево 1 (Медный Борок); 23 – Старо-Лыбаево 8; 24 – Щетково 2; 25 – Верхне-Ингальский Борок 2; 26 – Ирюмское (Бархатовское); 27 – Красногорское; 28 – Коловское; 29 – Рафайловское 2; 30 – Кучум Гора; 31 – Мысовская стоянка; 32 – Карагужевское; 33 – Ново-Шадрино 2; 34 – Ново-Щадрино 7; 35 – Поспелово 1; 36 – Большой Имбиряй 1; 37 – Большой Имбиряй 2; 38 – Памятное; 39 – Черемуховый Куст; 40 – Калачик 1; 41 – Чеганово 3; 42 – Черкаскуль 2; 43 – Миасское; *а* – неукрепленное поселение (бархатовские материалы); *б* – укрепленное поселение (городище) (бархатовские материалы); *в* – неукрепленное поселение (сузгунско-бархатовские материалы); *г* – укрепленное поселение (городище) (сузгунско-бархатовские материалы); *д* – погребение.

даются задернованная осыпь и образовавшиеся недавно молодые овраги.

Памятник является одним из наиболее хорошо сохранившихся укрепленных объектов в Приисетье и эффектно выглядит из-за рельефности всех трех фортификационных линий. Он открыт в 1963 г. В.Н. Фроловым, обследовался разведочно в 1980 г. В.А. Могильниковым и в 1982, 1994 гг. Н.П. Матвеевой. Рекогносцировочное изучение культурного слоя Коловского городища в 1984 г. траншеей и зачисткой вдоль осыпающегося края террасы на длину 64 м позволило установить, что территория памятника заселялась трижды: в эпоху поздней бронзы, раннего железного века и средневековья (Матвеева, 1993).

В 2001 и 2003 гг. раскопки проведены на разных участках[1] на общей площади 533 м^2. На трех площадках зафиксированы остатки 13 разновременных жилищ и 8 рвов, следы нескольких стадий строительства валов.

Повсюду на мысу Коловского городища размером 6600 м^2 выявлен культурный слой позднебронзового периода. Он сложен коричневой супесью 20–40 см толщиной, располагается равномерно на всей площади, является заполнением ранних жилищ. Этот же слой находится под валом раннего железного века и перекрыт следами горения в виде развеянной золы. Всего наблюдалось до четырех прослоек серой золы с землей толщиной от 4–5 до 10 см, общая их мощность достигала 20–30 см. Скорее всего, это следы нескольких эпизодов горения деревянных конструкций, существовавших, когда вала еще не было, так как они лежат на ровной поверхности. Они связаны с пожарами в самом раннем поселке.

В 1984 г. зафиксированы остатки пяти полуземлянок на первой укрепленной площадке, относящихся к данному периоду. В 2001 г. при возобновлении раскопок на участке оборонительных сооружений первой укрепленной линии и на второй площадке было исследовано два объекта бархатовской культуры: сооружение под валом и жилище 6. В 2003 г. было продолжено изучение второй площадки Коловского городища, давшее остатки еще трех бархатовских построек – жилищ 10, 12 и сооружения 2. В траншее, заложенной через третью линию обороны, бархатовские постройки отсутствовали, но керамика и характерные "кирпичики" были найдены, что позволило предположить, что культурный слой здесь выклинивается. Поскольку на прилегающих к городищу саргатских селищах материалы бронзового века не встречены, то есть основания полагать, что бархатовское население занимало только собственно площадь мыса, обращенного к р. Ингала.

Ниже представлена общая характеристика исследованных конструкций, а также различных категорий находок, относимых к бархатовскому периоду обитания на городище.

Сооружение под валом. Зафиксирована лишь весьма незначительная часть котлована шириной 3.15 м и глубиной 0.9 м от уровня материка, заполнением которого служила мешаная супесь с участками переотложенного материкового грунта, содержащая фрагменты керамики бархатовского типа, катушку, кости животных и несколько саргатских черепков. Сооружение намеренно засыпано позднее при строительстве вала, но трудно сказать, в какой период. Интерпретация его затруднительна: оно может являться как остатками широкого рва наподобие обнаруженного А.В. Матвеевым на Красногорском городище, так и остатками котлована небольшой постройки эпохи поздней бронзы. Интересно отметить, что первоначальный ров на Красногорском городище был срыт во время существования поселка и укрепленная площадка расширена строительством нового рва (Матвеев, 1999. С. 102).

Жилище 6. Обнаружено в центральной части раскопа на второй площадке городища. Заполнение котлована составляют прослойки черной и темно-коричневой супесей с глинистыми вкраплениями. Сооружение состояло из двух камер, соединенных коротким углубленным коридором (рис. 2).

От камеры 1 сохранились коридорообразный переход в камеру 2, тамбур и северо-восточная часть площади пола, ориентированные по линии северо-восток – юго-запад. По расстоянию между угловыми ямками от столбов можно заключить, что длина камеры составляла 5.5 м. Тамбур представлял собой зауженную часть камеры трапециевидной формы (2.5 × 3.5 и 2 × 3 м). Ширина камеры осталась неизвестной из-за многократного строительства на этом месте, но, возможно, она составляла около 5 м, судя по длине участка от восточного угла постройки до конца канавки со столбовыми ямами. Из ее заполнения происходит керамика исключительно бархатовской культуры. На дне канавки находилась темно-коричневая супесь, являющаяся также основным заполнением камеры 1. Это помещение почти целиком срыто с западной стороны пристройкой к жилищу 7, а с юго-западной – сооружениями 1 и 2. Коридор шириной 0.9 м и длиной 1.6 м вел в смежную камеру 2. Снаружи от восточной стенки камеры 1 жилища 6 на материке обнаружены несколько ям, имеющих, по-видимому, хозяйственное назначение, а также обложенный глиняными кирпичи-

[1] Основной целью раскопок памятника было получение материалов для изучения длительности обитания населения в раннем железном веке и средневековье, изучения палеоэкологии населения, особенностей оборонительного зодчества (Матвеева и др., 2003). Исследования поддержаны РФФИ, грантами № 03-06-88037; № 01-06-80094; 3. ФЦП "Интеграция": контракт Э-0264/1053; экспедиционными грантами президиума СО РАН.

ками очаг, зафиксированный в виде углубления с прокалом.

От камеры 2 жилища 6 сохранился только участок юго-западной стенки длиной около 4.5 м, сильно пострадавший от обвалов на склоне мыса и поэтому имеющий более сложную стратиграфию (за счет поздних мусорных напластований), чем первая камера того же сооружения. Камера 2 почти полностью перекрыта поздним – саргатским двухкамерным жилищем 9, которое целиком разместилось на ее площади.

Жилище 10. Расположено также на второй площадке городища (рис. 2). Оно состоит из трех квадратных углубленных в материк на 10–20 см построек, соединенных коридорами и является самым крупным из выявленных. Камера 1, находящаяся в северо-восточной части жилища, представляет собой прямоугольное помещение (3.2 × 4.2 м), которое с севера срезано краем котлована саргатского жилища 7. На приступке у северо-западной стенки найден развал сосуда с костями нижней челюсти мелкого рогатого скота внутри. В заполнении постройки, коричнево-серой супеси, собрана керамика бархатовской культуры, катушки, "кирпичики" от обмазки очага и несколько саргатских черепков.

Камера 1 с коридором длиной 3 м и шириной 1 м соединяется с камерой 2, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад и имеющей выход в другую постройку на юго-востоке. На участке восточного угла стенка помещения 2 в материке не выражена и реконструирована по ямам от столбов. Размеры строения: около 4.5 × 5.5 м. В его котловане находилась большая хозяйственная яма, в которой обнаружены кости животных и керамика бархатовской культуры. Кроме того, найдены катушки, грузила, нож из кости, обломок песта, камень для пращи (?), "кирпичики".

Из камеры 2 в камеру 3 вел переход шириной от 1 до 1.7 м, длиной 2 м, по углам которого стояли столбы дверного проема. Камера 2 возможно также имела квадратную форму – 7 × 5.5 м. Но контуры данного строения реконструируются только по столбовым ямам, так как восточная и юго-западная стенки не были углублены в материк из-за уклона поверхности мыса к востоку. В заполнении камеры 3 обнаружена бархатовская керамика, но, в значительно мéньшем количестве, чем в камерах 1 и 2. Северо-восточный угол камеры 3 срыт более поздним сооружением 2.

Сооружение 2. Имело прямоугольную форму, размеры 12 × 6.7 м, углублено на 0.25 м в материк. Котлован ориентирован по линии юго-запад – северо-восток. Юго-восточная стенка его срыта фундаментом оборонительной стены раннего железного века. Что оно собой представляло – не вполне ясно, однако в его заполнении были обнаружены материалы бархатовской культуры.

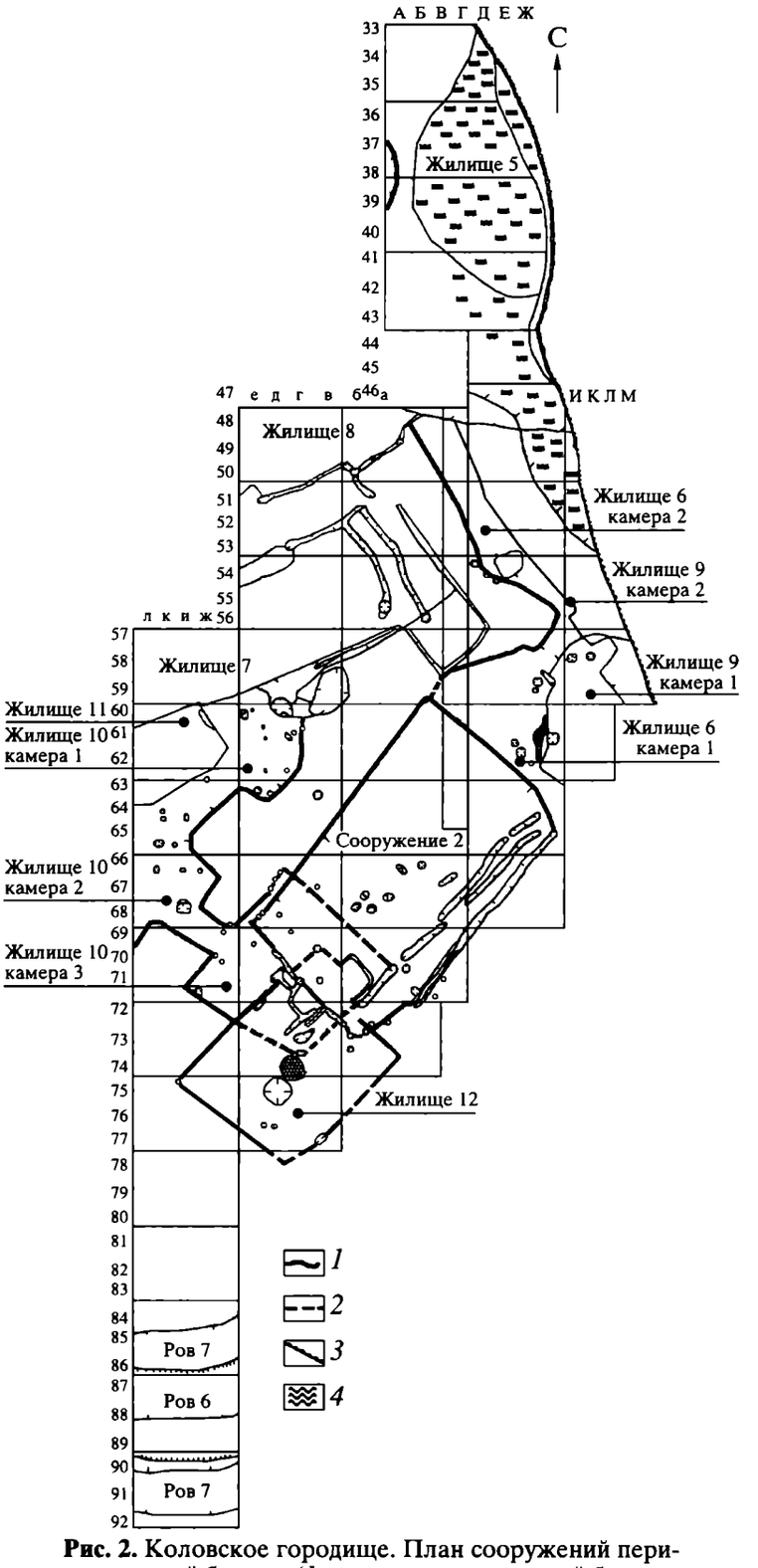


Рис. 2. Коловское городище. План сооружений периода поздней бронзы (*1* – контуры сооружений бронзового века; *2* – предполагаемые границы; *3* – обрыв; *4* – оползень).

По пропорциям оно соответствует типичным двум малым камерам, поэтому не исключено, что было как-то конструктивно связано с жилищем 6 (рис. 2). Эта постройка сооружена после жилища 10, так как частично перекрывает его третью камеру. В сооружении 2 не было очага, но открыты ямки с установленными в них плоскодонными сосуда-

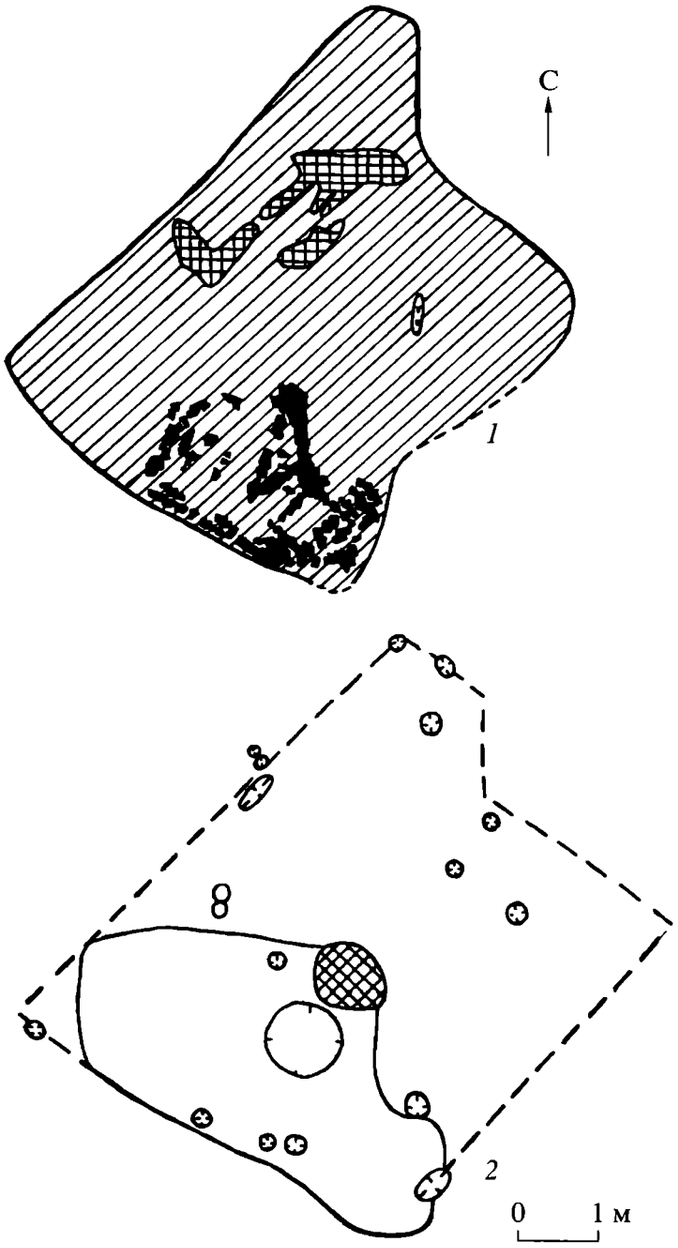


Рис. 3. Коловское городище. План жилища 12. *1* – заполнение жилища на уровне материка; *2* – на уровне дна котлована.

ми, собраны их развалы. Лишь в западном углу было отмечено пятно прокала размером 47 × 39 см, толщиной 3 см.

Жилище 12. Зафиксировано как однокамерная постройка с углубленной западной частью – на 20–25 см от уровня материка на площади около 12 м^2 и слабо углубленной южной (на 3–5 см). Она ориентирована с северо-запада на юго-восток. Жилище имело, скорее всего, размеры около 5.3 × 7.5 м, так как на планиграфическом разрезе хорошо прослеживаются очертания темно-серой мешаной супеси прямоугольных очертаний, в которой сохранились упавшие горелые конструкции. Они лежали параллельно друг другу, располагаясь как вдоль юго-западной и северо-восточной стенок углубления, так и по центру. Это были обугленные жерди толщиной 8–10 см и длиной от 0.2 м до 1 м, а в ряде случаев до 1.2–1.45 м. Вдоль стен остатки дерева лежали параллельно друг другу с интервалом 10–20 см, а в середине постройки – как в продольном, так и в поперечном направлении. Глубины их фиксации не слишком различаются – на 5–6 см. Предположительно, горелое дерево является следами обрешетки кровли (рис. 3, *1*). Северо-западная, северо-восточная и юго-западная стенки жилища реконструируются лишь по ямам от столбов. Провести же границу по юго-восточной линии точно затруднительно, так как из-за наклона поверхности городища здесь ям нет. Близ очага была обнаружена яма № 296, игравшая роль подполья, размером 1 × 1 м, глубиной 1.1 м. Стенки ее на глубине 0.5 м от края книзу выложены ныне истлевшим деревом толщиной 10 см. В ней находились скопление керамического боя и развалов бархатовских сосудов. В центре жилища располагался очаг в квадратной яме размером 1 × 1 м с мощность слоя – 7 см (рис. 3, *2*). У западного края жилища найдены два молочных зуба ребенка 7–8 лет[2], на полу собраны раздавленные сосуды и керамический скребок.

Жилище 12 является наиболее поздним для бархатовского периода, так как им разрушен угол камеры 3 жилища 10 и частично уничтожено сооружение 2. Интересно отметить, что серая зола прослежена в заполнении жилища 12 равномерным слоем толщиной 25–30 см, но в центральной его части видно, что линз золы было три, они последовательно наложились одна на другую и имели по 5–10 см толщиной.

Межжилищное пространство занято серией ям и канавок от разных периодов обитания, и разделить их хронологически в большинстве случаев не возможно. Наблюдения за соотношением построек в плане и разрезах свидетельствуют о трех этапах застройки. Бархатовское поселение на мысу у р. Ингала существовало сравнительно долго, а именно менее трех сроков эксплуатации деревянных конструкций (20–25 лет), так они неоднократно горели, что позволяет предполагать промежуток около 30–50 лет.

Керамика. Категории вещей и керамика, обнаруженные при исследовании городища, традиционны для бархатовской культуры. Однако керамическая коллекция, полученная в результате работ 1984, 2001 и 2003 гг., малочисленна и насчитывает 297 фрагментов шеек и 283 орнаментированных стенки сосудов. Кроме того, бархатовская керамика очень измельчена, так как связана с самым ранним строительным горизонтом памятника. Но, нужно отметить, что в заполнении жилищ обнаружено несколько развалов и один целый сосуд. Керамика локализуется в отдельных соору-

[2] Определение аспиранта ИПОС СО РАН А.Л. Антонова.

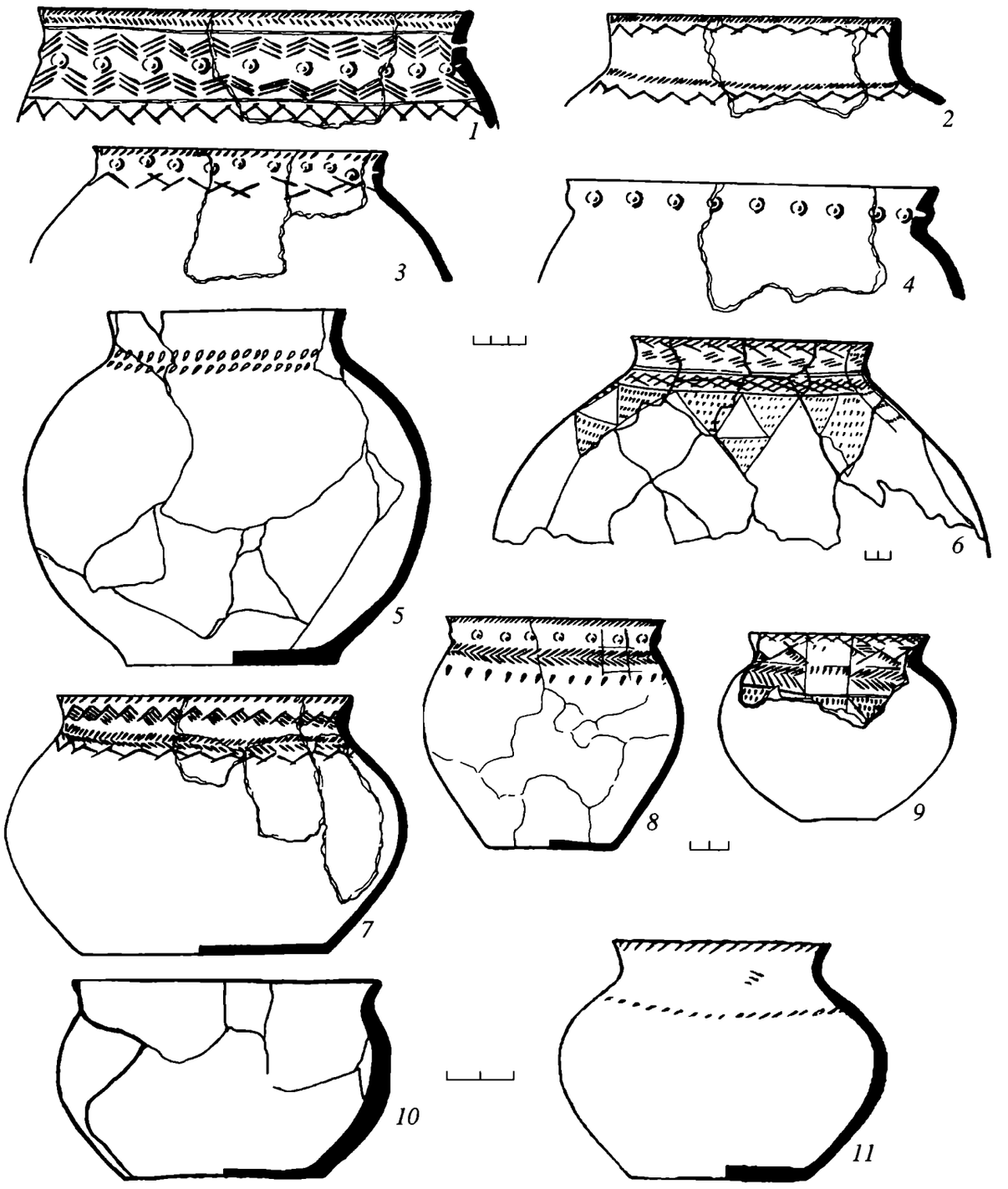


Рис. 4. Коловское городище. Керамика бархатовской культуры. *1–4*, *7* – из насыпи вала первой площадки; *5* – из жилища 10 (камера 1); *6*, *8*, *9*, *11* (из камеры 2); *10* – из жилища 12.

жениях и ямах на периферии раскопа второй площадки, а в раскопе на первой площадке залегала в толще вала и, несомненно, переотложена.

Как это часто бывает при работе с очень фрагментарным материалом, форму сосудов невозможно установить однозначно. Однако принимая во внимание реконструированную посуду, фрагменты шеек, диаметр венчика которых определим (некоторые из них с прилегающими стенками), а также достаточно большое количество обнаруженных днищ, есть основание говорить, что коловские сосуды бархатовского комплекса горшковидной формы с плоским дном (рис. 4). Они вылеплены ленточным способом из хорошо отмученного теста с примесью шамота, обжиг ровный. Черепки обычно ярко-коричневого цвета, хорошо заглажены, часто залощены. Диаметр по венчику колеблется в пределах 8–36 см, наиболее часто встречаются сосуды с размером устья 12, 15 и 25 см (более 50%).

Анализ пропорций реконструированных сосудов позволил разделить их на две группы. Одна из

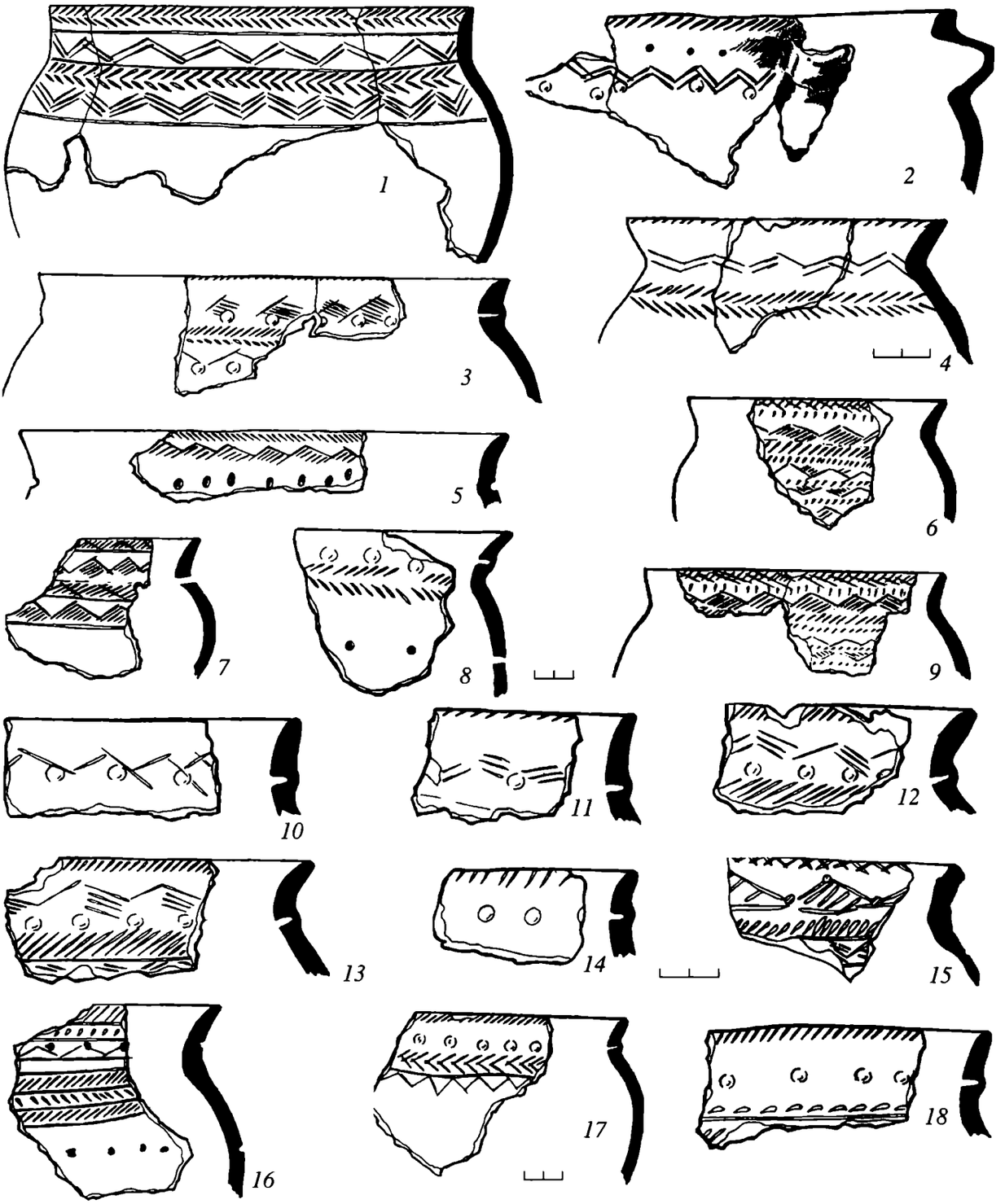


Рис. 5. Коловское городище. Керамика бархатовской культуры. *1*, *4*, *7*, *18* – из жилища 12; *3*, *5* – из ямы-кладовой № 296 в жилище 12; *2*, *6*, *12* – из жилища 10, камера 2; *9* – камера 2; *8*, *11*, *13* – камера 3; *14* – межжилищное пространство; *15*, *16* – из вторичного заполнения жилища 11; *17* – из сооружения 2.

них имеет широкое устье и маленькое днище, соотношение между которыми 2–2.5 : 1 (рис. 4, *8*, *9*). Для них характерна плавная профилировка. К другой группе относятся горшки с раздутым туловом и с одинаковым диаметром устья и днища 1 : 1 (рис. 4, *5*, *7*, *10*, *11*). Шейка бархатовских сосудов всегда короткая. По оформлению бортика можно выделить сосуды с округлым венчиком, которые составляют 40% от общего количества, и с приостренным венчиком, которые превалируют (60%). Толщина профиля шеек и стенок в основном 5–7 мм, иногда наблюдается утолщение в переходной зоне от шейки к тулову.

Орнаментирована бархатовская керамика Коловского городища в основном резными узорами (92%), имеется около 1% сосудов с гребенча-

Таблица 1. Характеристика орнаментации бархатовской керамики Коловского городища

Орнаментальные мотивы	Шейки (297)		Стенки (283)		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Плоскостные орнаменты:						
Ряд наклонных линий	204	24.7	58	11.3	262	19.6
Два ряда наклонных линий	4	0.5	12	2.3	16	1.2
Вертикальный зигзаг	60	7.3	48	9.4	108	8.1
Горизонтальный зигзаг	56	6.8	22	4.3	78	5.8
Многорядный горизонтальный зигзаг	53	6.4	20	3.9	73	5.7
Сетка	47	5.7	16	3.1	63	4.7
Горизонтальная линия	48	5.8	67	13.1	115	8.6
Ряд вертикальных линий	–	–	1	0.2	1	0.1
Линия, разбивающая по вертикали орнаментальное поле	32	3.9	12	2.3	44	3.3
Заштрихованная лента	5	0.6	40	7.8	46	3.4
Лента с горизонтальным зигзагом	4	0.5	21	4.1	25	1.9
Заштрихованный треугольник	12	1.5	32	6.3	44	3.3
Линия с горизонтальным зигзагом	5	0.6	10	2.0	15	1.1
Флажки	19	2.3	12	2.3	31	2.3
Треугольник с насечками	6	0.7	25	4.9	31	2.3
Заштрихованный ромб	5	0.6	9	1.8	14	1.0
Рельефные орнаменты:						
Жемчужник	152	18.4	15	2.9	167	12.5
Каплевидные вдавления	23	2.8	21	4.1	44	3.3
Круглые ямки	39	4.7	24	4.7	63	4.7
Насечки	29	3.5	43	8.4	72	5.4
Сквозные ямки	8	1.0	3	0.6	11	0.8
Валик	9	1.1	–	–	9	0.6
Аморфные ямки	5	0.6	1	0.2	6	0.4

тыми отпечатками. Зональность декора типична для данной культуры: узор покрывает шейку и верхнюю часть тулова (рис. 5). Венчики либо украшены по внешнему краю короткими наклонными линиями или, что встречается значительно реже, сеткой, вертикальными и горизонтальными зигзагами. Зона шейки преимущественно покрыта жемчужными вдавлениями (рис. 4, *1*, *2*, *8*), флажками (рис. 5, *3*, *6*, *9*), двух-трехрядным горизонтальным зигзагом (рис. 4, *1*; 5, *1*, *4*), сеткой (4, *9*; 5, *9*), насечками и круглыми ямками (рис. 5, *2*, *5*). Редко встречаются в этой части сосудов сложные геометрические узоры – заштрихованный треугольник, ромб, лента и др. В декоре нижней части горловины обычны ряды ямочных вдавлений, "жемчужин" и зигзаг.

Таким образом, рассматривая узор, расположенный на шейке, следует отметить, что наиболее распространенными элементами в данной зоне являются: ряд наклонных линий (24.7%), "жемчужины" (18.4%), вертикальный (7.3%), горизонтальный (6.8%) и многорядный горизонтальный зигзаг (6.4%), горизонтальная линия (6.8%), сетчатый орнамент (5.7%). Остальные элементы орнамента не превышают 5% (см. табл. 1).

Еще более однообразен декор стенок, как правило, он состоит из рядов наклонных, горизонтальных или зигзаговых линий, ямочных вдавлений и "жемчужин". Однако значительна доля сосудов с более сложными орнаментальными композициями на тулове, украшенном ленточными зигзагами, заштрихованной лентой, треугольниками, ромбами, треугольниками с насечками, "бахромой" и другими геометрическими узорами.

В целом декор посуды Коловского городища повторяет все основные элементы, присущие бархатовской керамике, а их выборочные сочетания создают типичную для данной культуры ор-

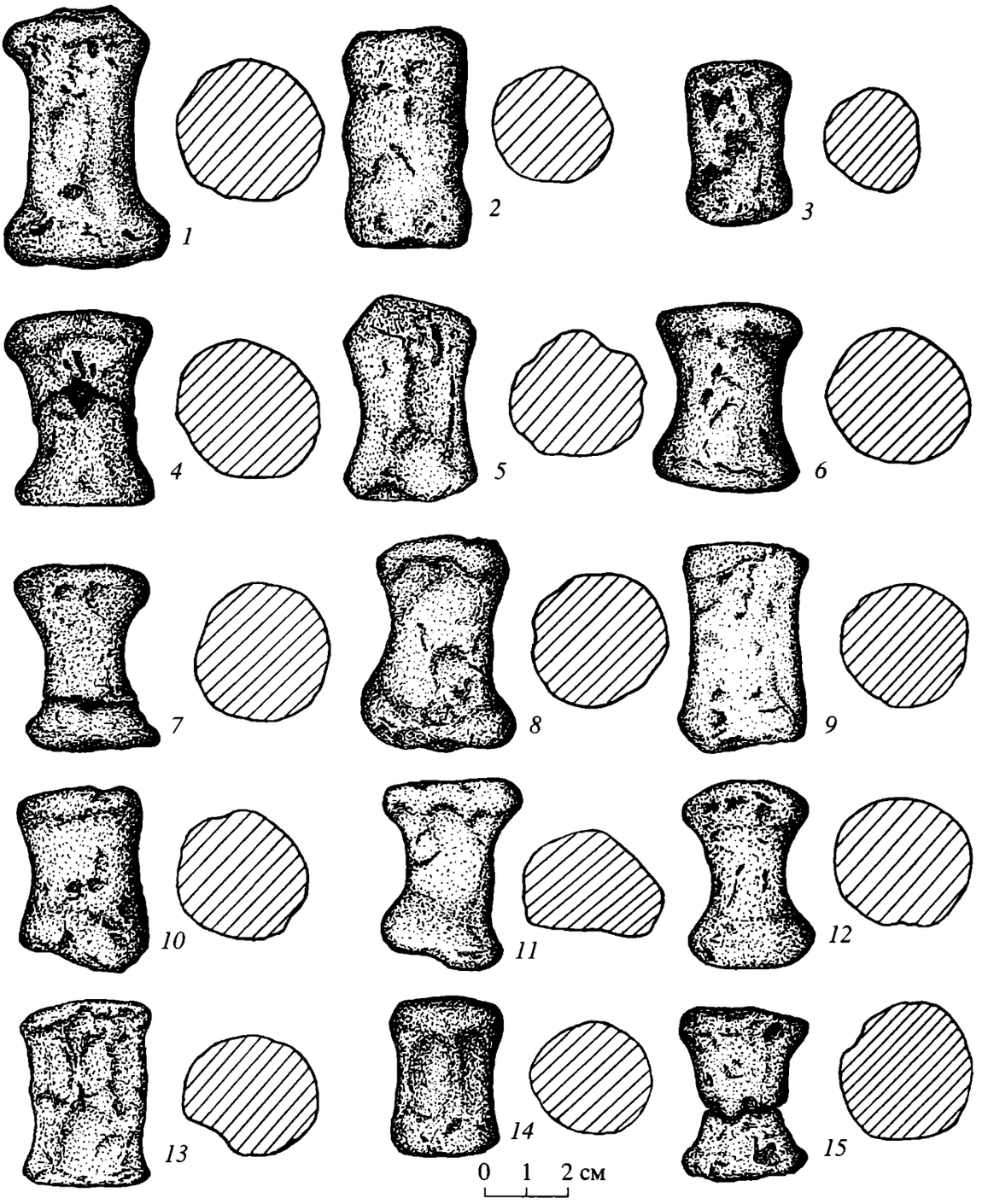


Рис. 6. Коловское городище. Глиняные катушки. *1*, *7*, *9* – из камеры 1 жилища 10; *2*, *3* – из жилища 12; *6*, *13* – межжилищное пространство; *5*, *10* – вторичное заполнение жилища 7; *8*, *12*, *14*, *15* – из камеры 2 жилища 10; *11* – из сооружения 2.

наментальную схему. Это проявляется в применении в основном резной техники нанесения узора, в построении композиционной схемы с выделением пяти самостоятельных зон (верхняя, средняя и нижняя части шейки, верхняя и нижняя части плечиков), а также в наборе и построении декоративных признаков (Матвеев, Бурлина, 1990. С. 99–104; Корочкова, Стефанов, 1991. С. 59–62). Особенно характерны использование флажков (рис. 4, *7*, 5, *3*, *5*) и бахромы на тулове, сетки на шейке, наличие неорнаментированной зоны, вертикальная разбивка узора – возможно, это следы редуцированных ручек (рис. 4, *8*, *9*; 5, *6*, *9*). Они определяют своеобразие керамики бархатовской культуры на фоне материалов синхронных культур на сопредельных территориях.

Проведенный нами ранее сравнительный анализ керамической коллекции, полученной в результате работ 2001 г., с материалами бархатовских памятников (Язево I, Камышное II, Щетко-

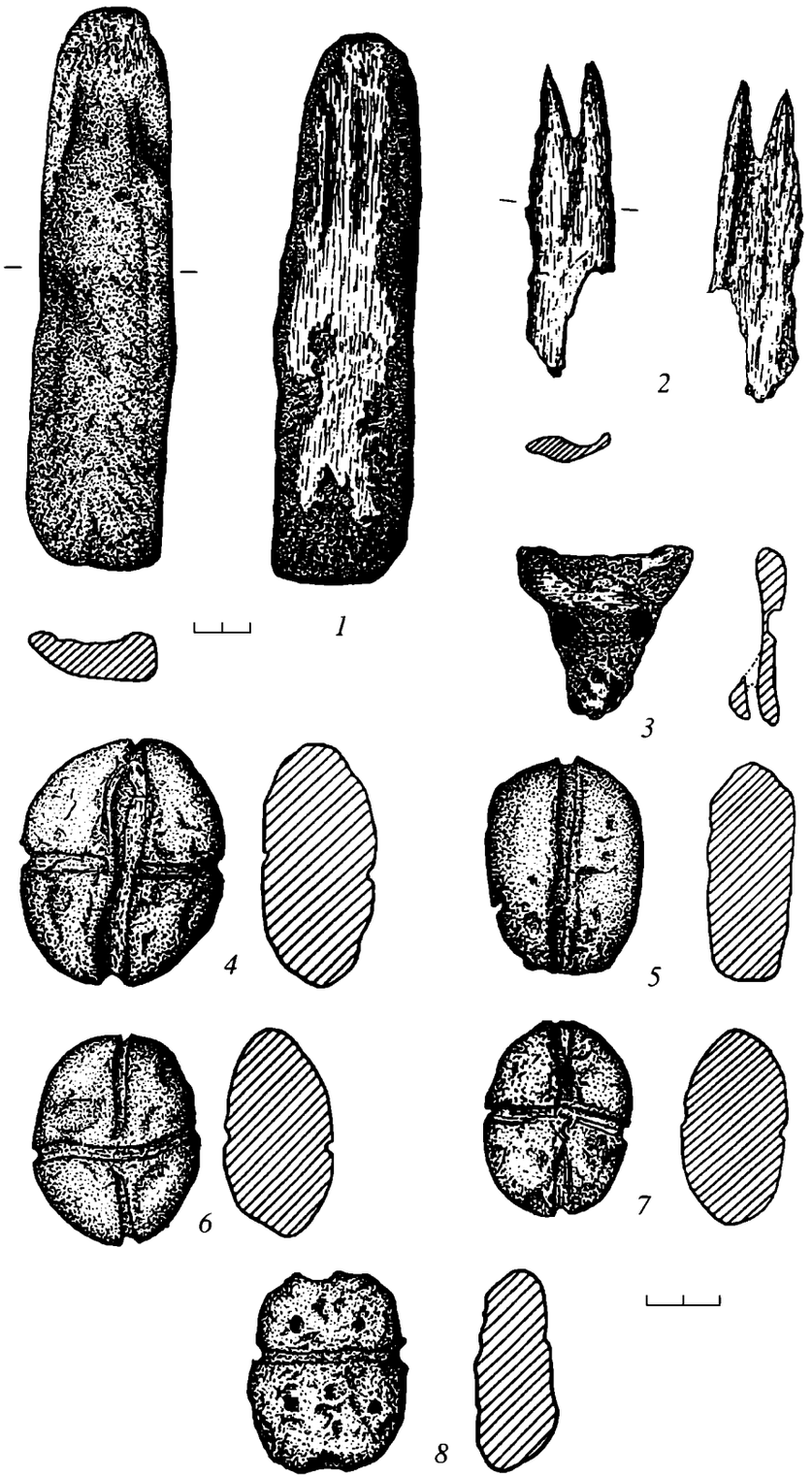


Рис. 7. Коловское городище. Инвентарь бархатовской культуры. *1–4*, *6–8* – жилище 10, камера 1; *5* – жилище 10, камера 1.

во-2 и Красногорское) позволил установить ее значительное сходство с керамикой Красногорского городища. Близость керамических комплексов Красногорского и Коловского городищ определяет высокая доля (по сравнению с другими бархатовскими памятниками) жемчужин, флажков, а также вертикальных линий, разбивающих орнаментальное поле. Керамический комплекс 2003 г. картины не изменил, он лишь наряднее: больше заштрихованных лент, треугольников, флажков, насечек. В 2 раза больше обнаружено фрагментов с индикаторным признаком бархатовской культуры – полоской, разбивающей по вертикали орнаментальное поле, но набор основных мотивов и схема остаются неизменными. Кроме того, был обнаружен сосуд со сливом (рис. 5, *2*) – форма,

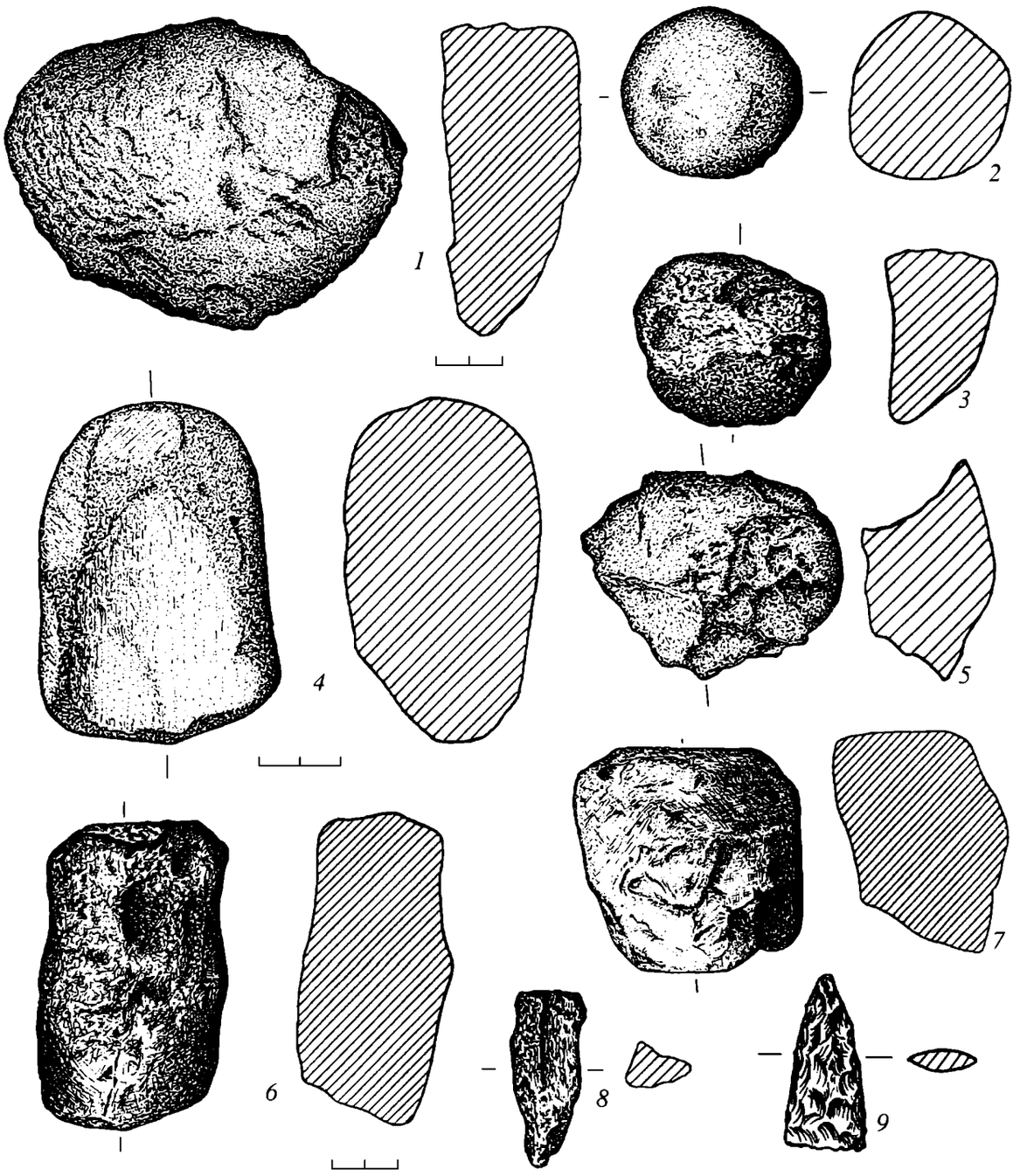


Рис. 8. Коловское городище. Предметы из камня. *1*, *5* – межжилищное пространство; *2*, *4*, *6* – из жилища 10, камера 2; *3* – камера 1; *8* – камера 3; *7* – жилище 12; *9* – из вторичного заполнения жилища 11.

распространенная в культурах Средней Азии и Казахстана, например в бегазы-дандыбаевской культуре финала бронзового века (Маргулан, 1979. С. 328, 331). Как единичные, они встречаются также позднее – в переходное от бронзы к железу время (Матвеев, Горелов, 1993. С. 52. Рис. 14, *9*), в комплексах саргатской культуры (Молодин и др., 2001. С. 187. Рис. 29, *6*).

Инвентарь комплекса эпохи поздней бронзы в основном представлен изделиями из глины, камня и кости. Глиняные предметы наиболее многочисленны: это глиняные катушки, "кирпичики", пряслице и грузила.

Глиняные катушки (около 50 целых и множество обломков) – лепные грузики цилиндрической формы с приплюснутыми концами (рис. 6). Они варьируют в размерах, от 2 до 6 см длиной, 1.5–2.5 см толщиной, обычно хорошо заглажены. У одних катушек утолщения на концах оформлены в виде шляпок, а у других – образуются в результате уменьшения практически в 2 раза диаметра в центральной части, у третьих – едва заметны. Коловские катушки сходны с грузиками, найденными при раскопках других бархатовских памятников, например Красногорского городища (Матвеев, 1995. С. 176), характерны только для

Таблица 2. Видовой состав фаунистических остатков из бархатовского слоя Коловского городища[3]

Вид	Количество 2001 г.	%	Количество 2003 г.	%
Домашние животные	93.5%		93.94%	
Крупный рогатый скот	50/3	26.74/37.5	147/6	24.96/33.33
Лошадь	82/2	43.85/25.0	315/7	53.48/38.89
Мелкий рогатый скот	55/3	29.41/37.5	127/5	21.56/27.78
Всего	187/8	100/100	589/18	100/100
Дикие животные				
Кабан	1/1	8.33/20.0	–	–
Лось	9/2	75.0/40.0	20/4	68.96/44.5
Бобр	1/1	8.33/20.0	5/2	17.24/22.2
Заяц	1/1	8.33/20.0	2/1	6.9/11.1
Собака	–	–	1/1	3.45/11.1
Волк	–	–	1/1	3.45/11.1
Всего	12/5	100/100	29/9	100/100
Прочее				
Птица	1/1	0.5/7.1	8/1	1.3/3.5
Рыба	–	–	1/1	0.16/3.5
Итог	200/14	100	627/29	100

[3] Палеозоологические определения аспиранта ИПОС СО РАН А.С. Поклонцева.

данной культуры, и не обнаруживают аналогий в материалах сопредельных территорий. Наиболее близкие параллели им мы находим лишь в культуре Ноа Балкано-Карпатья XIV–XIII вв. до н.э. (Эпоха бронзы..., 1987. С. 109–113). Их назначение достоверно не установлено, вероятно, это грузики для ткацкого станка или грузила для определенного типа сетей.

Затем по массовости следуют "кирпичики". Найдены в мелких фрагментах (15 экз.) от 2 до 5–6 см, отколотых от овальных катышков размером 10–15 см, которыми были обмазаны очаги жилищ эпохи поздней бронзы. При чистке очагов, их, видимо, выбрасывали.

Грузила бархатовского периода, двух типов: овальные уплощенные (4–5 × 6–7 см) с двумя взаимно перпендикулярными желобками (рис. 7, *4*, *6*, *7*); с одним желобком-перехватом для привязывания нитки (рис. 7, *5*, *8*). Оба типа являются широко распространенными хронологически и территориально. Одно грузило имело четыре отверстия, проколотые в сырой глине палочкой, в каждом из секторов, образованных желобками (рис. 7, *8*). Аналогичные ему найдены на Красногорском городище и поселении Заводоуковское-10.

Из заполнения камеры 2 жилища 10 происходят антропозооморфное изображение, изготовленное из крестцовой кости животного (рис. 7, *3*), изделие из кости, имеющее следы сработанности со всех сторон, удлиненной формы со скругленными краями (рис. 8, *1*), размерами 21.5 см × 5 см (долото, нож?).

Изделия из камня представлены обломками пестов и предметами со следами сработанности (рис. 8, *1*, *4–7*), шариками (рис. 8, *2*). Найден также плоский, подработанный ретушью, кремневый наконечник стрелы треугольной формы, линзовидный в сечении (рис. 8, *9*).

Палеозоологические материалы Коловского городища подтверждают тезис о многоотраслевом характере хозяйства бархатовцев. Главное место в его структуре занимало скотоводство, причем усредненный удельный вес домашних животных составляет около 93.7% (см. табл. 2). Основной его отраслью, видимо, было коневодство. Крупный и мелкий рогатый скот представлены близкими долями. Такое соотношение видов может свидетельствовать об отгонном характере скотоводства.

Присваивающие промыслы включали охоту на мясных и пушных животных и рыболовство. Основными объектами охоты у жителей Коловского городища являлись лось и кабан. По процентному соотношению улавливается значительное сходство с остеологическими материалами Красногорского городища, где также в составе стада преобладает лошадь и в меньшем количестве – мелкий рогатый скот (Матвеев, 1999. С. 104, 105). Увеличение доли лошади на Коловском и Красногорском городищах по сравнению с другими

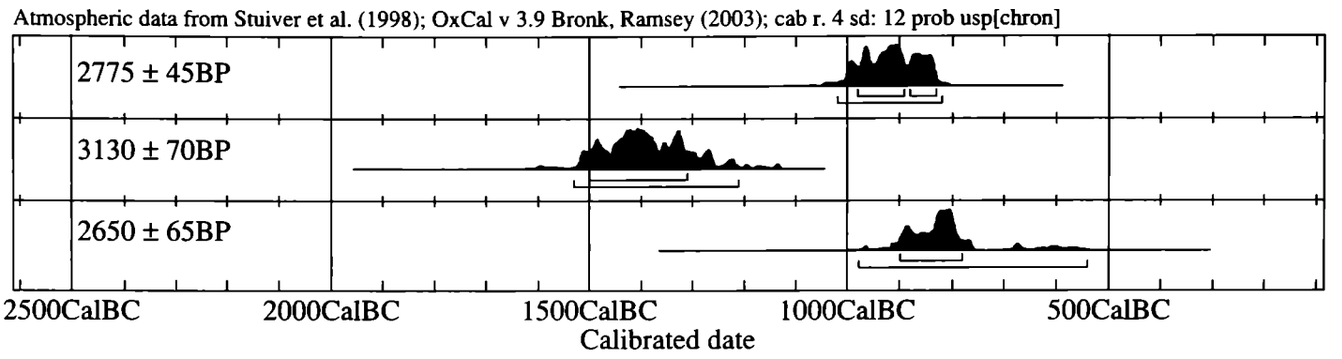


Рис. 9. Калибровка дат, полученных по углю из бархатовских сооружений Коловского городища.

бархатовскими памятниками может косвенно свидетельствовать о характере изменения климатической обстановки, если таковое было, в сторону похолодания. Кроме того, возрастание роли лошади можно связывать также с милитаризацией быта на данном этапе существования рассматриваемой культуры (Аношко, 2003. С. 61–66).

По древесному углю, обнаруженному в сооружении 2 Л.А. Орловой, получена дата 2650 ± 65 л.н. (СОАН – 4813), по древесному углю и обугленной древесине из жилища 12 – даты 3130 ± 70 л.н. (СОАН – 5328) и 2775 ± 45 (СОАН – 5327). Калибровка их по программе OxCal помогла выявить диапазон совокупности и позволила установить наиболее вероятные хронологические рамки бытования бархатовских сооружений Коловского городища (см. рис. 9). Одна из дат, 1530–1210 до н.э. при 68.2 и 95.4% уровнях вероятности, не попала в этот диапазон и, на наш взгляд, не соответствует действительности. Анализ возможных сопоставлений указывает на период 920–820 годов до н.э., соответствующий красногорскому этапу развития бархатовской культуры.

Для определения хронологической позиции керамической коллекции[4] Коловского городища было произведено ее сравнение с керамическими материалами бархатовских поселений Язево I, Камышное-2, Щетково-2, Заводоуковское-9 и Красногорского городища с помощью агломеративно-иерархического метода кластерного анализа. Сопоставление данных выборок по 14 признакам показало, что совокупность проанализированных керамических комплексов неоднородна и позволяет выделить две группы памятников, связи между которыми наиболее сильные. В первый кластер входят материалы поселений Язево I и Щетково-2, к ним примыкает Камышное II. Ко второму следует отнести Красногорское и Коловское городища. И, наконец, к общему кластеру, объединяющему первые два, присоединяется селище Заводоуковское-9, наиболее удаленное в пространстве взаимосвязи признаков (см. рис. 10). Классификация бархатовских памятников, проведенная на основании значений факторных весов по двухфакторной модели данных, позволила выделить также два скопления объектов и показала то же их количественное и качественное распределение. На диаграмме видно образование двух довольно тесных групп, в состав одной из них входят поселения Камышное II, Язево I и Щетково-2, другой – Красногорское и Коловское городища (см. рис. 11).

Картина, выявленная в результате кластерного и факторного анализов, подтверждает предложенную ранее гипотезу о хронологической дифференциации бархатовских древностей. Первая группа-кластер объединяет памятники раннего, щетковского, этапа, вторая – памятники развитого, красногорского, этапа бархатовской культуры (Матвеев, Аношко, 2001. С. 29–32). Отмеченное отклонение селища Заводоуковское-9 от общей тенденции обусловлено его более поздней временной позицией по отношению к остальным памятникам бархатовской культуры. Таким образом, керамический комплекс Коловского городи-

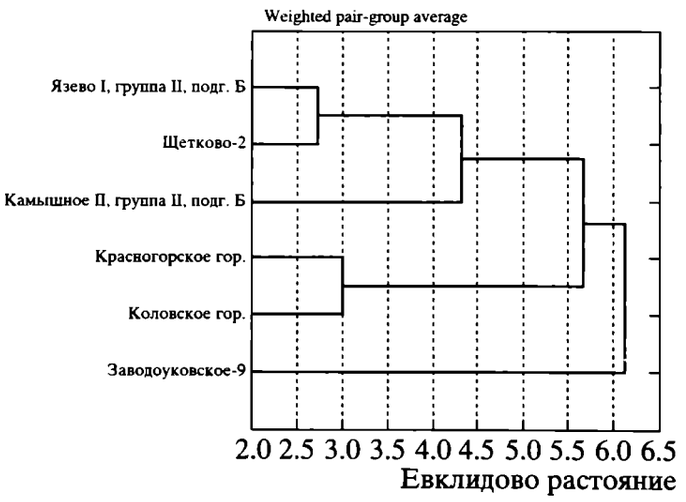


Рис. 10. Диаграмма керамических комплексов бархатовских памятников лесостепного Притоболья в 14-мерном такосономическом пространстве.

[4] Статистика выполнена по материалам 2001 и 2003 гг. работ (см. табл. 1).

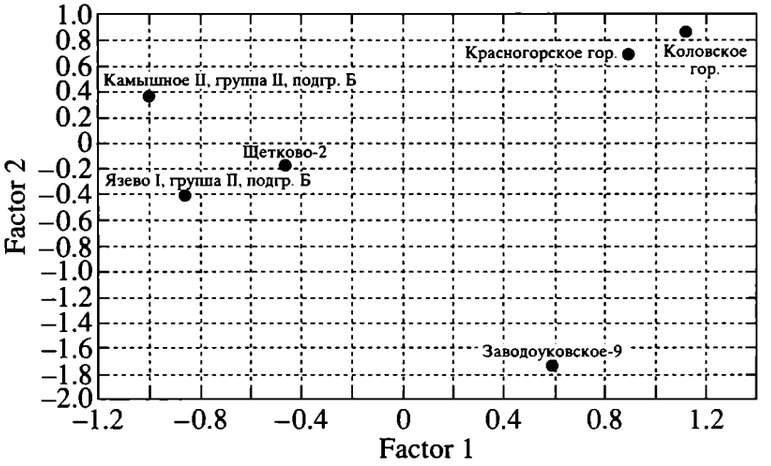


Рис. 11. Диаграмма рассеяния керамических комплексов бархатовских памятников лесостепного Зауралья по двухфакторной модели.

ща мы также соотносим с красногорским этапом начала I тыс. до н.э.

Исследования на Коловском городище дали новый тип жилых сооружений для бархатовской культуры: малые многокамерные (жилища 6 и 10). До сих пор они считались не характерными для домостроительной традиции представителей бархатовской культуры (Аношко, Берлина, 2003). Возможно, данное обстоятельство косвенно свидетельствует о заселении Коловского городища бархатовскими племенами на позднем этапе их развития и отражает зарождение традиций, получивших распространение в раннем железном веке, так как жилища такого типа характерны для сменяющей бархатовскую – баитовской культуры в данном регионе (Матвеева, 1989; 1994).

При раскопках достоверно не установлено наличие оборонительных сооружений. Однако о существовании фортификационной системы у бархатовцев мы знаем по материалам Красногорского и Миасского городищ. Вполне логично предположить, что они были в бархатовское время, но впоследствии разрушены деятельностью обитателей раннего железного века. В этой связи также примечателен тот факт, что укрепленные бархатовские поселения – Красногорское и Миасское городища, также как и Коловское, приурочены к естественно защищенным местам.

Таким образом, бархатовский комплекс Коловского городища мы относим к красногорскому этапу бархатовской культуры. В этот период ее развития можно говорить об усложнении социально-политической обстановки, что проявилось в строительстве укреплений. Является ли это результатом миграционных процессов под влиянием изменения природно-климатических условий в сторону похолодания и увлажнения, еще предстоит выяснить. Однако в материалах Красногорского и Миасского городищ зафиксирована примесь гамаюнской керамики. В то же время палинологические материалы бархатовского периода освоения площади Коловского городища отражают изменения в составе растительности в сторону увеличения доли ксерофитных злаково-полынных сообществ, а также сосны в лесных формациях, что свидетельствует о сосуществовании населения в более прохладных и сухих климатических условиях (Матвеева и др., 2003). В любом случае, без дальнейшего изучения поздних памятников бархатовской культуры, в частности Коловского городища, не удастся в полной мере выяснить многие проблемы культурогенеза переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века в лесостепном Зауралье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аношко О.М. Особенности хозяйства бархатовского населения позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Источники по истории Западной Сибири. Ч. 1. Сургут, 2003.

Аношко О.М., Берлина С.В. Реконструкция основных элементов жилой среды бархатовского населения эпохи бронзы // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень, 2003.

Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и постройки межовско-ирменского культурно-хронологического пласта // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1. Томск, 1994.

Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западно-сибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // Уч. зап. ПГУ. 1967. № 148.

Иванов В.А., Пшеничнюк А.Х. Городище финальной бронзы на р. Миасс // СА. 1978. № 4.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тобол-Иртышье в эпоху поздней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской

культуры) // Проблемы бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991.

Корочкова О.Н, Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция) // Российский этнограф. 1993. № 4.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Матвеев А.В. К вопросу об историко-культурной систематике и хронологии памятников эпохи поздней бронзы западно-сибирской лесостепи // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тез. науч. конф. Барнаул, 1988.

Матвеев А.В. Бронзовый век // Археологическое наследие Тюменской области. Тюмень, 1995.

Матвеев А.В. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск, 1999.

Матвеев А.В., Аношко О.М. К проблеме хронологической дифференциации бархатовских древностей // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 2. Тюмень, 2001.

Матвеев А.В., Аношко О.М, Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Тюмень, 2001.

Матвеев А.В., Бурлина Т.В. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири. Типология. Технология. Семантика. Новосибирск, 1990.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препринт. Тюмень, 1993.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Среднего Притоболья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.

Матвеева Н.П., Аношко О.М. Бархатовский комплекс Коловского городища // Вестн. ТюмГУ. 2002. № 2.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков // Древности Ингальской долины: Археолого-палеографическое исследование. Вып. 1. Новосибирск, 2003.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича-городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Мат. по археологии Сибири. Вып.1. Новосибирск, 2001.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Урала. М., 1972.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Сер. Археология СССР. М., 1987.

Materials of Barkhatovo Late Bronze Age culture from the Kolovo fortified settlement in the forest-steppe area of the Tobol basin

N. P. Matveeva, O. M. Anoshko, S. I. Tsembalyuk

Summary

In the article the materials of Barkhatovo culture of the final Bronze Age of the Transuralian region are published. At the Kolovo fortified settlement the remains of small multi-chamber sunken-bottom dwellings of different age have been investigated. They occupied the high promontory facing the River Iset' flood-plain. For a relatively long period of time the site's inhabitants lived in cool and dry climatic conditions and practiced animal-breeding (mainly horse-breeding), hunting and fishing. The collection of finds includes various clay net-weights, as well as artefacts made of bone, stone and antler. According to radiocarbon datings, chronology of the site falls within 920–820 BC. It correlates with the results of cluster and factorial analyses of collections of pottery from other six sites of the discussed region. As a result the Barkhatovo type of antiquities can be divided into two groups, the Kolovo settlement is attested to the late (Krasnogorsk) stage of the culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 39–50

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ПЛЕМЕН БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2006 г. Ю. В. Буйнов

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

За более чем полувековой период изучения бондарихинской культуры финального этапа позднего бронзового века исследователи пришли к выводу, что ее ареал охватывает не только Днепровское Лесостепное Левобережье, но включает также Лесостепное Подонье и достигает Среднего Поочья. В раннем железном веке на этой обширной территории сложились новые этнокультурные образования. В Днепро-Донском лесостепном междуречье таковыми являются скифообразные памятники ворсклинской, посульской, северскодонецкой, сейминской и среднедонской групп, а в Верховьях Дона и на Средней Оке – городецкая культура. Уже только один этот факт обусловил повышенный интерес многих археологов к вопросу о роли носителей бондарихинской культуры в генезисе указанных памятников скифской эпохи и соседних с ними культур, расположенных в южной части лесной зоны Восточной Европы.

Наиболее часто к этой проблеме обращалась В.А. Ильинская. Ее выводы, изложенные в нескольких статьях (Ильинская, 1957. С. 14–27; 1961. С. 43–45; 1969. С. 94–101; 1970. С. 37; 1977. С. 73–95; Іллінська, 1966. С. 58–92), можно свести к следующим положениям. Во-первых, в черняхово-лесское время произошло переселение части племен из области Правобережья на Ворсклу, в результате чего началось вытеснение местного бондарихинского населения и формирование здесь правобережно-ворсклинского варианта лесостепной культуры скифского периода. В основу этого тезиса были положены результаты раскопок Г.Т. Ковпаненко поселений у сел Ницаха и Хухры (1957. С. 95–105; 1967. С. 13–33, 49, 173). Во-вторых, в начале VI в. до н. э. на остальной территории Днепровского Лесостепного Левобережья в готовом, сложившемся виде, без какой-либо связи с культурой предшествующего периода, появляются памятники "скифской культуры посульско-донецкого типа". В-третьих, под давлением новых племен носители бондарихинской культуры оказались вытесненными из прежних мест своего обитания на север, в Левобережное Полесье, где они совместно с родственными племенами лебедовской культуры сформировали юхновскую культуру раннего железного века. При этом В.А. Ильинская отмечала, что хронологический разрыв между поздним периодом существования бондарихинской культуры и появлением городищ юхновского типа составлял сравнительно небольшой промежуток (конец VII – начало VI в. до н.э.), что вполне объяснимо (на современном уровне наших знаний) с учетом условий крупных этнических передвижений, перегруппировок.

Гипотезу о генетической связи бондарихинской и юхновской культур поддержали многие известные ученые. Так, М.И. Артамонов в своей статье "Скифское царство" специально акцентировал внимание читателей на исключительном сходстве их памятников, а следовательно, родстве и принадлежности к одному (балтскому) этносу (Артамонов, 1972. С. 64). Аналогичную позицию заняли М. Гимбутас (Gimbutas, 1965. P. 440, 441) и Б.А. Рыбаков. Последний, в отличие от В.А. Ильинской, вытеснение бондарихинских племен из Днепровского Левобережья на Сейм и Десну, приписал гелонам, "объединенным со скифами не только языком и единством происхождения..., но и явно скифским обликом всей материальной культуры" (Рыбаков, 1979. С. 162–164). Генетическую связь бондарихинской и юхновской культур признавали В.П. Левенок (1957. С. 53), А.Е. Алихова (1959. С. 20) и О.Н. Мельниковская (Мельниковська, Симонович, 1975. С. 75–83).

Весьма осторожную позицию по этому вопросу занял Б.Н. Граков. Комментируя выводы В.А. Ильинской, в учебном пособии "Ранний железный век" он отметил, что "пока... это недостаточно аргументированная гипотеза" (Граков, 1977. С. 199). Вместе с тем, Б.Н. Граков неоднократно подчеркивал факт отсутствия в керамике посульско-донецкого типа сколько-нибудь заметных следов бондарихинской культуры и допускал возможность ухода части доскифского населения со своей территории (Граков, 1971. С. 134; 1977. С. 198). Сомнения в отношении происхождения юхновской культуры от бондарихинской были и у П.Н. Третьякова. Он писал, что керамика этих этнокультурных образований, действительно, имеет между собой очень много общего, но еще предстоит выяснить, какую роль в процессе формирования материальной культуры юхновских городищ сыграли местные племена позднего бронзового века

и их непосредственные соседи – носители бондарихинской культуры (Третьяков, 1966. С. 156–161).

Совершенно по-иному рассматривает вопрос об исторических судьбах бондарихинских племен Б.А. Шрамко. Согласно его выводам, на территории Днепровского Лесостепного Левобережья они доживают до раннескифского периода и совместно с позднесрубными племенами сыграли роль местного субстрата в сложении культуры посульско-донецкого типа, но под влиянием памятников жаботинского типа и собственно скифской культуры (Шрамко, 1972. С. 153–163). Он же в категорической форме выступил против гипотезы о переселении на Ворсклу части племен чернолесской культуры, так как в этом регионе полностью отсутствуют ее памятники (городища, селища, могильники). По его убеждению отдельные вещи позднечернолесского типа встречаются здесь только в культурных слоях поселений бондарихинской культуры и памятников жаботинского этапа или в случайных находках.

Еще в начале 60-х годов прошлого века близкие взгляды по данной проблеме высказал П.Д. Либеров после своих раскопок городища скифского периода у хут. Городище. По его мнению, на этом памятнике присутствуют слабопрофилированные горшки с широким устьем и маленьким дном (III тип), имеющие прототипы в бондарихинской культуре (Либеров, 1962. С. 50, 55). В итоге последовал вывод, что такая посуда "непосредственно предшествует памятникам эпохи раннего железа и поэтому, несомненно, вошла в керамику скифского времени как один из слагаемых элементов" (Либеров, 1962. С. 71).

Сторонником гипотезы Шрамко-Либерова, объясняющей исторические судьбы бондарихинской культуры, является П.Я. Гавриш. На основании раскопок городища у с. Кнышовка, он пришел к выводу, что процесс формирования культуры посульско-донецкого типа раннего железного века происходил на основе культурных достижений автохтонного (бондарихинского) населения, которое, по его мнению, доживает в Левобережной Лесостепи до VII в. до н.э. (Гавриш, 2000. С. 145–160). Только в конце VII – начале VI в. до н.э., после прихода из южных районов Украины и Северного Кавказа в лесостепную зону Приднепровья ираноязычных кочевников (гелонов) с культурой скифского типа, начинается новый период.

Для решения этого актуального и дискуссионного вопроса в первую очередь необходимо уточнить верхнюю дату существования бондарихинских памятников и выяснить причины их исчезновения в пределах Днепро-Донского лесостепного междуречья. Только после решения этих задач можно более конкретно говорить о месте и роли бондарихинских племен в генезисе культур раннего железного века.

Первым, кто стал рассматривать бондарихинскую культуру не только как принадлежащую к финальному этапу позднего бронзового века, но и к предскифскому периоду, был Б.А. Шрамко. Основанием для такого вывода послужили находки фрагментов лощеной корчаги и кубка с резным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, на поселении у с. Хмаровка (Шмаровка) на Харьковщине (Шрамко, 1957. С. 23, 24). К VIII в. до н. э. отнесла материалы поселения у с. Хухры в бассейне Ворсклы Г.Т. Ковпаненко (1957. С. 95–98). На этом памятнике в одном стратиграфическом горизонте культурного слоя она зафиксировала керамику бондарихинского, чернолесского и синкретического бондарихинско-чернолесского типов. Последний из них характеризуется наличием тюльпановидных горшков, орнаментриванных тычками в сочетании со сквозными проколами и налепными валиками. К чернолесской культуре были отнесены практически все фрагменты столовой керамики и обломки горшков со сквозными проколами, но без тычковой орнаментации. Анализируя результаты раскопок поселения у с. Хухры, В.А. Ильинская сделала вывод о возможном временном сосуществовании носителей бондарихинской и чернолесской культур в бассейне Ворсклы в пределах VIII – начала VII в. до н.э. (1961. С. 33). О синхронности этих культур на позднем этапе их развития писала и С.С. Березанская, обратившая внимание на находки бондарихинской керамики на таких чернолесских городищах, как Субботовское и Колонтаевское (1982. С. 73).

В настоящее время в бассейне Ворсклы, кроме поселения у с. Хухры, известно еще шесть пунктов, содержащих слои с керамикой синкретического бондарихинско-чернолесского типа (поселения Петровское, Березовая Роща, Луговое, Зубовка, Малая Рублевка на р. Мерла и Барановка в верховьях Ворсклы). В качестве примера приведем краткое описание находок из поселения у с. Зубовка, раскопанного С.И. Берестневым в 1980 г. Среди них выделяются фрагменты толстостенных кухонных горшков с примесью шамота в тесте, украшенных горизонтальными рядами тычков, треугольниками с опущенными вниз вершинами, образованными круглыми ямками и налепными валиками (рис. 1, *3, 6, 9, 15*). Важно отметить, что эти типичные для бондарихинской культуры элементы орнаментации часто сочетаются со сквозными проколами под краем венчика (рис. 1, *2, 15*). Интересен обломок горшка с прочерченными сакральными знаками в виде косого креста с "крючками" и заполненного зерновидными наколами ромба (рис. 1, *16*). В одном стратиграфически неразделяемом горизонте культурного слоя этого поселения были обнаружены обломки 20 сосудов столового назначения (лощеных кубков и корчаг), украшенных резным геометричес-

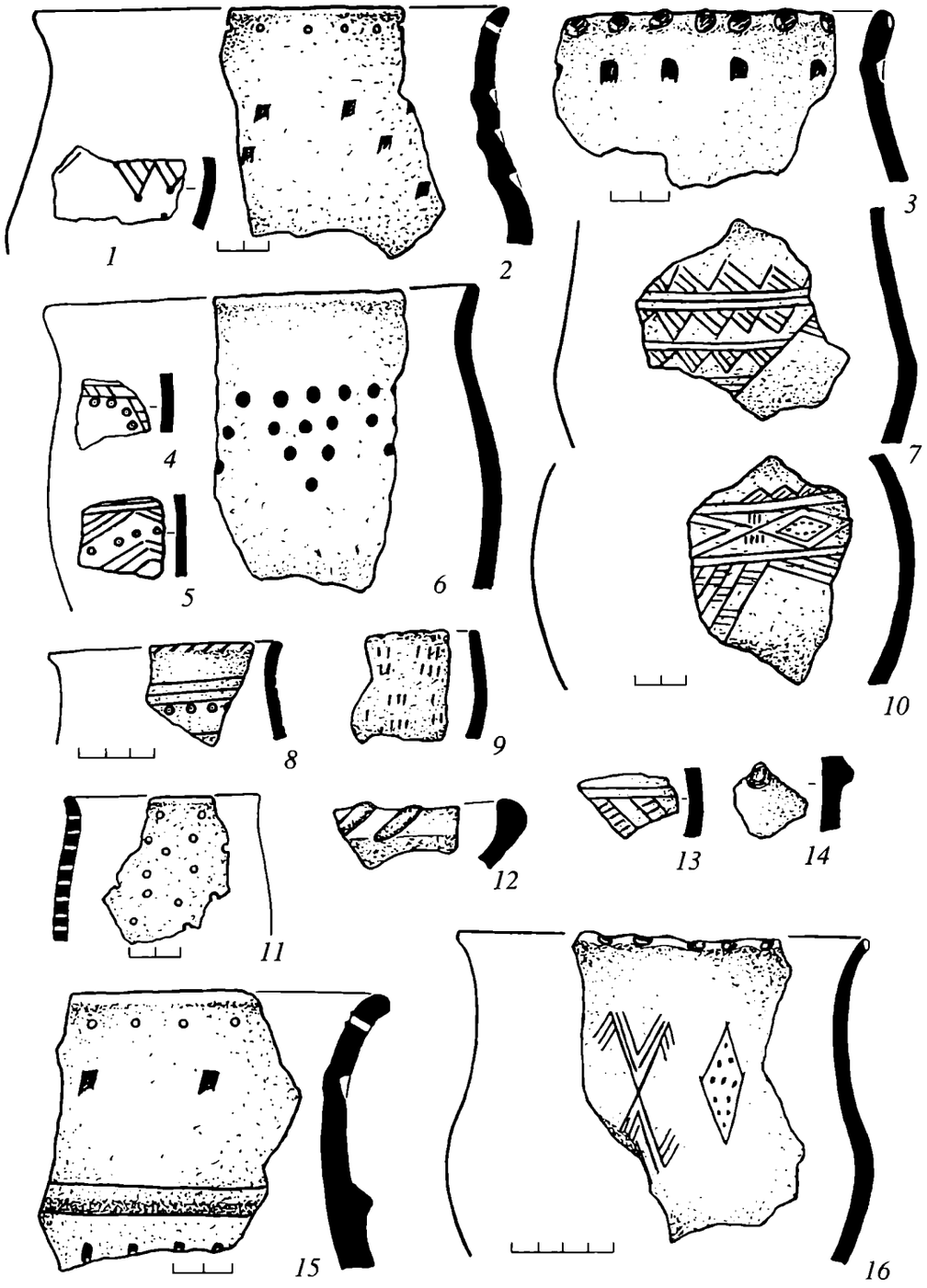


Рис. 1. Керамика из поселения у с. Зубовка.

ким орнаментом, состоящим из ромбов, треугольников, "лесенок", а также конических налепов (рис. 1, *1, 4, 5, 7, 8, 10, 13, 14*). Часто их концы увенчаны оттисками кольцевидного штампа. Два фрагмента принадлежат чернолощеным мискам полусферической формы с парными налепами по краю бортика (рис. 1, *12*). Все образцы этой категории керамики находят близкие аналогии в позднечернолесской культуре и на памятниках типа Сахарна-Солончены. Однако в ней прослеживается и переработка западных орнаментальных композиций на местной бондарихинской основе.

Гипотеза о переселении части населения позднечернолесской культуры в Днепровское Левобережье опровергается еще несколькими фактами. За более чем десятилетний период полтавские археологи, во главе с А.Б. Супруненко, провели широкомасштабные разведки в бассейнах рек Ворсклы, Псла и Сулы, но ни одного памятника, относящегося к чернолесской культуре, обнаружено не было. В то же время в этом регионе удалось зафиксировать 75 поселений, два грунтовых могильника с трупосожжениями бондарихинской культуры и несколько пунктов с материалами лебедов-

ской культуры (Білоусько, Супруненко, 2004. С. 108. Карта 8.4).

Начало колонизации бассейна Ворсклы выходцами из Днепровского Правобережья можно датировать серединой VIII в. до н.э. и связать ее с культурой раннежаботинского типа. По новейшим данным, именно в это время возникают западное укрепление Бельского городища и некоторые соседние с ним поселения (Шрамко, 1987. С. 17, 18; Бруяко, 1996. С. 280–285; Шрамко, 2004. С. 103–105). Вторжение переселенцев из Заднепровья в область расселения бондарихинских племен хорошо фиксируется и в нижнем течении Ворсклы, где сформировался своеобразный "куст" синхронных и родственных в этническом отношении поселений. Все эти памятники генетически связаны с населением предскифского периода бассейна Тясмина (Гавриш, 2004. С. 67).

Под натиском переселенцев из Правобережья на раннежаботинском этапе бондарихинцы, ранее обитавшие на берегах Ворсклы, были вынуждены переселиться в сопредельные с ней районы. Ближайшим из них был бассейн Северского Донца. В настоящее время здесь насчитывается более 20 позднебондарихинских поселений. Часть из них была синхронной чернолесской культуре второй ступени и демонстрирует поступательное развитие этой культуры в переходный период от позднего бронзового века к эпохе раннего железа. Другие же не содержат отложений предшествующего периода и возникли на новых местах. Самыми восточными пунктами, содержащими керамику синкретического бондарихинско-чернолесского типа, является поселение у с. Уразово (Либеров, 1969. С. 34), расположенное в области среднего течения р. Оскол, а на юго-востоке – поселение Ореховo-Донецкое-IV в Среднем Подонцовье (Горбов, Усачук, 2001. С. 15–45). Весьма информативными являются материалы поселения у с. Червоный Шлях в лесостепной части бассейна Северского Донца (Буйнов, 2003. С. 4–13), на котором были раскопаны два жилища. В одном из них содержались материалы, аналогичные найденным в уроч. Бондариха, а во втором – поселениям бассейна Ворсклы с синкретическим бондарихинско-чернолесским керамическим комплексом.

Интересные материалы происходят из поселения Родной Край-1 на р. Уды в Харьковской обл. Здесь автором статьи в закрытых комплексах и в культурном слое встречено множество сосудов не только чисто бондарихинского типа, но и синкретического облика (рис. 2), включая и лощеную столовую посуду (рис. 3, *1–7*). Верхнюю дату существования этого поселения можно определить по трем костяным изделиям. В первую очередь обратим внимание на обломок псалия с овальными отверстиями (рис. 3, *8*). Подобные детали конской узды неоднократно попадались при раскопках памятников черногоровской, кизил-кобинской, позднечернолесской, раннеананьинской культур и типа Сахарна-Солончены. Второй предмет – костяной черешковый наконечник стрелы с головкой листовидной формы треугольного сечения (рис. 3, *9*). Аналогичные наконечники происходят из слоев X–VII вв. до н.э. Сержень-юртовского поселения, Алхан-калинского городища на Северном Кавказе (Козенкова, 1982. С. 13. Табл. X, *13*), Луговского и Старшего Ахмыловского могильников ананьинской культуры (Халиков, 1980. Табл. 60, *197*; Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 48, *1е-ж*). Третью находку можно интерпретировать как застежку для недоуздка, которая мешала его отвязыванию во время отдыха или кормления лошади (рис. 3, *10*). В бронзовом исполнении такие дуговидные предметы с овальным отверстием в середине были найдены во впускном погребении кургана № 4 у с. Ягодное на Средней Волге, которое датируется VIII– VII вв. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 72) и в Верхнекобанском могильнике на Северном Кавказе, относящемся ко второй половине X – началу VII в. до н.э. (Козенкова, 1990. С. 72, 79. Рис. 8, *21*).

В бассейне Северского Донца расположено городище, возникшее в позднебондарихинское время. Занимает оно мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Великий Бурлук. Раскапывалось автором совместно с Б.А. Шрамко в 1976–1977 гг. (Буйнов и др., 1978. С. 303). На дне обнаруженного на нем жилища вместе с местной керамикой (рис. 4, *1–7, 9, 10*) найдено бронзовое височное кольцо с одним спиралевидным щитком и загнутым в петлю наружным концом (рис. 4, *8*). Аналогичные украшения входили в состав кладов второй ступени чернолесской культуры на Субботовском городище. Несколько позже котлован этого жилища был использован для сооружения зольника. Происходящая из него керамика также отражает влияния, идущие со стороны Днепровского Правобережья в предскифское время (рис. 4, *11–18*). В целом она чрезвычайно близка посуде Хухринского поселения на Ворскле.

К позднейшим бондарихинским памятникам относятся поселения Журавлевка в г. Харькове, на котором обнаружен костяной втульчатый наконечник стрелы так называемого "аржанского" типа с башневидной головкой ромбического сечения и выемкой в основании (рис. 5, *9*) и Травянское–1 на р. Харьков, где найден костяной черешковый наконечник стрелы с головкой ромбической формы трехгранного сечения (рис. 5, *10*). Ближайшую аналогию ему составляет наконечник из наиболее древнего погребения № 276 старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 48, *1г*), функционировавшего с середины VIII до конца VI в. до н.э. (Халиков, 1977. С. 30). Судя по публикации некоторых материалов поселения Капитановское, расположенного в среднем Подонцовье,

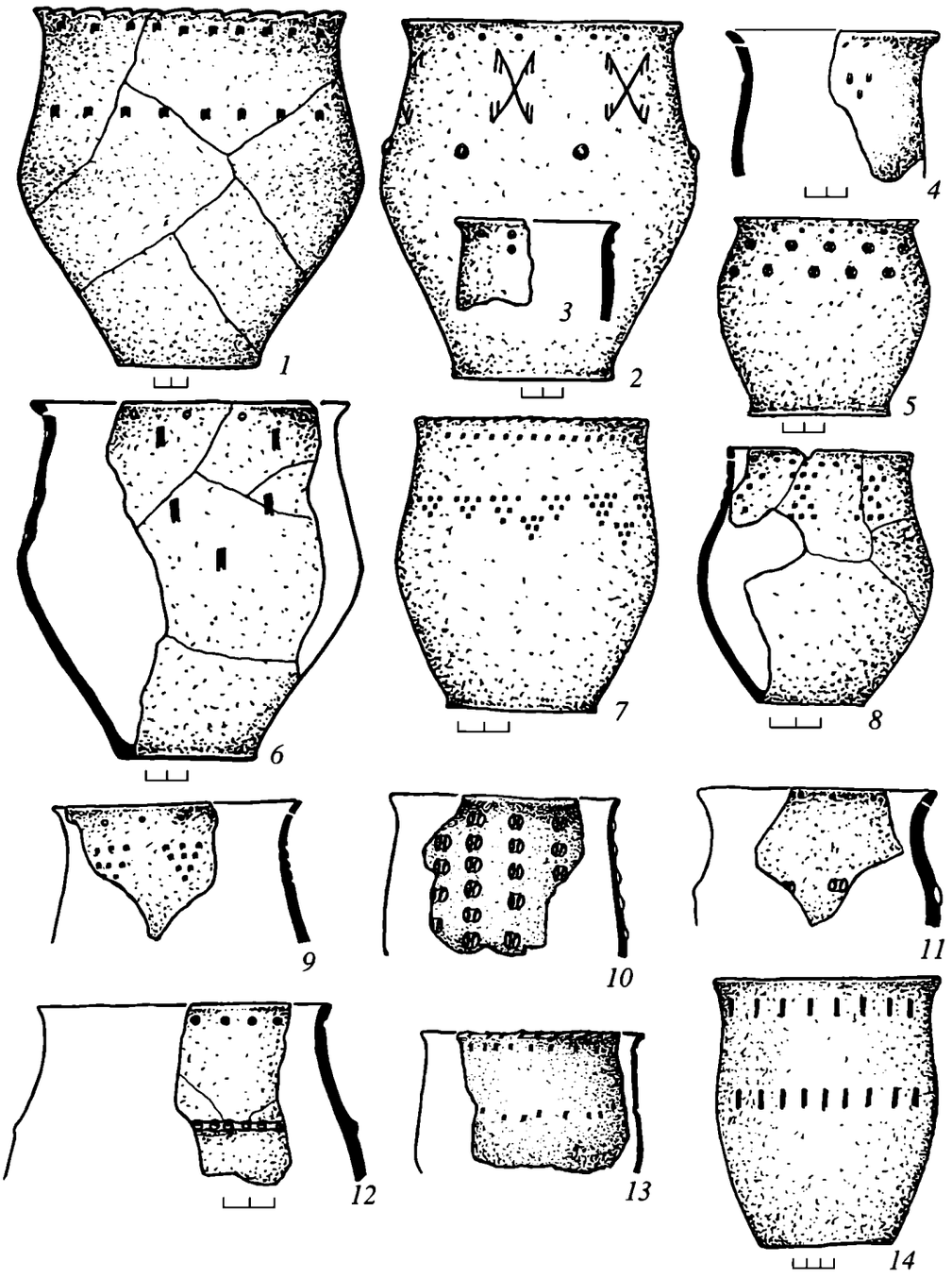


Рис. 2. Кухонная посуда поселения Родной Край-1.

оно, несомненно, возникло на финальном этапе развития бондарихинской культуры (Березанская, 1982. С. 71). Особый интерес вызывает лощеная корчага, украшенная широким орнаментальным поясом из заштрихованных треугольников, выполненных оттисками зубчатого штампа, между которыми проходит лента гладкого зигзага (рис. 5, *3*). Ранее такая орнаментальная композиция на столовой посуде бондарихинской культуры не фиксировалась, но она присутствует на корчаге черногоровской культуры из погребения № 5 кургана Высокая могила, сосудах из поселения у с. Солончены и поселения на Тарасовой горе у с. Жаботин. Из культурного слоя Капитановского поселения происходит также бронзовая пуговица с полусферическим щитком (рис. 5, *1*), типологически близкая бляхам-пуговицам черногоровской (Дубовская, 1993. С. 139) и колхидской (Воронов, 1980. Рис. 2, *22*, *23*, *66*) культур.

Как видим, в бассейне Северского Донца имеются бондарихинские памятники, синхронные не только второй ступени чернолесской культуры, но и черногоровской и раннеананьинской культурам. Датировка наиболее поздних из них не может быть пока установлена точнее, чем середина – вторая половина VIII в. до н.э.

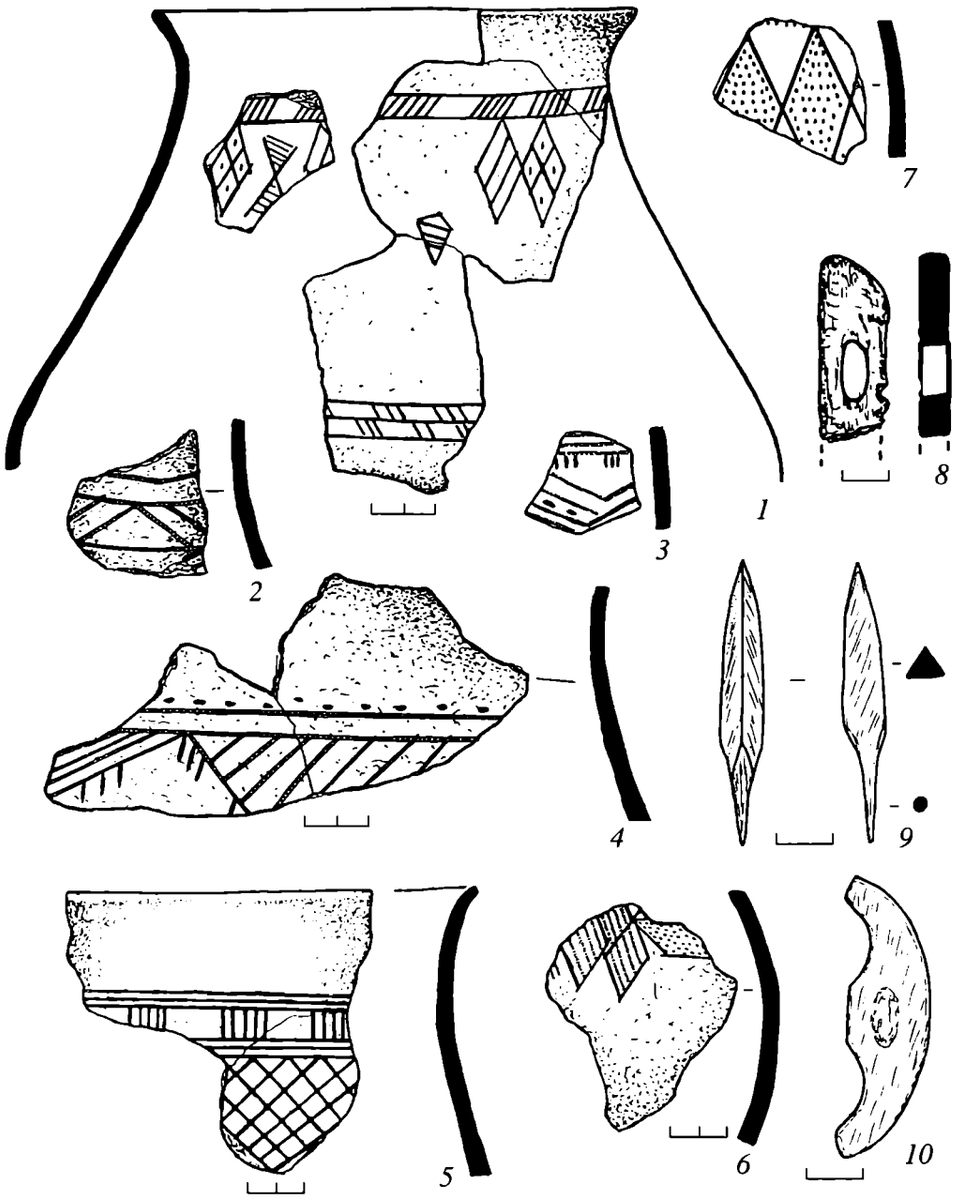


Рис. 3. Столовая, культовая посуда и костяные изделия из поселения Родной Край-1.

В Лесостепном Подонье ярко выраженные влияния, идущие из Днепровского Правобережья, не отмечены. Керамический комплекс местных памятников имеет достаточно архаический вид (Мельников, 2002. С. 112–119). Однако на Шиловском поселении был найден обломок псалия с тремя круглыми отверстиями, сделанного из кабаньего клыка, датируемого первыми веками I тыс. до н.э. (Екимов, Беседин, 1980. Рис. 4, *17*).

В Среднем Поочье памятники бондарихинской культуры появляются позже, чем в Днепро-Донском лесостепном междуречье. Здесь нет ни одного пункта, на котором присутствовали бы образцы керамики малобудковского типа. При раскопках Каргашинского городища в Мордовии А.Е. Алихова обнаружила бронзовый черешковый наконечник стрелы с подтреугольным пером, овальным стержнем и слабо выделенными крыльями (1959. Рис. 44, *6*). Подобные наконечники известны по находкам на Северном Кавказе, в Закавказье, Иране и в Южной Европе, где они датируются XI–VIII вв. до н.э. (Погребова, 1977. С. 73, 74). К столь позднему времени можно отнести и слой с бондарихинской керамикой на Северном мысу городища Старая Рязань, в котором была обнаружена бронзовая серьга с заходящими друг за друга концами (Розенфельд, 1974. Рис. 2, *6*). Типологически близкие украшения часто встречаются на памятниках белозерской и черногоровской культур (Дубовская, 1993. Рис. 73, *11, 19, 30, 31, 43, 46, 48*).

Новые данные позволяют связать исчезновение бондарихинской культуры не со скифским нашествием, а с появлением в лесостепи иного раннекочевнического этнического элемента. А.П. Медведев и Ю.Г. Екимов в Лесостепном Подонье выделили

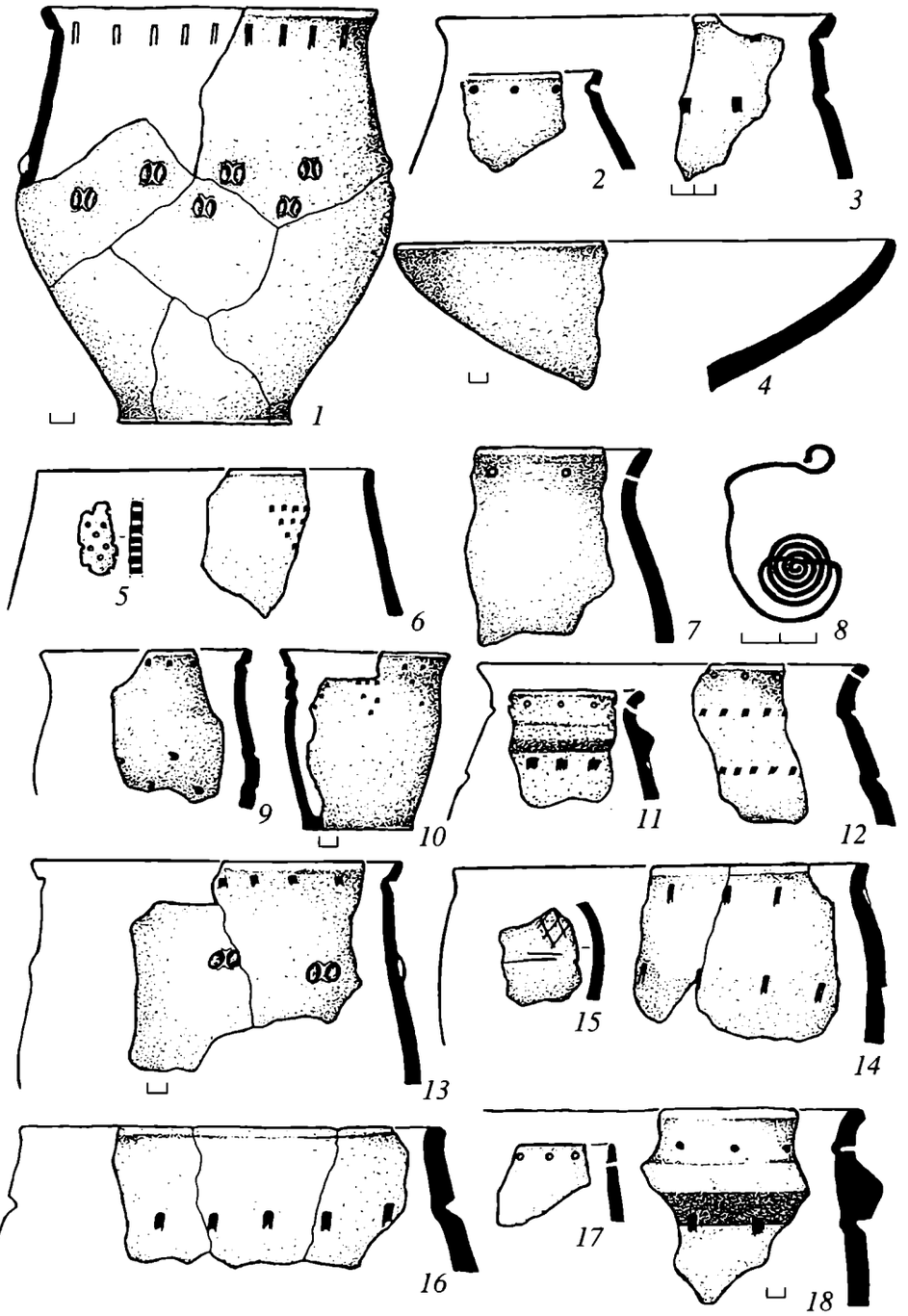


Рис. 4. Находки из городища у с. Веселое.

9 подкурганных погребений позднейшего предскифского периода (Медведев, 1999. С. 20–30; Екимов, 1986. С. 124–133). Кроме одного из них, относящегося к черногоровской культуре (Таганский могильник), все другие принадлежат к новочеркасской группе памятников (положение умерших на спине или слабо скорченно на боку и их западная ориентировка). Такие же памятники имеются на территории Левобережной Лесостепной Украины. Бесспорно к черногоровской культуре относятся курганы у сел Камышеваха, Зимогорье, Черногоровка, Николаевка, Новоалександровка в Среднем Подонцовье; Заплавка, Колпаковка и Котовка в бассейне Орели (Дубовская, 1994. С. 20, 21). В нижнем течении р. Ворскла известны два погребения (Бутенки и Шевченковка) с инвентарем "классического" новочеркасского типа (Ковпаненко, 1962. С. 66–72; Берестнев, 1985. С. 103). Очень важным хронологическим индикатором этих памятников являются находки в их комплексах бронзовых колец от упряжи колесниц (рис. 6, *б*). По В.Р. Эрлиху, они появляются только в конце VIII – первой половине VII в. до н.э. (Эрлих, 1994. С. 148). Верхний рубеж захоронения всадника в погребении № 3 кургана № 1 у хут. Черногоровка С.Б. Вальчак определяет кон-

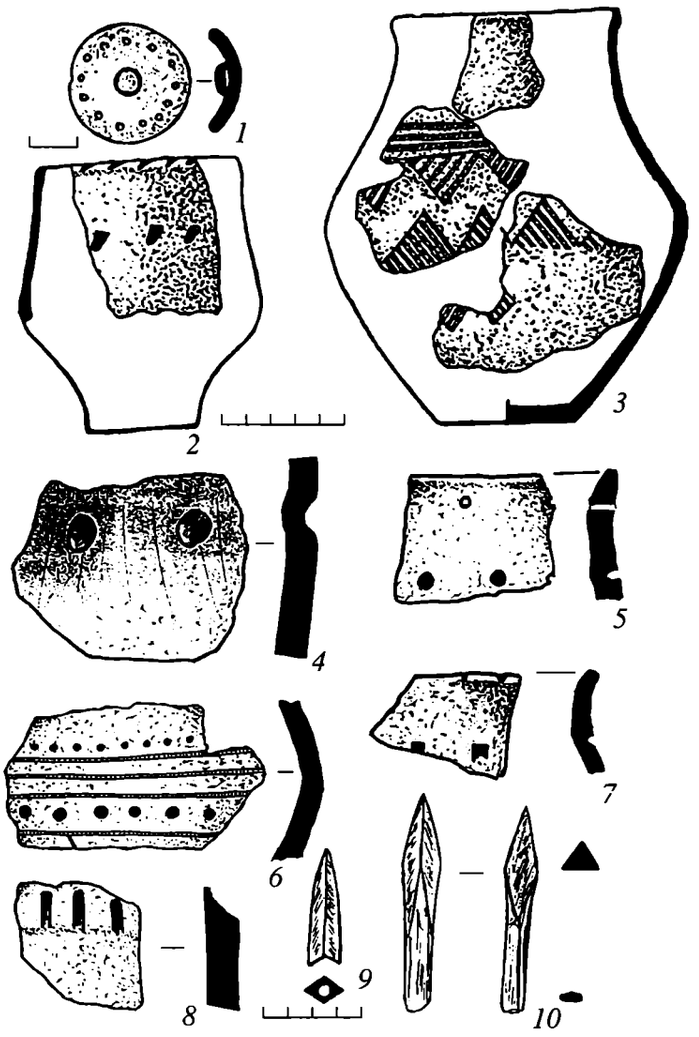


Рис. 5. Датирующие предметы из поселений бондарихинской культуры в бассейне Северского Донца: *1–3* – Капитановское поселение; *4–8, 10* – поселение Травянское-1; *9* – Журавлевское поселение в Харькове.

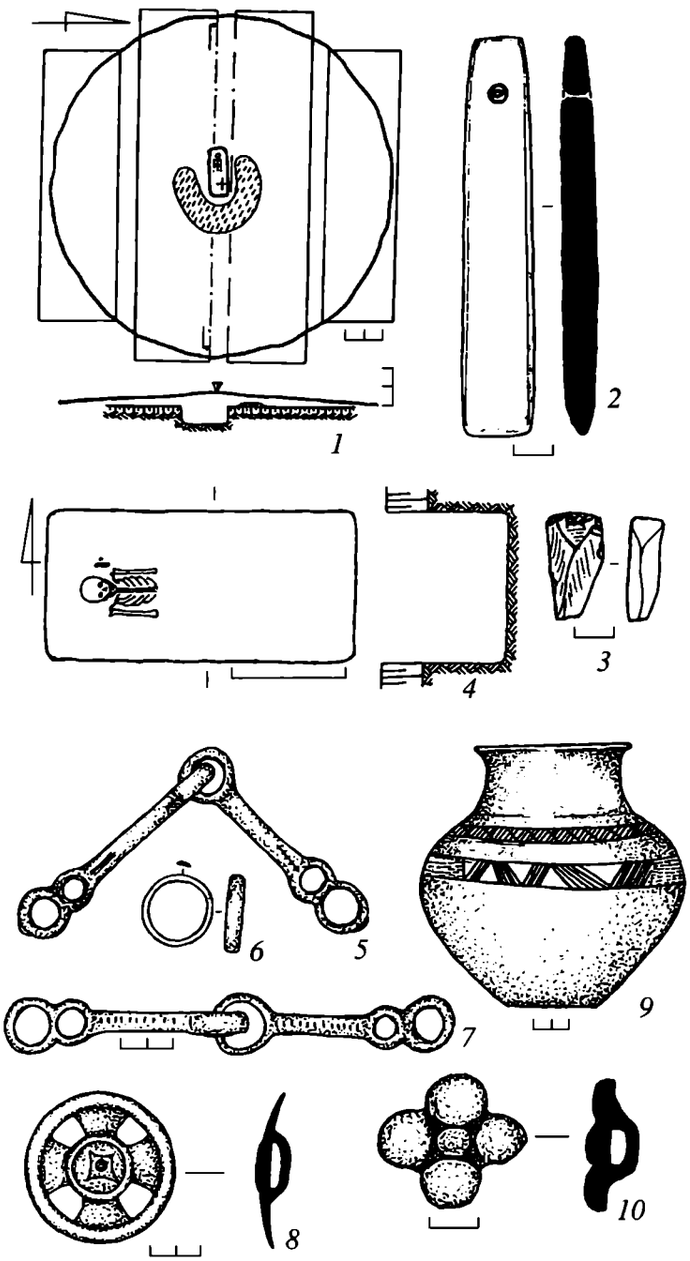


Рис. 6. Образцы памятников и погребального инвентаря позднейшего предскифского периода из Днепровского Лесостепного Левобережья: *1–4* – курган 1998 г. раскопок Люботинского могильника; *5–8* – конская сбруя из кургана у с. Шевченковка; *9* – корчага из погребения № 2 кургана № 10 у с. Кириковка; *10* – уздечная бляха из кургана № 43 Верхнегиевской группы.

цом VIII в. до н.э. (1994. С. 133). Еще 8 курганов с типичным для новочеркасских памятников погребальным обрядом выделены С.И. Берестневым и автором в междуречье Ворсклы и Северского Донца (Берестнев, 1985. С. 98–106; Бандуровский, Буйнов, 2000. С. 32, 33). Особенно показательным является подкурганное погребение, раскопанное А.В. Бандуровским в 1998 г. на территории Люботинского могильника. Оно размещалось в обычной грунтовой яме прямоугольной формы, ориентированной по линии запад–восток. Частично разрушенный грабителями скелет лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой на запад (рис. 6, *1, 4*). Слева от черепа найден зашлифованный точильный брусок с отверстием и кремневое кресало (рис. 6, *2, 3*). При доисследовании разрушенного современными грабителями кургана № 43 Верхнегеевской группы у г. Люботина нами была обнаружена бронзовая четырехлепестковая бляшка с внутренней петлей (рис. 6, *10*). Подобные уздечные бляхи часто встречаются в протомеотских памятниках второй половины VIII в. до н.э. (Тереножкин, 1976. С. 175, 176; Беглова и др., 1997. С. 79). Многочисленные случайные находки в ареале бондарихинской культуры бронзовых изделий северокавказского происхождения могут быть связаны в культурно-хронологическом плане с памятниками типа Новочеркасского клада (Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985. С. 108–117; Махортих, 1998. С. 23–25).

Следов внезапного вражеского вторжения на позднебондарихинских поселениях пока не замечено. Видимо, под угрозой нападения ранних кочевников их обитатели организованно покинули свою этническую родину. Из Среднего Подонья они могли уйти на Верхний Дон и в Среднее Поочье, где в VIII–VII вв. до н.э. были ассимилированы носителями городецкой культуры. Об этом весьма убедительно говорят результаты раскопок Новопшеневского городища в Мордовии (Вихляев, 1986. С. 206–208) и Пекшеевского городища в Подонье (Медведев, 1993. С. 65–71). На этих раннегородецких по способу обработки поверхности сосудов памятниках в одном слое встречается текстильная и гладкостенная тычковая керамика. По основным морфологическим признакам, орнаментации и составу теста последняя группа посуды сопоставима с местной керамикой бондарихинской культуры (Медведев, 1993. С. 70).

Иначе сложилась судьба бондарихинских племен, обитавших в бассейне Северского Донца, верховьях Сулы, Псла и Ворсклы. После внедрения на эти земли ранних кочевников с культурой новочеркасского типа аборигенное население, скорее всего, переселилось на север, где осело на Правобережье Сейма, в бассейне Десны и верховьях Оки. Здесь в позднем бронзовом веке существовала лебедовская культура. У нас имеются достаточно весомые основания считать племена бондарихинской и лебедовской культур близкородственными в этническом отношении и даже ставить вопрос о возможности выделения особой бондарихинско-лебедовской культурно-исторической общности переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (Буйнов, 2004. С. 145–158).

Историографический аспект проблемы происхождения юхновской культуры и аргументация в пользу участия в этом процессе бондарихинских племен неоднократно рассматривались В.А. Ильинской (1961. С. 43–45; 1969. С. 94–101). В нашей статье хотелось бы обратить внимание на следующее. Обычно возникновение юхновской культуры датируется VI в. до н.э., но отдельные ее поселения могли возникнуть еще в VII в. до н.э. (Ковальова, 1979. С. 85–88; Мельниковська, 1985. С. 89), что как будто указывает на наличие определенного хронологического разрыва между позднейшими бондарихинскими памятниками бассейна Северского Донца и ранней юхновской культурой. Однако, в определенной мере, некоторые наблюдения позволяют его заполнить. Еще В.П. Левенок по результатам раскопок поселений на Десне выделял предюхновский этап. В нижних слоях этих памятников встречалась посуда, практически ничем не отличающаяся от бондарихинской, в том числе и с признаками позднечернолесского влияния (Левенок, 1957. Рис. 2; 1963. С. 80. Рис. 3, *1, 2;* 5), что может свидетельствовать о довольно раннем проникновении бондарихинцев в южные районы лесной зоны. Добавим еще и что керамика со сквозными проколами в сочетании с "бантиками" и тычками, сгруппированными в треугольники с опущенными вниз вершинами, присутствует не только на раннеюхновских городищах VII–VI вв. до н.э. (Алихова, 1962. Рис. 17, *5, 7*), но и в более позднее время (Пузикова, 1981. Рис. 21, *1, 4*). Бондарихинские традиции в юхновской культуре прослеживаются в домостроительстве (Ковальова, 1979. С. 87, 88) и погребальном обряде (Мельниковская, 1970. С. 50, 51).

Если признать переселение бондарихинцев под натиском ранних кочевников позднейшего предскифского периода в более северные районы, то можно развеять известные сомнения Б.Н. Гракова в отношении гипотезы В.А. Ильинской об исторических судьбах бондарихинской культуры. В данном случае мы имеем в виду его следующее высказывание: "...в юхновской культуре есть сосуды, напоминающие обе основные бондарихинские формы. Однако они встречаются и в дьяковской культуре, и в культуре городищ Смоленщины. Что скрывается за этим – неясно" (Граков, 1977. С. 199). Столь широкое распространение не только форм сосудов, но и их орнаментации, исполненных по бондарихинским традициям, находит объяснение в участии переселенцев из Днепро-Донского лесостепного междуречья в сложении не только юхновской и городецкой культур, но и некоторых иных этнокультурных образований лесной зоны. Как справедливо заметил В.В. Седов, керамический материал юхновских (деснинских) и верхнеокских поселений "чрезвычайно близок к днепро-двинскому, что, по всей вероятности, может быть объяснено общностью происхождения носителей этих культур" (Седов, 1970. С. 33). Он же обратил внимание на формирование днепро-двинской культуры еще в VIII–VII вв. до н.э. в условиях отсутствия на ее территории древностей конца II – начала I тыс. до н.э. (Седов, 1970. С. 28).

Попытки связать исчезновение бондарихинской культуры с нашествием скифов или гелонов следует признать ошибочными еще по одной причине – хронологической. Уже ни у кого не возникает сомнение в том, что среднедонская группа памятников скифского периода появляется только в конце VI в. до н.э. (Медведев, 1999). По периодизации И.Н. Медведской, самые ранние "скифские" курганы на Суле, Псле и Ворскле сооружались в промежутке 700–650 гг. до н.э. (1992. С. 88–91). С учетом поправки хронологии келермесских курганов (Галанина, 1994. С. 92–107), лесостепные курганы со скифским набором погребального инвентаря вполне реально перенести во вторую половину VII в. до н.э. К этому времени относятся курганы № 1 и 2 Караванской группы

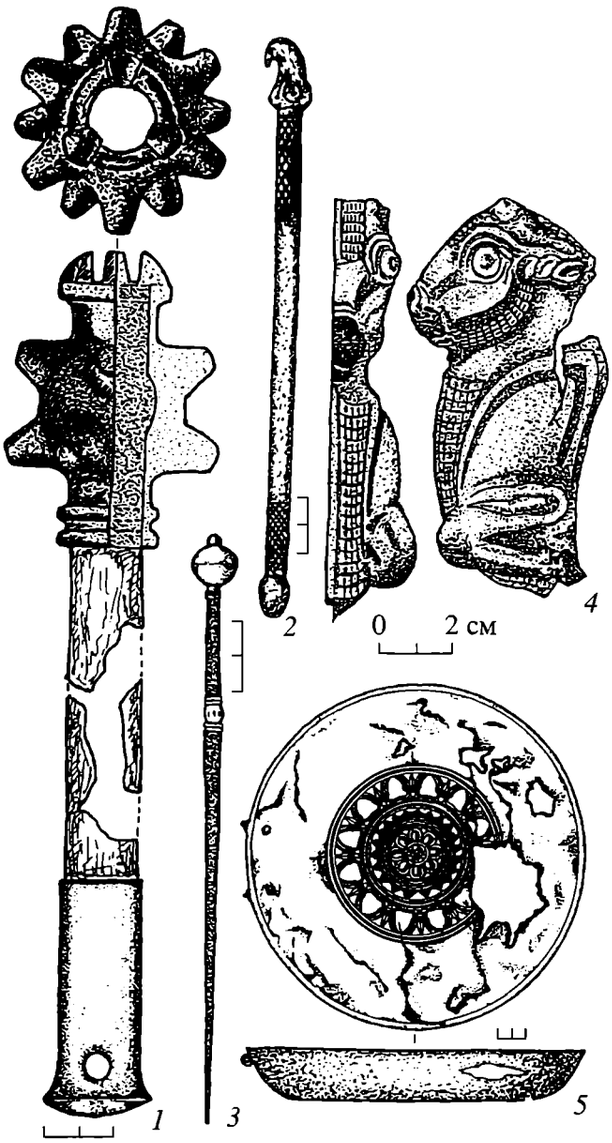


Рис. 7. Образцы погребального инвентаря раннескифского периода из курганов Караванской группы Люботинского могильника: *1–3* – курган № 1; *4, 5* – курган № 2.

Люботинского могильника в бассейне Северского Донца, в которых обнаружены несомненные вещественные свидетельства контактов скифов с Передней Азией. В первом кургане таковыми являются бронзовая булава из Луристана (рис. 7, *1*), костяная рукоять нагайки с орлиной головкой (рис. 7, *2*), близко напоминающая плети-нагайки из Кармир-Блура (Дубовская, 1997. С. 58. Рис. 1, *22, 25, 26*), а во втором – фрагмент серебряного ближневосточного ритона с протомой быка, аналогичный обнаруженному на Калитве (рис. 7, *4*) и бронзовое с позолотой блюдо, декорированное в ассирийском стиле (рис. 7, *5*). По определению А.Ю. Алексеева "эти курганы скорее всего имеют отношение к истории участников ранних походов скифов в Переднюю Азию (поколение царя Бартатуа/Партатуа)" (Алексеев, 2000. С. 5).

В обобщенном виде основные выводы по обозначенной проблеме можно свести к следующему: 1 – бондарихинская культура в Днепро-Донском лесостепном междуречье исчезает в конце VIII в. до н.э. под натиском не скифов или гелонов, а ранних кочевников с культурой черногоровского и новочеркасского типов; 2 – из Левобережной Лесостепи ее носители переселились в южные районы лесной зоны, где они приняли участие в сложении юхновской и некоторых других культур раннего железного века; 3 – на Верхнем Дону и в Среднем Поочье племена бондарихинской культуры в VIII–VII вв. до н.э. были ассимилированы носителями городецкой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Луристанская булава в Скифии // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тез. докл. СПб., 2000.

Алихова А.Е. Некоторые древние городища Мордовской АССР // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. Саранск, 1959.

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. 1962. № 113.

Артамонов М.И. Скифское царство // СА. 1972. № 3.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северодонецкий вариант). Киев, 2000.

Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А. Протомеотские древности в Закубанье // МИАР. 1997. № 1.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.

Берестнев С.И. О погребениях предскифского периода в левобережной лесостепной Украине // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.

Білоусько О.А., Супруненко О.Б. Давня історія Полтавщини: XX тисячоліття до н.е. – V століття. Полтава, 2004.

Бруяко І.В. Фінал горизонту "штампованої" кераміки доби раннього заліза в українському лісостепу // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.

Буйнов Ю.В. Поселення бондарихінської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2003. Вип. 35.

Буйнов Ю.В. Бондарихинская и лебедовская культуры: проблема этнических связей // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2004. Вип. 36.

Буйнов Ю.В., Грубник-Буйнова Л.П. Бронзовые изделия предскифского периода из днепровского лесостепного Левобережья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.

Буйнов Ю.В., Дьяченко А.Г., Шрамко Б.А. Работы на новостройках Харьковской области // АО-1977. 1978.

Вальчак С.Б. К вопросу о датировке комплексов из Черногоровского кургана // РА. 1994. № 2.

Вихляев В.И. Керамика Новопшеневского городища в Мордовии // СА. 1986. № 1.

Воронов Ю.Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). Полтава, 2000.

Гавриш П.Я. Дофортечний період в Історії Більського городища // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI. Запоріжжя, 2004.

Галанина Л.К. К проблеме хронологии келлермесских курганов // РА. 1994. № 1.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям // Донецкий археологический сборник. Вып. 9. Донецк, 2001.

Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.

Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. № 2. Донецк, 1993.

Дубовская О.Р. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // РА. 1994. № 2.

Дубовская О.Р. Плеть как возможный атрибут предскифских погребений // МИАР. 1997. № 1.

Екимов Ю.Г. Памятники киммерийского времени в лесостепном Подонье // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.

Екимов Ю.Г., Беседин В.К. К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.

Іллінська В.А. Про походження та етнічні зв'язки культури Посульсько-Донецького Лісостепу // Археологія. 1966. Т. 20.

Іллінська В.А. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи // Археологія. 1970. Т. XXIII.

Ильинская В.А. О происхождении культур раннего железного века на левобережье Среднего Днепра // КСИИМК. 1957. Вып. 70.

Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. № 1.

Ильинская В.А. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры // СА. 1969. № 2.

Ильинская В.А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном // Скифы и сарматы. Киев, 1977.

Ковальова Л.Г. Матеріали ранньозалізної доби з поселення Гришівка на Чернігівщині // Археологія. 1979. Т. 30.

Ковпаненко Г.Т. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки // Археологія. 1957. Т. 11.

Ковпанено Г.Т. Погребение VIII–VII вв. до н.э. в бассейне р. Ворсклы // КСИА. 1962. Вып. 12.

Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. 1982. Вып. В2–5.

Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3.

Левенок В.П. Городища юхновской культуры // КСИА. 1957. Вып. 7.

Левенок В.П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. 1963. № 3.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // МИА. 1962. № 113.

Либеров П.Д. Савроматы ли сирматы // МИА. 1969. № 151.

Махортих С.В. Про північнокавказькі бронзи X–VIII ст. до н.е. Лівобережної України // Археологічний літопис Лівобережної України. Ч. 1–2. Полтава, 1998.

Медведев А.П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века // РА. 1993. № 4.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. № 3.

Мельников Е.Н. Материалы финала эпохи бронзы с территории Верхнего Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Мельниковская О.Н. Первые сведения о погребальном обряде у племен юхновской культуры // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Мельниковська О.М. Юхнівська культура // Перша Чернігівська обласна наукова конференція з Історичного краєзнавства. Тез. доп. Чернігів, 1985.

Мельниковська О.М., Симонович Е.О. Розкопки в Камарівці на Посейм'ї // Археологія. 1975. № 15.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.

Розенфельд И.Г. Северный мыс городища Старая Рязань // Археология Рязанской земли. М., 1974.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977.

Халиков А.Х. Приказанская культура. САИ. 1980. Вып. В1–24.

Шрамко Б.А. Новые памятники предскифского времени на Северном Донце // КСИИМК. 1957. Вып. 67.

Шрамко Б.А. Походження племен раннього залізного віку на території Лісостепового Лівобережжя України // Питання з історії народів СРСР. Вип. 14. Харків, 1972.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

Шрамко И.Б. О начальном периоде существования Бельского городища // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології. Київ, 2004.

Эрлих В.Р. Об интерпритации некоторых комплексов типа новочеркасского клада // РА. 1994. № 2.

Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Estern Europe. Paris; L., 1965.

Concerning the history of the Bondarikhino culture tribes

Yu. V. Buinov

Summary

Elucidation of the problem of genesis of a number of the Early Iron Age cultures in the southern part of Eastern Europe to a great extent depends on working out clearer ideas on the history of the bearers of Bondarikhino culture, that existed on the final stage of the Bronze Age. In the paper the results of new excavations are analysed. The author comes to the following conclusions. First in the mid 8th c. BC the Bondarikhino tribes were forced out from the River Vorskla basin by the newcomers from the territory on the Dnieper right bank associated with the sites of the early Zhabotin type. In the late 8th c. BC the Bondarikhino tribes had to abandon finally the forest-steppe in the Dnieper–Don region and to move to the southern areas of the forest zone under the pressure exerted by the tribes of early nomads and those related to the cultures of Chernogorovo and Novocherkassk types. There, on the Upper Don and the Middle Oka the Bondarikhino population was assimilated by the local bearers of Gorodets culture, whilst in the forested territory of the Dnieper and Oka interfluve they participated in formation of Yukhnovo culture and the other groups dating from the Early Iron Age.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 51–63

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НЕТАЙЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (VIII–IX вв.)

© 2006 г. В. С. Аксенов

Харьковский исторический музей

Нетайловский могильник салтово-маяцкой археологической культуры сразу же после его открытия и исследования в 1959–1961 гг. экспедицией под руководством Д.Т. Березовца привлек внимание широкого круга ученых. Причиной тому были специфические особенности погребального обряда, зафиксированные в ходе исследования захоронений могильника. Из 120 погребений салтовского времени только в 32 были обнаружены человеческие костяки в относительном анатомическом порядке, в 38 могильных ямах человеческих костей не было вообще, в остальных 50 захоронениях человеческие кости лежали без какого-либо анатомического порядка (Иченская, 1981. С. 83–86). Все это привело первооткрывателя могильника к предположению, что первоначально погребение совершалось на поверхности земли, где тело подвергалось воздействию природных факторов, и только после этого производилось повторное захоронение в яме. При этом человеческие кости иногда размещались в необходимом порядке, но чаще просто разбрасывались по дну ямы (Березовец, 1961. С. 9; Иченская, 1981. С. 92, 93).

Материалы исследования могильника в 1991–1995 гг. экспедицией под руководством А.В. Крыганова дополнили наши знания о погребальном обряде могильника (1993а; б; Крыганов, Чернигова, 1993). Систематизация этих материалов (Жиронкина, Цитковская, 1996) позволила ряду исследователей вновь вернуться к гипотезе Д.Т. Березовца о господстве на могильнике обряда выставления трупа с последующим захоронением человеческих останков (Жиронкина, Цитковская, 2004. С. 213, 214). Личные вещи умерших людей зачастую располагались в соответствии с анатомическим строением тела человека. Это, по мнению О.Ю. Жиронкиной и Ю.И. Цитковской, свидетельствует о применении нетайловцами практики "выкладывания" человеческих останков, а погребальный обряд натайловцев является тождественным зороастрийскому погребальному обряду (2004. С. 214). Данная гипотеза, по нашему мнению, носит несколько умозрительный характер и требует дополнительных наблюдений и серьезных доказательств. К сожалению, в указанной работе не были показаны конкретные захоронения, в которых обряд "выкладывания" был бы представлен наиболее ярко. Поэтому, считаю возможным еще раз обратиться к специфике захоронений Нетайловского могильника.

В 1993 г. археологической экспедицией Харьковского исторического музея под руководством автора данной статьи проводились охранные раскопки на Нетайловском могильнике. Во время работ экспедицией музея было заложено пять разведочных раскопов и еще один раскоп IV непосредственно на территории могильника, возле раскопов 1991, 1992 гг. (рис. 1, *1*). В раскопе IV площадью 103 м^2 было обнаружено девять салтовских погребений (№ 176, 177, 179–185) и одна тризна (рис. 1, *2*). Еще одно захоронение (№ 178) было зафиксировано в разведочном раскопе № 4. Именно это захоронение и фиксировало южную границу Нетайловского могильника (рис. 1, *1*). На площади раскопа исследованные захоронения образовывали три ряда, располагаясь в шахматном порядке.

В пределах раскопа IV прослежена следующая стратиграфия: 0 – 0.1–0.15 м – слой дерна серого цвета; 0.1–0.15 – 0.3–0.45 м – слой супеси серого цвета; 0.45 – 0.75–0.8 м – погребенная почва в виде супеси темно-серого цвета, ниже – материк в виде песка светло-желтого цвета. Особенностью стратиграфии являлось то, что с глубины 0.8–1.0 м от современной поверхности почвы в песчаном материке прослеживались тонкие горизонтальные прослойки грунта красно-бурого цвета, придающие профилю почвы горизонтальную полосатость. Таких прослоек в стратиграфии раскопа, в зависимости от глубины могильных ям, насчитывалось 10 и более. Они отстояли друг от друга на глубину от 0.08 до 0.15 м. Эти новообразования пронизывали не только материковый песок, но и заполнение могильных ям. В профиле заполнения погребальных ям эти красно-бурые прослойки грунта имели незначительный прогиб в сторону могильного дна. Подобные прослойки грунта была отмечены во всех погребениях могильника, раскопанных экспедицией А.В. Крыганова, и были интерпретированы некоторыми исследователями как складки проседания почвы (Жиронкина, Цитковкая, 2004. С. 210. Рис. 1). Данные прослойки почвы – явления более позднего характера, и образовались они уже после совершения захоро-

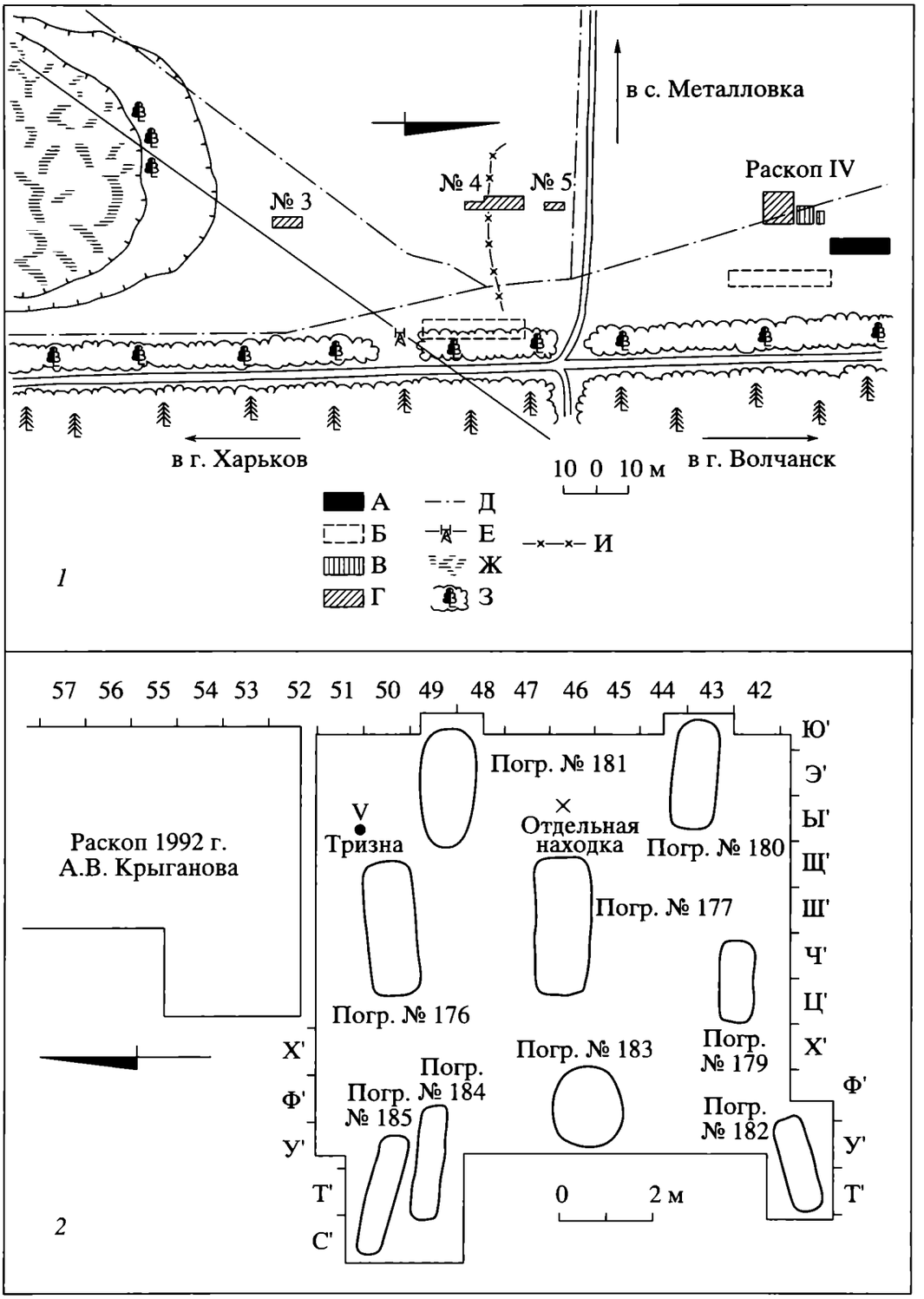


Рис. 1. Нетайловский могильник салтово-маяцкой культуры. *1* – ситуационный план на могильнике, *2* – план раскопа 1992 г.

нений. Однако для решения вопроса о специфике погребального обряда данные прослойки могут иметь определенное значение. Ниже приводятся описания захоронений, исследованных экспедицией музея.

Погребение № 176. Могильное пятно было зафиксировано на глубине 0.75 м от уровня современной поверхности почвы. В плане оно имело форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами размером 2.65 × 1.05 м, ориентированного длинной осью по линии запад–восток с незначительным отклонением к югу (азимут 80°). Дно могильной ямы четко фиксировалось на глубине 1.7 м по остаткам органической подстилки темно-коричневого цвета (рис. 2, *1*). Стенки могильной ямы имели небольшой наклон, в результате чего размеры ямы по дну составляли 2.5 × × 0.5–0.54 м. Кости человека были представлены

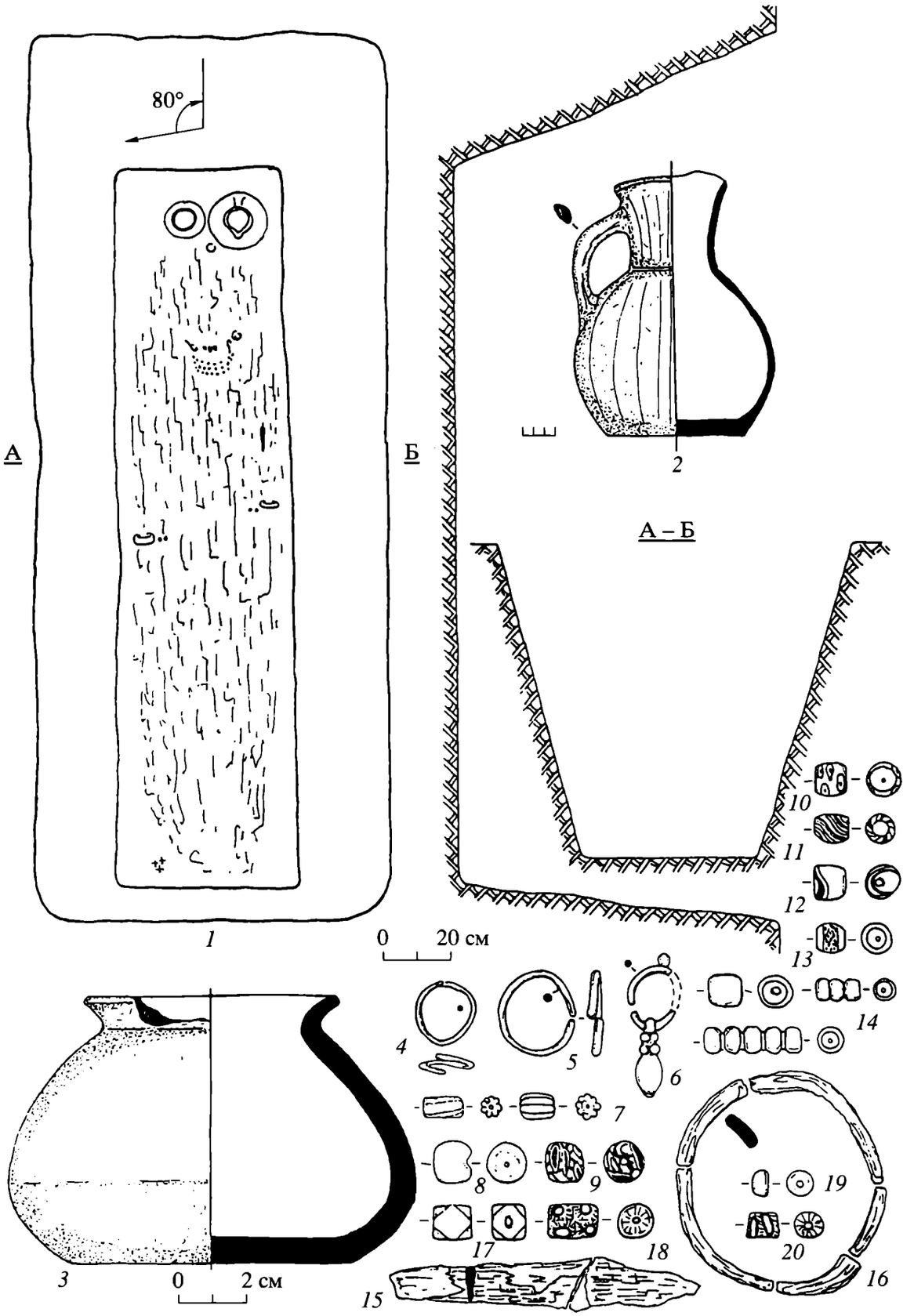


Рис. 2. Погребение № 176. *1* – план погребения; *2–20* – погребальный инвентарь: *2, 3* – глина, *4–6* – бронза, *7– 14, 17–20* – стекло, *15, 16* – железо.

только двумя молочными зубами, лежавшими в восточном краю ямы. В головной части могильной ямы стоял одноручный салтовский кувшин (рис. 2, *2*), а ближе к северной стенке – кубышка (рис. 2, *3*). Западнее сосудов лежали три бронзовых проволочных кольца разного диаметра (рис. 2, *4, 5*). Здесь же находилась бронзовая литая сережка (рис. 2, *6*). Еще одна сережка лежала

севернее. Под серьгами и проволочными колечками были зафиксированы остатки ткани черного цвета. Пространство между подвесками сережек, ниже последних, было заполнено бусами, составлявшими ожерелье из 4–5 нитей. Ожерелье включало одно- и многосекционные бусы золотистого (36 экз.) и серебристого (4 экз.) цвета (рис. 2, *14*), несколько разнотипных стеклянных бусин (рис. 2, *7–13*). Западнее скопления бус лежал железный черешковый нож (рис. 2, *15*). К западу от ножа, рядом с боковыми стенками ямы, были обнаружены железные пластинчатые браслеты плохой сохранности (рис. 2, *16*). Рядом с браслетом с правой руки были обнаружены две стеклянные бусины (рис. 2, *17, 18*), еще две стеклянные бусины лежали возле браслета с левой руки (рис. 2, *19, 20*). На дне ямы у правого западного ее угла и в ее заполнении были зафиксированы мелкие древесные угольки.

Погребение № 177. На глубине 0.6–0.7 м было зачищено прямоугольное в плане могильное пятно с закругленными углами, размером 2.9 × 1.2 м. Могильное пятно ориентировано по линии запад – восток. Стенки могильной ямы наклонные, поэтому по дну могильная яма имела следующие размеры – 2.1 × 0.52 м. Дно могильной ямы было ориентировано по линии юго-запад – северо-восток (азимут 73°) (рис. 3, *15*) и находилось на глубине 1.7–1.9 м. Кости человека отсутствовали. На дне могильной ямы у восточной торцевой стенки ямы были найдены фрагменты железной пряжки (рис. 3, *16*) и фрагмент венчика салтовского сосуда (рис. 3, *17*). Мелкие фрагменты салтовских сосудов и древесный угольк встречались в заполнении могильной ямы.

Погребение № 178. Могильное пятно было зафиксировано на глубине 0.65 м. В плане оно имело прямоугольную форму и было ориентировано длинной осью по линии запад–восток с сезонным отклонением к югу (азимут 100°). На уровне фиксации размеры могильного пятна составляли 1.25 × 0.7 м. Стенки могильной ямы наклонные, из-за чего размеры могильной ямы ко дну уменьшались и составляли 1.1 × 0.5 м (рис. 3, *1*). Дно могильной ямы находилось на глубине 0.85 м. Человеческие останки в могильной яме отсутствовали. На дне ямы в 0.3 м от ее восточной торцевой стенки были обнаружены три бронзовых литых подвески-амулета (рис. 3, *2*) и ожерелье, состоящее из двух сердоликовых (рис. 3, *3*) и двадцати стеклянных бусин разного типа (рис. 3, *4–13*).

Погребение № 179. Могильное пятно прямоугольной формы с закругленными углами было зафиксировано на глубине 0.7 м. На уровне обнаружения пятно имело размеры 1.65 × 0.8 м и было ориентировано длинной осью по линии запад–восток (азимут 92°) (рис. 3, *14*). Стенки могильной ямы вертикальные. Дно ямы находилось на глубине 1.35 м. Кости человека, погребальный инвентарь отсутствовали. В заполнении ямы встречались мелкие фрагменты древесного угля.

Погребение № 180. На глубине 0.85 м было зафиксировано прямоугольное в плане с сильно закругленными углами могильное пятно, ориентированное длинной осью по линии восток–запад с незначительным отклонением к югу (азимут 95°). На уровне обнаружения могильное пятно имело размеры – 2.25 × 1.15 м. Стенки могильной ямы наклонные, отчего могила постепенно сужалась и ее размеры у дна составляли 2.0 × 0.34–0.39–0.5 м (рис. 3, *21*). Дно могильной ямы фиксировалось на глубине 1.8 м. Кости человека в могильной яме отсутствовали. На дне ямы, примерно на середине ее длины, у северной боковой стенки лежало железное кресало с прикипевшим к нему кусочком кремния (рис. 3, *24*). У противоположной стенки ямы на том же уровне были обнаружены следующие вещи: железные черешковые ножи, собранные в пакет (рис. 3, *29*); фрагмент железной пряжки (рис. 3, *26*); фрагмент еще одного железного ножа (рис. 3, *25*); фрагмент железного складного серпа (рис. 3, *28*); фрагментированные удила с прямыми псалиями (рис. 3, *23*); железное сбруйное кольцо (рис. 3, *27*); железный топор (рис. 3, *22*). Все предметы очень плохой сохранности и на момент обнаружения представляли собой одну конкрецию из вещей и песка, пропитанную окислами железа. В заполнении могильной ямы встречались мелкие древесные угольки, фрагменты салтовского сосуда.

Погребение № 181. Могильное пятно было зафиксировано на глубине 0.8 м. На уровне зачистки оно имело в плане овальную форму и было ориентировано длинной осью по линии восток–запад (азимут 90°). Размеры могильного пятна на уровне обнаружения – 2.5 × 1.5 м. Стенки могильной ямы наклонные, из-за чего яма сужается ко дну, которое располагалось на глубине 1.95 м. Дно могильной ямы трапециевидное в плане размерами 1.7 × 0.32 – 0.46 м (рис. 4, *1*). Кости человека отсутствовали. У восточной стенки ямы лежал глиняный кувшин очень плохой сохранности (рис. 4, *7*). Рядом с кувшином, ближе к северной стенке, была найдена крупная глазчатая бусина (рис. 4, *6*). Восточнее кувшина – две бронзовые литые сережки (рис. 4, *4*). В 0.88 м от восточной стенки находилась железная пряжка с остатками кожаного ремня (рис. 4, 5) и железный нож (рис. 4, *2*). Еще два ножа были обнаружены в засыпке ямы (рис. 4, *3*). В заполнении ямы также были зафиксированы три фрагмента от трех разных салтовских сосудов, мелкие древесные угольки.

Погребение № 182. На глубине 0.85 м было зачищено прямоугольное в плане могильное пятно размерами 2.3 × 0.8 м, ориентированное длинной осью по линии юго-запад – северо-восток (ази-

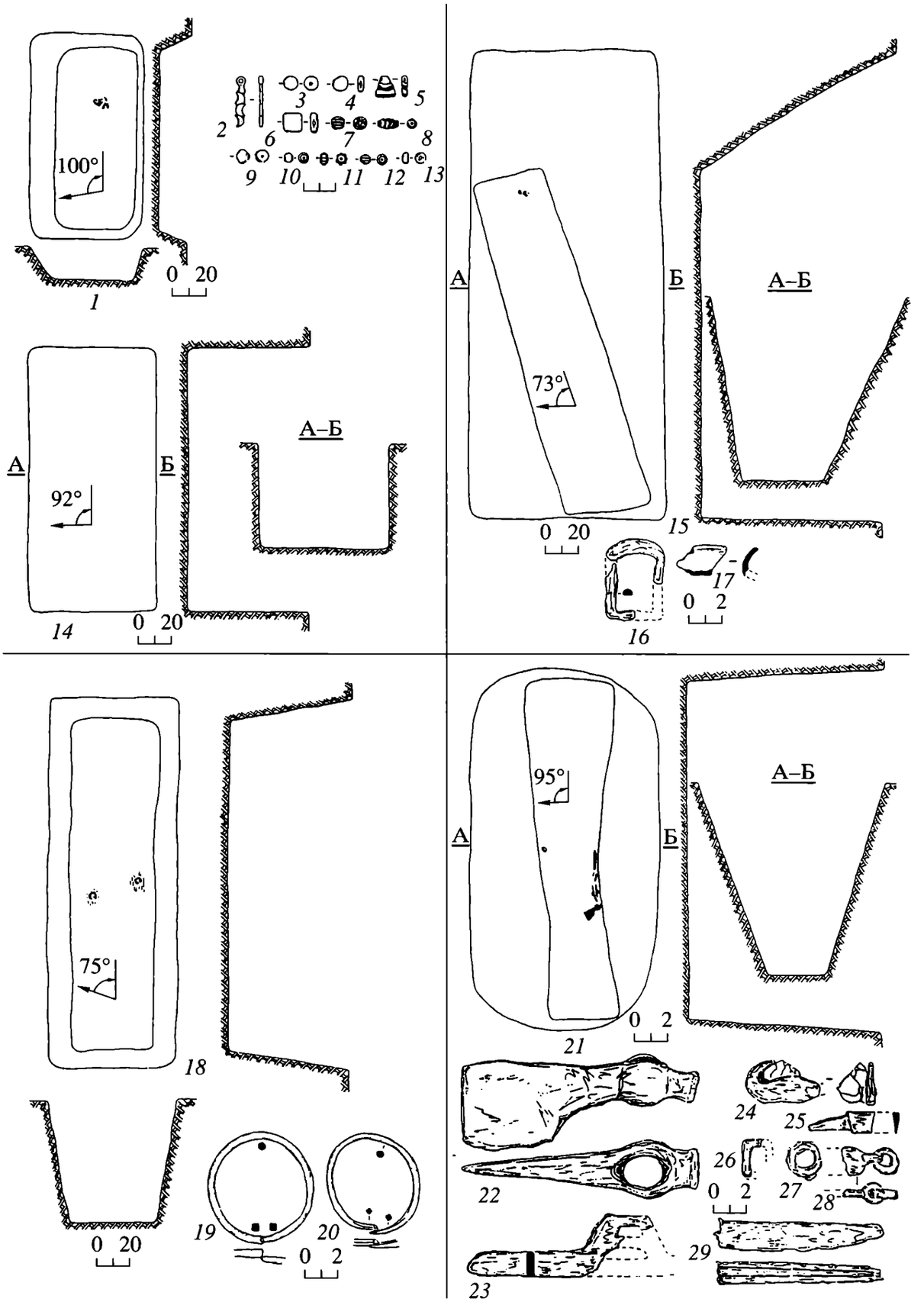


Рис. 3. Погребения № 177–180, 182. *1* – план погребения № 178; *2*–*13* – инвентарь погребения № 178; *14* – план погребения № 179; *15* – план погребения № 177; *16, 17* – инвентарь погребения № 177; *18* – план погребения № 182; *19, 20* – инвентарь погребения № 182; *21* – план погребения № 180; *22*–*29* – инвентарь погребения № 180: *2, 19, 20* – бронза; *3* – сердолик; *4*–*13* – стекло; *16, 22*–*29* – железо; *17* – глина.

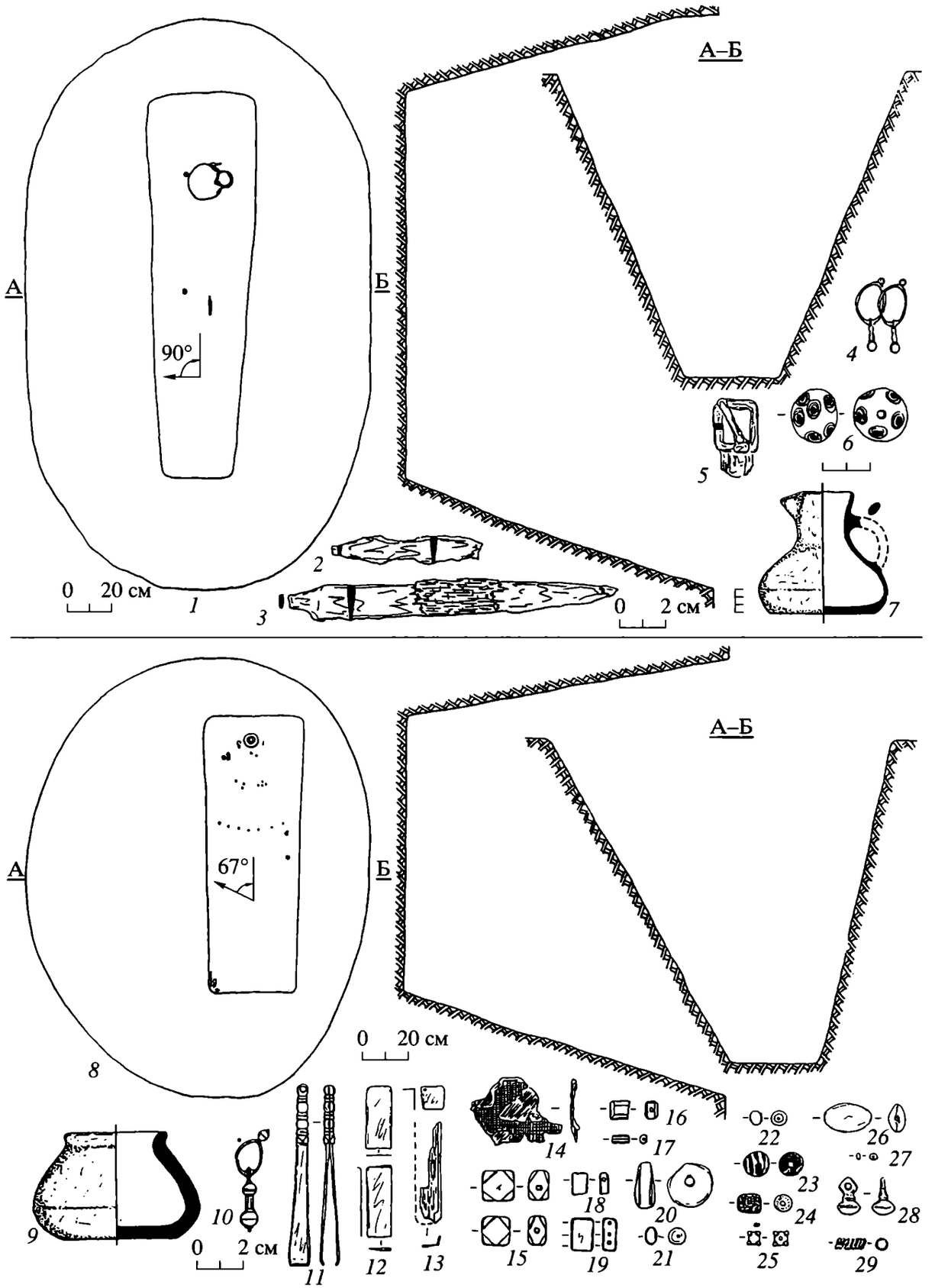


Рис. 4. Погребения № 181, 183: *1* – план погребения № 181; *2– 7* – инвентарь погребения № 181; *8* – план погребения № 183; *9– 29* – инвентарь погребения № 183: *2, 3, 5* – железо; *4, 11, 28, 29* – бронза; *6, 15–27* – стекло; *7, 9* – глина.

мут 75°). Стенки могильной ямы наклонные, из-за чего яма сужается к прямоугольному в плане дну, зафиксированному на глубине 1.6 м. Размеры могильной ямы по дну – 2.5 × 0.5 – 0.55 м (рис. 3, *18*). Кости человека в могильной яме отсутствовали. Погребальный инвентарь представлен двумя бронзовыми проволочными браслетами (рис. 3, *19, 20*), лежавшими на расстоянии 1.0–1.1 м от восточной торцевой стенки ямы, так как если бы они находились на руках человека. Под браслетом с левой руки были зафиксированы остатки дерева, под браслетом с правой руки – фрагменты шерстяной ткани темно-коричневого цвета. В заполнении могильной ямы встречались мелкие древесные угольки и фрагменты салтовских сосудов.

Погребение № 183. Могильное пятно было зафиксировано на глубине 0.7 м. На уровне фиксации могильное пятно имело в плане овальную форму с размерами 1.9 × 1.5 м и было ориентировано длинной осью по линии юго-запад – северо-восток (азимут 67°). Стенки могильной ямы наклонные, из-за чего яма сужается к прямоугольному в плане дну, находящемуся на глубине 2.1 м. Размеры могильной ямы по дну – 1.2 × 0.4 – 0.45 м (рис. 4, *8*). Останки человека представлены только молочными зубами, находившимися недалеко от восточной стенки ямы. У восточной стенки ямы стояла кубышка серого цвета (рис. 4, *9*). По обе стороны от кубышки лежали серебряные сережки с подвижной подвеской (рис. 4, *10*). Ниже сережек, ближе к северной стенке ямы, были найдены две стеклянные бусины (рис. 4, *15*) и одна бусина из янтаря (рис. 4, *20*). В 0.48 м к западу от восточной стенки лежало ожерелье из трех сердоликовых (рис. 4, *21*) и 14 стеклянных бусин разного типа (рис. 4, *16–19, 22–25, 27*). Западнее ожерелья была найдена литая бронзовая пуговица (рис. 4, *28*). В западном углу могильной ямы был обнаружен бронзовый пинцет с фигурной ручкой (рис. 4, *11*), находившийся в деревянном футляре прямоугольной формы (рис. 4, *13*) с обкладками из листового серебра (рис. 4, *12*). Здесь же лежала бусина из голубого прозрачного стекла (рис. 4, *26*). В заполнении могильной ямы встречались мелкие древесные угольки, фрагмент салтовского кухонного горшка, а также был найден кусочек ткани, пропитанный окислами железа (рис. 4, *14*).

Погребение № 184. Могильное пятно прямоугольной в плане формы с закругленными углами размерами 2.6 × 1.05 м и ориентированное длинной осью по линии восток–запад было зафиксировано на глубине 0.9 м. Оно примыкало вплотную и частично перекрывало могильное пятно погребения № 185. Несколько выше, на глубине 0.7–0.9 м, оба могильных пятна сливались в одно большое пятно неправильной формы размером 3.6 × 1.8 м. С глубины четкой фиксации пятна стенки ямы данного погребения были наклонными, вследствие чего яма уменьшалась в размерах к прямоугольному в плане дну, находящемуся на глубине 1.7 м. Размеры ямы по дну – 2.0 × 0.6 м (рис. 5, *1*). Кости человека, погребальный инвентарь отсутствовали. В засыпке ямы были встречены невыразительные фрагменты салтовских сосудов, древесный уголь.

Погребение № 185. Могильное пятно начало фиксироваться с глубины 0.7 м, но только с глубины 0.9 м оно приобрело довольно ясные очертания. К тому же оказалось, что в своей юго-западной части оно частично было перекрыто ямой погребения № 184. На уровне фиксации пятно имело в плане форму прямоугольника с закругленными углами размером 2.9 × 0.9 м. Могильная яма была ориентирована длинной осью по линии восток–запад с незначительным сезонным отклонением (азимут 106°). Стенки ямы наклонные, из-за чего яма уменьшалась в размерах ко дну, которое фиксировалось на глубине 1.85 м. По дну размеры ямы составляли 2.1 × 0.5 м (рис. 5, *2*). Из костей человека в яме находилась только одна фаланга пальца левой руки. Погребальный инвентарь располагался так, как если бы он находился на теле погребенного, уложенного головой на восток. В северо-восточном углу ямы стоял салтовский кувшин (рис. 5, *3*). В районе предполагаемого пояса погребенного лежал железный черешковый нож (рис. 5, *4*), у острия которого находился бронзовый щитковый перстень (рис. 5, *10*), надетый на фалангу пальца. Здесь же, в районе пояса, были зафиксированы: бронзовая пряжка (рис. 5, *7*); бронзовая литая пятиугольная бляшка (рис. 5, *8*); железное кольцо (рис. 5, *11*); бронзовый литой наконечник пояса (рис. 5, *9*); железная пряжка (рис. 5, *6*); железный предмет неизвестного предназначения (рис. 5, *5*). В заполнении могильной ямы встречались крупные кусочки древесного угля.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в захоронениях, находит широкие аналогии в салтово-маяцких древностях второй половины VIII – IX в. (Плетнева, 1981а. Рис. 36, 37).

В большинстве захоронений, как уже отмечалось, вообще отсутствовали кости человеческого скелета. Только в погребениях № 176, 183 останки были представлены человеческими зубами, а в захоронении № 185 – единственной фалангой пальца. При этом в захоронениях вещи располагались на тех же местах, какое они занимали бы при наличии тел покойных.

Таким образом, предложенная Д.Т. Березовцом схема обращения с телами умерших людей вполне может быть правомерной при определенных обстоятельствах для захоронений, содержащих целые человеческие костяки. Однако полное отсутствие человеческих костяков в могильных ямах или наличие в погребениях только отдельных костей скелета плохой сохранности, вероят-

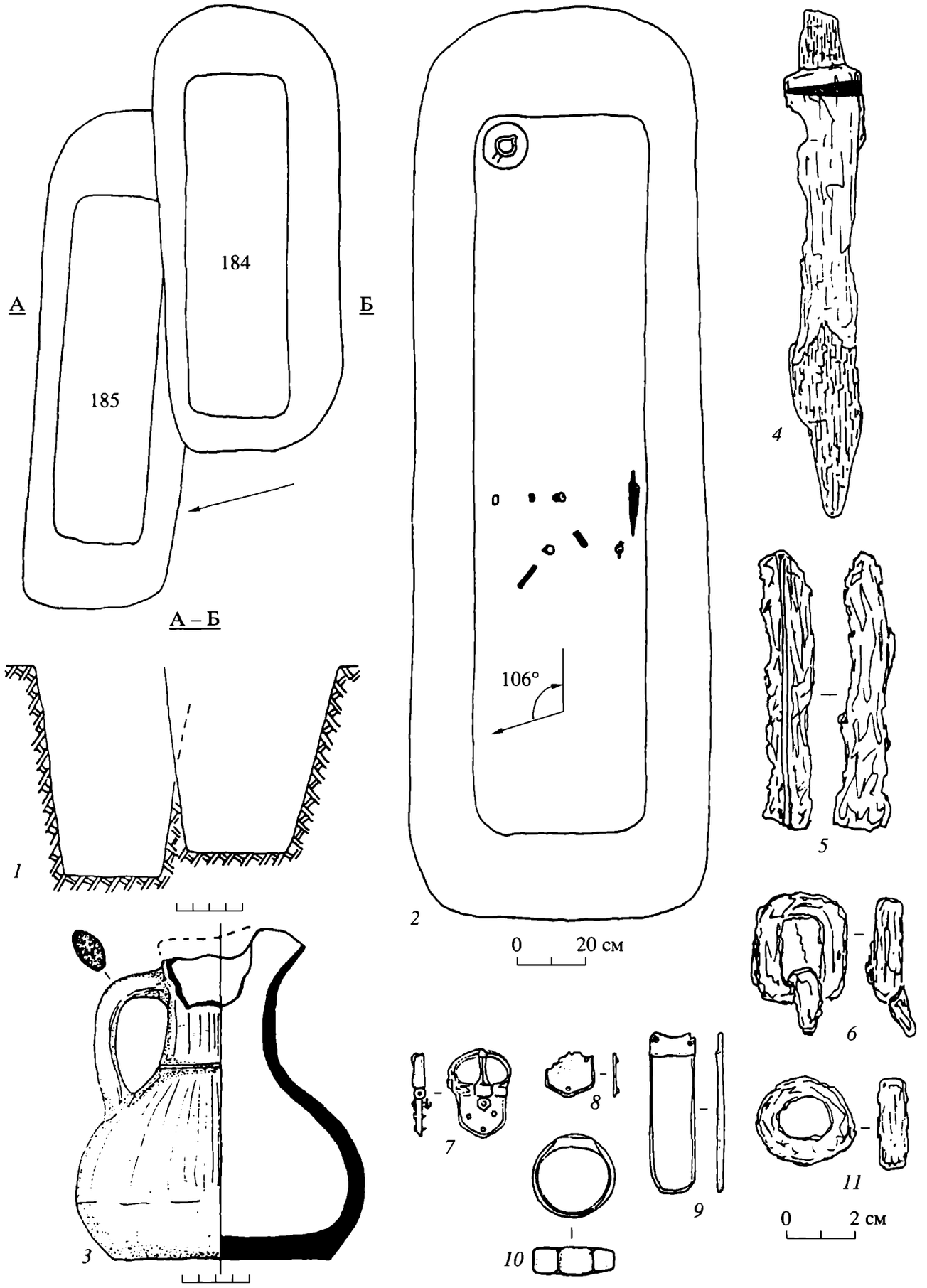


Рис. 5. Погребения № 184, 185. *1* – план погребений; *2* – подробный план погребения № 185; *3– 11* – инвентарь погребения № 185: *3* – глина; *4– 6, 11* – железо; *7– 10* – бронза.

но, может иметь и другое объяснение. Тем более, что таких захоронений на могильнике достаточно много, и их количество особенно увеличилось после 30-летнего перерыва в исследованиях некрополя (Крыганов, 2003; Михеев, 2003; 2004; Михеев, Колода, 2005).

Необходимо отметить, что могильник расположен на ровной площадке боровой террасы левого берега Северского Донца в районе с достаточно высоким уровнем подпочвенных вод. Так, еще в первые годы исследования могильника антропологами было отмечено, что "значительная часть захоронений состояла из плохо сохранившихся скелетных останков, разрушению которых способствовал мокрый, песчаный грунт" (Зиневич, 1967. С. 146). Тогда же из 82 погребений с человеческими останками удалось взять на исследование монолитом только 15 неполных скелетов очень плохой сохранности. И если в первые годы исследования отмечалась повышенная влажность грунта на могильнике, то после сооружения Печенежского водохранилища уровень подпочвенных вод поднялся еще выше. Учитывая глубину могильных ям, это не могло не сказаться на степени сохранности костных останков в могилах, что и подтверждается материалами исследования могильника после 1991 г. При раскопках в дождливые годы в некоторых наиболее глубоких могилах погребальный инвентарь приходилось извлекать прямо из-под заполнившей могильную яму воды.

Показательным является и тот факт, что из 88 погребений, исследованных экспедицией А.В. Крыганова, костные останки человека отсутствовали почти в половине захоронений (42 случая). В остальных захоронениях человеческие останки были представлены единичными, плохой сохранности, трубчатыми костями рук или ног, костями таза, фрагментами черепа, зубами (Жиронкина, Цитковская, 2004. С. 215–222. Табл. 1), т.е. костями скелета, лучше сохраняющимися даже в достаточно неблагоприятных условиях. Кости коня, которые были обнаружены в некоторых захоронениях, несмотря на свою массивность, также были плохой сохранности и после изъятия из могилы превращались в труху. Глиняные сосуды, извлеченные из могил, после непродолжительного пребывания на воздухе и высыхания, в некоторых случаях разваливались на мелкие фрагменты (Крыганов, 2003. С. 2–5).

В контексте гидрологической обстановки на могильнике следует рассматривать и тонкие горизонтальные прослойки грунта буро-красного цвета, пронизывающие как материк, так и заполнение могильных ям. Они представляют собой сцементировавшиеся частицы песка с большим содержанием окислов железа. Образование железистых полос в песчаном грунте – естественное явление, никак не связанное с деятельностью человека, в частности с функционированием Нетайловского могильника. Эти полосы образуются в том случае, если песок содержит определенное количество железистых примесей. В то же время, наблюдения за стратиграфией могильника и распределением этих полос наталкивает на размышления, касающиеся хронологии. Набольший интерес вызывает тот факт, что железистые полосы отмечены не только в материковой слое между погребениями, но и в заполнении самих могильных ям. Причем, характерно, что эти полосы не прерываются на могильных ямах, а проходят через них, связывая незатронутые в древности участки материка с соседними погребениями. Все это свидетельствует о том, что естественные гидрохимические процессы, приведшие к образованию этих полос, начались уже после того, как могильник перестал использоваться салтовским населением. Именно поэтому возникает предположение о связи процессов, приведших к образованию железистых полос в материковом песке Нетайловского могильника с климатическими изменениями, происходившими в Восточной Европе на рубеже I–II тыс. н.э. По всей видимости, в период существования могильника в регионе преобладал еще достаточно теплый климат, характеризовавшийся большим числом засушливых лет. По наблюдениям палеоклиматологов, климат в VII–VIII вв. был континентальнее, чем в теплую и сухую заключительную стадию атлантического времени, но мягче, чем в ксеротермический этап суббореала, теплее и суше, чем в последующие фазы субатлантики (Герасименко, 1997. С. 57). Этот период в Европе характеризуется как сухой и теплый. Дюнные пески на левом берегу Северского Донца еще не укрепились, находились в потенциально подвижном состоянии, не были покрыты дерновым слоем. В силу отмеченной подвижности и неуплотненности песка, в котором производили захоронения нетайловцы, железистые прослойки здесь в это время (во второй половине VIII – IX в.) еще не образовывались. По-видимому, возникновение данных ленточных прослоек связано с климатическими изменениями, произошедшими позднее. С IX–X вв., и особенно с конца XII в., в котором палеоклиматологи фиксируют начало так называемого "малого ледникового периода", происходит существенное увлажнение климата, растет количество осадков, поднимается уровень Днепра и питающих его грунтовых вод. Наступает время обильных дождей, наводнений и суровых зим в Европе (Герасименко, 1997. С. 59), продолжавшееся до середины XIX в. (Кислов, Полтараус, 1989. С. 45). Тогда выпадало примерно на 50 мм больше осадков, чем в предшествующее и настоящее время (Климанов, 1989. С. 31, 32). Такое резкое повышение влажности, вероятно, поспособствовало поднятию уров-

ня подпочвенных вод в районе расположения Нетайловского могильника. Прибрежные дюны покрываются дерном, песок насыщается водой, уплотняется, и постепенно образуются железистые полосы, которые пронизывают стратиграфию всего могильника. В профилях могильных ям эти железистые полосы образуют небольшие, направленные вниз, волнистые изгибы, что должно свидетельствовать, по всей видимости, о проседании грунта над погребениями. Таким образом, изменение климата и связанное с ним образование железистых полос произошло после прекращения функционирования могильника, т.е., вероятно, в X в. Такое резкое повышение влажности и поднятие подпочвенных вод в свою очередь отрицательно сказалось на сохранности костных останков в захоронениях данного некрополя.

Поэтому инвентарные погребения Нетайловского могильника с полным отсутствием человеческих останков или в тех случаях, когда они представлены отдельными костями человеческого скелета, по-видимому, следует рассматривать как обычные захоронения по обряду трупоположения. Однако в силу специфических условий залегания костные останки людей в могилах некрополя не сохранились. Так, исследователь могильника А.В. Крыганов неоднократно отмечал, что "от почти сгнивших костей скелета погребенного на могильном дне имелись только небольшие фрагменты человеческого черепа и ног" (Крыганов, 2003. С. 3. Рис. 3а, *1*). В тех же случаях, когда в могилах присутствовали костные останки людей (Крыганов, Чернигова, 1993. Рис. 1*е*; Крыганов, 2003. Рис. 3а, *1*), они лежали в полном соответствии с погребальным обрядом, характерным для праболгарских захоронений Подонья (Красильников, 1990. Рис. 4, *1а*; Михеев, 1990. С. 47; Плетнева, 1981б. С. 9, 10).

Практике "выкладывания" костяков противоречит и факт обнаружения на могильнике в первые годы исследования захоронений, содержавших человеческие скелеты с явным нарушенным анатомическим порядком костей (50 погребений из 120) (Иченская, 1981. Рис. 2, *V–VII*). Такие захоронения были встречены и при работах на могильнике после 1991 г. (Крыганов, Чернигова, 1993. С. 37. Рис. 1*д*). Расположение костей в этих захоронениях ничем не отличается от хронологически близких праболгарских погребений с других памятников региона и с соседних территорий (Красильников, Тельнова, 1997. С. 80. Табл. 2, *4;* 5, *1*; 6, *1*; 7, *2*; 8, *1*; Матвеева, 1997. С. 52–54; Флеров, 1989. С. 179– 184). В данных случаях мы имеем дело с преднамеренным разрушением костяков, произошедшим в результате повторного проникновения в могильную яму. Следы повторного проникновения в могильные ямы были зафиксированы и на Нетайловском могильнике (Жиронкина и др., 1995. С. 178, 179). Цель повторного проникновения в могильную яму могла быть различной – ограбление, осквернение, совершение обряда обезвреживания покойника. Достаточно большое число захоронений с нарушением анатомического порядка человеческих костяков, при наличии в них многочисленных, разнообразных, изготовленных к тому же из драгоценных металлов предметов погребального инвентаря на раннесредневековых памятниках Восточной Европы позволило ряду исследователей рассматривать данные факты, как случаи проведения обряда обезвреживания покойников (Сташенков, 1995. С. 35; Матвеева, 1997. С. 52, 53). На ритуальный характер повторного проникновения в погребения Нетайловского могильника первоначально указывали и его исследователи (Жиронкина и др., 1995, С. 179). Обряд обезвреживания покойника впервые был достаточно полно рассмотрен В.С. Флеровым у алано-болгарского населения салтово-маяцкой культуры (Флеров, 1989). Проявления данного обряда были зафиксированы у алан Верхне-Салтовского археологического комплекса (Аксенов, 2002), куда входит Нетайловский могильник, позволяют предположить, что данный обряд мог быть распространен и у нетайловцев. К тому же, Г.Е. Афанасьев, опираясь на данные Г.П. Зиневич, изучавшей краниологический материал могильника, счел возможным рассматривать большое сходство черепов Нетайловского с черепами Верхне-Салтовского катакомбного могильника как свидетельство этнической принадлежности оставившего Нетайловский могильник населения к аланским племенам (Афанасьев, 1987. С. 149, 150).

В погребальном обряде могильника достаточно ярко проявляются черты языческого мировоззрения оставившего его населения. Нетайловцы верили, что после смерти человек уходит в мир мертвых, где продолжает жить своей обычной жизнью. На это однозначно указывает весь комплекс ритуальных действий, совершаемых с трупом. Так, покойник хоронился с личными вещами и сосудами с жертвенной пищей, довольно часто его сопровождал преднамеренно умерщвленный боевой конь. Человеческие останки и погребальный инвентарь во всех случаях были помещены в могильную яму. Помещение человеческих останков на глубину однозначно рассматривается большинством исследователей, как желание приблизить и приобщить умерших к Преисподней, в условиях сформировавшихся представлений о Нижнем мире и находящейся там стране мертвых (Косарев, 2003. С. 146). Существование на некрополе могильных ям разной глубины следует рассматривать в контексте существовавших у некоторых народов правил, определяющих глубину могил для покойников разного возраста и социального положения, когда глубина могилы напрямую зависела от общественной значимости

покойника (Попова, 1981. С. 252). На Нетайловском могильнике открыты и детские захоронения в неглубоких (0.5–1.0 м) ямах, и захоронения воинов-всадников в сопровождении коня, совершенные в могильных ямах, глубина которых превышает 2.0 м. В целом, глубина могильных ям для взрослых людей колеблется от 1.65 до 2.7 м (Жиронкина, Цитковская, 2004. С. 215–222. Табл. 1).

Тело покойного обычно ориентировано в могиле относительно сторон света. Главный смысл ритуальной ориентации покойника заключается в том, чтобы указать направление, в котором умерший (его душа) должен направиться для достижения мира мертвых (Косарев, 2003, С. 153). Для Нетайловского могильника характерна ориентировка могильных ям по линии восток–запад, с ориентировкой покойников головой на восток и ногами на запад, в сторону реки. У многих народов западная сторона ассоциировалась с местонахождением Нижнего мира, а попасть туда можно, спустившись вниз по реке. Поэтому и ориентировку покойников на Нетайловском могильнике следует рассматривать, как желание направить их на запад к реке, по которой они уже и попадут в мир мертвых.

В погребениях могильника отмечены случаи, когда погребальный инвентарь подвергался преднамеренной порче. Имущество умершего человека таким образом "умерщвлялось", чтобы души вещей освободились и получили способность следовать за умершим в потусторонний мир (Штернберг, 1933. С. 306). Интересно, что преднамеренной порче подвергались в основном сосуды с жертвенной пищей, у них скалывался край венчика. Встречаемые в засыпке погребений могильника фрагменты салтовских сосудов следует рассматривать, как желание живых наделить покойного всем необходимым, ибо любая часть – зародыш целого. То, что являлось частью в мире живых, может стать целым в мире мертвых (Косарев, 2003. С. 150). С этим согласуются и факты размещения в погребениях Нетайловского могильника рядом с человеком, наряду с целой тушей коня, ее части – головы и ног (свернутой шкуры) или только конского снаряжения (Жиронкина и др., 1997. С. 167; Жиронкина, Цитковская, 1996. Рис. 4, *1*; Крыганов, Чернигова, 1993. С. 41).

Исходя из всего сказанного выше, погребальный обряд Нетайловского могильника вряд ли может быть сопоставим с погребальным обрядом зороастрийцев, как это считают некоторые исследователи (Жиронкина, Цитковская, 2004. С. 214). По учению Ахуромазды преимущественно все, связанное со смертью, считалось нечистым. Нечистым был всякий труп, который никоим образом не должен был соприкасаться с чистыми стихиями – землей, водой и особенно огнем. Поэтому зороастрийцы практиковали выставление раздетых догола тел умерших на растерзание хищным птицам, а кости сбрасывались затем на дно колодца, облицованного камнем (Токарев, 1986. С. 344, 345). Таким образом, поклонники Ахурамазды совершенно не интересовались телом умершего, главное место в погребальном обряде отводилось освобождению души из бренного тела. Для хорезмийского варианта зороастризма также было характерно выставление трупов для очистки, но с последующим погребением костей в специальных костехранилищах (Ягодин и др., 1985. С. 331). Таким образом, видно, что и в этом случае остатки трупа (элементы силы тьмы и зла), надежно изолировались от чистых стихий, и в первую очередь от земли и воды. Именно этого мы и не наблюдаем в погребениях Нетайловского могильника. Если население, оставившее Нетайловский могильник, и практиковало выставление трупов умерших людей с последующим погребением останков, что еще требует своего доказательства, то оно могло иметь совершенно другую цель. Можно предположить, что трупы умерших людей в холодное время года, когда было затруднительно выкопать могильную яму, оставлялись не погребенными до весны, тогда могли совершать предварительное наземное или "воздушное" погребение. И уже потом, с приходом благоприятного периода, останки человека переносились в подготовленную могильную яму. Однако песчаный грунт на Нетайловском могильнике достаточно легко копается, и вырыть яму здесь не составляет труда и зимой. Спустя относительно продолжительное время могли погребаться и привезенные останки (кости, черепа) людей, умерших вдали от родового могильника. Так поступали еще в XIX веке кочевые казахи, когда тела умерших людей во время выпаса скота возились с собой и погребались лишь при возвращении на зимник. Если нетайловца кочевали, а на это указывает достаточно большой процент захоронений с конем на могильнике, то такое обращение с умершими людьми вдали от зимника, а скорее всего здесь, у Верхнего Салтова, и находился зимник, было наиболее вероятно. Однако данные случаи сложно проследить археологически.

Таким образом, особенности погребального обряда, отмеченные у салтовского населения Нетайловского могильника, по-видимому, следует объяснять исходя из специфических гидрологических условий, сложившихся в месте расположения некрополя. В результате этих условий, когда чрезмерное увлажнение чередовалось, вероятно, с некоторым иссушением, человеческие кости подвергались достаточно быстрому разрушению. Нельзя исключить и каких-то химических свойств грунта, влияющих на сохранность костного материала в погребениях могильника. Тем более, что гумусонакопление в послесалтовское время происходи-

ло на фоне более интенсивного накопления оксидов шелочных и щелочноземельных металлов, чем в предшествующее время (Герасименко, 1997. С. 59). Вопрос этот может быть решен только в ходе специальных почвоведческих исследований. В целом же погребальный обряд нетайловцев вполне соответствует языческому погребальному обряду праболгарского населения салтово-маяцкой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VШ–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.

Березовец Д.Т. Нетайловский могильник // Архив ИА НАНУ. 1961. Фонд экспедиции. Д1959–1961/6а.

Герасименко Н.П. Природная среда обитания человека на Юго-Востоке Украины в позднеледнековье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах. 1997. № 6.

Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.И. О погребениях Нетайловского могильника со следами повторного проникновения (по раскопкам 1994 г.) // Древности 1995. Харьков, 1995.

Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.И. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника // Древности 1996. Харьков, 1997.

Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // Культуры Европейских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Несколько интерпретационных стереотипов в свете стратиграфических и иных наблюдений на Нетайловском могильнике // Древности 2004. Харьков, 2004.

Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.

Иченская О.В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности степного Поднепровья. Киев, 1981.

Кислов А.В., Полтараус Б.В. О временной упорядоченности колебаний климата разных масштабов // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989.

Климанов В.А. Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003.

Красильников К.И. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Красильников К.И., Тельнова Л.И. Грунтовый могильник у поселка Новодачное // Древности Подонцовья. Луганск, 1997.

Крыганов А.В. Раскопки в Харьковской области Нетайловского и Пескирадьковского могильников салтовской культуры // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993а.

Крыганов А.В. Нетайловский могильник // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. Київ, 1993б.

Крыганов А.В. Отчет об археологических раскопках Нетайловского могильника в 2002 г. // Архив ХИМ. 2003.

Крыганов А.В., Чернигова Н.В. Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры // Вісн. ХДУ. 1993. № 374. Вип. 27.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Международного центра хазароведения Восточноукраинского филиала Международного Соломонова университета в 2002 г. // Архив ХИМ. 2003.

Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Международного центра хазароведения Восточноукраинского филиала Международного Соломонова университета в 2003 г. // Архив ХИМ. 2004.

Михеев В.К., Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Нетайловского могильника салтовской культуры в 2004 г. // Архив ХИМ. 2005.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981а.

Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав. Т. 2. София, 1981б.

Попова У.Г. Пережитки шаманства у эвенков // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.

Сташенков Д.А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Токарев С.А. Религии в истории народов мира. М., 1986.

Флеров В.С. Обряд обезвреживания у праболгар (предварительное сообщение) // Проблеми на прабългарската история и култура. Вип. 1. София, 1989.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А. Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Burial rite of the cemetery Netailovsky of the 8th–9th cc. AD

V. S. Aksenov

Summary

The Netailovsky necropolis is a ground cemetery of Saltovo-Mayatskoe culture. Its most characteristic feature is the absolute domination of the graves where no human remains are attested. At the same time, many burials contain funerary gifts disposed in the same manner they are usually placed in the graves with human remains. This fact gives grounds to suppose that the burial rite included preliminary deposition of the dead in the ground surface. Only after the corpses had been destroyed by the activity of natural environment they were finally buried in the graves. There exists the opinion that the Netailovsky burial rite corresponds to that typical of Zoroastrianism. Nevertheless, the recent excavations carried out at the Netailovsky cemetery entirely corresponded the rite practised by the proto-Bulgarian population of Saltovo-Mayatskoe culture. The fact of absence of human remains in the majority of the Netailovsky burials, most probably must have been caused by specific hydrological conditions of the locality the cemetery is situated, especially by the situation formed after construction of the Pechenezhskoe reservoir.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 64–80

ЮВЕЛИРНЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ "ВЕТЧАНОГО ГОРОДА" ДОМОНГОЛЬСКОГО ВЛАДИМИРА

© 2006 г. Н. В. Ениосова*, Ю. Э. Жарнов**

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

** Государственный центр по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области, Владимир

Среди результатов непрерывно продолжающихся с начала 1990-х годов масштабных археологических исследований Владимира важное место занимают находки, представляющие широкое многообразие продукции древнерусских ювелиров или напрямую связанные с процессом их изготовления. Именно последние не только служат достоверным свидетельством самого факта существования местного ювелирного ремесла, но и отражают различные аспекты производственного характера (сырье, инструментарий, технологические приемы) и организационных форм ремесленной деятельности. Практически на любом сравнительно крупном раскопе Владимира встречены обломки тиглей, литейных форм, ювелирные пинцеты, проволока, обрезки пластин (Жарнов, 1997. С. 92; Родина, 1996. С. 175; Седова, Мухина, 1996. С. 178).

Наиболее полно ювелирный производственный комплекс столицы Владимиро-Суздальской земли конца XII – первой трети XIII в. представлен в материалах раскопа 1999 г. (ул. Чехова, 9), располагавшегося в восточной части исторического ядра Владимира, в так называемом "Ветчаном городе". Общая характеристика результатов исследований, а также анализ находок, связанных с выявленными здесь же следами косторезного производства, уже опубликованы (Жарнов, Мошенина, 2001; Жарнов, 2003). Остатки деятельности косторезов и ювелиров были зафиксированы в пределах одной усадьбы, преимущественно в заполнении материковых углублений, засыпанных еще в древнерусское время.

Находки из раскопа на ул. Чехова, имеющие непосредственное отношение к работе владимирских ювелиров, представлены литейными и кузнечными инструментами (тигли, литейная форма, клещи, "ухват", пинцеты, лучковое сверло), а также различными отходами и заготовками (слитки, выплески, обломок литка, проволока, пластины и их обрезки, тисненые пластины). Их количественная характеристика и расположение в пределах раскопа отражены в таблице 1 и на рис. 1.

Рассматриваемые предметы выявлены преимущественно в западной части раскопа, в первую очередь в заполнении ям 56, 56А и 56Д, некогда представлявших, по-видимому, единый комплекс материковых углублений. Центральной частью комплекса, оказавшегося в пределах раскопа лишь частично, была яма 56А – котлован прямоугольных очертаний (поперечники – 3–3.2 м, глубина – 1.1–1.2 м), в придонной части которого зафиксированы остатки деревянной обшивки стен подполья наземной постройки. Одновременные ей ямы 56 и 56Д, неглубокие канавообразные углубления (около 30 см), примыкали к ЮЗ углу подполья (рис. 1). Находки, связанные с ювелирным производством, происходят из трех горизонтов заполнения ям, сформировавшихся в рамках домонгольского периода. Наиболее ранний слой (придонное заполнение ямы 56Д) образовался в процессе существования наземной постройки. По-видимому, котлован ямы 56Д служил местом целенаправленного сброса отходов: здесь на площади менее 2 м^2 найдено 220 фрагментов плавильных сосудов, пинцет и слиток металла из заполнения тигля. Со временем рассматриваемый комплекс углублений был засыпан (преимущественно материковым грунтом), а в пределах ямы 56А образовалось мощное скопление бытовых отходов предмонгольского периода. Первоначальную постройку датирует найденная на дне котлована ямы 56А византийская медная монета, относящаяся к эпохе правления императора Мануила I Комнина (1143–1180 гг.) (определение П.Г. Гайдукова). Находки из материковой засыпки ям (преимущественно, 56А и 56Д), видимо, также можно отнести к периоду существования постройки. Следы ювелирного производства, происходящие из верхнего (предмонгольского) горизонта заполнения ямы 56А, вероятно, связаны как с ранним комплексом (из перемещенного культурного слоя), так и с деятельностью более поздней (?) мастерской, сооружение которой не попало в пределы раскопа.

Предметы производственного характера из других материковых углублений (корытообразных или воронковидных ям хозяйственного назначения, оснований столбов) оказались в их заполнении в результате перепланировки террито-

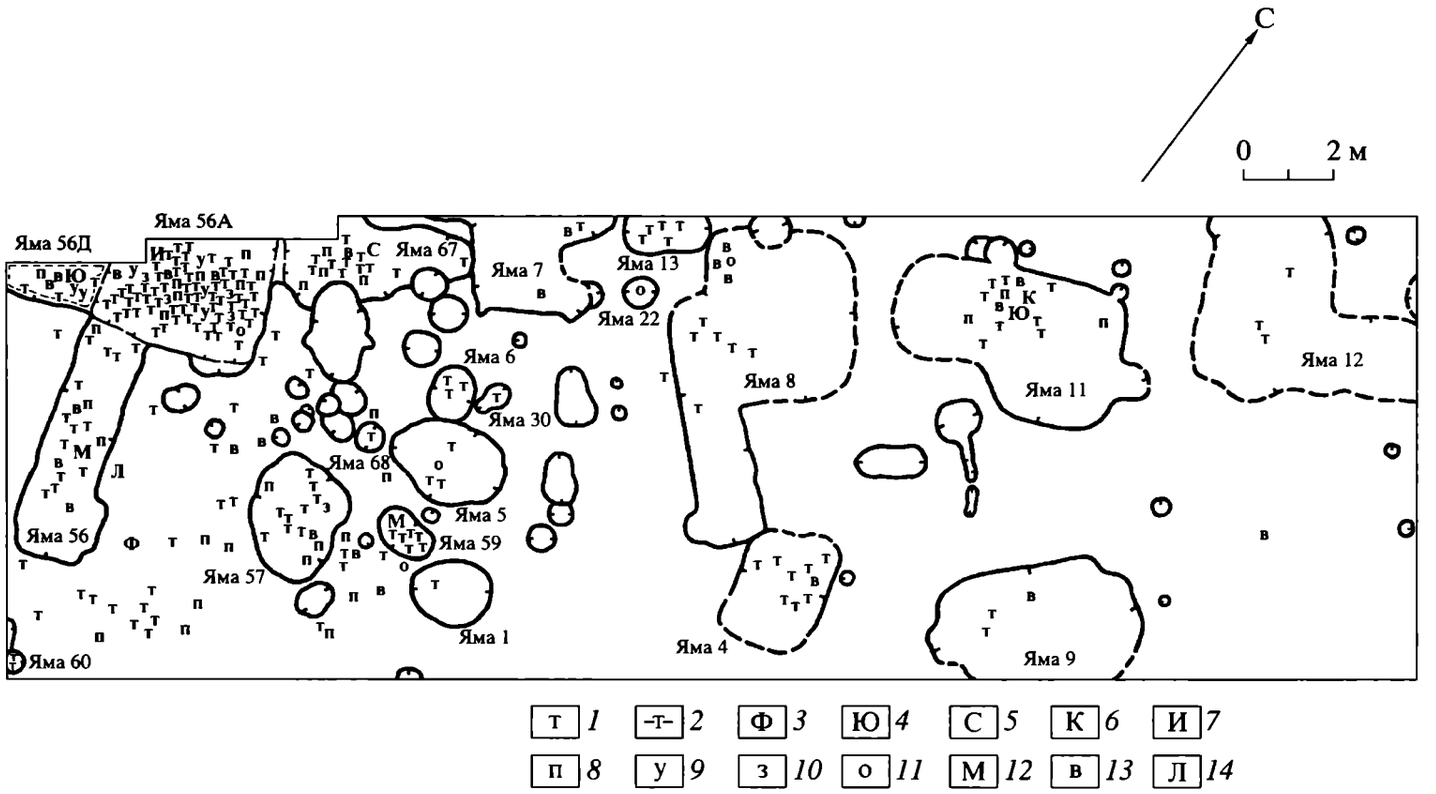


Рис. 1. Раскоп 1999 г. на ул. Чехова: план расположения предметов ювелирного комплекса в культурном слое и заполнении материковых углублений древнерусского времени и XIII–XIV вв. (яма 9). *1* – обломок тигля; *2* – скопление фрагментов тиглей; *3* – обломок литейной формы; *4* – пинцет; *5* – сверло; *6* – обломок клещей; *7* – "ухват"; *8* – пластина; *9* – обрезок пластины; *10* – тисненая пластина; *11* – проволока; *12* – слиток металла; *13* – выплеск металла; *14* – обломок литка.

Таблица 1. Распределение предметов, сформировавших ювелирный производственный комплекс, по объектам их обнаружения (культурный слой, материковые углубления)

Предметы	Всего	Слой	Номер материкового углубления																				
			1	4	5	6	7	8	9	11	12	13	22	30	56	56А		56Д		57	59	60	67	68
																а	б	б	в					
Тигли (фрагменты и фрагментарные)	389	25	1	8	3	3	1	7	2	7	3	5	–	1	13	38	23	–	220	9	6	2	11	1
Литейная форма	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Пинцет	2	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Сверло	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Клещи	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
"Ухват"	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Слиток	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Выплески	25	6	–	1	–	–	2	3	1	2	–	–	–	–	3	2	1	1	1	1	–	–	1	–
Литок	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
Проволока	5	1	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Пластины	31	10	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	3	6	1	1	–	3	–	–	4	–
Обрезки пластин	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	2	–	–	–	–	–	–
Тисненые пластины	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	1	–	–	1	–	–	–	–

Примечание: а – "верхний" горизонт, б – слой материковой засыпки, в – придонное заполнение.

рии усадьбы или вторичного использования ям в качестве мусорных. Стратиграфически неразделимы и находки из перекрывающего древнюю почву культурного слоя XII–XIII вв. (мощностью 5–15 см), в значительной степени потревоженного хозяйственной деятельностью XIX–XX вв. Случайный характер попадания в абсолютное большинство ям предметов производственного характера и невозможность четко разделить остатки деятельности ранней и более поздней (достаточно условной) мастерских, функционировавших сравнительно короткий период (конец XII – первая треть XIII в.), позволяют анализировать материал, не различая его по месту обнаружения.

ИНСТРУМЕНТЫ ЛИТЕЙЩИКОВ

Тигли – основные инструменты литейщиков, обнаруженные в раскопе на ул. Чехова, представлены 389 обломками и фрагментарными экземплярами. В ходе изучения коллекции глиняных плавильных сосудов были проанализированы их конструктивные особенности, характер формовочной массы, химический состав расплавленного в них металла.

Для определения минерального состава глиняного теста тиглей проведено петрографическое исследование 10 образцов[1], результаты которого послужили ориентиром при микроскопическом изучении всей коллекции. Выделено три основных типа формовочных масс:

1. "Грубое тесто" – глина с примесями песка (зерна размером 0.1–1.5 мм) и гранитной дресвы (обломки размером до 1–2 мм); встречены также включения угля и углефицированного органического вещества; черепок на изломе имеет крупнопористую структуру, цвет – темно-серый или черный.

2. "Плотное тесто" – глина с мелкозернистым песком (зерна размером 0.05–0.1 мм) и редкими вкраплениями углей и углефицированного органического вещества; черепок на изломе имеет плотную структуру, цвет – серый или серо-охристый.

3. "Углистое тесто" – глина со значительным содержанием угля и углефицированного органического вещества, с примесью песка (зерна размером до 0.5 мм); черепок на изломе имеет пористую структуру, цвет – черный. Зафиксированные различия между типами формовочной массы свидетельствуют о тщательной подготовке и сортировке минеральных и органических отощителей в процессе создания тигельного теста.

Визуальный осмотр тиглей помог обнаружить фрагменты с остатками металла в виде капель или шлаков на донцах, стенках и венчиках плавильных сосудов. Шлаки из контактной зоны, образованные в результате реакции между глиняным тестом сосудов и их заполнением в процессе плавки, содержат достаточно металла для качественного определения его состава с помощью рентгено-флюоресцентного анализа (Ениосова, Митоян, 1999. С. 54–56). Качественному рентгено-флюоресцентному анализу (далее – РФА) подверглись 25 образцов[2] (табл. 2). Полученные результаты позволяют не просто фиксировать присутствие меди, олова, свинца, цинка и серебра, но и оценить долю каждого элемента в сплаве по величине излучаемого аналитического сигнала. Благодаря этому мы можем установить тип сплава, содержащегося в тигле.

В целом ряде случаев тигли содержат капли более или менее "здорового" металла, пригодные для проведения количественного РФА; исследовано 36 образцов (табл. 3). Среди них представлены как чистые металлы, так и сплавы, которые классифицированы в зависимости от содержания в них сплавообразующих элементов – меди, серебра, золота, олова, свинца и цинка. При ранжировании элементов в сплаве по количественным показателям, учитывалась также зависимость технологических свойств металла от его элементного состава. Так, свинец во всех случаях помещается на последнее место, независимо от разницы в соотношении концентраций Sn/Pb или Zn/Pb. Свинец по причине его нерастворимости не является частью твердого раствора в меди, бронзе и латунях (Мальцев и др., 1960. С. 130–134).

Эти результаты следует рассматривать с осторожностью, так как они могут существенно отличаться от действительного содержания компонентов в сплаве вследствие сложности строения тигельных шлаков, их неоднородности, влияния коррозионных процессов и обогащения одних элементов за счет других. Если в тигле плавили латунь, то цинковые пары из-за их летучести образовывали на стенках сосуда оксид цинка с более высоким содержанием этого компонента, чем в самом сплаве. Под действием флюсов и в результате реакции с керамическим тестом в процессе плавки в тигле происходит выборочное окисление менее благородных металлов. В итоге в тигельном шлаке может содержаться только "чистая" медь, а "бывшие" компоненты сплава – олово, цинк и свинец присутствуют только в виде оксидов (Rehren, 1997. S. 7; Dungworth, 2000. P. 83–86). Несмотря на указанные сложности, метод РФА является наи-

[1] Исследования выполнены заведующим лабораторией кафедры петрографии, минералогии и кристаллографии Российского университета дружбы народов А.А. Каздымом.

[2] Качественный и количественный РФА тиглей и других находок выполнен заведующим рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ, кандидатом геолого-минералогических наук Р.А. Митояном.

Таблица 2. Результаты качественного рентгено-флюоресцентного анализа заполнения тиглей

Номер анализа	Тип/вариант тигля*	Результаты РФА	Металл, тип сплава
ас-561; (2, *д*)	I.г	Ag–Sn	Низкопробное серебро
ас- 545	I.г	Ag–Cu–Pb	Низкопробное серебро
ас-855	I.г	Ag–Cu–Pb	Низкопробное серебро
ас-853	I.г	Ag–Cu–Sn–Pb	Низкопробное серебро
ас-546	I.г	Cu–Zn–Sn–Pb	Многокомпонентная латунь
ас-550; (2, *г*)	I.г	Cu–Zn–Sn–Pb	Многокомпонентная латунь
ас-856; (3, *а*)	I.г	Cu–Zn–Sn–Pb	Многокомпонентная латунь
ас-861	I.г	Cu–Zn–Sn–Pb	Многокомпонентная латунь
ас-1157	I.г	Cu–Pb	"Грязная" медь
ас-1216	I.п	Ag–Cu	Низкопробное серебро
ас-1226	I.п	Ag–Cu–Pb	Низкопробное серебро
ас-1215	I.п	Ag–Cu–Sn–Pb	Низкопробное серебро
ас-1229	I.п	Ag–Cu–Sn–Zn–Pb	Низкопробное серебро
ас-868	I.п	Cu–Zn–Sn–Pb	Многокомпонентная латунь
ас-1151	II.у	Cu–Pb	"Грязная" медь
ас-1159	III.г	Ag–Cu–Pb	Низкопробное серебро
ас-1165; (4, *г*)	III.г	Ag–Sn–Zn	Низкопробное серебро
ас-865	III.у	Cu–Sn–Pb	Оловянно-свинцовая бронза
ас-866	IV	Ag–Cu–Pb	Низкопробное серебро
ас-1222	IV	Ag–Cu–Pb	Низкопробное серебро
ас-1225	IV	Ag–Cu–Pb	Низкопробное серебро
ас-1224	IV	Ag–Cu–Sn–Pb	Низкопробное серебро
ас-1213	IV	Pb–Ag–Cu	Свинцовый гнет
ас-1227	IV	Pb–Ag–Cu	Свинцовый гнет
ас-1223	IV	Pb–Cu–Ag	Свинцовый гнет

Примечание: в скобках дана ссылка на рисунок в статье; * римские цифры – тип тигля (см. табл. 4); г – "грубое тесто", п – "плотное тесто", у – "углистое тесто".

более доступным и достаточно надежным для исследования заполнения тиглей и решения вопросов, связанных с характеристикой ювелирного сырья.

Среди рассматриваемых тиглей нет ни одного экземпляра, сохранившегося целиком, однако форма и размеры не менее 9 сосудов восстановлены полностью или в значительной степени. Благодаря измерениям этих тиглей, а также привлечению аналогий с других древнерусских и западноевропейских памятников, большая часть обломков отнесена к одному из четырех типов тиглей; в зависимости от характера глиняного теста выделены варианты (табл. 4).

Тип I. Полузакрытые ложковидные тигли с вертикальной ручкой (рис. 2; 3). Их фрагменты составляют основную часть коллекции (301 экз.). Эти плавильные сосуды по форме напоминают глубокую овальную ложку с округлым дном, с наполовину закрытым устьем и вертикальным выступом-ручкой, вылепленной одновременно с основным объемом тигля из одного куска глины, первоначально свернутого в жгут (рис. 2, *в*; 3, *д–ж, и*). Противоположный от ручки край устья служил сливом. Через это отверстие металл помещался в полость сосуда в виде мелкой стружки. Устье имеет вертикальный или загнутый внутрь венчик, его наиболее профилированные участки примыкают к гребешку (запечатанной при формовке части устья) в виде двухскатной "крыши", сравнительно ровной (рис. 2, *б, в*) или "горбатой" (рис. 2, *а*; 3, *г*). Для верхнего края венчика характерны округлые очертания (рис. 2, *а*; 3, *а, з*), встречаются венчики с заостренным краем (рис. 2, *г*), с горизонтальной и вертикальной фасетками (рис. 2, *б*). Конструкция полузакрытых тиглей, а также их слабая ошлакованность свидетельствуют об их разовом использовании.

Ручки (всего обнаружено 29 экз.), предназначенные для удержания тигля клещами, чаще все-

Таблица 3. Результаты количественного рентгено-флюоресцентного анализа заполнения тиглей

Номер анализа	Тип/вариант тигля*	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	Au	Металл, тип сплава
ас-551	I.г	32.47	0.87	0	0	11.76	0	0	0	54.9	Au–Ag–Cu
ас-555	I.г	24.21	1.12	0	0	15.17	0.63	0	0	58.88	Au–Ag–Cu–Sn
ас-558	I.г	0	3.58	0	0	91.67	0	4.75	0	0	Ag–Sn
ас-559; (2, *а*)	I.г	0	13.99	0	0	86.01	0	0	0	0	Ag–Sn
ас-869	I.г	0	36.85	Следы	0	63.15	0	0	0	0	Ag–Sn
ас-1156	I.г	0	35.01	0	0	64.99	0	0	0	0	Ag–Sn
ас-560	I.г	0	8.50	10.05	0	79.78	0	1.67	0	0	Ag–Sn–Pb
ас-1152	I.г	0	13.88	14.94	0	69.81	1.37	0	0	0	Ag–Sn–Pb
ас-1154	I.г	0	1.58	27.32	0	69.87	1.23	0	0	0	Ag–Sn–Pb
ас-1214	I.г	26.07	0	0	0	73.93	0	0	0	0	Ag–Cu
ас-852	I.г	18.50	0	11.71	0	69.79	0	0	0	0	Ag–Cu–Pb
ас-1218	I.г	22.80	0.74	13.50	0	57.82	0.10	5.05	0	0	Ag–Cu–Pb
ас-552	I.г	26.64	1.89	23.55	0	44.41	0	3.51	0	0.30	Ag–Cu–Sn–Pb
ас-1219	I.г	31.01	0.88	17.61	13.34	35.84	0.46	0.82	0	0	Ag–Cu–Zn–Pb
ас-1228	I.г	28.40	1.66	33.05	0	36.89	0	0	0	0	Ag–Cu–Sn–Pb
ас-857	I.г	36.59	41.20	0	21.67	0	0.54	0	0	0	Cu–Sn–Zn
ас-556	I.г	49.96	18.38	22.43	7.76	0.30	1.17	0	0	0	Cu–Sn–Zn–Pb
ас-862	I.г	53.93	10.76	26.12	9.19	0	0	0	0	0	Cu–Sn–Zn–Pb
ас-547; (3, *з*)	I.г	47.55	20.93	21.77	4.67	2.98	1.05	1.05	0	0	Cu–Sn–Zn–Ag–Pb
ас-553	I.г	59.87	17.07	13.26	3.81	4.86	1.14	0	0	0	Cu–Sn–Ag–Zn–Pb
ас-854	I.г	66.26	10.86	Следы	22.88	0	0	0	0	0	Cu–Zn–Sn
ас-554	I.п	7.39	21.01	3.97	0	18.86	0	0.51	0	48.27	Au–Ag–Cu–Sn–Pb
ас-1217	I.п	0	0	Следы	0	100	0	0	0	0	Ag
ас-548; (2, *в*)	I.п	0	3.05	0	0	96.95	0	0	0	0	Ag–Sn
ас-549; (2, *б*)	I.п	0	13.32	0	0	86.68	0	0	0	0	Ag–Sn
ас-870	I.п	0	31.45	Следы	0	68.55	0	0	0	Следы	Ag–Sn
ас-1221	I.п	100	0	0	0	Следы	0	0	0	0	Cu
ас-860	II.г	0	0	Следы	0	100	0	0	0	0	Ag
ас-1158; (4, *в*)	II.г	0	0	0	0	97.80	2.20	0	0	0	Ag
ас-863	II.у	Следы	100	Следы	0	0	0	0	0	0	Sn
ас-864; (4, *б*)	II.у	Следы	100	Следы	0	0	0	0	0	0	Sn
ас-867; (4, *а*)	II.у	Следы	100	Следы	0	0	0	0	0	0	Sn
ас-871	II.у	84.29	15.71	Следы	0	0	0	0	0	0	Cu–Sn
ас-859	II.у	49.67	35.24	15.09	0	0	0	0	0	0	Cu–Sn–Pb
ас-557	III.г	0	10.83	0	0	89.17	0	0	0	0	Ag–Sn
ас-1220	IV	95.06	0	0	0	4.94	0	0	0	0	Cu–Ag

Примечание: в скобках дана ссылка на рисунок в статье; * римские цифры – тип тигля (см. табл. 4); г – "грубое тесто", п – "плотное тесто", у – "углистое тесто".

го имеют округло-прямоугольные и трапециевидные очертания (рис. 2, *в, д*; 3, *б, д, е, и*), значительно реже – овальную (1 экз.; рис. 3, *ж*) или двурогую форму (3 экз.; рис. 2, *а, б*; 3, *в*). Последний вариант, не продиктованный технологической необходимостью, вероятно, отражает желание мастера придать этому сугубо утилитарному (да к тому же одноразового использования) предмету определенное сходство с условной фигурой птицы.

Тигли рассматриваемого типа представлены сосудами, сформованными из глиняного теста

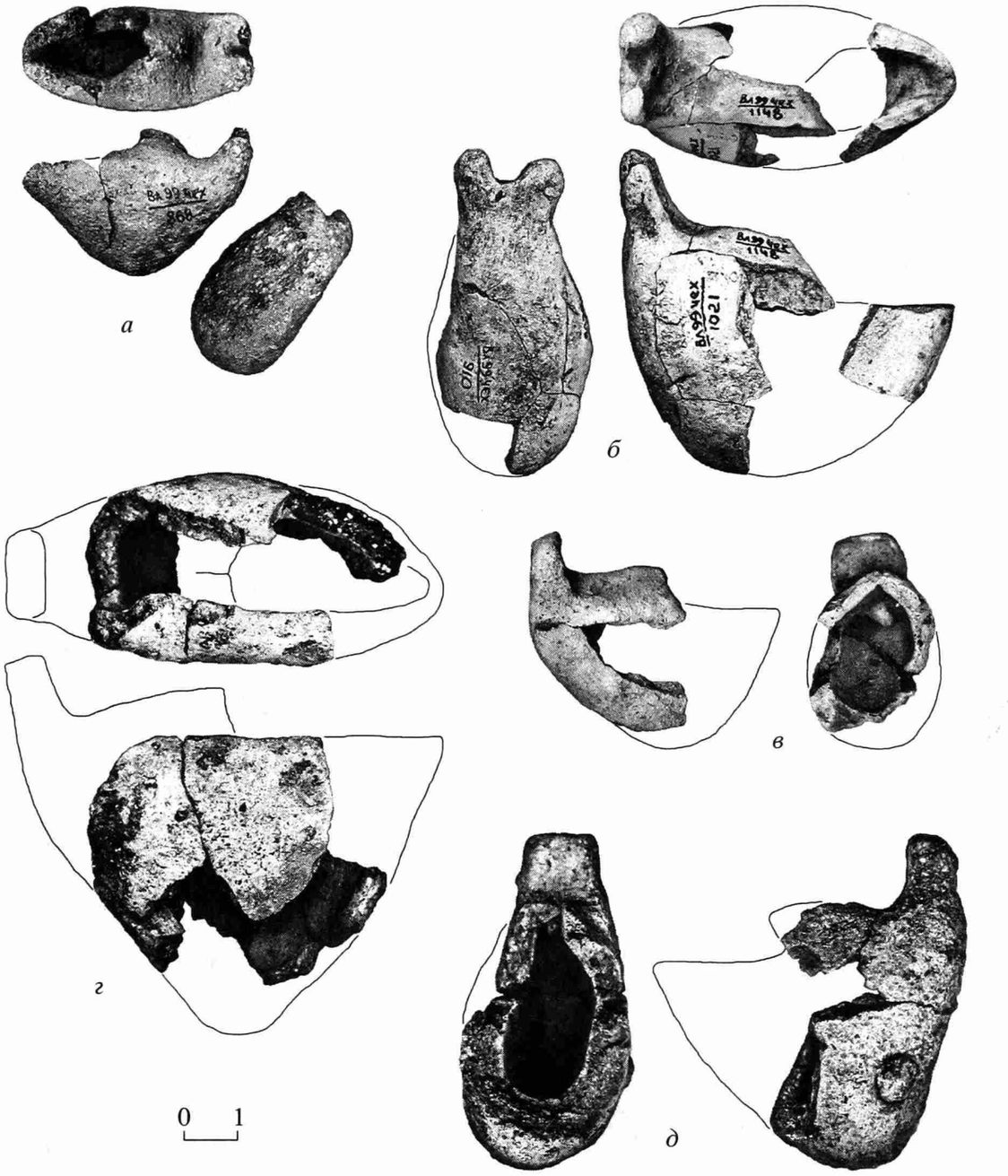


Рис. 2. Полузакрытые ложковидные тигли с вертикальной ручкой.

Таблица 4. Классификация тиглей (фрагментов и фрагментарных форм)

Тип тигля	Тип теста			Всего
	"грубое"	"плотное"	"углистое"	
I. Полузакрытый ложковидный с вертикальной ручкой	249	36	16	301
II. Открытый цилиндрический с округлым устьем	7	–	13	20
III. Открытый конусовидный с треугольным устьем	3	1	1	5
IV. Открытый блюдцевидный	19	–	–	19
Неопределимые фрагменты	35	–	9	44
Всего	313	37	39	389

Рис. 3. Полузакрытые ложковидные тигли с вертикальной ручкой.

всех трех разновидностей, однако абсолютно преобладают фрагменты из "грубого теста" (249 из 301 экз.; табл. 4). Полузакрытыми тиглями из "плотного теста", в свою очередь, практически исчерпываются плавильные сосуды из этого типа формовочной массы (36 из 37 экз.); обломки из "углистого теста" немногочисленны (16 экз.), преимущественно представлены сильно фрагментированными стенками.

Помимо прослеженной структурной разнородности, для полузакрытых тиглей с ручкой свойственны существенные различия общих параметров. Проведенное измерение емкости изготовленных нами моделей почти полных форм и реконструированных фрагментарных тиглей позволяет говорить об использовании ювелирами целого набора разновеликих плавильных сосудов. Наименьший зафиксированный полезный объем тигля составил 2.5 см^3 (рис. 2, *а*), наибольший – до 40 см^3 (рис. 2, *г*); выявлены также сосуды емкостью около 5–7 см^3 (рис. 3, *б*, *в*), 10–12 см^3 (рис. 2, *в*), 15–17 см^3 (рис. 2, *д*), 22–27 см^3 (рис. 2, *б*; 3, *а*).

Таблица 5. Металл из заполнения тиглей, дифференцированных по типам/вариантам

Металл/тип сплава, количество образцов		Тип/вариант тигля						
		I.г	I.п	II.у	II.г	III.г	III.у	IV
Низкопробное золото	(3)	2	1	–	–	–	–	–
Высокопробное серебро	(16)	9	4	–	2	1	–	–
Низкопробное серебро	(18)	8	4	–	–	2	–	4
Медь	(2)	–	1	–	–	–	–	1
Олово	(3)	–	–	3	–	–	–	–
"Грязная" медь	(2)	1	–	1	–	–	–	–
Оловянная бронза	(1)	–	–	1	–	–	–	–
Оловянно-свинцовая бронза	(2)	–	–	1	–	–	1	–
Многокомпонентная бронза	(5)	5	–	–	–	–	–	–
Оловянная латунь	(1)	1	–	–	–	–	–	–
Многокомпонентная латунь	(5)	4	1	–	–	–	–	–
Свинцовый глет	(3)	–	–	–	–	–	–	3
	Всего	30	11	6	2	3	1	8

Примечание: римские цифры – тип тигля (см. табл. 4); г – "грубое тесто", п – "плотное тесто", у – "углистое тесто".

Изучение заполнения полузакрытых тиглей с ручкой показало (табл. 2, 3, 5), что эти сосуды использовались преимущественно для плавки серебра и золота (28 из 41 исследованных образцов), а также многокомпонентных бронз и латуней (по 5 образцов); в единичных случаях встречены чистая медь, свинцовая бронза ("грязная" медь) и оловянная латунь. Тигли из "плотного теста" применялись практически исключительно для плавки благородных металлов (9 из 11 исследованных образцов). Это наблюдение в определенной мере согласуется с рецептами из знаменитого трактата Теофила (Северная Германия, XII в.): для медных сплавов средневековый ювелир использовал тигли из глины, смешанной с навозом, при работе же с драгоценными металлами он предпочитал специальную хорошо растертую белую глину с примесью мелкого речного песка и измельченных фрагментов использованных тиглей (Hawthorne, Smith, 1963. P. 96, 143).

Примечательно, что сосуды для плавления благородных металлов имели различный объем. Например, серебро обнаружено в тиглях емкостью 2.5 см^3 (рис. 2, *а*), 10–12 см^3 (рис. 2, *в*), 15–17 см^3 (рис. 2, *д*), до 25 см^3 (рис. 2, *б*). Фрагмент же одного из тиглей с остатками золота (номер анализа – ас-555) принадлежал сосуду, аналогичному по размерам тиглю емкостью до 40 см^3 (рис. 2, *г*), т.е. данный тигель могли использовать для отливки золотого предмета (или предметов) весом около 600 г (учитывая состав сплава).

Тип II. Открытые цилиндрические тигли с округлым устьем (рис. 4, *а–в*). Тигли имеют форму круглодонных цилиндрических сосудов с устьем округлых очертаний, в исследуемой коллекции они представлены 20 фрагментами донных частей, венчиков и стенок. Тигли данного типа вылеплены из "углистого" (рис. 4, *а, б*) и "грубого теста" (рис. 4, *в*), значительно преобладают фрагменты из формовочной массы первой разновидности (13 против 7; табл. 4). Использование угля и золы повышало огнеупорные свойства глины и создавало хорошие условия для плавки, уменьшая последствия процесса окисления (Rehren, 1997. S. 6).

Из-за фрагментарности материала общие параметры цилиндрических тиглей (в первую очередь, высота) не определены. Некоторое представление об их полезном объеме дают замеры внутреннего диаметра обломков, позволяющие выделить две группы сосудов – "малые" (с диаметром около 4–6 см) и "большие" (с диаметром около 8–10 см) тигли. Исходя из предположения, что высота цилиндрического тигля составляла не менее одного его внутреннего диаметра, минимальный полезный объем "малого" тигля достигал 100 см^3, а "большого" – более 500 см^3. В исследуемой коллекции тигли из "грубого теста" представлены только "малыми" сосудами (не менее 2 форм), среди сосудов из "углистого теста" оказались как "малые" (не менее 5), так и "большие" тигли (не менее 3).

В заполнении цилиндрических тиглей (табл. 2, 3, 5; 8 образцов) были выявлены высокопробное серебро (содержание Ag – более 60%; 2 образца), олово (3 образца) и бронзы (свинцовая, оловянная и оловянно-свинцовая). Примечательно, что серебро обнаружено лишь в сосудах из "грубого теста", однако незначительность исследуемой выборки образцов не позволяет оценить закономерность указанного наблюдения.

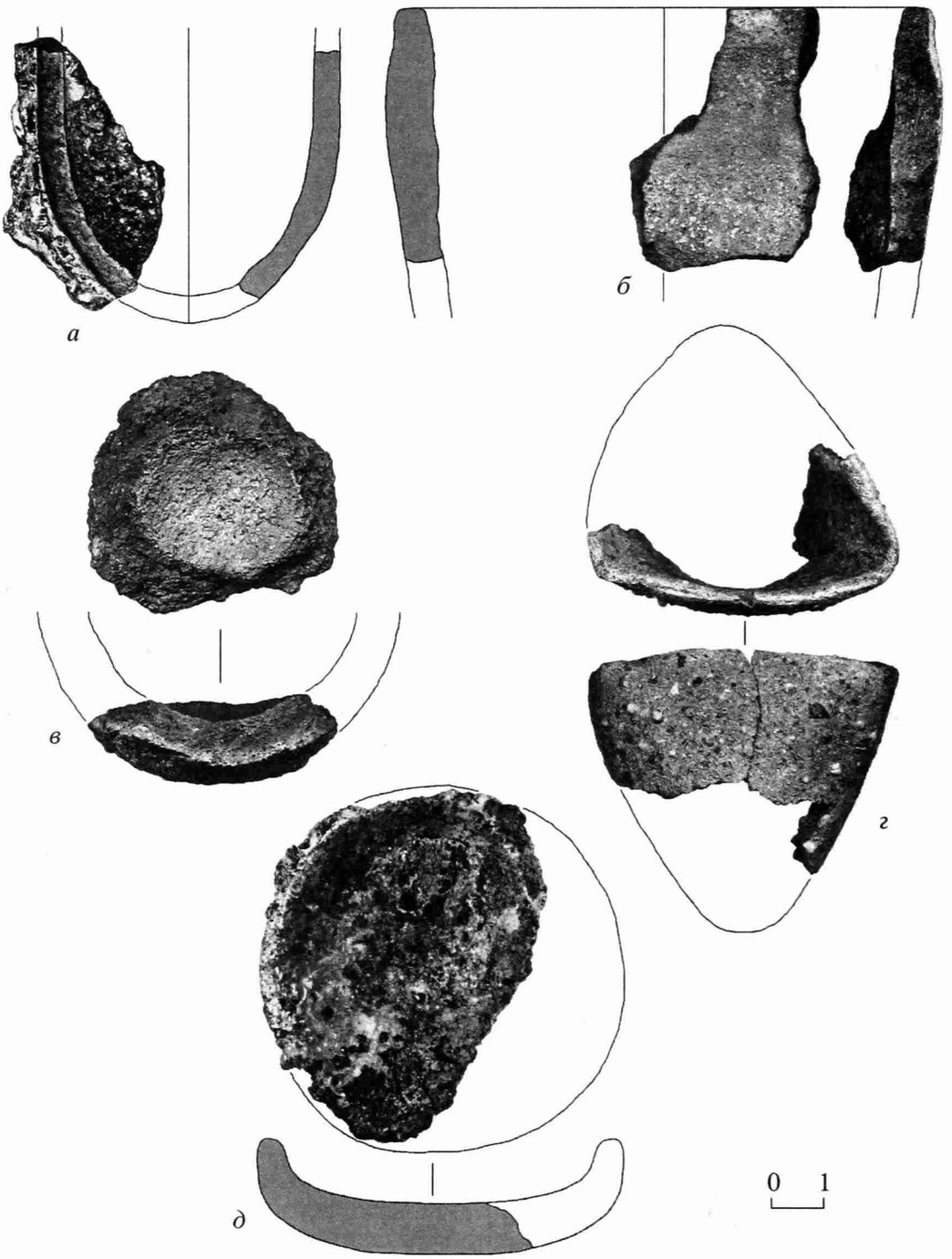


Рис. 4. Открытые цилиндрические (*а–в*), конусовидный (*г*) и блюдцевидный (*д*) тигли.

Тип III. Открытые конусовидные тигли с треугольным устьем представлены во владимирской коллекции фрагментами 5 форм – 4 обломками венчиков и фрагментарным сосудом (рис. 4, *г*). Графическая реконструкция последнего дает общие представления о форме и размерах этого типа плавильных сосудов. Устье со скругленным венчиком имело очертания равнобедренного треугольника со сторонами около 5–6 см, "острый" угол служил носиком-сливом. Высота тигля достигала 5–5.5 см, его дно, по-видимому, имело округлую форму. Полезный объем сосуда – до 40 см^3.

Тигли с треугольным устьем были вылеплены из глиняного теста всех трех типов (табл. 4), в нашей выборке преобладают сосуды из "грубого теста" (3 из 5; рис. 4, *г*). Для определения состава металла исследовано 4 образца (табл. 2, 3, 5), еще 1 фрагмент (из "плотного теста") не содержал каких-либо следов металла. Оказалось, что в тиглях из "грубого теста" плавили серебро различной пробы, в сосуде из "углистого теста" зафиксирована оловянно-свинцовая бронза.

К *типу IV* отнесены плоские тигли-блюдца высотой 1.5–2.2 см и наибольшим диаметром 7–8 см

(рис. 4, *д*). В раскопе на ул. Чехова обнаружено 19 фрагментов этих редких для древнерусских городов плавильных сосудов, все они вылеплены из "грубого теста". Обломки *открытых блюдцевидных тиглей* покрыты внутри стекловидной массой характерного грязно-зеленого или буро-красного цвета. Образование шлаковой пленки внутри плавильного сосуда означает, что содержимое тигля нагревалось сверху с помощью трубки-февки (Craddock, 1995. P. 185). Заполнение 8 фрагментов, изученных с помощью РФА, составляют серебро, медь и свинец в разных пропорциях (табл. 2, 3). Форма сосудов, а также состав металла, обнаруженного на их стенках, позволяют утверждать, что тигли-блюдца использовали в процессе купеляции – отделения серебра от примесей. Это происходило с помощью свинца и измельченных костей: они абсорбировали медь и другие загрязняющие элементы, а очищенный металл концентрировался в центральной части купели (Ениосова, Митоян, 1999. С. 58).

В результате исследования тиглей удалось установить, что литейщики владимирской мастерской использовали четыре типа сосудов для плавки и очистки металла, среди которых доминируют полузакрытые ложковидные тигли с вертикальной ручкой. В целом тигли (исключая купели) имели универсальное применение – служили для плавки благородных металлов и различных типов бронз (табл. 5). Следует также отметить, что латуни выявлены лишь в полузакрытых тиглях, а чистое олово – в цилиндрических сосудах. Обнаружение купелей, использовавшихся исключительно для очистки или определения пробы серебра, и тот факт, что преобладающая часть исследованных с помощью РФА фрагментов трех типов плавильных сосудов (33 из 53 образцов) содержала следы сплавов на основе серебра и золота, позволяют предположить, что изделия из драгоценных металлов являлись основной продукцией владимирской мастерской.

Примечательно, что открытые цилиндрические и конусовидные тигли, наиболее распространенные плавильные сосуды средневековья (Горюнова, 1994; Ениосова, Митоян, 1999. С. 61), представлены в мастерской "Ветчаного города" всего 25 обломками. Огромный ареал и широкие хронологические рамки бытования этих тиглей не позволяют связывать их происхождение и распространение с определенной территорией или этносом. Сходство форм плавильных сосудов было вызвано, прежде всего, функциональными требованиями, уровнем развития литейной техники, доступностью металлов (Рындина, 1963. С. 214).

Распространение полузакрытых тиглей с ручкой ограничено более узкими временными и территориальными рамками. В Западной Европе они известны с римского времени, в V–VI вв. такие тигли широко представлены на памятниках Британских островов и Скандинавии, где их бытование заканчивается в X в. На древнерусской территории этот тип тигля существует до XIV в. (Ениосова, Митоян, 1999. С. 61).

Купели обнаружены на ряде средневековых памятников Западной Европы, на территории Восточной Европы они известны пока только в Гнездове, Новгороде и Владимире (Ениосова, Митоян, 1999. С. 61, 62). Однако это не означает, что процесс очистки драгоценных металлов не был знаком средневековым ювелирам. Отсутствие специальных сосудов для купеляции объясняется, вероятнее всего, недостаточной изученностью ювелирного керамического комплекса.

Помимо тиглей инструменты владимирских литейщиков представлены единичными находками. К ним можно отнести фрагментарный железный предмет в виде держателя-"ухвата" (?) – возможно, приспособления для перемещения тиглей (рис. 5, *в*). Этот инструмент был гораздо менее удобным, чем тигельные клещи, с помощью которых сосуды любых размеров легко доставлялись от очага к литейной форме. Тигли должны были помещаться в "ухват" еще до нагревания. Судя по вероятным размерам инструмента, он наиболее подходил для работы с конусовидными сосудами. По всей видимости, у "ухвата" была деревянная рукоять. Отсутствие аналогий среди древних и современных инструментов не позволяет уверенно идентифицировать владимирский инструмент.

В отличие от многочисленных тиглей литейные формы представлены единственным обломком из белого известняка. Это тонкая плитка толщиной 6–8 мм, на которой сохранились 4 литниковых канала, подведенных к полукруглым углублениям (рис. 5, *д*). В ней отливали как минимум 6 одинаковых шариков (диаметром 3 мм), помещавшихся в бубенчики. Аналогичные формы встречены в Новгороде и Суздале (Рындина, 1963. С. 214. Рис. 10, *4*; Седова, 1997. Рис. 40, *20*). Следует отметить, что литейная форма из Владимира сохранилась без изменения окраски и следов термического воздействия. Вероятно, она была повреждена при изготовлении и никогда не использовалась.

КУЗНЕЧНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Несмотря на то, что коррозия значительно затрудняет идентификацию железных предметов, в коллекции находок из Владимира удалось обнаружить ряд кузнечных инструментов.

Клещи необходимы для удерживания изделия при ковке и отжиге. Вероятные размеры и конструкция этого инструмента (обнаружены 2 фрагментарные губы) позволяют отнести его к типу малых одноручных клещей с плоскими, хорошо подогнанными губами (по классификации Б.А. Колчина). Клещи, аналогичные владимир-

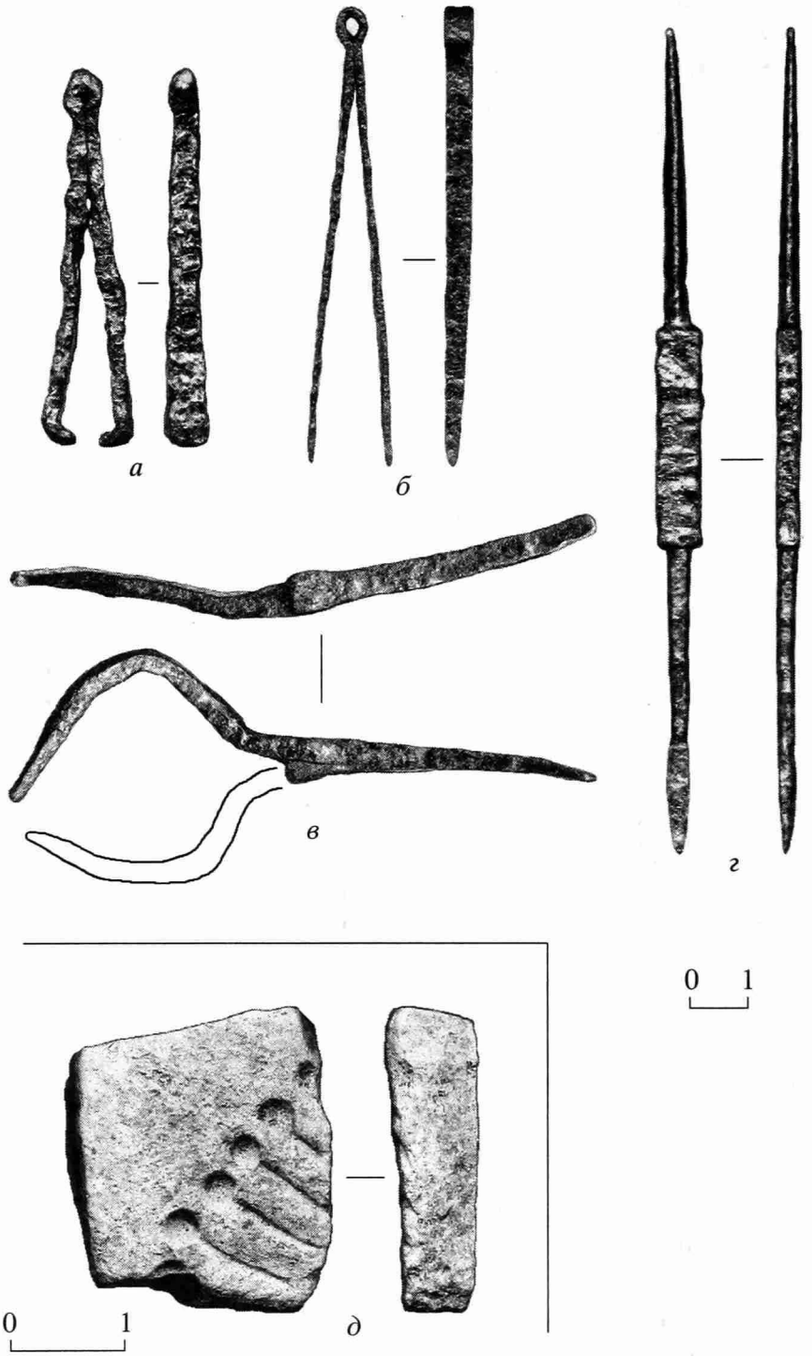


Рис. 5. Железные инструменты (*а–г*), фрагмент каменной литейной формы (*д*).

ским, выявлены на многочисленных средневековых памятниках (Колчин, 1959. С. 20, 21; Седова, 1978. Табл. 4, *25*; Халиков, 1985. Табл. XXVII, *1, 2*; Рябинин, 1994. С. 28–30. Рис. 15; Седова, 1997. Рис. 17, *5*; 20, *10*; 63, *6*).

Пинцеты предназначались для захвата и удерживания мелких предметов или их деталей при ковке и других тонких операциях. Исследуемая коллекция представлена двумя железными экземплярами: плоскогубым и с Г-образными губами (рис. 5, *а, б*). Фиксирующее кольцо на пинцете второго типа не сохранилось. Ювелирные железные пинцеты встречены на целом ряде средневековых памятников Восточной Европы, в том числе в Новгороде, Суздале, Старой Рязани, Ярополче Залесском (Колчин, 1959. С. 22, 23; Седова, 1978. Табл. 4, *2–5*; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 51, *4*; 61, *7*; 78, *3*; Седова, 1997. Рис. 63, *1, 2*).

Для получения отверстий с ровными краями использовали сверла. Традиционно считается, что их применяли только для обработки дерева и кости (Колчин, 1959. С. 67). Однако в современных руководствах по ювелирному делу мы находим весьма схожие инструменты, которые используются мастерами для обработки драгоценных и полудрагоценных камней, тонких листов

Таблица 6. Результаты количественного рентгено-флюоресцентного анализа сырьевых продуктов и готовых изделий

Номер анализа; рис.	№ п/о	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	Fe	Au	Металл, тип сплава
ас-678; (6, *а*)	586	Слиток металла	66.72	27.08	3.91	0	2.01	0.28	0	0	Cu–Sn–Ag–Pb
ас-1089; (6, *б*)	514	Слиток металла	75.59	9.65	14.12	0	0.26	0.38	0	0	Cu–Sn–Pb
ас-1088; (6, *д*)	566	Выплеск металла	99.58	0.07	0	0	0.13	0.22	0	0	Cu
ас-832	591	Выплеск металла	77.61	12.93	6.92	0.23	0.04	0.53	1.74	0	Cu–Sn–Pb
ас-828	590	Выплеск металла	54.99	34.01	2.42	1.63	0.02	0	6.03	0	Cu–Sn–Zn–Pb
ас-829; (6, *в*)	588	Выплеск металла	74.21	4.92	12.3	4.27	0.03	0.14	4.13	0	Cu–Sn–Zn–Pb
ас-830; (6, *г*)	587	Выплеск металла	73.97	5.34	8.61	2.71	0.02	0.16	9.19	0	Cu–Sn–Zn–Pb
ас-831; (6, *е*)	592	Выплеск металла	68.61	6.55	19.52	2.20	0.19	0.32	2.61	0	Cu–Sn–Zn–Pb
ас-827; (6, *ж*)	589	Выплеск металла	75.33	3.16	8.26	9.06	0.04	0.44	3.72	0	Cu–Zn–Sn–Pb
ас-1075	504	Выплеск металла	89.65	1.95	4.68	3.13	0.26	0.33	0	0	Cu–Zn–Sn–Pb
ас-1081; (7, *г*)	529	Литок	88.53	9.29	1.89	0	0	0.29	0	0	Cu–Sn–Pb
ас-1084	584	Проволока	85.51	3.87	0	9.76	0.67	0.19	0	0	Cu–Zn–Sn
ас-1087	581	Пластина	94.89	0.04	4.09	0	0.24	0.74	0	0	Cu–Pb
ас-1082	579	Обрезок пластины	99.56	0.03	0	0	0.16	0.25	0	0	Cu
ас-1083	580	Обрезок пластины	99.62	0.1	0	0	0.11	0.18	0	0	Cu
ас-1085; (7, *в*)	575	Обрезок пластины	98.05	0.02	1.47	0	0.18	0.28	0	0	Cu–Pb
ас-1070; (7, *а*)	503	Пластина тисненая	94.82	0.62	3.94	0	0.30	0.32	0	0	Cu–Pb
ас-1078	497	Пластина тисненая	91.85	0.89	6.58	0	0.30	0.39	0	0	Cu–Pb
ас-1074; (7, *б*)	494	Пластина тисненая	92.58	0.81	3.76	2.24	0.22	0.39	0	0	Cu–Zn–Pb
ас-1080; (7, *д*)	505	Пластина тисненая	93.67	0.55	3.11	2.34	0.15	0.20	0	0	Cu–Zn–Pb
ас-1077	501	Бубенчик литой	72.42	13.98	13.11	0	0.09	0.40	0	0	Cu–Sn–Pb
ас-1073	506	Бубенчик литой	47.53	8.71	41.18	2.21	0.18	0.19	0	0	Cu–Sn–Zn–Pb
ас-1071; (7, *з*)	496	Бубенчик тисненый	94.66	0.54	4.28	0	0.21	0.32	0	0	Cu–Pb
ас-1076; (7, *ж*)	495	Бубенчик тисненый	85.67	1.13	8.65	4.25	0	0.30	0	0	Cu–Zn–Sn–Pb
ас-1069	507	Бусина тисненая	91.06	0.60	6.94	0	0.13	0.38	0	0.90	Cu–Pb
ас-1072; (7, *е*)	498	Бусина тисненая	93.36	2.49	3.65	0	0.20	0.29	0	0	Cu–Sn–Pb
ас-1086; (7, *и*)	513	Венчик сосуда	85.49	7.05	7.01	0	0.09	0.37	0	0	Cu–Sn–Pb
ас-1162	526	Обломок колокола (?)	70.46	25.19	3.55	0.04	0	0.72	0.04	0	Cu–Sn–Pb

Примечание: в скобках дана ссылка на рисунке в статье.

металла (серебро, медь, бронза, латунь), создания восковых моделей (Maryon, 1971. P. 66. Fig. 62; Новиков, Павлов, 1993. С. 57). Во владимирской коллекции имеется *лучковое сверло* с плоским щитком в средней части инструмента (рис. 5, *г*). Щиток снабжался приводной костяной или деревянной катушкой, на верхний заостренный черенок крепили деревянную рукоять. Длина рабочей части инструмента – 5.5 см, ширина пера сверла – 4 мм. Подобные сверла известны, в частности, из раскопок в Новгороде, Ярополче Залесском (Колчин, 1959. С. 68, 69. Рис. 53, *3–5*; Седова, 1978. Табл. 9, *9*).

СЫРЬЕВОЙ МЕТАЛЛ, ЗАГОТОВКИ И ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА

Заполнение тиглей не является единственным источником исследования использовавшихся сплавов. В сочетании с изучением плавильных сосудов, анализ слитков и выплесков металла, проволоки, пластин, заготовок, полуфабрикатов и отходов производства дает возможность получить максимально полное представление о сырьевой базе древнерусских ювелиров Владимира-на-Клязьме. Количественный РФА химического состава металла выполнен для 20 образцов сырьевых продуктов; аналогичному анализу были подвергнуты также 8 целых или фрагментарных древнерусских готовых изделий из цветного металла, обнаруженных на территории исследуемой усадьбы (табл. 6). РФА исследует поверхностный слой и, следовательно, он недостаточно представителен для объектов, подвергнутых воздействию коррозии. Несмотря на то, что в большинстве случаев анализируемые предметы были очищены от ее продуктов, часть из них была законсервирована с сохранени-

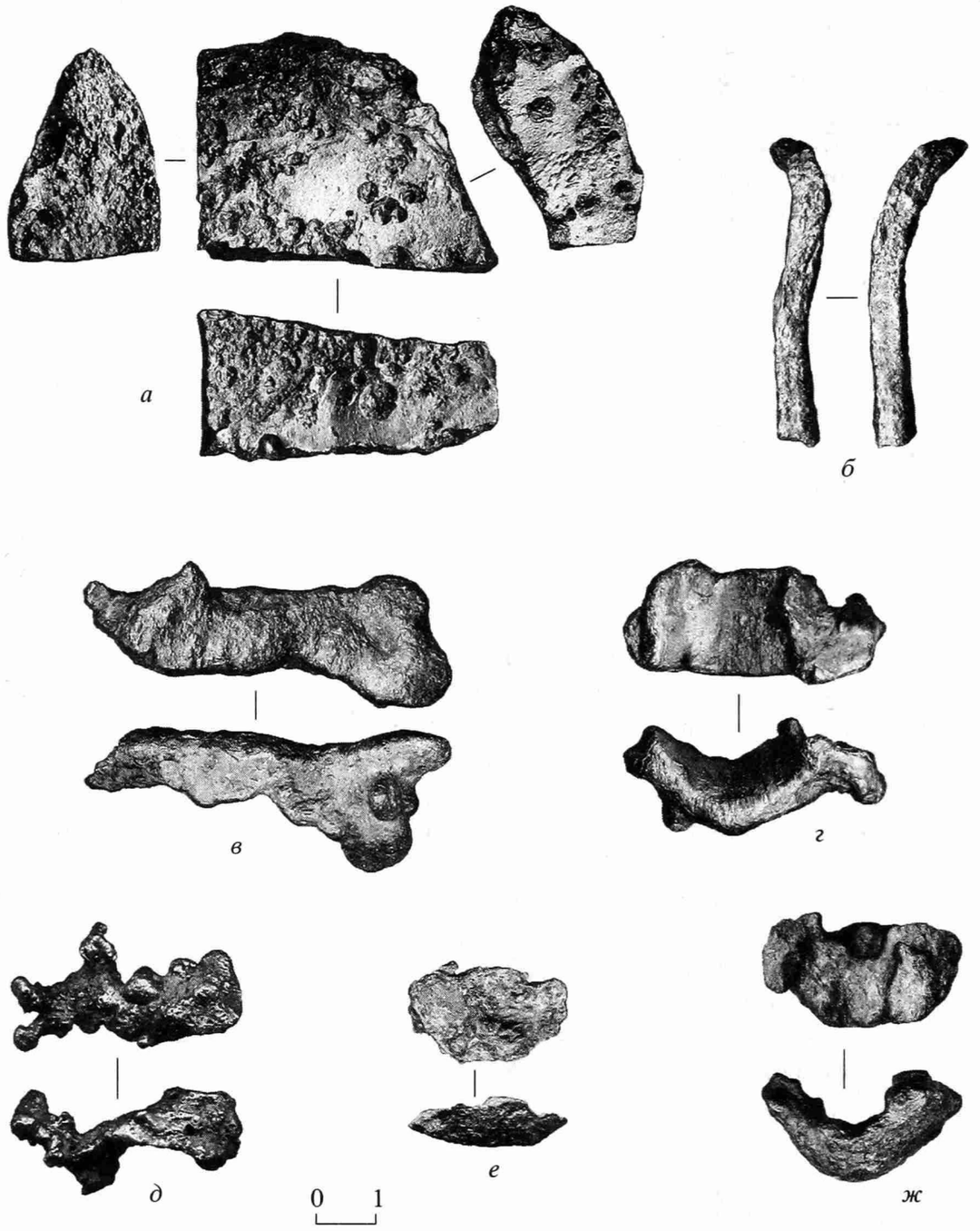


Рис. 6. Слитки (*а, б*) и выплески цветного металла (*в–ж*).

ем патины. В этих образцах мы наблюдаем повышенное содержание свинца и железа (табл. 6; анализы ас-827 – ас-832, ас-1073).

Цветной и драгоценный металл поступал в ювелирные мастерские в виде слитков, проволоки, монет и лома. В раскопе на ул. Чехова обнаружено 2 слитка (рис. 6, *а, б*): отрезок четырехгранного прутка (поперечники – 6–7 мм) и сегмент (примерно 1/10 часть) дисковидного слитка диаметром около 13 см (вес фрагмента – 247 г). Обе находки относятся к оловянно-свинцовым бронзам, но содержание олова в них разное: около 10% в прутке и более 27% в дисковидном слитке (табл. 6). По своему составу последний относится к классическим колокольным бронзам домонгольского периода. Эта бронза имеет серебристо-серый цвет и является оптимальным по механическим и акустическим свойствам сплавом для литья небольших колоколов. Примечательно, что в ней содержится 2% серебра. Известно, что добавка до 5% серебра приводит к некоторому повышению твердости сплава и понижению скорости звука (Шашкина, Галибин, 1986. С. 240). Возможно, что массивный слиток весом около 2.5 кг предназначался именно для отливки колокола. Близкий по составу металл (без Ag) зафиксиро-

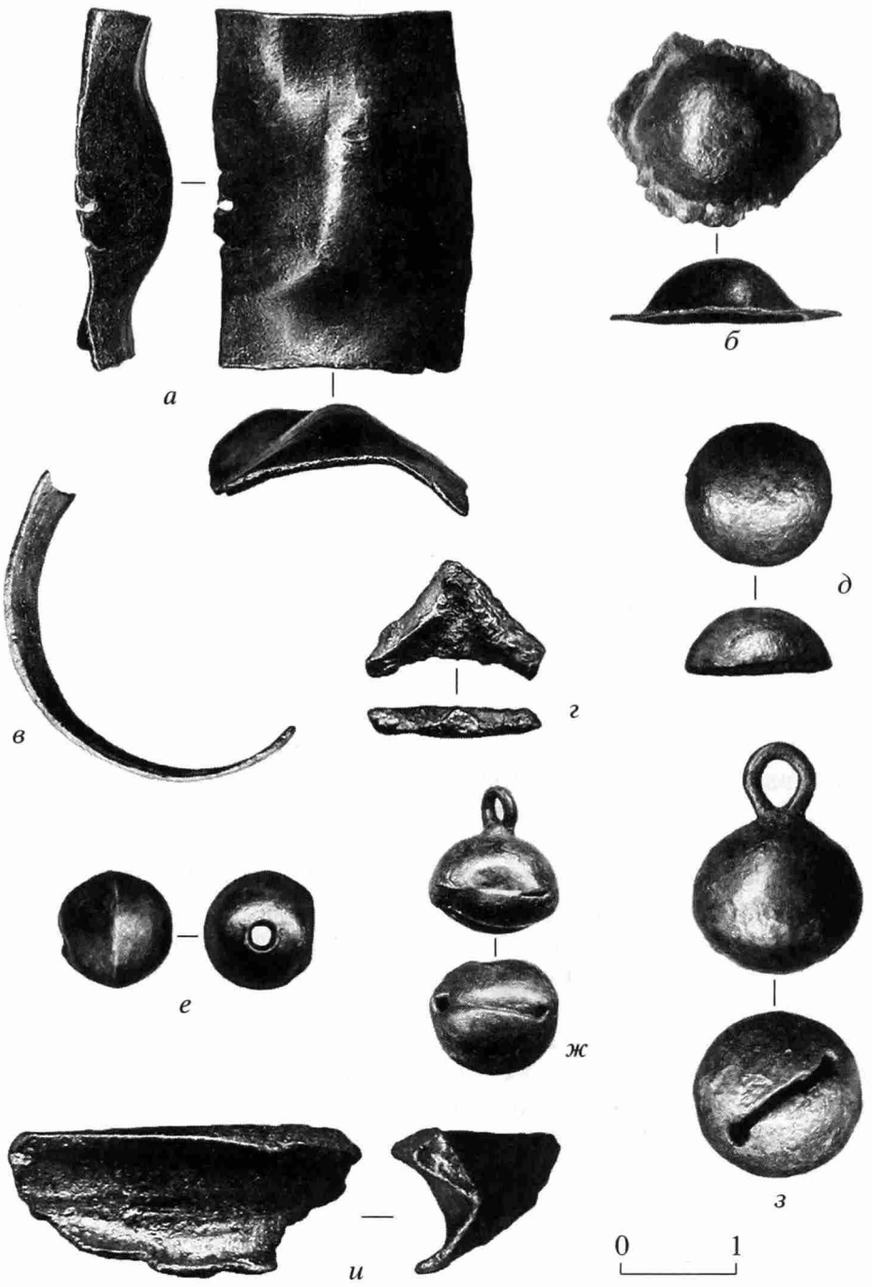


Рис. 7. Производственные отходы, полуфабрикаты и готовые изделия из цветного металла: тисненые пластины (*а, б, д*), обрезок пластины (*в*), фрагмент литка (*г*), тисненые бубенчики (*ж, з*) и бусина (*е*), фрагмент венчика сосуда (*и*).

ван при анализе обломка колокола (?) (табл. 6, анализ ас-1162).

Помимо слитков, полученных посредством торговых операций, выявлено 25 выплесков металла нестандартной формы (рис. 6, *в-ж*). Расплавленный металл "убегал" из тигля или выплескивался на землю из-за небрежности литейщика. Среди них есть и 3 округлых выплеска, извлеченных из придонной части тиглей еще в древности (рис. 6, *е, ж*). По химическому составу эти производственные отходы относятся к многокомпонентным латуням и бронзам, оловянно-свинцовым бронзам и чистой меди (табл. 6). К этой же категории находок следует добавить фрагмент литка из оловянно-свинцовой бронзы, с которого были обрублены все отливки (рис. 7, *г*).

На раскопанном участке производственного комплекса обнаружено 5 отрезков проволоки различного диаметра и сечения и 37 фрагментов и обрезков пластин (рис. 7, *в*). Два исследованных образца пластин принадлежат к чистой меди, еще два – к меди, загрязненной свинцом; проволока изготовлена из оловянной латуни (табл. 6).

К производственным заготовкам и полуфабрикатам отнесены 3 пластины с округлой выпуклой серединой и 2 полушария. Эти находки представляют разные стадии изготовления тисненых бубенчиков (рис. 7, *а, б, д, ж, з*). Прямоугольный

Таблица 7. Сравнение результатов анализа химического состава металла из заполнения тиглей и сырьевых продуктов и готовых изделий

Металл, тип сплава	Сырьевые продукты, готовые изделия	Металл из тиглей (без купелей)
Низкопробное золото	–	3
Высокопробное серебро	–	16
Низкопробное серебро	–	14
Медь	3	1
Олово	–	3
"Грязная" медь (Cu–Pb)	6	2
Оловянная бронза (Cu–Sn)	–	1
Оловянно-свинцовая бронза (Cu–Sn–Pb)	7	2
Многокомпонентная бронза (Cu–Sn–Zn–Pb/Ag)	6	5
Свинцовая латунь (Cu–Zn–Pb)	2	–
Оловянная латунь (Cu–Zn–Sn)	1	1
Многокомпонентная латунь (Cu–Zn–Sn–Pb)	3	5
Всего	28	53

лист из свинцовой латуни или "грязной" меди помещался на мягкую наковальню, по нему ударяли пуансоном с округлой рабочей частью. Края пластины удаляли с помощью зубила, или ножниц. Затем в полушариях делали соответственно прорезь и отверстие для петли и, предварительно поместив внутрь литой шарик, спаивали все детали (включая и ушко из проволоки). Кроме бубенчиков в мастерской изготавливали, по-видимому, и тисненые металлические бусины (рис. 7, *е*). Аналогичные производственные отходы встречены в слоях 50–80-х годов. XII в. усадьбы А Троицкого раскопа в Новгороде (Колчин и др., 1981. С. 129–135).

ХАРАКТЕРИСТИКА ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА МЕТАЛЛА

Фонд анализов химического состава металла из раскопа на ул. Чехова насчитывает 89 образцов (табл. 2, 3, 6). Характер изучаемого объекта (производственного комплекса) определил полноценность выборки, в которую попали сырьевые продукты, содержимое тиглей, готовые изделия. Исследованные образцы представлены чистыми металлами и сплавами на основе меди, серебра и золота.

В табл. 7 проведено сравнение результатов анализа сырьевого металла, заготовок, отходов производства и готовых изделий с данными о заполнении тиглей (81 анализ; без учета содержимого купелей). Несмотря на то, что 5 типов сплавов из 10 являются общими для обеих групп анализов, в половине случаев они не совпадают. Набор сплавов из тиглей богаче за счет драгоценных металлов и олова, в нем не представлена только свинцовая латунь.

Примечательно, что среди сырьевых продуктов не встречено ни одного экземпляра из благородных металлов, хотя именно высокопробное и низкопробное серебро и золото составляют наиболее значительную группу сплавов (33 образца). Безусловно, эти ценные материалы утилизировали, хранили более тщательно и не выбрасывали вместе с другим производственным мусором. Известно, что в позднем средневековье в северогерманских городах ювелирам по золоту и серебру приказывали извлекать остатки металла из тиглей. В противном случае их причисляли к ворам и подвергали штрафу (Dresher, 1978. S. 154). Таким образом, отсутствие находок из драгоценных металлов среди археологически зафиксированных остатков деятельности ювелирных мастерских отнюдь не исключает факта работы ремесленников с серебром и золотом. В случае же с владимирской мастерской попытка интерпретации археологического материала без учета анализа содержимого тиглей существенно исказила бы реальную ситуацию.

Значительными сериями представлены бронзы (21 образец) и латуни (12). Среди них практически нет классических двойных оловянных бронз и двойных латуней. Из оловянно-свинцовой бронзы были изготовлены один из литых бубенчиков, тисненая бусина, сосуд (рис. 7, *е, и*). Употребление этого сплава в мастерской документируется находками слитка, выплеска и литка с аналогичным составом металла. Из оловянно-свинцовой бронзы отлиты, в частности, и икона, и энколпионы из раскопок "усадьбы священнослужителя" (Жарнов, 2000. С. 189). Для литья и тиснения использовали также многокомпонентные сплавы, полученные при смешивании лома из различных источников.

В эту группу входят как готовые изделия, так и выплески, а также содержимое тиглей. Очевидно, владимирские ювелиры хорошо различали литейные сплавы и металлы, пригодные для пластической деформации.

Несмотря на то, что данных по химическому составу металла из Владимира пока немного, на их основе можно сделать некоторые предварительные выводы о путях поступления ювелирного сырья в мастерские этого древнерусского города. Судя по тому, что в выборке присутствует чистая медь и медь, загрязненная свинцом, ювелиры Владимира получали этот металл из разных регионов. Известно, что источником "грязной" меди были рудники Гарца (Саксония), откуда она поступала в Прибалтику и на Северо-Запад Руси (Ениосова, Сарачева, 2002. С. 21). Вероятно, через Новгород "грязная" медь, наряду с другими цветными металлами, попадала и в пределы Владимиро-Суздальской земли. Об этом свидетельствует текст новгородской берестяной грамоты № 439 1190–1200-х гг.: в переписке складников речь идет о доставке листовой меди, олова и свинца из Новгорода в Суздаль (Рыбина, 2001. С. 320).

Источником чистой меди могла быть Волжская Болгария, на территории которой разрабатывались месторождения медистых песчаников. Из этой руды выплавляли металл, примеси свинца в котором не превышали десятых долей процента. Помимо собственного металла, болгарские ювелиры использовали медное сырье, поступавшее с территории Урала; источником олова были западноалтайские рудники (Хлебникова, 1996). Тесные связи Владимиро-Суздальской земли с Волжской Болгарией находят подтверждение и в других категориях болгарского импорта (Родина, 2004. С. 70, 71). Не исключено, что олово и оловянная бронза могли поступать на территорию Северо-Восточной Руси именно из Волжской Болгарии (Коновалов, 1974. С. 10, 11; Сарачева, 2001. С. 86, 87).

Об источниках драгоценных металлов можно высказать лишь самые общие соображения: серебро, вероятнее всего, поступало из Западной Европы и Волжской Болгарии, золото – из Византии и Западной Европы.

Проведенное исследование ювелирного производственного комплекса "Ветчаного города" следует рассматривать лишь как первый шаг в изучении этого вида ремесленной деятельности населения столицы Северо-Восточной Руси конца XII – первой трети XIII в. Однако уже и сейчас с полным основанием можно говорить о владимирских ювелирах, как о мастерах высокой квалификации, работавших преимущественно с драгоценными металлами.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 01–01–00187а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горюнова В.М. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М., 1995.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Тигли Гнездовского поселения // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер. Тр. ГИМ. Вып. 111. М., 1999.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX–XI вв. // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. Тез. докл. М., 2002.

Жарнов Ю.Э. Усадьба первой трети XIII века "Ветчаного города" Владимира-на-Клязьме // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997.

Жарнов Ю.Э. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. 2000. № 1.

Жарнов Ю.Э. К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязьме // РА. 2003. № 2.

Жарнов Ю.Э., Мошенина Н.Н. Исследования в "Ветчаном городе" Владимира // АО-1999. 2001.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

Коновалов А.А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Мальцев М.М., Барсукова Т.А., Борин Ф.А. Металлография цветных металлов и сплавов. М., 1960.

Новиков В.П., Павлов В.С. Изготовление ювелирных изделий. СПб., 1993.

Родина М.Е. Раскопки во Владимире, в "Мономаховом городе" // АО-1995. 1996.

Родина М.Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Владимир, 2004.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Новгород, 2001.

Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. 1963. № 117.

Рябинин Е.А. У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.

Сарачева Т.Г. Новые данные о химическом составе цветного металла украшений вятичей // Вест. молодых ученых. Ист. науки. Вып. 1. СПб., 2001.

Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978.

Седова М.В. Суздаль в X–XV вв. М., 1997.

Седова М.В., Мухина Т.Ф. Работы во Владимире (ул. Фрунзе, 25) // АО-1995. 1996.

Халиков А.Х. Культура Биляра. М., 1985.

Хлебникова Т.А. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Шашкина Т.Б., Галибин В.А. Памятники древнерусского колокольного литья (результаты химико-технологического исследования) // СА. 1986. № 4.

Craddock P.T. Early mining and metal production. Edinburgh, 1995.

Drescher H. Untersuchungen und Versuche zum Blei-und Zinnguss in Formen aus Stein, Lehm, Holz, Geweih und Metall // Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Institus fur frühmittelalterforschung der Universität Munster. 1978. Bd. 12.

Dungworth D. A note of analysis of crucibles and moulds // Historical Metallurgy. V. 34. Part 2. L., 2000.

Hawthorne J.G., Smith C. S. Theophilus. On Divers Arts. Chicago, 1963.

Maryon H. Metalwork and Enamelling. N.Y., 1971.

Rehren T. Tiegelmetallurgie. Tiegelprozesse und ihre Stellung in der Archäometallurgie. Bochum, 1997.

Jewellery production association from "Vetchany gorod" of pre-Mongol Vladimir

N. V. Eniosova, Yu. E. Zharnov

Summary

The authors consider the jewellery production association dating from the late 12th – the first third of the 13th cc. revealed in 1999, while excavating the eastern part of the historical centre of Vladimir-on-Klyazma, so-called "Vetchany gorod". The complex comprises melting, casting and smithing tools: crucibles, a casting mould, tongues, pincers, borer. It also includes various kinds of waste and half-finished artefacts (metal spillages, a fragment of casting gate negative, wires, plates and their pieces, stamped plates). The most numerous group of objects related to the production process are clay crucibles, totally 389 fragments and fragmented items. The constructive characteristics, clay paste formula and the content of residue metal in the crucibles have been analysed. All in all 4 types of crucibles have been singled out; absolutely dominate those of ladle-like half-closed shape supplied with vertical handle (301 items). Shallow dishes designed for refining and probing silver are represented by 19 sherds and fragmented items. This type of crucibles is extremely rarely met with in Medieval Rus'. XRF analysis was applied to establish chemical composition of metal from crucibles (61 samples), raw materials, various waste production and half-finished objects (20 samples), a series of finished artefacts (8 samples). It has revealed a group of pure metals (silver, copper, tin) and 10 copper-basd, silver basd and gold-basd alloys. Precious metals were identified in crucibles only. Bronzes are rather numerous, totally 21 samples, multi-component and tin-lead bronze dominating). Brasses are represented by 12 samples, mainly multi-component ones. A group of artefacts shows different stages of production of stamped rattle-bells, the stone casting-mould may be related to the production of the bells.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 81–90

О МАСТЕРАХ ВАСИЛЬЕВСКИХ ВРАТ 1336 г.
(эпиграфические наблюдения)

© 2006 г. А. А. Медынцева
Институт археологии РАН, Москва

Такое название получили церковные двери, изготовленные по приказанию Новгородского архиепископа Василия в 1336 году для Софийского собора в Новгороде. В 1570 году они были вывезены Иваном Грозным и помещены в Троицкий собор (ранее называвшийся церковью Покрова) Александровской слободы, где находятся до сего дня в южном портале храма.

"Врата" – как принято называть эти великолепно украшенные церковные двери, выполненные в технике золотой наводки. На двух дубовых створках в несколько рядов размещены медные пластины с сюжетными и орнаментальными рисунками, разделенными на отдельные "клейма" – пластины с орнаментальными валиками и "умбонами" – выпуклыми бляшками, также украшенными либо изображениями, либо орнаментами, исполненными в той же технике золотого письма. Хотя эта техника, известная с домонгольского времени, традиционно привлекала внимание историков ювелирного и изобразительного искусства, до сравнительно недавнего времени отсутствовало описание ее технологии. Долгое время ошибочно считалось, что подобные изделия изготовлялись в технике золотой инкрустации, при которой в листы красной меди по рисунку вделывалась тонкая проволока и листики золота, затем поверхность отполировывалась под один уровень. Только после работы И.А. Гальнбека с уточнениями С.Я. Мишукова было установлено, что рисунок наносился письмом жидким золотом (Гальнбек, 1928. С. 22–31; Мишуков, 1945. С. 113). Сначала пластины красной меди покрывались специальным лаком, затем коптились на сильном пламени, после чего лак приобретал матовый густо-черный фон, исключительно прочный. По высушивании на пластины, очевидно, кисточкой наводился рисунок, затем намеченные изображения оконтуривались иглой, не проникая глубоко в слой лака. После острыми ножами прорабатывали рисунок, освобождая в нужных местах, соответственно рисунку, медь от лака. После промывки специальной протравой и чистой водой наносили заранее приготовленную золотую амальгаму (смесь золота со ртутью) на освобожденные от лака места. При нагреве в специальной печи ртуть испарялась, а золото накрепко соединялось с медью в освобожденным от лака и промытых протравой местах. Таким образом, получался яркий золотой рисунок по черной матовой поверхности. Но до сего дня остаются невыясненными многие детали сложной производственной технологии, объединяющей ковку, гравировку, живописное искусство, искусство письма, обжиг в единое целое, результатом которого явились подлинные шедевры, украшавшие самые известные храмы. Не удивительно, что об изготовлении золотых дверей для церквей сообщалось в летописных записях. В частности, в III Новгородской летописи, составленной в относительно позднее время, но опирающейся на более ранние источники, отмечены "двери медные, золоченые сделал владыка Василий у святой Софии, у притвора церковного" (ПСРЛ, 1841. С. 225). Сохранились сведения и о вывозе их Иваном Грозным в Александровскую слободу под Москвой "в церковь были вделаны врата, которые он взял от церкви в Великом Новгороде" (Штаден, 1925. С. 91).

Хотя время происхождения памятника засвидетельствовано и письменными источниками, и вкладной датированной надписью на самих вратах, до сих пор нет исчерпывающей монографической работы, где бы выяснялись и техника, и история врат, присутствовали бы подробные описания каждой пластины с объяснениями сюжетов, выяснялись бы этапы поновлений и их время, полностью объянялся бы религиозно-символический смысл каждого сюжета пластин и врат целиком. Тем более, нет ни одной работы, где исследовались все надписи и текстологически, и палеографически, хотя отдельные сюжеты с надписями, особенно вкладной, нередко включаются в работы по истории русского искусства.

Тем не менее список литературы, посвященной этим вратам, довольно обширен. Прежде всего нужно упомянуть библиографическую работу А.С. Орлова (1951. С. 84–86. № 120) и каталог декоративно-прикладного искусства Новгорода под редакцией И.А. Стерлиговой, где приведены почти все работы, так или иначе касающиеся техники огневого золочения и самих Васильевских врат (Порфиридов, 1996. С. 284–290; Пятницкий, 1996. С. 291–321), но, пожалуй, до сего дня наиболее важной является обширная статья В.Н. Лазарева

(впервые опубликованная в 1953 и переизданная в 1970 г.), в которой он установил этапы позднейшей переделки врат (одни из них были связаны с инициативой новгородского архиепископа Макария – начало XV в., другие – с эпохой Ивана Грозного – середина XVI в.) и предположил возможность более поздних поновлений. Кроме того, В.Н. Лазарев рассмотрел иконографический состав пластин, произвел детальный разбор их художественного языка, стилистическую их классификацию, на основе чего он установил работу четырех мастеров – исполнителей врат и привел аргументы в пользу их русского происхождения. В этой статье В.Н. Лазарев доказывает, что добавление полукруглого верха с сюжетами богородичного цикла ("Моление Анны в саду", "Введение во храм", "Рождество Богоматери", "Моление Иоакима") относится к первой трети XVI в., как и несомненная переборка основных пластин, нарушившая первоначальную иконографическую систему. Им же доказано позднее происхождение пластин "Сошествие св. Духа", "Единоборство Давида с Голиафом" и изображения на центральном валике мучеников Гурия, Самона и Авива. При доказательствах позднего происхождения вышеупомянутых пластин он указывает на иную манеру исполнения, другой характер рисунка. В качестве датирующих признаков помимо стиля перечисленных сюжетов, тяготеющих к памятникам иконописи и миниатюры XVI в., он кратко сообщает и о палеографических особенностях надписей, опираясь на консультацию Н.В. Щепкиной (Лазарев, 1970. С. 190).

Дальнейший значительный вклад в изучение Васильевских врат был сделан Т.В. Николаевой (1976. С. 55–63). Она справедливо усомнилась в правомерности отнесения к эпохе Ивана Грозного (середина XVI в.) только одного изображения – фигуры Иоанна Предтечи на центральном валике, прикрывающем щелевое отверстие, как это было предположено В.Н. Лазаревым; так как это изображение написано на одной медной пластине с сюжетом "Гурий, Самон и Авив", то они должны быть одновременными. Т.В. Николаева отнесла все эти изображения к эпохе Василия III и предположила, что их появление связано с молениями этого князя, долго остававшегося бездетным, "о чадородии", когда московский великий князь совершал паломничества во многие монастыри. По ее мнению, все эти добавления были сделаны еще в Новгороде по инициативе архиепископа Макария, и, возможно, по воле самого великого князя, так как св. Гурий, Самон и Авив считались покровителями семьи и брака. Посвященный им придел уже существовал в Софийском соборе Новгорода в 1411 г. Для этого придела, по ее мнению, и была предпринята переделка дверей, а пластина с изображением патронального святого Ивана Грозного (Иоанна Предтечи) вместе с изображениями св. Гурия, Самона и Авива указывают на тот год, когда переделывались двери для этого предела – год рождения долгожданного сына Василия III – Ивана Грозного – 1530 г.

Эти поправки Т.В. Николаевой не могут быть оспорены. К этому можно добавить, что предполагаемые В.Н. Лазаревым отдельные "орнаментальные поновления валиков" также невозможны по технологическим причинам (см. выше описание техники). Т.В. Николаева производит предположительную реконструкцию дверей, создававшихся первоначально по замыслу Василия Калики, приложившего много сил в борьбе с еретиками, намек на которую имеется, по ее мнению, в молитве, обращенной к Богоматери, сочиненной самим архиепископом и помещенной на центральном полукруглом валике под изображением Богоматери Оранты. В ее монографии впервые приводится и точный текст молитвы (С. 62). Кроме того, важным вкладом в изучение Васильевских врат явился впервые сделанный Б.Д. Комаровым архитектурный чертеж современного состояния дверей. Этот обмер помещен в вышеупомянутой работе Т.В. Николаевой и используется обычно во всех других исследованиях. Эти две работы – В.Н. Лазарева и Т.В. Николаевой – до сих пор являются важнейшими в изучении Васильевских врат, их стилистики, иконографии, последовательности поновления, характеристики мастеров, реконструкции первоначального облика. Все последующие основываются на этих исследованиях и лишь дополняют их изучение небольшими частными деталями. До сих пор практически не изученными остаются многочисленные надписи на вратах, хотя, казалось бы, их материал является необходимым составляющим всех аспектов исследования. Прочтение ограничивается данными В.Н. Лазарева, привлекавшего их для определения иконографии сюжетов и теми краткими (к сожалению) ссылками на палеографическую датировку М.В. Щепкиной и исправлениями молитвенной записи, приведенной в монографии Т.В. Николаевой. Даже в специальном своде Б.А. Рыбакова, Васильевским вратам уделено лишь несколько фраз. При этом для более подробного ознакомления делается отсылка на недавно вышедшую в то время работу В.Н. Лазарева. Кроме того, образцы почерков мастеров включены в общую палеографическую таблицу, но без хронологического разделения, хотя почерк более поздних добавлений легко узнаваем (Рыбаков, 1964. Табл. IX–XX, № 47).

Между тем материал надписей, и в первую очередь летописной, – основа для любого исследования, посвященного этому знаменитому памятнику. Естественно, наибольший интерес представляет подробная летописная запись с датой в тексте, с упоминанием не только заказчика – нов-

городского архиепископа Василия, но имен и великого князя московского Ивана Даниловича, и новгородского посадника Федора Даниловича, и даже тысяцкого Авраама. Летописная вкладная запись получила наибольшую известность и дала само название памятнику: "Васильевские врата". Эта запись, сделанная в технике огневого золочения (как и все остальные надписи, сюжеты и орнаменты), находится на центральном столбике врат, на пластине, помещенной в верхней их части под изображением Новозаветной Троицы. Последний сюжет, скорее всего, является дополнением XVII в. и отмечает переименование храма Покрова в Троицкий собор. Датирующая надпись помещена над головой изображения архиепископа Василия, в молитвенной позе простирающего руки к сидящему на престоле Христу, исполнена крупными (до 36 мм буквами).

"... **ЛИТЬ / АРХ/...П.../...ПЪ / ВСИЛИ**. Над изображением Христа и под ним идет вкладная надпись: **В ЛЄТ SѠМД ИНДИКТ ЛѢТ Д ИСПИСАНЫ ДВЕРИ СИПА ПОВЕЛЄ...МЬ БГОЛЮБИВАГО АРХИЕП(с)П НО...ОДЬСКОГО ВАСИЛЬЯ ПРИ КНѦЗИ БЛАГОВѢРМ ИВАН ДАНИЛОВИЧ. ПРИ ПОСАДНИЧЬСТВѢ ФЕД...РОВѢ ДАНИЛОВИч ПРИ ТЫСѦЦЬКОМЬ АВРАМѢ...**"

Исчерпывающая дата не оставляет сомнений: 4 индикт 6844 года, что соответствует 1336 году. Упоминание индикта и времени посадничества Федора Даниловича позволили В.Л. Янину сузить дату до периода между сентябрем 1335 – февралем 1336 года (Янин, 1962. С. 180). Эта дата подтверждается Новгородской летописью, где под 1336 годом сообщается о создании архиепископом Василием "дверей медных золоченых" для Софийского собора (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 347). Такая исчерпывающая точная датировка объясняет отсутствие месяца и числа в надписи – работы велись не один месяц. Сомневаться в дате не приходится: это одна из первых достоверных, точно датированных надписей первых десятилетий XIV в., хотя теоретически можно предположить, что она могла быть возобновлена (сделана на новой пластине) при поновлениях. Поэтому особенно пристальное внимание привлекают ее палеографические особенности.

Летописная запись, особенно ее первая часть, выполнена крупными буквами с элементами декоративности: **А** – часто с декоративным покрытием и уменьшенной остроугольной петлей; **В** – с раздельными петлями, верхняя петля меньше нижней, но обе образованы одной извилистой линией, создающей декоративную петлю, выходящую влево за мачту. Наряду с таким декоративным вариантом чаще используется и обычная форма: также с уменьшенной верхней петлей, но в этом случае она смыкается с нижней в верхней трети буквы. Используются лигатуры двух букв: **В**, **П + Р**, **Н + И**, декоративная **М** двух видов – широкая, с лентообразной изогнутой серединой, и второй вариант – с серединой в виде ижицы. Перекладины букв **И** ("иже") и **Н** ("наш") наклонны и расположены в верхней трети буквы, перекладины **Ю**, **ІѦ** с декоративным перечеркиванием горизонтальны и приподняты, они находятся почти на уровне верхней строки. Буква **Ч** ("червь") симметрична, с неглубокой почти треугольной чашечкой; **Ц** ("цы") в виде современной цифры 4. Буква "ять" помещается в строке, или слегка выходит за ее верхний уровень, **Р** – в строке, с округло-угловатой небольшой головкой. Характерна "земля" – с небольшой головкой во всю высоту строки и изогнутым к началу строки хвостом, "омега" с разведенными петлями и низкой серединой. В общих чертах почерк не выходит за рамки сложившегося к концу XIII–XIV в. рукописного "нового стильного почерка", отличающегося сжатостью букв, большей высотой "сигнальной линии", расположенной в верхней части строки. Этот новый стильный почерк сложился за счет сокращения верха букв, подъема перекладин и "набухания" петель. (Щепкин, 1967. С. 116, 117). Отличие от рукописей конца XIII – начала XIV в. – начертания "ять", она почти полностью умещается в строке, что нередко для надписей и писем берестяных грамот. Характерно отсутствие новшеств зрелого XIV в.: полностью сокращенного верха многих букв, поднятия петель **Ъ**, **Ы**, **Ь**, буква **Ч** – еще имеет сравнительно неглубокую чашу. Среди датированных памятников эпиграфики близкие аналогии имеют начертания букв надписей на потире архиепископа Моисея (1329, Евхаристическая надпись; см. Рыбаков, 1964. Табл. IX; X, № 46). Таким образом, палеографические особенности надписей подтверждают первоначальный характер пластины и дату в тексте. Особенности изображения, точный рисунок, передающий пропорции фигуры, естественные и красивые драпировки одеяний, сам центральный сюжет с вкладной надписью говорят о том, что мастер, его исполнивший, должен занимать ведущее место в исполнении врат. В.Н. Лазарев, по особенностям "почерка" сюжетов и композиций считал, что в работе над созданием Васильевских дверей принимало участие не менее четырех мастеров. Главному мастеру, который исполнил центральный ктиторский сюжет и вкладную надпись, по мнению В.Н. Лазарева, принадлежат еще несколько пластин: фигура Богоматери Оранты с молитвой заказчика – архиепископа Василия, сюжеты "Сретение", "Распятие", "Снятие с креста", "Сошествие во ад", "Явление ангела святым женам". Естественно предположить, что надписи при этих сюжетах должны быть выполнены самим мастером, и особенности его почерка, установленные на материале вкладной надписи, должны проявляться и в них.

Прежде всего, следует рассмотреть обширную надпись-молитву под изображением Богоматери Оранты. В уверенном и изящном рисунке, естественно ниспадающих складках одежды, типе лица с миндалевидными глазами и прямым носом, с широкими крыльями, обозначенными двумя полукружьями, пространственному расположению фигур легко узнается рука ведущего мастера (автора ктиторских изображений). Но это автоматически не означает исполнение им же и текста молитвы, так как она *находится на отдельной пластине*, на которой отсутствуют изображения, и теоретически могла быть сделана не только другим мастером, но и в другую эпоху. Ответ на этот вопрос может дать только тщательное сравнение почерков ктиторской надписи и молитвы.

Как говорилось, текст молитвы (архиепископа Василия к Богоматери) впервые был полностью прочитан и приведен в работе Т.В. Николаевой.

На первый взгляд почерк отличается от вкладной надписи: он более мелкий, неровный, буквы шире и начерчены небрежно, но это может быть вызвано необходимостью уместить пространный текст на сравнительно небольшой пластине. Детальное сравнение выявляет одни и те же характерные особенности начертаний (за исключением декоративных форм). Более пространный текст выявляет и новые начертания: появляется йотованное ѥ с приподнятой перекладиной и отдельно выписанным язычком посередине буквы, Ю – с наклонной перекладиной в верхней части буквы. Характерно Ж с уменьшенной верхней частью (ее написание: центральная вертикальная палочка + две изогнутые линии, не примыкающие к центральной), форма Ѵ ("ук") – в дифтонге ОѴ в начале слова и самостоятельное в середине – в виде цифры 4 с изогнутой правой частью и, наконец, наряду с обычным Є появляется широкое, "якорное" (вместо йотованного). Подводя итоги наблюдений нужно отметить, что это тот же почерк первого мастера, но менее декоративный, быстрый, с элементами, которые становятся типичными с середины – второй половины XIV в. (например, Є "якорное", Ю – со скошенной приподнятой перекладиной). Но эти элементы более позднего времени единичны, в целом почерк выдержан в стиле, характерном для рубежа XIII–XIV вв. – первых десятилетий XIV в. Если творческая манера этого главного мастера, по мнению В.Н. Лазарева, отражает все новшества иконографии XIII–XIV вв., то в его почерке очень мало нововведений XIV в., скорее он не выходит за пределы времени, отвечающего указанной во вкладной надписи дате, что позволяет считать его не только главным, но и старшим по возрасту мастером.

В.Н. Лазарев этому же мастеру приписывает еще несколько композиций. Первая среди них "Распятие" – одно из главных изображений врат. Исследователи (В.Н. Лазарев) отмечают эмоциональный строй этой композиции, характерный для XIII–XIV вв., использование широкого диапазона естественных поз, жестов, к чему можно добавить тонкость и уверенность рисунка, лаконичность композиции, избавленной от лишних деталей, выдающие руку того же главного мастера. Надписи тоже крайне лаконичны (за исключением пространной вкладной и молитвы, сочиненной, как справедливо предполагают, самим архиепископом Василием). Над головой Христа на перекладине – инициалы с дугообразными титлами с перечеркиваниями, ниже – краткое обозначение иконографического сюжета. У предстоящих краткие надписи – МИ ѲѴ над нимбом Богоматери, также кратко обозначен Иоанн Богослов: одним словом, без титула ИѲѦNЪ (в русифицированной форме). Несмотря на краткость в подписях проявляется тот же уверенный почерк в декоративном варианте. Новшеством является І десятиричное ("ижей") с едва намеченным перечеркиванием и особая форма декоративного М, соединенной в лигатуру трех букв (М + И+Р) ; новое проявляется и в двойной поперечной черте точно такой же формы, которая использована в титуле Богоматери Оранты; особая форма лигатуры ѵ (к О добавлена сверху "ижица" в виде рожек сверху). Титла небольшие, дугообразные с перечеркиванием, монограмму Христа завершает Ъ. Последняя особенность, как и русифицированная форма имени Богослова, подтверждает русское происхождение мастера, автора ктиторских изображений и надписей.

Этому же мастеру В.Н. Лазарев отнес пластину "Снятие с креста", отмечая при этом, что в ней чувствуется эмоциональное напряжение, проявляющееся в "поэтическом образе Марии, прижавшейся к голове Христа, трогательно склонившийся над рукой Христа Иоанн" (Лазарев, 1970. С. 198). Надписи и на этом клейме лаконичны: это монограммы **Христа**, подписи возле фигур богоматери и Иоанна Богослова отсутствуют, но возле второй женской фигуры обозначено имя ANENAS, что не соответствует иконографической традиции. В.Н. Лазарев считает эту надпись ошибочной. У мужской фигуры у подножия креста: НИ/КОДИМ. Вся композиция обозначена надписью над верхней мужской фигурой справа: ѲСИѲЪ СНИМАЄТЬ Г(с)ДА. В почерке наблюдаются те же формы, что и в рассмотренных выше надписях. Появляется и новая русифицированная форма имени, при этом начальное О в имени "ѲСИѲЪ" украшено двумя точками над буквой. Но в целом – это тот же почерк первого мастера (см. начертания М и особенно характерные волнообразные небольшие титла с перечеркиванием). В.Н. Лазарев высказывал сомнения в принадлежности этого сюжета первому мастеру, но надписи являются подтверждением его авторст-

ва. Напротив, следующий сюжет "Сошествие во ад" (Воскресение), несмотря на несомненное художественное родство с предшествующим сюжетом, обнаруживает несколько иную графическую систему в краткой и четкой надписи, лишенной "живописности" почерка предшествующих клейм, буквы ее более крупны и графичны. Однако решительно утверждать, что эта надпись исполнена другим мастером, мы не можем, так как сложная техника золотой наводки предусматривает неоднократное нанесение надписи: сначала кисточкой, затем оконтуривание иглой и последующее выскабливание ножом. При этом могут пропадать непротравленные кислотой или не промытые водой детали. Кроме того, можно предположить поправки и добавления при окончательном выскабливании надписи, которые теоретически может выполнить и другой мастер. Подобные добавления к надписи видны на одном из клейм (см. сюжет "Весы духовные").

Почерк остальных клейм автора Распятия (первого мастера: "Сретение" и "Явление ангела св. женам") не выходит за пределы особенностей почерка первого мастера. Но обращают внимание изящные разнообразные титла росчерки, выносные буквы, что не свойственно почерку первого мастера. Возможно, это добавление, нанесенное другой рукой.

В надписях на пластине "Сретение" представлен более каллиграфичный вариант того же почерка. Резкое отличие от всех остальных надписей (не только первого мастера) – начертания ижицы со сдвинутой вправо ножкой в дифтонге **ѴІ**. Обычно это начертание, используемое для обозначения **Ц** ("цы"), указывает на более позднюю эпоху – скоропись. В данном случае оно не может быть хронологической приметой, так как противоречит и характеру изображений, и письма. Скорее всего, такой вид буква случайно приобрела из-за отчеркивания декоративным треугольником хвостика обычной для почерка первого мастера в форме ижицы с изогнутой правой линией. Обращает внимание и русифицированное написание имени **ѦНЬНѦ**. Различия в написании имени в работе одного и того же мастера, скорее всего, следует отнести к влиянию произведения, послужившего образцом для мастера для написания сцены "Снятие с креста", так как участие Анны в этом сюжете противоречит иконографической и литературной традиции. Именно поэтому В.Н. Лазарев считал появление имени ошибкой, но Ю.А. Пятницкий, указав на другие особенности иконографии сюжетов Васильевских дверей, склонен объяснить их влиянием неизвестных прототипов (Пятницкий, 1996. С. 312, 313–317).

Второму мастеру В.Н. Лазарев относит сюжеты большинства дошедших до нас изображений XIV в.: "Крещение", "Вход в Иерусалим", "Преображение", "Вознесение", "Успение", "Ветхозаветная Троица", "Ликование царя Давида". Этого мастера отличает непосредственность, свобода, несколько грубоватые лица тяжелых неуклюжих фигур, в которых исследователь видит "чисто новгородскую выразительность и силу" (Лазарев, 1970. С. 207). Исследователь также отмечает, что композиции второго мастера менее ритмичны, в них можно заметить некоторую архаическую застылость, хотя в отдельных стилистических деталях чувствуется и знание передовых художественных решений его эпохи. Например, В.Н. Лазарев выделяет систему вытянутых облегченных пропорций в сцене "Вознесение", пространственную трактовку города в сюжете "Вход в Иерусалим". О почерке этого мастера (в прямом смысле этого слова) он ничего не говорит. Рассмотрим надписи на сюжетах второго мастера в перечисленном выше порядке.

"**Крещение**". Надписи сюжета кратки и невыразительны, небрежно и несимметрично разбросаны на свободных местах композиции. В целом почерк этих надписей не отмечен индивидуальными особенностями и полностью соответствует (за исключением некоторой небрежности) "беглому почерку" первого мастера (см. **И**, **N**, **к**, формы титл).

"**Вход в Иерусалим**". Надписи также кратки и небрежны, это лишь монограммы **і С Х С** и название сюжета: **{В}ХОДЪ ВЪ ІЄРѦМЪ**. Обращает на себя внимание йотованное **Ꙗ** с горизонтальной перекладиной, **Р** с треугольной головкой и выходящей в нижнее межстрочное пространство ножкой, необычное сокращение названия города, выносное "**О**" под титлом с треугольным отчеркиванием.

"**Преображение**". Краткое обозначение сюжета: **ПРЄОБ РѦЖЄНИ/Ꙗ ГНЄ**, кроме того, возле фигуры справа от зрителя **МО/ИСИ**, возле фигур апостолов **ТР/РЄ/Ъ іѠ/ѦN**. Материала для сравнения мало.

"**Вознесение**". В этом сюжете надписей почти нет, только монограммы возле изображения Богоматери выполнены мелкими и небрежными буквами, но сокращение **ѲѲ** воспроизводит более четкие и красивые лигатуры из ктиторской надписи первого мастера.

"**Успение**". Присутствует только название сюжета (**ѴС**)**ПЄНИЄ СТЫѦ БЦѦ** и монограммы **І С Х С**. Буквы мелки и небрежны, однако можно различить написание **к** с приподнятой перекладиной.

"**Ветхозаветная Троица**". Озаглавлен лишь сюжет: **ТРОіЦА СТВІѦ**. Почерк с наклоном вправо, неумело сокращено слово "святая", **Р** в строке с округлой головкой.

"**Ликование царя Давида**" – это редко встречающаяся сцена, изображающая ликование царя

Давида при перенесении ковчега завета в Иерусалим, сопровождается пространной надписью (царь Давид перед осененным ковчего скакаше, играя. Божье же люди святые образом события видят. [Мы же] веселимся духовно), что не характерно для второго мастера. Над головой пляшущего Давида обозначено его имя. Пространная ирмосная надпись лишена каллиграфичности, буквы и строки неровные, тем не менее присутствуют строчные и надстрочные знаки (точка посередине строки отделяет некоторые слова и фразы, над ї – две точки, титла волнообразные и прямые с перечеркиваниями). Соответствие начертаниям букв можно найти в ктиторской надписи – молитве.

К сюжетам третьего мастера В.Н. Лазарев относит 4 пластины: "Рождество Христово", "Весы духовные Страшного суда", "Китоврас с царем Соломоном в руках" и "Притча о сладости мира сего". Он считал его весьма примитивным художником, "художественное мышление которого отличается большим архаизмом, так как в нем нет ничего от новшеств XIV в., композиции его одноплановы, легко распадаются на отдельные звенья, лики фигур однообразны, округлый овал с острым тонким носом, глаза в виде кружочков". (Лазарев, 1970. С. 207, 208). Но надписи этого мастера отличаются большей каллиграфичностью и четкостью по сравнению с предполагаемым вторым мастером.

"**Рождество Христово**". В этом сюжете подписано лишь название (**РЖ**)**ВО ХВО**, в центре композиции, над фигурами Богоматери и младенца Иисуса – монограммы. Они каллиграфичны, украшены точками с разнообразными титлами. Над фигурами слева от Богоматери подписи: **ГА СВА/РЬ** и **ВОЛТА/САРЬ** (Гаспар, Валтасар) – искаженные имена волхвов. Первое имя украшено ненужным титлом, второе – двумя точками над **А**. Внизу рядом с изображением Иосифа ошибочно **АТИОС** вместо **А Г і О С**, тоже с лишним титлом и запятой в конце слова, над головой – русифицированное имя: **ЄСИ(ПЪ)**. Все начертания не отличаются от традиционных для надписей Васильевских врат. В целом для надписей этой композиции характерны краткость, декоративность, изобилие надстрочных и строчных знаков и ошибки в написании имен.

"**Весы духовные Страшного суда**". В центре композиции помещены весы. Надпись – название композиции **СѴДЪ (ДѴШЄ)** , слева Ангел, поражающий змия, – символ греха и поясняющая надпись в центре: **А ЦЄ/Т А ѠКАНЬ/ РАЖЮ ТО/ ѴВИДИШИ/СОБѣ**; на чашах весов слева **ПРАВѢТА** (правота); справа – **ГР ѣХ/Ы**; справа от этой чаши изображение беса, крючком пытающегося отяготить чашу весов с грехами. Над его головой надпись, частично закрытая рамкой с заклепками: **ѠКЪІИ...РМА. НЄ...ДѢЛЪ. Ц... ѠТ АНѴ(ТЪ) ДОБХЪ. І ИИ.** Рядом с Ангелом изображен голый отрок с нимбом у головы – символ праведной души, над головой надпись: **ДѴША/ѴСТРА/ШАЄ/ТСѣ**.

Все надписи каллиграфичны, как и на предыдущей пластине в них много украшений – надстрочных знаков, последовательно используется омега с двумя точками, нередки точки и иные знаки (росчерки) между словами, буквы часто с декоративными отчеркиваниями. Но при каллиграфичности почерка удивляет немало ошибок: пропуск титл: **ОКАНЬ, ОКЪІЫИ** (окаянный), хотя в этом случае пропуск титла может быть намеренным, так как это слово – иносказательное обозначение беса, а титла использовались для обозначения "божественных" слов. Но есть и другие ошибки: диалектное написание **ДѴШЄ** (**Є** вместо **ѣ**), так и форма **СОБѣ** (р.п.). Эти отступления, как и указанные выше, общерусского характера. Некоторая небрежность в тексте наблюдается в надписи над головой беса: нижняя строка появилась уже после нанесения надписей кисточкой, на стадии прочерчивания (выскабливания) острым предметом, о чем говорят меньший размер букв, тонкие и остроугольные линии. Скорее всего – это правка в процессе изготовления, которая может быть сделана рукой другого мастера.

Надписи на этом клейме обычно приводятся без перевода. Впервые первая часть была прочитана А.В. Чернецовым, который предположил, что пропущена строка – ... ного по ... (Чернецов, 1975. С. 45). Но, скорее всего, здесь намеренное сокращение, не обозначенное титлом, повторенное и во второй части надписи.

"**Китоврас с царем Соломоном в руках**" (рис. 1). Сюжет на тему апокрифической литературы, восходящий к Талмуду, связан с построением храма Соломоном. На пластине изображен Китоврас, забрасывающий Соломона "за край земли". Предполагают, что этот эпизод экстраполируется на деятельность самого архиепископа Василия, украшавшего храм Новгородской Софии. Именно на этой пластине справа (рис. 2) помещено изображение мастерской художника (Николаева, 1976. С. 60; Пятницкий, 1996. С. 318. Кат. 77). Судя по инструментарию (молоток, клещи, шило, тесло?, кувшинчик, маленький круглый сосуд – для амальгамы?), рисунок может изображать мастерскую ремесленника, изготавливающего пластину для "золотых" дверей. Мастер, держа двумя пальцами широкое перо или кисть, рисует восьмиконечный крест. В.Н. Лазарев предполагал, что волнистые золотые линии над мастерской означают языки пламени (Лазарев, 1970. С. 204). Саму схематично изображенную мастерскую венчает небольшой крестик, что, возможно, указывает на владычную мастерскую при храме.

Рис. 1. Клеймо "Китоврас и Соломон". Общий вид.

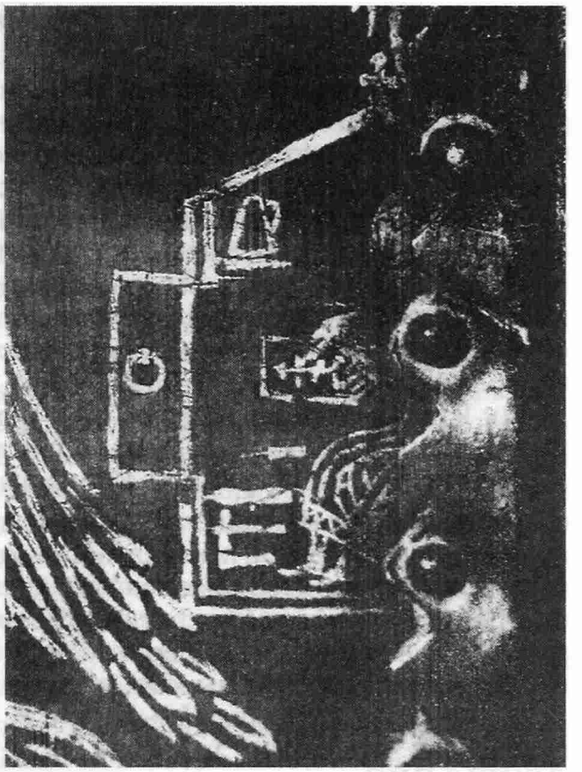


Рис. 2. Изображение мастерской на полях клейма "Китоврас и Соломон". Фрагмент.

Над изображением вверху – красивая каллиграфичная двухстрочная надпись: **КИТОВРАСЪ МЕЦЄ БРАТОМЪ СВОІМЪ СОЛ...ОНЪ НА ѠБѣТОВАНУЮ ЗЕМЛЮ ЗА СЛ(АВ)Ъ.**

В начертаниях ее представлены все особенности почерков Васильевских врат: **Р** – в строке, **М** с провисшей серединой, декоративное **М** с серединой в виде "ижицы", **N** с наклонной перекладиной в верхней трети буквы, **Ѵ** в виде цифры 4 с изогнутой правой частью. Вместе с тем эту надпись, как и надписи двух предыдущих клейм, отличает большая графичность. Мастер использует омегу с двоеточием, точку в конце слова. Перекладина **Ю** – косая и расположена в верхней трети буквы. В этой надписи впервые проявляется и диалектная новгородская особенность – мена *ч*/*ц* ("мече").

Последняя композиция третьего мастера: "**Притча о сладости мира сего**". Вверху – название сюжета: **СЛАДОСТЬ СЄГЪ МИР(А)**.

Внизу, возле изображения мышей, подгрызающих корни дерева, надписи под изображением белой мыши справа **ДНВ. МЪШЬ. БѣЛ(ААѧ)**. Слева, под изображением черной: **ЦР(НАЯ МЪ)ШЬ** (надпись частично закрыта узорной пластиной обрамления). Новые для третьего мастера начертания: **Р** с остроугольной головкой, ножкой, выходящей за нижнюю линию строки; **М** – декоративная лентообразная середина выходит за линию нижней строки; **Ѣ** – мачта далеко выходит за линию верхней, остальные буквы традиционны для его почерка. Снова проявились и специфические новгородские особенности – "цокание", мена *о*/*ъ* ("сего").

Характеризуя в целом почерк третьего мастера, можно отметить помимо более длинных текстов стремление к декоративности, графичности письма, широкое использование строчных и надстрочных знаков, уверенное и свободное письмо, воспроизведение одних и тех же приемов, но в то же время значительное количество и диалектизмов. В противовес мнению В.Н. Лазарева, следует подчеркнуть, что в почерке этого мастера не наблюдается той зависимости от эстетических взглядов XIII в., архаизмов, какие прослеживаются в его изобразительной манере. Его почерк вполне соответствует тому времени, когда были созданы Васильевские врата, поэтому его нельзя отнести к самому старшему поколению. Это был новгородский мастер, с особенным "почвенным" мышлением, смело обращающийся к любимым в Новгороде апокрифическим сюжетам, не копирующий слепо текст в надписях. Вероятно, поэтому у него в большей степени прослеживаются и диалектные черты, и неслучайно именно он поместил изображение мастера-"золотописца" на одной из пластин ("Царь Давид и Китоврас"), посвя-

щенной деятельности искусного строителя Храма Соломона.

Пластины, принадлежащие четвертому мастеру (двухчастное "**Благовещание**", "**Воскрешение Лазаря**" и одна из полуфигур в медальоне – **св. Ипатий**), В.Н. Лазарев считает наиболее слабыми в художественном отношении. Он отмечает беспомощный рисунок, коренастые и большеголовые фигуры, схематичность передачи складок одежды, лица с широкими приплюснутыми носами, замечая, однако, что и этому мастеру, творчество которого близко к народному примитиву, отчасти были известны новшества XIV в. В данном случае характеристика живописных приемов мастера совпадает с характеристикой почерка.

"**Благовещение**". Композиция состоит из двух пластин: на одной архангел Михаил простирает правую руку к Марии, изображенной на другой пластине. На первой – только краткие надписи-монограммы. Они выполнены довольно небрежно, расположены на разной высоте, в титуле и имени используются лигатуры: **А + В**, **А + Р**. На другой пластине помещено название сюжета: **БЛА/ГОВѢЩ/ЊНИѤ**.

"**Воскрешение Лазаря**". Обозначено название сюжета; **ЛАZОРОВЪ ВЪС/КРѢШѤ/НИѤ**.

Возле нимба Христа – монограммы **ІС ХС** . На этой пластине тот же неровный остроугольный почерк: остроугольны и равновелики петли **В**, **Ѣ** – в строке, **Р** – с остроугольной головкой, **Z** ("земля") – из двух зигзагов почти умещается в строке, петли **Ъ** – треугольны, в половину высоты мачты. Титла примитивны (дуга, черта) или отсутствуют вообще какие-либо другие декоративные украшения. Приподнятая "сигнальная линия" строк, характерная для почерков конца XII – начала XIV в. отсутствует. Почерк этого мастера (на том немногочисленном материале, который представлен) легко можно принять за почерк XIII в. В этом убеждает и мена *ер/о*. Общерусская диалектная черта **О** вместо **А** в имени "Лазарь"; кроме того, в этом имени проявляется и отвердение *р* (**Лазорово**).

Этот же архаичный и примитивный почерк в медальоне возле изображения Ипатия с надписью: **ЄПА / ТИІ**. В этой надписи употреблено крестообразное **І** (десятиричное), но впервые в почерке четвертого мастера проявляется более поздняя черта, современная созданию врат: **Є** с приподнятой перекладиной, расположенной в самом верху буквы. Имя "Евпатий" представлено в диалектной форме. Но диалектизмов не избежали и другие, более искусные художники.

Подводя итоги наблюдениям над надписями пластин, относящихся к XIV в., следует отметить, что мастера намеренно выдерживали единый стиль письма, поэтому отличия почерков минимальны. В целом графика соответствует первым десятилетиям XIV в. Признаки более позднего времени (второй половины XIV в.) почти отсутствуют, еще в меньшей степени отражены архаизмы XIII в. Хотя надписи исполнены в двух манерах – каллиграфической и деловой, большинству их присущи одни и те же черты "стильного" почерка, который складывается к началу XIV в. Верхи многих букв сокращены **Ж**, **В**, **К** и др.), у знаков **И**, **N**, **Ѥ**, **Ю** преобладают перекладины, приподнятые и отлогие, (особенно в крупном каллиграфическом почерке), **Ѣ**, как правило, не выходит или выходит очень незначительно за верхнюю линию строки (исключением является декоративное **Ѣ** в пластине третьего мастера "Притча о сладости мира"); петли букв **В**, **Ь**, **Ѣ**, **Б**, **Ъ**, как правило, ломанные и поднимаются выше середины центральной линии, в некоторых случаях по форме приближаются к квадрату, что обычно встречается в надписях уже второй половины – конца XIV в. В более мелком почерке используются и треугольные симметричные петли (особенно третьим мастером). Омега пишется с низкой серединой и разведенными округлыми петлями. Буква **Ц** (цы) умещается в строке и напоминает современную цифру 4. Для обозначения звука **У** используется и дифтонговое *оу* и **Ѵ**. Правая часть ее, как правило, изогнута. Характерна и однообразна **Z** – с небольшой головкой и красиво изогнутым к началу строки хвостом (исключение – начертание **Ζ** четвертого мастера). Лигатур немного – это, как правило, две буквы: **А + N**, **А + В**, **N + И**, **А + Р**, только инициалы Богоматери передаются связным написанием трех букв (**М + И + Р**). Во всех почерках, кроме четвертого, видно стремление к украшению: это и разнообразные титла, отчеркивания, строчные и надстрочные знаки (запятые, росчерки, точка), дополнительные штрихи, декоративные формы букв. Эти особенности, как и формы петель и овалов, сближают надписи на вратах с письмом рукописей; гораздо в меньшей степени представлены формы угловатые, характерные для письма по твердому материалу. По почерку различить мастеров, стремящихся к единообразию, довольно трудно. Резко выделяется только почерк четвертого мастера, в нем больше черт "эпиграфического письма": петли букв остроугольны (особенно **Z**, **Р**, выходящая ножкой в нижнее пространство строки, **А** с остроугольной петлей, **Ъ** с петлей в виде правильного треугольника). В почерке этого мастера проявляются архаические черты: **В** с равновеликими треугольными петлями, **N** латинской формы, **Ъ** вышеупомянутой формы. Но и он стремится к некоторому единообразию: используются лигатуры **А + В**, **А + Р**, крестообразное и десятиричное **І**, **Є** с приподнятой перекладиной. Третьему мастеру в меньшей степени свойственно стремление к украшательству. Единственный раз употреблено титло самой простой формы, буквы

неровны и графичны. Почерк остальных мастеров различить гораздо труднее. Из них наиболее определим почерк третьего мастера, хотя и в его письме прослеживаются общие для всех трех мастеров начертания букв: приподнятые перекладины Н, И, Ю, Ѵ – в виде цифры 4 с изогнутой правой частью, одинаковые формы М, овалы Ѡ, Ѳ – в виде цифры 4, крестообразное І. Отличает его почерк стремление к декоративности и украшательству (две точки над омегой, запятые, точки, титла с перечеркиванием, особые декоративные формы Ѣ и М: смотри клеймо "Сладость мира сего"). Но стремление к декоративности у этого мастера не исключает ошибок: мену *ч/ц, ер/о*. Это своеобразное сочетание красивого, уверенного и свободного почерка с новгородскими диалектизмами составляет особенность письма третьего мастера.

Наиболее трудноразличимы почерки первого и второго мастеров; можно сказать, что это просто два варианта письма: декоративный и беглый, но обе эти разновидности письма присутствуют и в почерке первого – главного мастера (см. летописную запись и молитву к Богородице). Можно отметить, что в надписях на пластинах, предположительно относимых ко второму мастеру, менее изящны титла, хотя они достаточно разнообразны, чаще используются буквы с горизонтальной перекладиной, расположенной как в верхней трети буквы (Ѥ, Ю), так и посередине.

Особенно последняя форма, наряду с титлом, отчеркнутым посередине треугольником, а также Р с треугольной головкой и длинной изогнутой ножкой отличают почерк этого мастера (см.: "Вход в Иерусалим"). Как особенность почерка второго мастера можно отметить краткость надписей. Но еще раз следует подчеркнуть, что почерки первого и второго мастеров особенно трудно различимы. Возможно, второй мастер является автором сюжета "Сошествия во ад", который В.Н. Лазарев считает творчеством первого мастера. Первые два мастера работали в тесном сотрудничестве: например свойственные второму мастеру изображения лиц с неправильными овалами и широкими носами, очерченными единой линией, можно заметить в некоторых боковых фигурах клейм, приписываемых первому мастеру (вероятно, первый мастер позволял второму изображать второстепенные фигуры). Письму этих двух мастеров меньше свойственны ошибки и диалектизмы, хотя и здесь встречается типичная для новгородца мена Ѣ/И.

Неоднократность обработки надписей, возможное участие разных мастеров, использование разных инструментов на различных этапах обработки надписей, стремление к единообразию почерка затрудняют разграничение почерков. Отличия наблюдаются скорее в отношении к надписи: в лаконичности или подробности, их расположении (например, у третьего мастера надпись является не просто информацией, а частью художественного замысла), аккуратности исполнения, "грамотности". Из общего количества клейм XIV в. с надписями резко выделяется только почерк четвертого мастера. Нет сомнений в русском происхождении всех мастеров, а третьего и четвертого – в местном, новгородском, что засвидетельствовано не только художественной манерой изображения, но и новгородскими диалектными особенностями.

Как отмечалось выше, Васильевские врата подвергались реставрации в XVI в. Клейма, относящиеся к этому времени: "Моление Анны в саду", "Введение Богородицы во храм", "Рождество Богоматери", "Моление Иоакима", "Сошествие св. Духа на апостолов", "Царь Давид и Голиаф", а также изображения на центральном валике двери: "Иоанн Предтечи" и "Гурий, Самон, Авив" резко выделяются и техникой исполнения и художественными особенностями, и почерком надписей".

Надписи перечисленных выше сюжетов ярко отражают так называемое второе южнославянское влияние ("Трехногое" Т, Ѡ с высокой серединой, З в виде цифры 3, Ы вместо прежнего Ъı и т.д.). Эти начертания свойственны произведениям "золотого письма" XVI в., например надписям Западных дверей костромского Троицкого собора (Чернецов, 1992. С. 182–186, 191. Рис. 74; 79; 50 и др.). Остаются под вопросом время изготовления композиции "Троица новозаветная" и большинства полуфигур на умбонах. Их изучение – вопрос будущего времени.

Таким образом, палеографический анализ надписей позволяет говорить об одновременности исполнения основной части клейм, соответствующей времени, указанному в ктиторской надписи (1336 г.), подтверждает русское происхождение всех мастеров и местное (новгородское) – второго и третьего.

Особое внимание обращает на себя изображение мастера (в мастерской) с полным набором инструментария на пластине с сюжетом "Китоврас и Соломон".

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02-01-00397а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гальнбек И.А. О технике золочения изображений на Лихаческих вратах в Государственном Русском музее // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л., 1928.

Лазарев В.Н. Васильевские врата 1336 года // Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. М., 1970.

Мишуков Ф.Я. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в Древней Руси // КСИИМК. 1945. Вып. 11.

Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952.

Порфиридов Н.Г. Искусство золотой наводки в Новгороде // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М., 1996.

ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841.

Пятницкий Ю.А. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М., 1996.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. 1964. Вып. Е1-44.

Чернецов А.В. К изучению символики новгородских врат 1336 г. // КСИА. 1975. Вып.144.

Чернецов А.В. Золоченые двери XVI века. М., 1992.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.

Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

On the artists of the Vasil'evsky gates (1336) (Epigraphic comments)

A. A. Medyntseva

Summary

In the paper for the first time there is presented the comprehensive investigation of the inscriptions that accompany numerous representations on the plates of the well-known Vasil'evsky gates. The results of investigations confirm, that the date mentioned in the donator's inscriptions corresponds in most cases to those established epigraphically for the plates. A number of the monuments's renewals have been registered. Handwritings of four artists are singled out, all of them being presumably Russians: furthermore, two of them are supposed to be of Novgorodan background. The author pays special attention to the plate showing the artist in his workshop. The set of represented instruments and some other details permit to determine the composition as a "sketch" of the artist, a specialist in gilding, in his workshop, most probably, situated within the churchyard, in this particular case, at St. Sophia cathedral.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 91–98

ДИСКУССИИ

К ПРОБЛЕМЕ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

© 2006 г. А. Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Отсутствие специальных исследований, посвященных финальному палеолиту Центральной России[1], красноречиво отражает положение дел в данной области. Нельзя сказать, чтобы подобные попытки вообще не предпринимались. Можно назвать значительное число публикаций, в том числе и недавних, где называются те или иные стоянки, в материалах которых присутствуют изделия этого времени (Кольцов, 1989; 2002; Кравцов, Коннов, 2002; Крайнов, Кольцов, 1979, 1983; Лисицын, 2002; Ланцев, Мирецкий, 1996; Сидоров, 1996; 2002; Трусов, 2004; Zhilin, 1995; Koltsov, Zhilin, 1999). Тем не менее, как показывает их анализ, дальше самих упоминаний дело, как правило, не идет. Полагаю, причина заключается в том, что с некоторых пор отечественные археологи стали чересчур полагаться на естественнонаучные методы датирования и перестали доверять основному собственно археологическому методу исследования – типологическому. Поэтому отсутствующие или омоложенные даты тех или иных памятников как бы довлеют над самим материалом. Сказанное, однако, не означает, что данная статья ставит своей главной задачей ниспровержение одного из этих методов и реанимацию другого. Нет, она служит попыткой вырваться из сложившегося замкнутого круга представлений на основе ревизии имеющейся источниковедческой базы, как археологической, так и естественнонаучной, при решении конкретного вопроса о памятниках финального палеолита. Объем статьи позволяет в конкретном случае остановиться лишь на проблеме естественнонаучного датирования.

Не будет преувеличением сказать, что эпоха финального палеолита на территории Европейской части Российской Федерации относится к числу наименее изученных. Между тем это обстоятельство определяется, по-видимому, не столько отсутствием самих финальнопалеолитических памятников, сколько стойко бытующим мнением об их ином, как правило, более молодом (мезолитическом) возрасте. Негативную роль в этом играет ряд обстоятельств, среди которых следует назвать: 1) смешанность большинства материалов; 2) малочисленность и невыразительность основной части имеющихся "чистых" комплексов; 3) поверхностное залегание большинства находок этого времени; 4) отсутствие выраженных культурных слоев, обозначаемое термином "горизонт залегания находок"; 5) единичность или недостоверность некоторых естественнонаучных дат; 6) отсутствие фаунистических остатков.

Если верхнепалеолитические материалы залегают, как правило, относительно глубоко, и их возраст, даже при отсутствии дат по ^{14}C, геологии или палинологии, "оттеняется" присутствием "мамонтовой фауны", которая сама по себе служит "надежным индикатором древности", то для финальнопалеолитических материалов характерно поверхностное залегание артефактов, практическое отсутствие окраски "горизонтов залегания находок", невыразительность или отсутствие фаунистических остатков, а также нехватка образцов для датирования. Эти обстоятельства создают в среде отечественных археологов своеобразный "шоковый порог", который пока не преодолен. Из-за него часто, даже видя сходство в датированных западных материалах, их восточно-европейские аналоги относят уже к мезолиту, а никак не к эпохе ледниковья. Виной тому и еще одна немаловажная причина: существующие представления о культурах финального палеолита и мезолита базируются на неверной теоретической базе. Чтобы понять смысл сказанного, достаточно вспомнить названия некоторых из археологических культур, например: усть-камская, средневычегодская, восточный вариант культуры федермессер, восточный аренсбург и т.д., которые показывают полное непонимание их природы и сущности. Ибо территория археологической культуры определяется экономикой конкретного коллектива древних людей, их образом жизни и поведением основных промысловых животных, на которых они охотились, а никак не устьем какой-либо реки, где велись полевые исследования и были зафиксированы те или иные памятники.

Четко осознавая всю глубину затронутой проблемы о памятниках эпохи финального палеолита региона, попытаюсь предложить собственный

[1] Под Центральной Россией автор понимает территории, занимаемые Москвой и сопредельными областями: Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Ивановской, Ярославской, Тверской и Смоленской.

вариант подхода к ее решению. Для этого придется произвести ревизию источниковедческой базы и методов естественнонаучного датирования. Методы геологического и радиоуглеродного датирования в настоящее время по разным причинам мало используются для объектов рассматриваемого периода. Первый из них дает широкий хронологический интервал и в силу своей общей неконкретности почти не используется при датировании памятников археологии сравнительно недавнего времени. Высокая точность радиоуглеродного метода делает его наиболее приемлемым в независимом датировании материалов, но особенность финальнопалеолитических памятников такова, что далеко не всегда может быть получено достаточное количество навески образцов.

Не будет особым преувеличением сказать, что в настоящее время для датирования финальноплейстоценовых и раннеголоценовых памятников сравнительно широкое распространение получил палинологический метод (Сычева и др., 2004). Учитывая это обстоятельство, интересно оценить выводы одного из наиболее авторитетных в данной области отечественных специалистов – Е.А. Спиридоновой, к которым она приходит, разрабатывая хронологию голоцена (Спиридонова, Алешинская, 1996, 1999). Разумеется, речь будет касаться не флористических или технических, а исключительно археологических проблем этого метода.

ПАЛИНОЛОГИЯ: СОМНЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Опыт показывает, что находки на финальнопалеолитических и мезолитических стоянках начинают встречаться уже на современной дневной поверхности. При этом мощность культурного слоя большинства мезолитических и, вообще, голоценовых памятников составляет 20–25 см, и еще у трети не достигает и 50 см. Буквально единицами насчитываются те, слои которых составляют в толщину[2] 1 м. Можно также заметить, что значительная мощность отложений сопряжена, как правило, с участками шлейфов или дюнных гряд, то есть, такими элементами рельефа, формирование которых, по сути своей, экстремально (катастрофично). В свою очередь, протяженность голоцена определяется, примерно, в 10000 лет (Хотинский, 1977; Палеогеография Европы.., 1982; Динамика.., 2002). Если считать скорость осадконакопления (седиментации) постоянной, то легко, зная мощность слоя, подсчитать, какая толща отложений нарастает за условную единицу времени. Ограничимся лишь вышеприведенными цифрами. В первом случае, когда толщина культурного слоя равняется 25 см, в 1 см отложений будет "заключен" отрезок в 400 лет. Следует особо подчеркнуть, что этот интервал наиболее массовый, поэтому в отношении седиментации он может рассматриваться как монотонный и эталонный. Абстрагируясь от "экстремальности" двух других цифр и рассматривая их тоже в виде неких постоянных величин, во втором, когда мощность составляет около 50 см, 1 см отложений будет формироваться не менее чем за 200 лет, и в третьем – в 1 см будет "заключено" не менее 100 лет. Поскольку усредненный образец для палинологического анализа имеет мощность 5 см, значит, его пачка включает в первом случае 2000 лет, во втором – 1000 лет, в третьем – 500 лет. Важно также отметить, что даже в тех случаях, когда образцы берутся "по простиранию", их толщина на практике не может составлять менее 2 см, что в результате для каждого из интервалов приводит к цифрам в 800, 400 и 200 лет. Эти несложные расчеты показывают своеобразную фактическую точность палинологического метода. Следовательно, со всей очевидностью можно утверждать, что "шаг в 200–300 лет для измерения климатических колебаний", предложенный для возраста палинологических образцов Е.А. Спиридоновой (Спиридонова, Алешинская, 1996. С. 65), существенно превышает допустимый расчетный предел точности самого метода, рассчитанный по монотонным и эталонным данным. Тем более, нельзя согласиться с цифрами в 100–150 лет.

Эти расчеты неизбежно приводят к нескольким выводам.

1. Археологический слой формируется в основном после времени реального обитания на памятнике, и структура памятника определяется не столько "прижизненной" ситуацией, но в значительно большей мере – его постпозиционной историей.

2. Погребение артефактов происходит далеко не сразу, а в течение длительного времени, поэтому и пыльца, которая наслаивается поверх археологического материала, заведомо омолаживает эти отложения.

3. Пыльца откладывается каждый сезон и то, что попадает в грунт, оказывается по преимуществу в почвенном слое, который наиболее подвержен разного рода турбациям, что неизбежно, помимо других причин, должно приводить к ее смешению. Таким образом "чистота" палинологических образцов, как и археологического материала, скорее случайна, чем закономерна. И связана она, как правило, с катастрофическим осадконакоплением, а не с монотонным отложением слоев.

4. Медленная седиментация неизбежно поддерживает стандартную ситуацию, когда дневная поверхность длительное время одна и та же и на ней долгое время могут сохраняться "в открытом

[2] На практике чаще встречаются памятники, перекрытые отложениями соответствующей мощности.

виде" разновременные изделия различных эпох. То есть, самой природой стандартно поддерживается ситуация "контактов вещей", а не людей, их изготавливающих. Наиболее ярким археологическим воплощением этого феномена служит подъемный материал, в котором, как правило, представлены изделия всех времен и народов, обитавших на конкретной территории.

5. Возраст палинологических образцов не обязательно соответствует возрасту культурного слоя и находок, в нем заключенных, поэтому их синхронность требует обязательного доказательства.

Таким образом, необходимо как критическое отношение к естественнонаучным данным, так и обязательное доказательство соотнесения конкретных образцов со слоем и археологическими находками.

Интересно, что вышеприведенный арифметический расчет подтверждается и данными по верхнепалеолитическим памятникам. Так, в одной из своих недавних работ Л.Д. Сулержицкий пишет: "Судя по датам, при формировании сунгирского разреза сначала здесь долгое время очень медленно шла седиментация – от начала накопления, вместившей позже культурный слой, почвы (более 30 тыс. л.н., когда здесь еще не жил человек) и до времени последних дат по мамонтам (20 тыс. л.н.) отложилось всего значительно менее метра. Зато позже накопилось сразу более двух метров осадков, перекрывших культурный слой" (Сулержицкий, 2004. С. 107). На самом деле никакого противоречия в том, о чем пишет Л.Д. Сулержицкий, нет, и данные факты, при всей их неконкретности, сравнительно хорошо согласуются между собой, ибо и отрезок в 10000 лет, относящийся к первому эпизоду "протяженностью" менее чем в 1 м отложений, и 25–28 тыс. лет, заключенные в 2–2.5 м толщу напластований, хорошо коррелируются друг с другом, так как скорость осадконакопления в обоих случаях приблизительно соответствует стандартной величине – 1 см в столетие.

Пересчет данных по памятникам Русской равнины, прилегающих к полигону исследования, показывает, что скорость отложения 1 см лесса на стоянке Хотылево 2 составляет около 85 лет, в Пушкарях 1 – около 200 лет, в Елисеевичах – примерно 115 лет, Тимоновке 1 – порядка 100 лет и, наконец, в Зарайске – около 90–120 лет (Величко и др., 1999. С. 26–45).

Аналогичные сведения были приведены для некоторых других верхнепалеолитических памятников и в докладе Ю.Н. Грибченко, прочитанном в ноябре 2004 г. на заседании Отдела каменного века Института археологии РАН. Нелишне отметить и тот факт, что по его утверждению "профили археологических памятников совершенно не похожи на профили кернов, взятых вне стоянок, но в непосредственной близости от них и в одинаковых геоморфологических условиях". Это наблюдение имеет чрезвычайно важное значение, так как отражает некое весьма специфическое свойство, которым обладает археологический культурный слой. Ниже будет показано, что эта особенность состоит в том, что слой служит своеобразной помехой или "ловушкой" как для пыльцы и фауны (активизации землеройющих видов животных), так, вероятно, и для изменения скорости гумификации отложений.

Несоответствие спектров естественных профилей и археологических отмечает и Е.А. Спиридонова, когда пишет: "формирование спорово-пыльцевых спектров на археологических памятниках и в естественных разрезах имеет существенные различия. Спорово-пыльцевые комплексы естественных разрезов отражают в значительной степени зональный тип растительности, характерный в целом для крупных регионов (географических зон). При формировании спорово-пыльцевых спектров на стоянках большое влияние оказывает не только зональная, но и локальная растительность, связанная главным образом с деятельностью человека" (Спиридонова, Алешинская, 2004. С. 33).

Факты о длительности осадконакопления, изложенные выше, лишний раз приводят к выводу о том, что находки разных времен и народов, посетивших в разное время одно и то же место, откладывались на одной и той же дневной поверхности. По сути их археологическое сосуществование в одном горизонте или слое осуществляется по факту местоположения, а никак не времени или взаимных связей людей (Сорокин, 2002). На самом деле, осадконакопление шло, по-видимому, еще медленнее, чем приведенные цифры, ибо то, что археологически заключено в метровую толщу, на практике отражает лишь разброс изделий по вертикали из-за многочисленных типов педотурбации от нормы их распределения (стандартного "плотного" максимума), соответствующего древней дневной поверхности. И является таким же допущением, как и любое другое, например величина полураспада ^{14}C, циклы флуктуации солнечной активности и т.д., и т.п.

Представляется очевидным, что "максимум плотности находок" или, иначе, максимум распределения на первобытных памятниках в массе своей соответствует дневной поверхности времени обитания, а взвесь – "облако распределения находок" – чаще связана не столько с жизнедеятельностью людей, сколько последующим перемещением артефактов за счет природных факторов. И это постпозиционное воздействие в ряде случаев более глобально, чтобы не сказать фатально, в том реальном распределении материала, которое фиксируется полевым исследователем.

То есть реальная толщина слоя артефактов, скапливавшихся на древней дневной поверхности, была существенно меньше фиксируемой археологически.

Не лишним будет отметить и то обстоятельство, что предметы, обладающие значительными габаритами (крупные кости, каменные желваки, нуклеусы, рубящие орудия и т.д.), в силу своего объема больше "выступают из слоя". Следовательно, эти массивные предметы могут дольше "покоиться на поверхности" и быть "современниками" тех изделий, которые оставлены значительно позже. Хотя данное обстоятельство требует, безусловно, экспериментальной проверки, ибо хорошо известен эффект возникновения "курганообразных" насыпей вокруг пней деревьев. И что-то аналогичное могло происходить и с габаритными изделиями.

Интересные данные, касающиеся вопроса скорости осадконакопления и подтверждающие вышеприведенные рассуждения, содержатся и в недавней работе, посвященной характеристике курганного могильника скифского времени, где содержатся палеопочвенные наблюдения, сделанные при его раскопках. "Сравнительный анализ подкурганного и фонового черноземов на площади могильника – по данным почвоведа Ю.Г. Чендева – свидетельствует о том, что на протяжении последних 2300–2500 лет ... мощность гумусовых горизонтов увеличилась только на 9–10 см. Скорость роста при этом составила 0.4 см/100 лет" (Березуцкий, Разуваев, 2004. С. 55). Исходя из них, получаем, что фактическое время формирования 1 см гумусового горизонта равно 250 годам. Этот результат особенно впечатляющ, учитывая тот факт, что скорость гумусообразования в среднем выше скорости стандартного накопления отложений. Разумеется, процессы седиментации и гумификации по сути своей разные, но малая скорость гумификации отложений лишь усиливает контраст расчетной скорости вероятного осадконакопления.

Нелишне вспомнить, говоря о скорости седиментации, и такие известные факты, как присутствие котлованов жилищ, которые в некоторых регионах России (Карелия, Среднее Поволжье, Приуралье, Сибирь и т.д.) до сих пор просматриваются на поверхности, хотя они были сооружены еще в мезолите и неолите (Панкрушев, 1978; Никитин, 1996; 1999; Палеолит СССР, 1984; Мезолит СССР, 1989; Неолит..., 1996). Таким образом, время, заключенное в археологические слои, и рельеф связаны между собой, но изменяются по-разному, каждый по своим законам.

Археологический материал, а здесь нужно, без сомнения, учитывать не только нетленные каменные остатки, но и несохраняющуюся к моменту раскопок органику – это для пыльцы своеобразный "пограничный горизонт", особая "ловушка", где она осаждается и концентрируется. Органические материалы в этом процессе тоже необходимо учитывать, ибо на момент "прижизненного формирования источника" именно они составляли основную массу остатков (отходов производства и жизнедеятельности), скапливавшихся на поверхности и становившихся основой культурного слоя, его заполнителем. Более того, гниение органики создавало удобную питательную среду не только для разнообразных живых организмов, но и для пыльцы, что, в конечном счете, способствовало сохранению, накоплению и, вероятно, консервации последней. Любой археологический памятник – место экстремальной концентрации материалов, ибо здесь помимо природных компонентов, которые естественным путем откладываются повсеместно, за сравнительно короткий срок накапливаются еще и те, которые были непосредственно принесены сюда человеком, обеспечивали его жизнедеятельность и трансформировали естественные процессы осадконакопления и "организации пространства" (ландшафта). Заселение любого места и, как итог, появление культурного слоя – своеобразного маркера обитания человека – неизбежно приводит к тому, что этот искусственно создаваемый объект становится эпицентром природного притяжения, зоологической, химической и иной активности, а также участком (местом) концентрации остатков, в том числе и палинологических. Таким образом, культурный слой со всем его содержимым реально является объективной помехой для проникновения пыльцы вглубь отложений. Причем это относится как к пыльце, которая откладывалась синхронно с археологическим материалом, так и к значительно более поздней. По-видимому, разная структура, плотность и "заполненность" напластований, под которыми следует понимать и те, которые возникли непосредственно в результате человеческой деятельности, как раз и объясняют эффект "несоответствия профилей", подмеченный Ю.Н. Грибченко и Е.А. Спиридоновой.

Экстремальная "тонкость" культурных слоев голоценовых и финально-палеолитических памятников, отсутствие цветовой окраски не могли не приводить к тому, что вмываемая в них пыльца распределялась неравномерно, не по всей толще, а осаждалась на разных уровнях имеющихся в них пограничных горизонтов. Естественно, до палинолога доходят лишь абсолютно ничтожные количества "зерен" из числа, некогда попавших в слой. При этом сравнительно молодая пыльца, проникающая в породу, неизбежно численно преобладает. Безусловно, ее распределение по вертикали неравномерно, но часть неминуемо перераспределяется с поверхности вниз и откладывается (осаждается) на имеющихся в породе пограничных горизонтах и находках. При этом

одновременно значительное количество пыльцы исчезает, и чем больше проходит времени, тем меньше ее в слое остается. Поскольку пыльца выпадает ежегодно и с возрастом остающееся количество пропорционально уменьшается, легко представить ситуацию, когда в ходе этого процесса происходит последовательное замещение древней пыльцы пыльцой молодой, т.е. возникает эффект "омоложения спектра".

Такие факты очевидны, когда реликтовую пыльцу отделяет от поздней значительный хронологический интервал, но могут ли палинологи установить эффект омоложения для близких, последовательно расположенных климатических периодов, когда изменения накапливаются перманентно и монотонно? По-видимому, сам способ отбора образцов через известные промежутки как раз и необходим им для того, чтобы отсечь подобный эффект и "проявить" накапливающиеся изменения. А, значит, сказанное лишний раз подтверждает то обстоятельство, что на минеральных грунтах объективно можно уловить лишь глобальные, значительно разнесенные во времени климатические колебания и маркирующие их спектры растительности, не рассчитывая при этом на большую дробность и "узость" палинозон.

Выпадение пыльцы происходит ежегодно, и по сути своей это процесс если не перманентный, то длительного действия. Ежегодно она разносится воздушными массами, выпадает и остается на поверхности земли, вмывается и проникает в почвенный слой, перераспределяется в нем по вертикали и горизонтали, уничтожается и лишь в отдельных случаях прорастает. Та пыльца, которая оказывается в грунте позднее, неизбежно дополняет или даже замещает пыльцу, попавшую туда раньше. С течением времени происходит изменение климата и растительного покрова. Если поздняя пыльца оказывается на том же уровне, что и более ранняя, происходит неизбежное омоложение спектра. Если седиментация идет монотонно последовательно, то и накопление пыльцы в идеале должно быть таким же последовательным и монотонным. Но в том-то и дело, что оба этих процесса, хоть и взаимосвязаны, но разные по своей сути. Ибо накопление минеральных грунтов происходит вне зависимости от характера растительности и чрезвычайно медленно, причем толщина культурных слоев достаточно красноречиво отражает этот факт. А пыльца – явление сезонное, хотя и отлагается ежегодно в астрономических количествах. Но сохраняется не та, что остается на поверхности, а та, которая попадает в породу. И уровни, на которых она откладывается, разные и определяются характером и структурой последней. Эти "сгустки плотности" или "уровни концентрации" как своеобразные ловушки служат пограничными горизонтами в течение длительного времени. И их реальный состав будет, вероятно, определяться как количеством сохранившейся более древней, так составом и разновидностью молодой пыльцы. Важно и то, что "горизонты концентрации" разнятся по своим высотным отметкам, т.е. одновременная пыльца в силу множества причин может откладываться на разных уровнях. При этом в качестве таких уровней служат не только естественные образования, но и, что особенно важно, артефакты. Немаловажно и то, что "пустыми" чаще оказываются образцы, подстилающие находки. Здесь также следует отметить, что отсутствие пыльцы в ряде образцов отражает не только возможный перерыв в накоплении отложений, но и подтверждает предположение о реальности разных горизонтов ее накопления и необходимости учета этого феномена. Чего практически не бывает. Возникает вопрос: что же в таком случае датируется? Я уже не говорю о случаях педотурбации, особенно зоотурбации, когда даже обычные черви за несколько лет полностью перемешивают почвенный слой, наиболее приспособленный для сохранения пыльцы, и способны перемещать не только грунт, но и артефакты (Докучаев, 1949; Wood, Johnson, 1978; Александровский, 2003; Стриганова, 2005; Бобровский, 2005).

Таким образом, "нормальные" палинологические спектры возможны только в условиях быстрого осадконакопления, как это имеет место в пойменных и аллювиальных отложениях или торфяниках. Периодическое затопление поймы и стабильное приращение мощности торфяных отложений создают вполне реальную возможность консервации пыльцы в четких стратиграфических условиях, и в конечном итоге – получение естественной колонки отложений, чего, по-видимому, в принципе не может быть на террасах и водоразделах.

НЕ РАДИ УГЛЕРОДА, А РАДИ ИСТИНЫ

Теперь о некоторых археологических аспектах радиоуглеродного датирования. Нет сомнения, что ^{14}C точнее и надежнее палинологии, но по-прежнему очень мало дат для памятников интересующего нас времени. Кроме того, довольно стандартна ситуация, когда сами образцы брать неоткуда. В силу ряда обстоятельств основная масса финальнопалеолитических материалов залегает в таких условиях, где не просто отсутствуют привычные признаки культурных слоев, но нет и углей, или они присутствуют в виде отдельных редких вкраплений. Возможно, это связано с общим изменением климатических условий конца ледникового времени, когда все более активное потепление приводило к формированию в зимний период значительного снежного покрова, а бурное весеннее таяние вызывало смыв поверхностных, рыхлых отложений, пыльцы, углей и мелких артефактов. Причем совсем не обязатель-

но, чтобы такие сбросы были ежегодными. Изменение климатических условий и прекращение в позднее ледниковье лессообразования привело, судя по всему, и к замедлению седиментации. Лесс – значительно более легкая и "летучая" фракция, чем другие осадочные породы. Поэтому в условиях позднего ледниковья он мог переноситься ветром на значительные расстояния и значительно быстрее покрывать поверхности перигляциальных степей – экологической ниши мамонтов, погребая под собой и стоянки палеолитического человека. Изменение климата и характера осаждаемых пород неизбежно должно было привести и к падению скорости седиментации. Таким образом, теплые снежные зимы вызвали, по-видимому, не только гибель мамонтов и других представителей "мамонтового фаунистического комплекса", но и трансформацию археологических остатков, а в конечном итоге – определили состояние самого археологического источника. Это обстоятельство должно неизбежно привести к выводу, что как с палинологическими определениями, так и с радиоуглеродным датированием финальнопалеолитических и мезолитических памятников далеко не все может обстоять просто и гладко.

Если исходить из того факта, что осадконакопление в условиях равнинных ландшафтов идет в целом весьма медленно, а в какие-то отрезки вообще может не происходить, из-за чего на поверхности в течение столетий, если не тысячелетий, будут покоиться разновременные материалы, то и малочисленные образцы для радиокарбонового датирования должны проявлять тенденцию к "сосуществованию". Во-первых, сама возможность приходить в разное время на одну и ту же дневную поверхность предполагает, что на ней могут скапливаться разновременные материалы и органика, часть которой впоследствии может использоваться для датирования. Вероятно, это отражает тот самый широко известный эффект "разброса датировок для одного слоя". Во-вторых, на одних и тех же пространствах, все более зарастающих в голоцене лесом, периодически могли возникать локальные лесные пожары, разновременные угли от которых оказывались на одной и той же дневной поверхности, которая периодически становилась местом обитания человека. В-третьих, совершенно не изучен в этом отношении эффект углефикации древесины, которому может подвергаться отнюдь не археологическая органика. Но если она служит в качестве образцов для датирования, то даты не будут иметь никакого отношения к возрасту слоя. В-четвертых, не играет особой роли и кривизна самой поверхности обитания, перепад высот на которой обычно составлял несколько сантиметров, ибо на склонах и косогорах человек, как правило, не жил. Учитывая до сих пор господствующую методику раскопок по условным горизонтам, из которых минимальный составляет 5 см, получаем усреднение, сопоставимое с "точностью" палинологических образцов. Это в первую очередь касается тех из них, уголь для которых собирается "по простиранию", что на практике для финальнопалеолитических стоянок имеет место наиболее часто. Не лучше, однако, дело обстоит и в тех случаях, когда берется заполнение кострищ, ибо высотные отметки разновременных кострищ также мало различаются между собой, как и каменных материалов. "Спроецированная на дневную поверхность история" – плоская и единовременная. Фактически, у нас нет инструментов для "разведения во времени разновременных кострищ", ибо то, что мы раскапываем и в литературе называем "структурой", таковой не является. "Единство составляющих", иначе структура, – это, вопреки мнению А.Е. Кравцова (2002; 2004), плод воображения полевого исследователя, но никак не "жесткая кристаллическая решетка элементов", образующих фиксируемое единство. Поэтому и "плавают" датировки слоев, жилищ, ям и других сооружений. Таким образом, без надежной стратиграфии датировки могут быть существенно омоложены и не соответствовать реальному возрасту находок, находящихся в том же горизонте или слое. И это надо воспринимать как объективную реальность. Надежной может быть лишь хронология, которая построена на серии анализов, сделанных по образцам из разных слоев хорошо стратифицированных памятников при условии однозначной привязки этих образцов к конкретным документированным местам. И лучше, если эти образцы будут браться из конструкций, находки которых возможны на торфяниковых памятниках, где, кстати, и стратиграфия присутствует чаще и значительно выразительней, чем на дюнных или террасовых стоянках.

Кстати, нельзя забывать и о возможности вторичного использования одних и тех же мест для сооружения кострищ. Практика показывает, что грунт вокруг кострищ более вытоптан и плотен, а в пределах кострища из-за прокаленности заполнения сильнее уплотнен, поэтому такие места хуже зарастают и, напротив, быстрее и лучше просыхают. Это обстоятельство может быть немаловажным при сырой погоде и "провоцировать" их вторичное использование. Опять-таки, огонь повсеместно использовался в качестве "очищающего" средства, и эта его особая роль также гарантирует неоднократное использование одних и тех же кострищных мест. Вместе с тем в случае наложения разновременных кострищ друг на друга однородность их заполнения исключает возможность их "археологического разведения во времени", но реально провоцирует эффект разброса датировок.

Подводя итог ревизии методов датирования, надо отметить следующее:

1. Малочисленность естественнонаучных данных для финальнопалеолитических памятников связана как с условиями формирования культурных слоев, так и их сохранностью.

2. Часть образцов, взятых из одного слоя или объекта, не имеет, по-видимому, реального отношения ко времени их бытования, а попала туда в результате педотурбации или деструкции слоя.

3. В пределах одного и того же кострищного пятна могут быть разновременные объекты, поэтому разница в датировках может объясняться не столько недостоверностью некоторых из образцов, сколько их принадлежностью к разным "горизонтам" одного и того же "спрессованного" археологического объекта.

4. Радиоуглеродный анализ не обладает абсолютной непогрешимостью, но еще менее корректен для минеральных грунтов палинологический метод.

5. Наличие "молодой" даты для слоя, включающего древние формы, не следует считать бесспорным основанием омоложения последних.

6. Критическое отношение к источнику, в том числе и естественнонаучным датировкам, должно быть атрибутом любого археологического исследования.

Обращает на себя внимание и еще одно немаловажное обстоятельство. Если количество мезолитических памятников только в Волго-Окском бассейне насчитывает свыше тысячи, то финальнопалеолитических числится всего около трех десятков. Конечно, увеличение населения по мере исторического развития и, следовательно, возрастание числа памятников – это объективный фактор, но может ли быть нормальной подобная диспропорция? Тем более что длительность финального палеолита несколько превышает протяженность по времени мезолита. Или дело все-таки в чем-то ином и виноваты не вещи, а те методы, которыми мы их пытаемся датировать?

Нынешнее состояние источниковедческой базы финального палеолита Центральной России и проблему теоретического обоснования их выделения автор намерен изложить в следующей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л. Зоотурбации и эволюция почв // Проблемы генезиса и эволюции почв. Матер. IV Всерос. конф. Пущино, 2003.

Березуцкий В.А., Разуваев Ю.Д. Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Тр. Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН 2001–2003 гг. М., 2004.

Бобровский М.В. Учет роли биогенных педотурбаций в формировании профиля лесных почв // Почвоведение: история, социология, методология. М., 2005.

Величко А.А, Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И, Новенко Е.Ю. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1999.

Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. М., 2002.

Докучаев В.В. Первобытный человек Окских дюн // Избранные сочинения. М., 1949.

Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.

Кольцов Л.В. Формирование мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.

Кравцов А.Е. О подходах к изучению мезолитических стоянок с нечеткой стратиграфией (по материалам памятников иеневской культуры) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.

Кравцов А.Е. Об источниках для изучения волго-окского мезолита и некоторых принципах их анализа // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.

Кравцов А.Е., Коннов С.Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. М., 2002.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Л., 1979.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4.

Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.

Ланцев А.П., Мирецкий А.В. Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Лисицын С.Н. Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

Лисицын С.Н. Технология расщепления кремня на финальнопалеолитической стоянке-мастерской Аносово 1 // ТАС. Вып 5. Тверь, 2002.

Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Тр. Марийской археол. экспедиции. Т. 4. Йошкар-Ола, 1996.

Никитин В.В. Каменный век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 1999.

Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. М., 1982.

Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Т. 1–2. Л., 1978.

Сидоров В.В. Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. 1. Археология. Кашира, 2002.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Забелинские научные чтения 1995–1996 гг. Тр. ГИМ. Вып. 103. М., 1999.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.А. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тыс. до н.э. по II тыс. н.э. // РА. 2004. № 3.

Стриганова Б.Р. Роль зоогенных механизмов в развитии почвенного покрова // Почвоведение: история, социология, методология М., 2005.

Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений // РА. 2004. № 3.

Сычева С.А., Леонова Н.Б., Александровский А.Л. и др. Естественнонаучные методы исследования культурных слоев древних поселений. М., 2004.

Трусов А.В. Финально-палеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Матер. науч. семинара. М., 2004.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.

Koltsov L.V., Zhilin M.G. Tanged points cultures in the upper Volga Basin // Tanged Points cultures in Europe. Lublin, 1999.

Wood W.R., Johnson D.L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory. V. 1. N.Y., 1978.

Zhilin M.G. The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – early Mesolithic // Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologies Lundensia. 1995. V. 80. № 24.

The problem of final Palaeolithic in Central Russia

A. N. Sorokin

Summary

The article should be regarded as an attempt to come out the once formed set of ideas concerning the sites of the final Palaeolithic. The work is based on the revised source base, both of archaeological data and those associated with application of natural sciences. The problem actually consists not so in the absence of final Palaeolithic sites, as in suggesting their incorrect chronology and ungrounded theoretical approach to its solution. Having analysed the data obtained by application of pollen, radiocarbon and geological methods of dating archaeological sites of the Late Pleistocene – the Early Holocene and not numerous dates produced by the methods, the author demonstrates that, when applied to the mineral soils the discussed methods must be seriously corrected, and the majority of the dates do not correspond typologically established age of the archaeological materials. The present methods of collecting pollen samples do not take into consideration quite standard situation of redepositing archaeological materials and pollen remains caused by the phenomenon of the sediments' pedoturbation. Geological dating is little applied to establish the age of the objects attested to the period in question, and, in the best case, gives grounds to discuss the events of global scale, that is, to attribute sediments to the Pleistocene or Holocene. The environmental conditions during the transition from the Pleistocene to the Holocene provoked not only disappearance of the mammoth fauna, but also conserved fire-places and other organic matters used as samples for radiocarbon dating. Not taking into account specific features of formation of the cultural deposits, their long post-positioned history and the peculiarities of taking samples for dating by the methods of natural science, one finally comes to incorrect conclusions as for the age of the archaeological materials and the gap in the ideas concerning the final Palaeolithic of the discussed region.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 99–105

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМА ВОЗРАСТА НАСТЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ В СВЯЗИ С ПЕРВЫМИ РАДИОУГЛЕРОДНЫМИ ДАТИРОВКАМИ КРАСОЧНОГО ПИГМЕНТА

© 2006 г. В. Н. Широков

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

ИГНАТИЕВСКАЯ ПЕЩЕРА, НАСТЕННОЕ ИСКУССТВО И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Игнатиевская пещера находится в северо-западных предгорьях Южного Урала со средними высотами от 200 до 700 м над уровнем моря, на правом берегу реки Сим – притоке р. Белой. Современный климат континентальный, умеренно теплый, со среднегодовыми температурами 0.1 + 1°С и количеством осадков 500–700 мм в год. В окрестностях пещеры произрастают хвойные леса с примесью лиственных: типичными среди древесных пород являются сосна, ель, пихта, береза, липа, ольха и дуб. Травяной покров состоит из кисличниковых, крупнотравных, папоротниковых и злаковых. Почвы черноземные, сформированые на корбонатных грунтах.

Игнатиевская пещера – одна из крупнейших в своем карстовом районе: общая длина ее ходов более 600 м. Пещера горизонтальная, просторная: ее средняя высота около 2.5 м, средняя ширина около 3 м; температура воздуха около 5°С. Разработанная в известняках девона, Игнатиевская пещера имеет четыре основных отдела: Входной грот, Основной коридор, Большой зал и Дальний зал, попасть в который из Большого можно по двум узким лазам.

Древние изображения в Игнатиевской пещере, имеющей давнюю известность, обнаружили в 1980 г. В.Т. Петрин, С.Е. Чаиркин и В.Н. Широков. Изучение памятника проводилось с 1980 по 1986 гг. экспедицией В.Т. Петрина, в 1995 г. – В.Н. Широкова (Петрин, 1992; Ščelinskij, Širokov, 1999).

За все время работ удалось обнаружить и скопировать около 60 групп и одиночных рисунков, сконцентрированных только в Большом и Дальнем залах на расстоянии, превышающем 120 м от входа. В Большом зале фигуры нанесены преимущественно на вертикальные и наклонные стены в многочисленных нишах, различного рода депрессиях и на выступах стен, демонстрируя пример интеграции скальной основы в изобразительный ансамбль. Изображения достаточно равномерно распределены в пространстве этого зала вокруг огромной "колонны", на которой также есть рисунки. В Дальнем зале основное количество изображений, образующих Красное и Черное панно, исполнено на потолке, и лишь немногие рисунки сделаны на стене. Практически все фигуры в пещере наносились с пола или блоков у стен, и только несколько мотивов выполнены с каких-то конструкций.

Размеры рисунков варьируют от 1.5 см (знак) до 2.3 м (животное), ширина линий, использованных для создания изображений, составляет от 1 до 5 см.

Цветовая схема изображений Игнатиевской пещеры включает краски двух цветов: красную с различными оттенками и черную. В Большом зале количественно преобладают красные рисунки (черные знаки отмечены только в трех местах), тогда как в Дальнем зале количество черных фигур значительно.

Репертуар изображений составляют животные, знаки, люди и неопределенные изобразительные мотивы. Среди животных преобладают воспроизведения мамонтов – шесть или семь, и лошадей – четыре, две из которых не закончены. Кроме них есть также рисунки быка, носорогообразного существа, составленного животного с туловищем верблюда, и фантастического создания, напоминающего мамонта.

Все животные в Большом зале показаны с определенной степенью схематизма, тонированными силуэтами, размерами от 20 до 30 см. Рисунки отдельных мамонтов практически лишены шейных перехватов, только один мамонт снабжен бивнями. Рисунок лошади исполнен без гривы и ушей. Конечности всех животных, за исключением одного в этом зале, показаны прямыми, их количество у разных фигур различается и составляет от двух до четырех.

В Дальнем зале более натуралистичны изображения животных черного цвета, особенно это касается черного мамонта на Красном панно и лошади на Черном панно. Однако они нарисованы с двумя прямыми конечностями – передней и задней, что придает им известную условность; какое-то движение ощущается лишь в фигуре мамонта, ноги которого изогнуты в коленных суставах. Пропорции лошадей "утяжелены", у большой черной лошади акцентировано ухо. Верблюжье тулови-

ще составленного животного очерчено тремя-четырьмя линиями. Определенную статичность образам всех черных животных придают характерные прямые конечности; хотя у красного "носорога" четыре конечности, они также схематичны и напряжены, как и у остальных фигур. Корпус красного "носорога" контурный с частичной тонировкой, черные животные контурные и только одно, может быть, силуэтное (?); оба мамонта нарисованы с бивнями. Размеры черных зверей от 0.3 м до 1.3 м, красного "носорога" – 2–3 м.

Антропоморфные изображения в Дальнем зале представлены черным рисунком мужского существа (около 32 см) и красным рисунком женщины (около 1.2 м), составляющим великолепную композицию комплексного содержания с большой фигурой "носорога". Имеется также один черный рисунок фантома. В Большом зале есть мотив красного цвета, который следует охарактеризовать как авиаформу (около 20 см). Все эти персонажи выполнены линейным способом.

Знаки очень многочисленны, их примерно в три раза больше, чем человеческих существ и животных. Размеры знаков варьируют от 1.5 см до более чем 1 м. Среди них имеются группы линий и отдельные черты, различного рода пунктуации, меандры, крестообразные и стреловидные формы, трезубец, треугольник, расчерченный параллелограмм, мотивы в виде лесенки и якоря, а также отдельные пятна. Один из знаков в виде круга, обрамленного с трех сторон отрезками, напоминает след носорога.

Благодаря специальным анализам удалось установить состав некоторых красных красок. Их основу составляли оксиды железа – гематит, гетит, лепидокрокит, магнетит с добавлением кальцита, полевого шпата, глинистых частиц и слюды.

Проведенные раскопки в разных частях пещеры позволили обнаружить культурный слой верхнего палеолита с многочисленными частицами угля от факелов и светильников, каменными и костяными изделиями, кусочками охры, украшениями и костями животных. Каменные изделия (более 1300 экз., происходящие, главным образом, из Входного грота) изготовлены из различных по цветности яшмы, кремня, кварцита, песчаника, хрусталя, известняка и других пород камня и минералов. Среди орудий преобладают скребки, ретушированные пластины, резцы, долотовидные орудия, зубчатые и выемчатые формы. Выразительную серию составляют пластинки с притупленным краем, в том числе с обработанным концом, служившие вкладышами составных орудий с основой из кости, рога или дерева. Среди украшений две подвески из клыка песца и зуба быка или бизона и две мелкие округлой формы плоские бусины из кости или бивня.

Три радиоуглеродные даты по угольками из культурного слоя Большого зала относили создание декораций Игнатиевской пещеры к концу плейстоцена: 14240 ± 150 (СОАН-2209); 13335 ± ± 193 (ИЭМЭЖ-365); 10400 ± 465 (СОАН-2468) (подробнее см.: Петрин, 1992; Petrin, Širokov, 1991; Ščcelinskij, Širokov, 1999).

Кроме находок верхнего палеолита во Входном гроте и Низком переходе были также обнаружены вещи более поздних эпох – бронзы и железа. В этой части пещеры древних рисунков нет.

В 1998 г. профессором Техасского университета Марвином Роу и мною были отобраны образцы пигмента и стенной основы (всего 18 образцов) из Игнатиевской пещеры для более точного изучения химического состава древних красок, а также для возможного получения радиоуглеродных дат непосредственно для рисунков (рис. 1). Знание рецептур красок и прямые датировки по ^{14}C отдельных изображений ведут к более углубленному пониманию структур изобразительных ансамблей. Дополненные другими анализами, эти данные способны значительно углубить наше понимание происходивших в древности процессов (Lorblanchet, 1995. P. 145–156).

С помощью плазменной очистки образцов пигмента и их радиокарбонового AMS-анализа были получены три даты для черных рисунков. Результаты их приведены ниже (таблица, рис. 2) (более подробную процедуру отбора, очистки образцов и их калибрования см.: Steelman et al., 2002. P. 341–348; Широков и др., 2003. С. 67–72).

Калибровка осуществлена в Университете Вашингтона радиокарбоновой калибровочной программой CALIB версии 3.0.3A (Stuiver, Reimer, 1993), используя метод А.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ АРХЕОЛОГА

Первые прямые ^{14}C даты для изображений Игнатиевской пещеры оказались неожиданно молодыми. Они требуют неизбежной в таких случаях экспертной оценки, которая еще более актуальна в связи с появившимися публикациями, содержащими критику доказательств верхнепалеолитического возраста изображений Игнатиевской пещеры (Формозов, 1999; 2000). Эти критические замечания необходимо внимательно проанализировать, чтобы составить отношение к новым радиоуглеродным датам. Тезисно позицию А.А. Формозова можно сформулировать следующим образом:

– в Игнатиевской пещере обнаружены не только верхнепалеолитические артефакты (слой А по А.А. Формозову), но также бронзового (слой Б) и железного (слой В) веков;

– предположительно существует много вариантов связи рисунков и культурных остатков, а не один, со слоем верхнего палеолита (А);

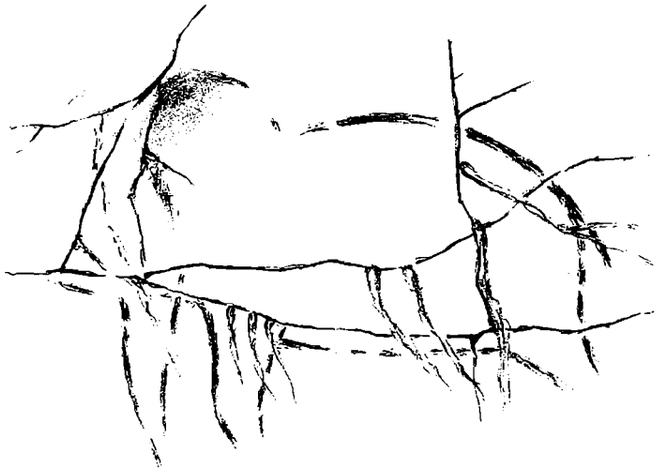


Рис. 1. Изображение мамонта черного цвета, по которому была получена одна из радиокарбоновых дат. Дальний зал Игнатиевской пещеры.

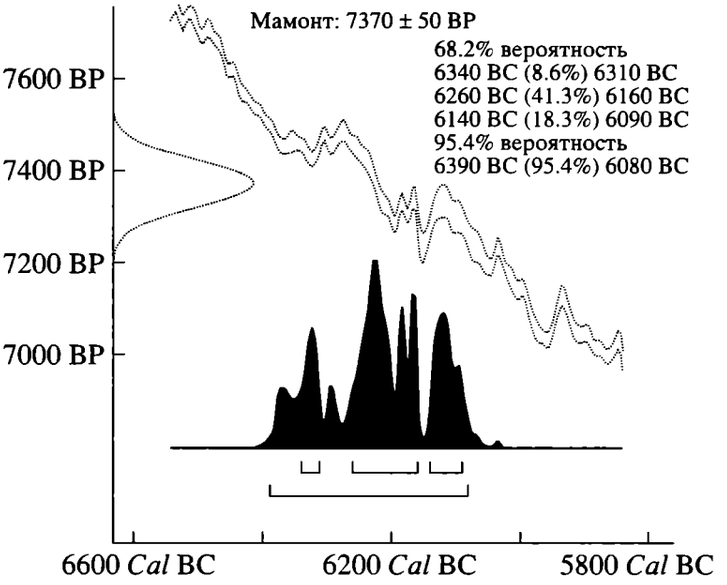


Рис. 2. Калибровочная кривая, полученная с помощью программы OxCal для угольного рисунка мамонта (Ramsey, 2000; основано на данных Stuiver et al., 1998a; b).

– так как на Урале есть многочисленные наскальные изображения под открытым небом послепалеолитического времени, то они могли быть созданы и в Игнатиевской пещере;

– сравнение копий изображений из Игнатиевской пещеры с копиями уральских наскальных изображений под открытым небом по публикациям приводит А.А. Формозова к мнению, что якобы имеется сходство "по сюжетам и стилю" между некоторыми рисунками настенного и наскального искусства.

Далее следует вывод о том, что в Игнатиевской пещере все-таки "обнаружены очень архаичные рисунки, возможно, ... палеолитические. Но немало тут и рисунков более поздних..." (Формозов, 2000. С. 216), которые могут датироваться бронзовым или железным веками.

В ответ на эти замечания могут быть приведены следующие возражения. Среди изображений животных в обоих залах Игнатиевской пещеры преобладают представители плейстоценовой фауны – мамонты. Вместе с ними воспроизведены и другие животные ледникового века – лошади, носорогообразное существо и первобытный бык. Не может смущать и составленное существо с туловищем верблюда, так как кости этого животного известны из позднеплейстоценовых отложений Приуралья – местонахождение Горново неподалеку от г. Уфа. Этот набор видов радикально отличается от набора видов животных, представленных в наскальном искусстве Урала под открытым небом, где воспроизведены преимущественно лоси, олени и косули, а также водоплавающие птицы; кроме них известны редкие рисунки медведей и обобщенные фигуры каких-то мелких зверей. Нет ни одного вида из списка тех, что есть в Игнатиевской пещере (мною осмотрены и изучены все известные к настоящему времени на Урале пункты с наскальным и настенным искусством – всего около 90). Таким образом, уже сам репертуар изображений Игнатиевской пещеры предполагает верхнепалеолитический возраст ансамбля, поскольку крупные млекопитающие мамонтовой фауны исчезли на территории Южного Урала к концу плейстоцена (Косинцев, 1990. С. 171–178; Kosintcev, 1999. P. 133–139). В зоне дислокации рисунков в Большом зале обнаружены только верхнепалеолитические артефакты. Есть также стратиграфические доказательства их относительной

Результаты плазменного окисления и радиокарбоновые датировки для настенных рисунков из Игнатиевской пещеры

Мотив	Цвет	TAMU	Углерод, мг	CAMS	^{14}C возраст, BP	2σ-возрастной ранг (*Cal* BC)
Мамонт	Черный	4RU292	0.15	56586	7370 ± 50	6390–6080
Радиальная линия	Черный	4RU291	0.21	56271	7920 ± 60	7040–6640
Линия	Черный	4RU318	0.10	67688	6030 ± 100	5300–4650
Женщина	Красный	4RU330	<0.01	–	–	–

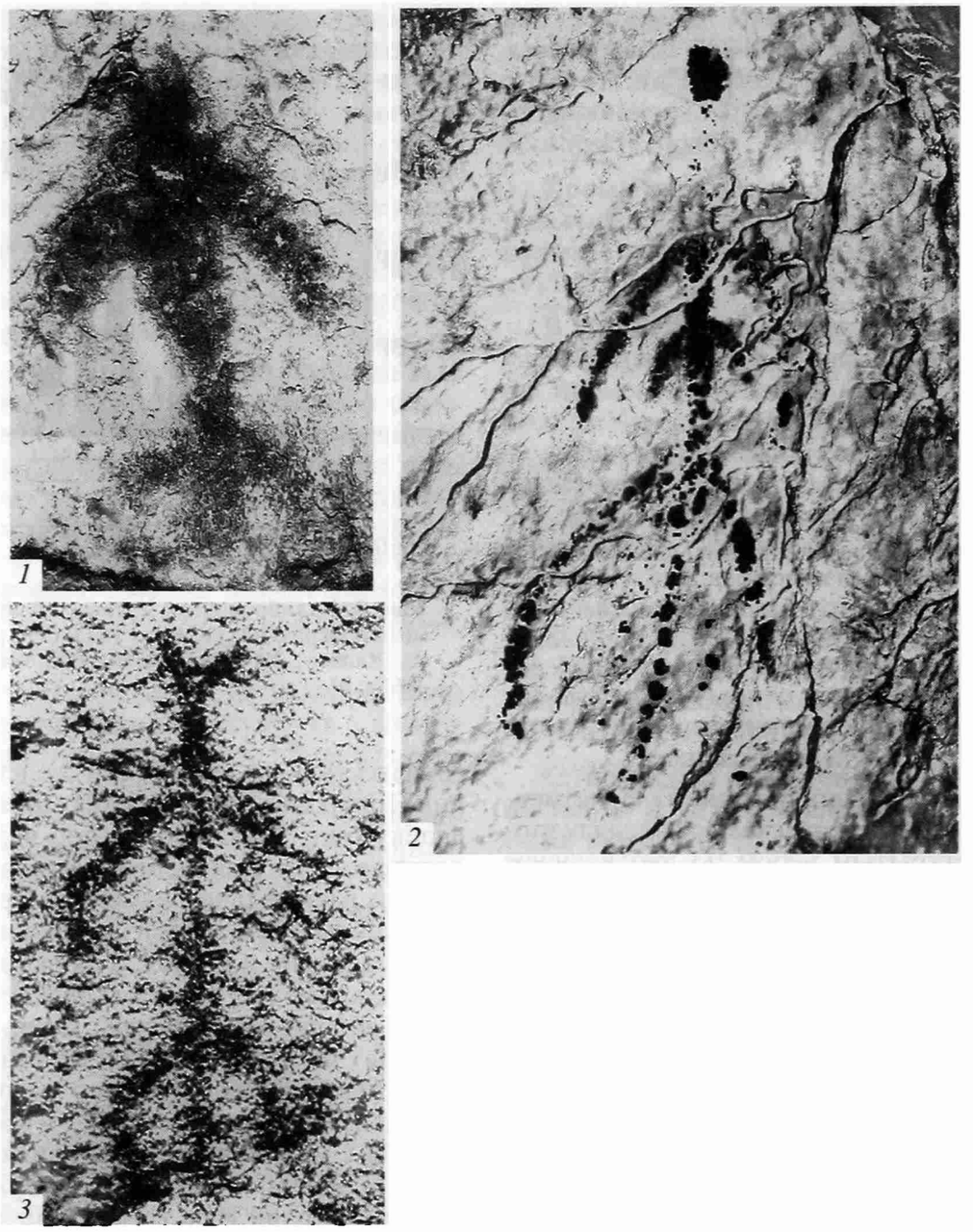


Рис. 3. Настенные изображения Игнатиевской пещеры. *1* – авиаформа; *2, 3* – антропоморфные рисунки.

синхронности с некоторыми рисунками Большого зала Игнатиевской пещеры. Во время раскопок рыхлых отложений возле панно с красной лошадью (группа 23, по В.Т. Петрину), была зафиксирована тонкая прослойка мондмильха, под которой найдены многочисленные древесные угольки вместе с каменными изделиями, мелкими кусочками охры и подвеской из клыка песца – вида, обитавшего на Южном Урале только в плейстоцене. Мондмильх перекрывал и некоторые изобразительные мотивы на стене пещеры, в связи с чем их возраст и можно оценивать древнее 10 тыс. лет.

Антропоморфные мотивы из Игнатиевской пещеры, по А.А. Формозову, не имеют аналогий в палеолитическом искусстве, а способ их исполнения и некоторые иконографические особенности близки антропоморфным мотивам наскального искусства при свете дня послепалеолитического периода. Отчасти это верно, на что ранее уже обращалось внимание (Петрин, Широков, 1990; Петрин, 1992). В то же время нельзя не отметить и отличий. В частности, авиаформа из Большого зала не имеет примеров среди наскальных рисунков под открытым небом, на которые указывает А.А. Формозов, принимая этот рисунок за антропоморфного персонажа с рогами на голове. Сравнение с "рогатыми" людьми некорректно, поскольку в Большом зале мы имеем дело с фигурой, верхняя часть которой повреждена, что и придает ей некоторое сходство с упомянутыми мотивами (рис. 3, *1*). Нижняя часть изображения так сильно укорочена, что вряд ли ее стоит

принимать за воспроизведение ног и фаллоса между ними. Скорее здесь следует видеть хвостовое оперение, которое отсутствует у авиаформ на скалах под открытым небом. Необходимо также обратить внимание и на некоторое сходство рисунка из Игнатиевской пещеры с одним из знаков в виде авиаформы из пещеры Плакар, датируемой средней порой верхнего палеолита.

"В другом зале пещеры – Дальнем", – пишет А.А. Формозов, – "важна фигура человека в фас с раздвинутыми ногами, между которыми начинается идущая вниз полоса точек. Таких фигурок много на всех поздних уральских писаницах, а полосы из точек отмечены на писаном камне р. Вишеры и на Айских писаницах" (Формозов, 2000. С. 216). Речь идет о женской фигуре Красного панно с акцентированными вульвой и грудью; между ног женщины заключены три линии пятен, а не одна (рис. 3, *2*). На самом деле среди всех антропоморфных существ в наскальном искусстве под открытым небом нет ни одного изображения с отчетливо выделенными женскими чертами, как это сделано в Игнатиевской пещере. Не сравнимы обсуждаемые мотивы и по размерам – женщина из Игнатиевской пещеры в несколько раз больше любого антропоморфного существа, изображенного на скалах. Из цитированного отрывка вдобавок видно, что его автор объединяет имеющиеся на скалах самостоятельные мотивы – человекообразные фигуры и линии пятен – в один. Ни на одном из известных памятников наскального искусства на Урале нет человекообразных существ с линиями пятен между ног.

Более всего напоминает антропоморфные рисунки на скалах под открытым небом мужская фигура из Дальнего зала Игнатиевской пещеры. Отличие состоит в том, что в пещере существо выполнено черной краской, а не красной, как все, без исключения, рисунки на поверхности скал, а также в наличии над головой персонажа трех небольших черточек.

Показательно, по мнению А.А. Формозова, и "другое изображение из Игнатиевской пещеры: контурный профильный рисунок животного с проведенной вдоль его туловища линией (так называемой линией жизни)... Он вполне сходен с одним из рисунков на писаницах р. Ай". На самом деле сходство достаточно отдаленное. В Игнатиевской пещере речь идет об изображении лошади в стиле, который условно можно назвать схематичным натурализмом. Здесь линия внутри корпуса животного не имеет содержательной нагрузки, а фиксирует лишь один из этапов создания образа. В дальнейшем корпус лошади был тонирован, как и у всех животных в Большом зале, и только со временем часть краски была уничтожена. Рисунок же копытного на р. Ай выполнен в геометрическом стиле (как и большинство других зверей на поверхности скал), схематично настолько, что трудно определить это животное до вида (косуля? олень?). Проведенная внутри корпуса зверя линия имеет смысловую нагрузку, а корпус никогда не тонировался (рис. 4, *2, 3*).

Сравнение же А.А. Формозовым некоторых знаков из пещеры и на писаницах сделано совсем вольно. Так, вертикально ориентированный знак в виде волны или меандра из Игнатиевской пещеры (группа 26, по В.Т. Петрину) не имеет ничего общего с вертикальными зигзагами, в том числе и со сдвоенными на скалах (несмотря на простоту этих мотивов!), на которые А.А. Формозов указывает (при этом свободно интерпретируя их, называя змеями) (2000. С. 216). Знак в виде трезубца из Большого зала, по его мнению, близок рисунку "в Усть-Катавской пещере" (Формозов, 2000. С. 216). В упомянутой им пещере вообще нет рисунков (кстати говоря, А.А. Формозов по ходу изложения путает и другие названия пунктов с наскальными рисунками на Урале). На самом деле он имел в виду Барановскую пещеру на р. Юрюзань, у входа в которую есть два схематичных рисунка. Но ни один из них не напоминает знак из Игнатиевской пещеры, к тому же они не сопоставимы и по размерам. Добавлю также, что в наборах знаков Игнатиевской пещеры и наскального искусства под открытым небом, близкими являются лишь очень простые мотивы в виде пунктуаций и штрихов, групп параллельных прямых отрезков, а также волнистых линий. Все более или менее сложные знаки различаются между собой (рис. 4, *1*).

Из всего изложенного выше следует, что репертуар образов и знаков Игнатиевской пещеры и наскального искусства под открытым небом послепалеолитического периода различается. Не вдаваясь в подробности, отмечу, что большая часть памятников наскального искусства была создана в период от позднего неолита до эпохи бронзы включительно, хотя есть и более поздние рисунки эпохи железа. Значит, вряд ли можно датировать даже в пределах неолита изображения из Игнатиевской пещеры. Полученные радиокарбоновые даты для двух рисунков из Дальнего зала пещеры определяют время их создания поздним мезолитом. Но мезолитическое искусство на Урале имеет исключительно знаковый характер, исходя из тех материалов, которыми мы располагаем на сегодняшний день. Во время подготовки этой статьи мною были подвергнуты анализу доступные для обработки материалы мезолитического времени из коллекций, происходящих из пещеры Дыроватого камня на р. Чусовой и из Шигирского торфяника (материалы не опубликованы). Пещера Дыроватого камня, вход в которую находится на высоте около 20 м от подножия, недоступна для посещения людей без специального скального снаряжения. Эта пещера являлась святилищем на протяжении очень длительного времени. Начиная с мезолита и вплоть до средних веков в пе-

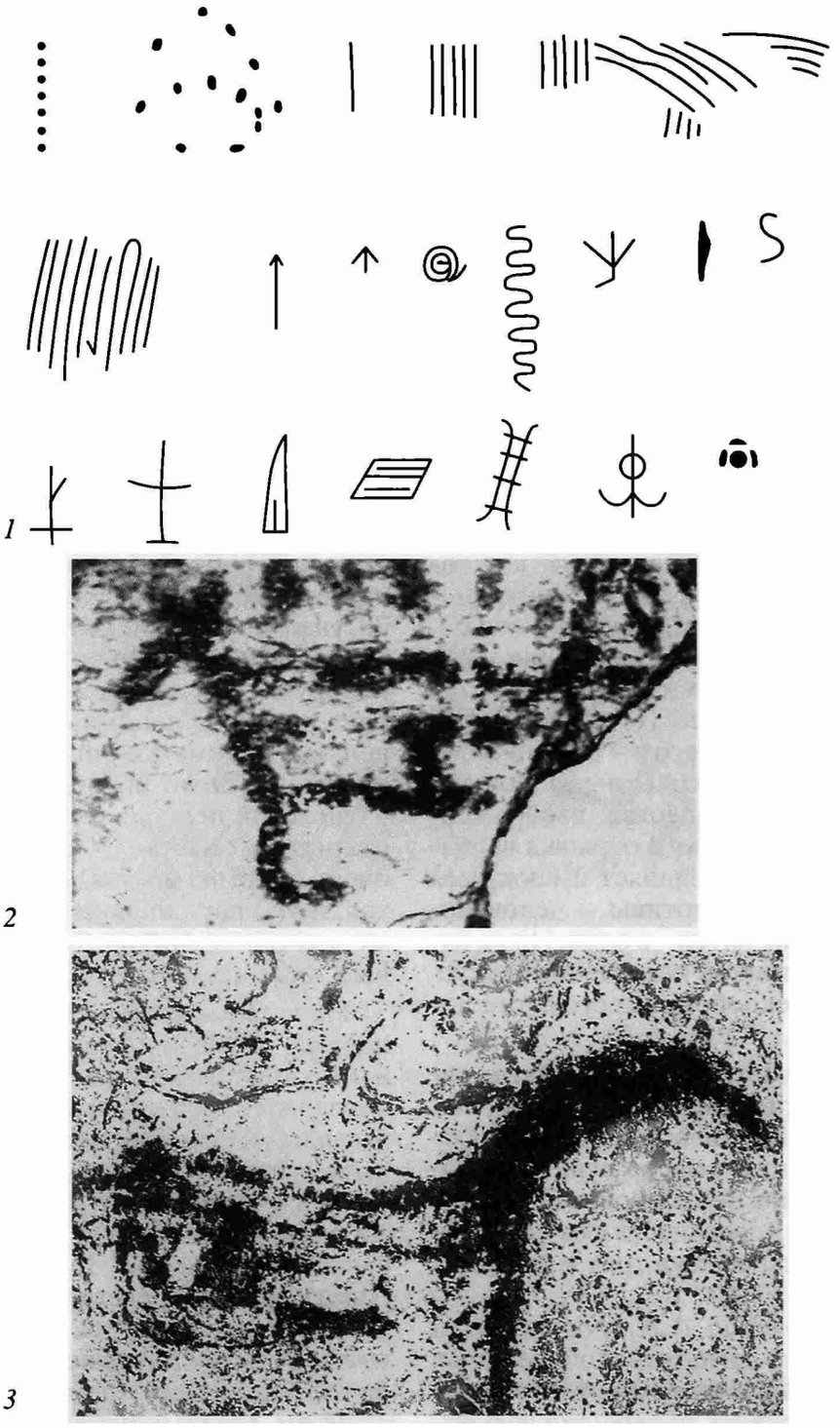


Рис. 4. Настенные изображения Игнатиевской пещеры. *1* – знаки; *2, 3* – рисунки животных.

щере накопились десятки тысяч наконечников стрел, которые были выпущены людьми во время каких-то обрядов. Для анализа была привлечена выборка из 145 костяных наконечников стрел с пазами для вкладышей из кремневых пластинок: эта категория наконечников с большой долей вероятности может быть отнесена только к мезолиту. Такая же категория наконечников, а также ножей и кинжалов – всего 32 предмета – была проанализирована из Шигирского торфяника. В результате оказалось, что близкими мотивами из репертуара знаков Игнатиевской пещеры и мезолитических коллекций являются только простейшие в виде штрихов, параллельных отрезков и волнистых линий (аналогии этим мотивам нетрудно отыскать, наверное, на любой территории распространения наскального искусства). Более сложные мотивы различаются. В связи с этим, на мой взгляд, полученные даты по пигменту черных рисунков предпочтительнее считать омоложенными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Косинцев П.А. История развития фауны крупных млекопитающих // Историческая экология животных гор Южного Урала. Свердловск, 1990.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

Петрин В.Т., Широков В.Н. Наскальные изображения Южноуральского региона (итоги и перспективы исследований) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.

Формозов А.А. О святилище в Игнатиевской пещере на Урале // Politropon. К семидесятилетию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.

Формозов А.А. О датировке росписей в Игнатиевской пещере на Урале // РА. 2000. № 1.

Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. Игнатиевская пещера: первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.

Kosintcev P.A. Formation and evolution of the Holocene fauna of megamammals in the Urals and West Siberia // The Holocene History of the European Vertebrate Fauna. Archaologie in Eurasia. 1999. Bd. 6.

Lorblanchet M. Les grottes ornees de la Prehistoire. Nouveaux regards. Paris, 1995.

Petrin V., Širokov V. Die Ignatievka-Hohle (Ural) // Zwei neue jungpalaeolithische Bilder-hohlen in Sudfrankreich und im Ural. Jahrbuch des RGZM. Jhrg. 38. Mainz, 1991.

Steelman K.L., Rowe M.W., Shirokov V.N., Southon J.R. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. 2002. V. 76.

Ščelinskij V.E., Širokov V.N. Hohlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteineitlichen Bilderhohlen im sudlichen Ural. Thorbecke, 1999.

The Problem of Chronology of Wall Paintings in the Ignatyevskaya Cave (First Radiocarbon Dates of Colour Pigment)

V. N. Shirokov

Summary

Three samples of wall paintings executed in charcoal in the Ignatyevskaya cave (the South Urals) underwent radiocarbon dating. With the regard to the results of the earlier investigations, the paintings' chronology was expected to be before 10000 BP. On one of the analysed paintings executed with black matter was shown a mammoth. Anyway, its date was much later, only 7370 ± 50 BP. A sample of the black pigment obtained from a radial line was also dated; it turned to be some centuries older than the mammoth image, 7920 ± 60 BP. Another black line has produced date 6030 ± 110 BP. We made an attempt to date also the red pigment obtained from a wonan's image, but it cuntained too little organic matter to establish a reliable radiocarbon date. The obtained direct dates of the black pigment from the Ignatyevskaya cave demonstrate a sharp contrast with the five dates produced by the earlier analyses of bones and charcoal from the cultural deposit. Their chronology was estimated as before 10000 BP. In the paper the problems of the cave images' chronology are discussed in relation with new AMS-dates and the critical articles by A.A. Formozov devoted to the chronology of the wall-paintings in the Ignatyevskaya cave.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 106–112

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ТЕЛЛЯ ПЛОСКАЯ МОГИЛА
(к проблеме хронологии энеолита и ранней бронзы во Фракии)

© 2006 г. О. А. Чичагова*, А. Л. Александровский*, В. И. Балабина**, Т. Н. Мишина**, Э. П. Зазовская*

* *Институт географии РАН, Москва*

** *Институт археологии РАН, Москва*

Проблема хронологии энеолита и ранней бронзы во Фракии в настоящее время достаточно актуальна в связи с появлением большого количества новых радиоуглеродных данных и их разной трактовкой. В связи с этим появилась необходимость обсудить полученный в различных лабораториях материал по радиоуглеродному датированию тепля Плоская могила, расположенного у с. Юнаците, недалеко от г. Пазарджика (Болгария). В настоящей работе мы представляем новую серию ^{14}C-дат, полученных в Радиоуглеродной лаборатории Института географии РАН (лабораторный индекс ИГАН) и Киевской радиоуглеродной лаборатории (лабораторный индекс Ki), и соотносим их с 25 датами для ВББ I–III тепля Плоская могила, выполненными ранее в берлинской лаборатории (Bln) (Gorsdorf, Bojadziev, 1996).

Культурно-хронологический интервал имеющихся дат охватывает ранний энеолит, средний энеолит, раннюю бронзу (РБВ), а также погребенную почву между энеолитом и РБВ.

В радиоуглеродной лаборатории ИГ РАН применяется сцинтилляционный метод измерения удельной активности радиоуглерода. В качестве носителя природного ^{14}C используется бензол из-за высокого содержания в его молекуле (92%) и хороших сцинтилляционных свойств (Арсланов, 1987). Измерение активности производится на сцинтилляционных жидкостных β-спектрометрах MARK-II фирмы Nuclear Chicago и ИГАН-3, -4; калибровка полученных результатов осуществляется по программе Четвертичной лаборатории Вашингтонского университета INTCAL-93 (Stuiver, Reimer, 1993).

Надежность радиоуглеродных дат зависит от того, синхронны ли датируемые образцы исследуемому событию, каковы условия их отбора и сохранность материала[1].

Традиционно наиболее надежным материалом для определения возраста и его интерпретации являются такие практически "закрытые" в отношении углеродного обмена системы, как уголь, древесина, торф, коллаген кости. Однако результаты, полученные и по этим материалам, дают отклонения от календарного возраста. Они могут быть обусловлены различными причинами. Так, внутренняя часть древесины долгорастущего дерева отличается по возрасту от внешней; изотопный состав углерода однолетних и некоторых многолетних растений подвержен фракционированию; изотопный состав углерода коллагена костей человек может варьировать в зависимости от диеты ("резервуарный эффект") и т.д. (Чичагова, Зазовская, 2004). Наиболее сложным для отбора и интерпретации ^{14}C-данных является органическое вещество (ОВ) погребенных почв и культурных слоев (КС), так как является "открытой" или "открыто-закрытой" для углеродного обмена системой и состоит из разных по строению и генезису фракций; оно подтверждено диагенетическим преобразованиям, связанным со временем и условиями погребения; возможно накопление ОВ в результате эолового привноса, эрозии, дефляции и пр. природных процессов (Чичагова, 1985; 1996; Alexandrovsky, Chichagova, 1998; Cherkinsky, Brovkin, 1993)[2].

В настоящее время калибровка радиоуглеродных данных является обязательной процедурой и позволяет переводить их из радиоуглеродной в календарную шкалу времени. Для большей части голоцена калибровка ведет к удревнению дат, а для рассматриваемого нами интервала времени – к их удревнению на 500–700 лет. Для уточнения калиброванных дат существует ряд методик (van der Plicht, 1999).

[1] Заметим, что радиоуглерод датирует органическое вещество исследуемого материала, а не событие. В археологических исследованиях часто встречаются долгоживущие материалы, например, древесина может иметь возраст в сотни лет, и важно, из какого участка взят образец на датирование. Для получения кондиционных дат необходимо тщательно привязать объект, из которого взят образец, к событию. Важно иметь непереотложенные, отражающие реальный возраст изучаемого слоя, образцы – дерево из остатков конструкций, уголь из закрытых очагов, кости животных in situ, погребенные почвы и т.п. Надо учитывать, что на памятниках может встречаться ископаемая древесина. Известны случаи переиспользования древесины ранних построек, когда она продолжает служить столетиями.

[2] При датировании органического вещества КС, погребенных почв и карбонатов, для большей достоверности полученных результатов важно иметь дополнительные характеристики исследуемых объектов – спорово-пыльцевые и палеопочвенные данные, результаты биоморфного анализа и др.

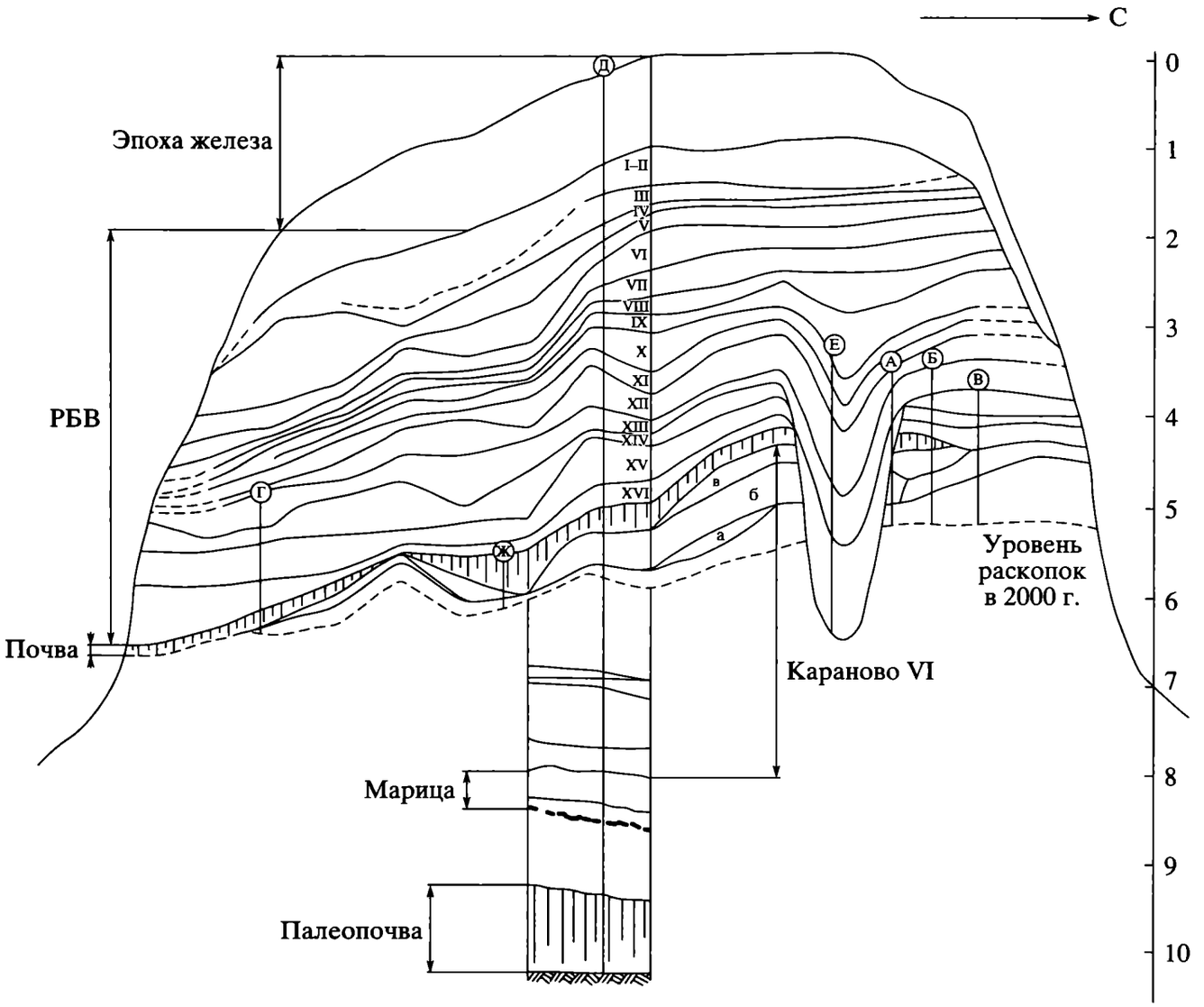


Рис. 1. Схема напластований телля Плоская могила в горизонтально сжатом масштабе (длина разреза центрального профиля памятника составляет 75 м). Римскими цифрами обозначены горизонты РБВ. А–Ж – колонки проб.

Напластования телля Плоская могила, расположенного во Фракии, формировались в течение тысячелетий – от энеолита до раннего средневековья. Они условно разделены на три пласта. Пласт "А" включает материалы эпохи железа (римское время и раннее средневековье). Пласт "Б" представляет собой 16 последовательных горизонтов эпохи ранней бронзы (РБВ). Пласт "В" относится к энеолиту, который представляют две последовательно развивавшиеся культуры: Марица (ранний энеолит) и Караново VI – Гумельница (средний энеолит)[3]. Следует отметить, что в верхних энеолитических горизонтах памятника наряду с материалами, относящимися к Караново VI, присутствуют также керамика и пластика культуры Селкуца III (Криводол). (Mazanova, 1992; Todorova, Mazanova, 2000)[4]. Между отложениями эпохи энеолита и РБВ I была выявлена погребенная почва, свидетельствующая о длительном хиатусе (Балабина и др., 2002; Balabina et al., 2003; Александровский и др., 2003).

Памятник исследовался Российско-болгарской экспедицией с 1982 по 2001 г. Толща изученных отложений превышает 6 м, при общей мощности культурного слоя более 9 м (рис. 1). Поверхность телля имеет отчетливый уклон с северо-запада на юго-восток, который в разной степени проявляется во всех нижележащих горизонтах и отчетливо виден на центральном профиле[5].

[3] В болгарской историографии культуры Караново VI–Гумельница и Селкуца III относят к позднему энеолиту, тогда как в отечественной литературе эти культуры в соответствии с трипольской шкалой попадают в средний энеолит.

[4] Телль Плоская могила находится в контактной зоне этих двух культур, поэтому сочетание их материалов не вызывает удивления. Однако характер этих контактов пока недостаточно прояснен.

[5] В связи с этим абсолютные нивелировочные отметки не всегда соответствуют стратиграфической позиции материалов, поэтому собранные по профилю и из раскопок угли были соотнесены именно с общей стратиграфией горизонтов энеолита – РБВ I.

Одной из проблем радиоуглеродного датирования является специфика различного углеродсодержащего материала, которая не всегда учитывалась при интерпретации археологических дат. В данной работе мы обсуждаем серию ^{14}С-дат, полученных по разным углеродсодержащим материалам. Десять дат получены по образцам угля и древесины (древесного тлена). Две даты сделаны по костям человека. Еще две даты получены по образцам погребенной почвы. Упомянем, что уже опубликованная серия дат для эпохи бронзы на Плоской могиле, тоже была сделана по разным растительным остаткам – угля и зернам/семенам. Обратимся к характеристике наших материалов.

Угли

Для анализа использовано 10 проб угля и древесины, которые принадлежат разновременным слоям энеолита – ранней бронзы и образуют три группы.

1 – пробы из колонки "Д" на центральном профиле памятника[6], взятые на нескольких уровнях. Одна из них (№ 24) относится к культуре Марица (нижняя дневная поверхность); вторая (№ 22, из шурфа) предположительно принадлежит культуре Караново VI (постройка "Б"); третья соответствует IX–VIII горизонтам РБВ II (№ 1).

2 – пробы из центрального профиля вне колонки "Д" принадлежат раннебронзовым горизонтам XVI (№ 9), XVI–XV (№ 5), X–IX (№ 2);

3 – пробы из постройки 12 (Караново VI – Селкуца III) – № 15, 17, 18, 20.

Было сделано ботаническое определение всех перечисленных образцов угля. Оказалось, что большинство из них содержит древесину разных пород деревьев. Приведем эти данные, поскольку в будущем, по мере накопления материала и совершенствования методик, подобная информация может оказаться полезной.

1. Пробы из колонки "Д": № 1 (угли) – дуб, бук, тополь; № 22 (угли) – бук, вяз, каштан, клен, дуб; № 24 (угли) – дуб, клен, каштан, вяз.

2. Пробы из центрального профиля вне колонки "Д": № 2 (угли) – дуб, вяз, тополь; № 5 (угли) – дуб, вяз; № 9 (угли) – дуб, клен, каштан, бук, вяз.

3. Материалы из жилища 12: № 15 (угли) – дуб; № 17 (древесный тлен) – вяз, дуб; № 18, 20 (древесный тлен) – дуб.

Кости человека

Для датирования были использованы кости их верхних энеолитических отложений. Эти пробы имеют разный археологический контекст, поскольку финалу энеолита на памятнике соответствуют несколько стратиграфических горизонтов. Один из них выявлен по всей раскапываемой площади (горизонт "а") с явными следами разрушений, пожаров. К горизонту "а" принадлежит группа единовременно разрушенных построек (жилища № 1–4, 12), под руинами которых оказались погребены останки их обитателей – скелеты взрослых детей. Именно к этой группе относится скелет № 72, плечевая кость от которого использована для образца № 26 (мужчина 25–35 лет)[7]. На уровне, близком к дневной поверхности горизонта "а", была выявлена серия погребений в неглубоких ямах. Некоторые из них имели сопутствующий инвентарь (Мацанова, 2000). Сюда входит погребение № 66, принадлежавшие женщине 30–39 лет, две ключицы которой были использованы для датирования – проба № 27[8].

Подготовка проб угля, древесного тлена и коллагена для синтеза бензола были проведены по традиционным методикам в лаборатории Института географии РАН (Арсланов, 1987; Чичагова, 1985; Чичагова, Черкинский, 1988; Сулержицкий, 1997).

Почвенные пробы

Между пластами энеолита и РБВ I на всем протяжении центрального профиля телля выявлена погребенная почва (рис. 1). Она формировалась на культурном слое эпохи энеолита и в значительной степени его переработала, поэтому включает археологический материал. Погребенная почва состоит из гумусового горизонта А и переходного горизонта АВ. Горизонт А имеет темнобурый цвет и характерную комковатую структуру. Нижележащий переходный горизонт АВ более светлой окраски, чем А, но также оструктуренный (комковатый), постепенно переходит по цвету к подстилающему культурному слою (Александровский и др., 2003). Для датирования были взяты две пробы погребенной почвы из колонки "Ж" на центральном профиле памятника[9]. Проба № 28 соответствует гумусовому горизонту А1, проба № 29 – горизонту А1–2. Препараты гуминовых кислот из погребенных почв были датированы в Киевской лаборатории с использованием метода вакуумного пиролиза (Ковалюх, Скрипкин, 2004). Калибровка для почв проводилась по сглаженной кривой (Stuiver, Reimer, 1993).

Наиболее кондиционными для датирования данного объекта оказались угли и костный материал. По ним получены ^{14}С-даты, соответствующие стратиграфическому положению горизонтов/прослоев (таблица). Отметим, что даты для эпохи энеолита на Плоской могиле получены впервые (по углю и костям человека) (рис. 2).

Калиброванные даты для углей выстраиваются следующим образом: раннеэнеолитическая

[6] Полное стратиграфическое описание колонки "Д" на телле Плоская могила опубликовано (Александровский и др., 2003).

[7] Определение выполнено А.П. Бужиловой.

[8] Определение выполнено А.П. Бужиловой.

[9] Полное стратиграфическое описание колонки "Ж" находится в публикации (Киселева и др., в печати).

Результаты радиоуглеродного датирования образцов из телля Плоская могила

Лабораторный № образца	№ образца	Глубина от репера	Стратиграфическая привязка	Материал	Радиоуглеродный возраст, лет назад	Интервал калиброванного возраста и калиброванный возраст (в скобках), на 1σ: *Cal* BC-лет до н.э., *Cal* BP-лет назад, *Cal* AD – год н.э.
ИГАН-2798	1	3.30–3.50	РБВ, Горизонт VIII–IX	Уголь	4180 ± 250	*Cal* BC 3076 (2868, 2805, 2770, 2719, 2703) 2457 *Cal* BP 5026 (4817, 4754, 4719, 4668, 4652) 4407
ИГАН-2799	2	3.30–3.60	РБВ, Горизонт IX–X	Уголь	4070 ± 150	*Cal* BC 2877 (2582) 2409 *Cal* BP 4827 (4531) 4359
ИГАН-2795	5	5.00	РБВ, Горизонт XV–XVI	Уголь	4090 ± 60	*Cal* BC 2860 (2611) 2500 *Cal* BP 4810 (4560) 4450
ИГАН-2794	9	5.00	РБВ, горизонт XVI	Уголь	4380 ± 70	*Cal* BC 3092 (3015, 2998, 2926) 2911 *Cal* BP 5042 (4964, 4947, 4875) 4861
ИГАН-2800	15	5.37–5.41	РБВ, горизонт XVI	Уголь	5460 ± 170	*Cal* BC 4462 (4334) 4048 *Cal* BP 6412 (6283) 5998
ИГАН-2796	17	5.30	Энеолит, горизонт "А" (Караново VI)	Древесный тлен	5650 ± 90	*Cal* BC 4564 (4466) 4363 *Cal* BP 6514 (6415) 6313
ИГАН-2797	18	5.52	Энеолит, горизонт "А" (Караново VI)	Древесный тлен	5560 ± 70	*Cal* BC 4462 (4432, 4429, 4363) 4342 *Cal* BP 6412 (6381, 6378, 6312) 6292
ИГАН-2793	20	5.45	Энеолит, горизонт "А" (Караново VI)	Древесный тлен	5410 ± 70	*Cal* BC 4340 (4315, 4298, 4254) 4159 *Cal* BP 6290 (6264, 6247, 6203) 6109
ИГАН-2801	22	7.08–7.40	Энеолит, постройка "Б" (Караново VI)	Уголь	5890 ± 190	*Cal* BC 4950 (4779) 4529 *Cal* BP 6900 (6728) 6479
ИГАН-2802	24	8.55–8.59	Энеолит, нижняя дневная поверхность (Марица)	Уголь	6050 ± 140	*Cal* BC 5202 (4938) 4787 *Cal* BP 7152 (6887) 6737
ИГАН-2943	27	6.71–6.86	Энеолит, погребение № 66 (Караново VI)	Кость	5520 ± 160	*Cal* BC 4508 (4351) 4228 *Cal* BP 6298 (6300) 6178
ИГАН-2944	26	5.17	Энеолит, горизонт "А" скелет № 72 (Караново VI)	Кость	5380 ± 130	*Cal* BC 4348 (4237) 4006 *Cal* BP 6458 (6186) 5956
Ki-10435	28	–5.05–5.12[10]	Колонка "Ж" (погребенная почва)	Почва A1	5190 ± 70	*Cal* BC 4219–4201; 4159–4151; 4139–4127; 4047–3941; 3855–3851; 3841–3821
Ki-10437	29	5.15–5.12[11]	Колонка "Ж" (погребенная почва)	Почва A1-2	6120 ± 70	*Cal* BC 5207–5175; 5143–5113; 5079–4941; 4869–4850

культура Марица попадает в интервал (BC) 4787–5202; культура Караново VI эпохи среднего энеолита – 4048–4462, 4159–4340, 4342–4462, 4363–4564, 4529–4950. Все даты финала Караново VI по углю (взятые из одного горизонта) ложатся компактно. Даты для раннебронзовых горизонтов XVI, XV, IX, VIII попадают в интервал 2500–2860.

Калиброванные даты для коллагена (по костям человека) дают два интервала (BC) 4348–4006 и 4508–4228 и попадают в интервал культуры Караново VI эпохи среднего энеолита. Обе даты по костям вполне соответствуют датам по углю, что указывает на отсутствие "резервуарного эффекта" (по крайней мере, для них).

Обе калиброванные даты по гумусу из почвы получились слишком древними. Они дают два интервала BC – 3821–4219 и 4859–5207. Только одна из этих дат (для верхнего почвенного горизонта A1 – проба № 28) отчасти соответствует времени хиатуса. Вторая дата (для горизонта A1–2 – проба № 29) оказалась значительно древнее этого ин-

[10] Глубина образца соотнесена с колонкой "Д".
[11] Глубина образца соотнесена с колонкой "Д".

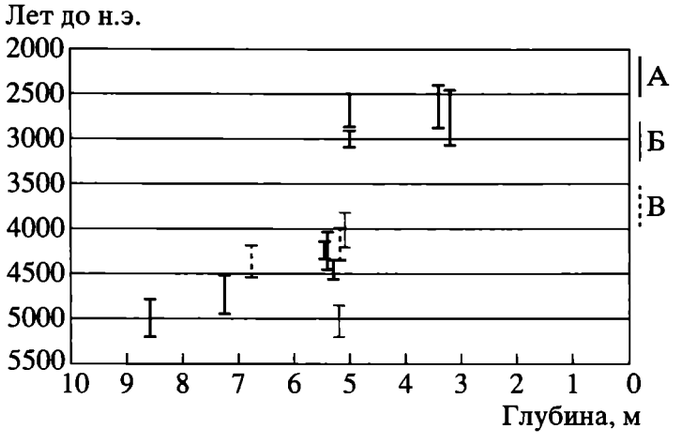


Рис. 2. Стратиграфическое распределение новых дат для телля Плоская могила, полученных по разному углеродсодержащему материалу. А – уголь; В – кости человека; В – почва.

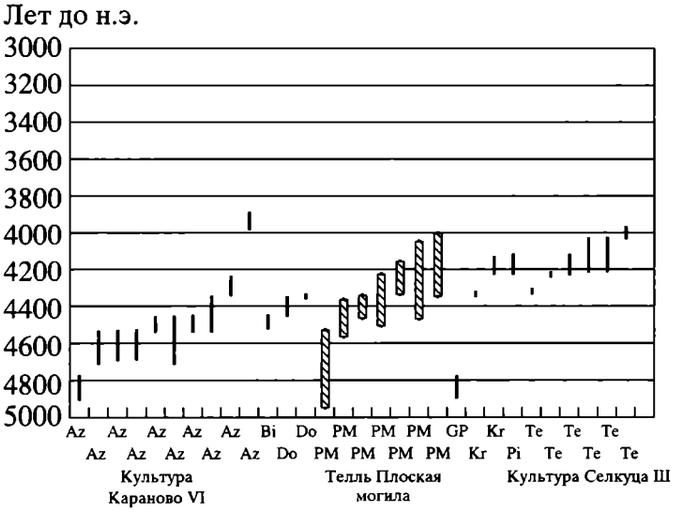


Рис. 3. Соотношение среднеэнеолитических дат на Плоской могиле с датами для культур Караново VI (во Фракии) и Селкуца III (Криводол). Памятники культуры Караново VI: *Az* – телль Азмак IV; *Bi* – Биково; *Do* – Долнослав; *PM* – Плоская могила. Памятники культуры Селкуца III (Криводол): *GP* – Голяма Пештера; *Pi* – Пипра; *Kr* – Криводол; *Te* – Телиш-Редуты III.

тервала (таблица, рис. 2). Столь древний возраст гуминовых кислот в какой-то мере может быть объяснен влиянием гумуса, унаследованного от культурного слоя и прежних эпох почвообразования. В верхнем горизонте почвы А1 гумус, образовавшийся в течение хиатуса, количественно преобладает над унаследованным. В горизонте же А1–2 роль последнего оказалась значительно выше. Возможно, поэтому здесь возраст гумуса оказался более древним.

Попробуем сопоставить новые даты с уже опубликованными. Это можно сделать для культуры Марица и для двух культур, сосуществовавших в среднем энеолите – Каранов VI и Селкуца III, поскольку телль Плоская могила находится в их контактной зоне. Кроме того, новые даты для РБВ I–II

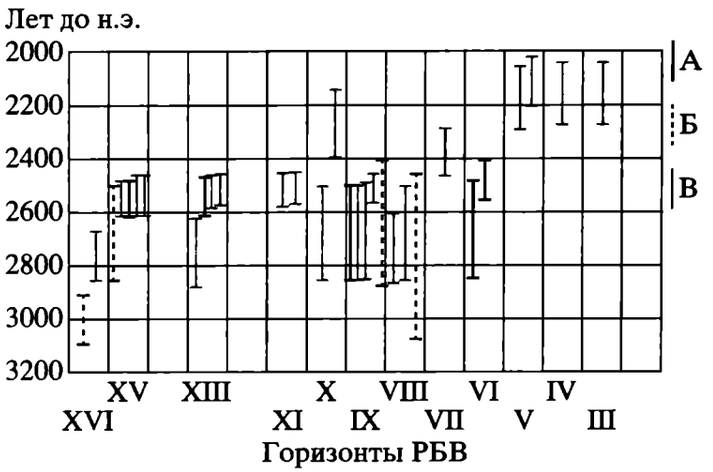


Рис. 4. Серия раннебронзовых дат для телля Плоская могила, полученных по разному углеродсодержащему материалу. А – уголь, даты Bln; Б – уголь даты ИГАН; В – зерна/семена, даты Bln.

на Плоской могиле необходимо соотнести с уже имеющейся серией дат для этого памятника.

1. Единственная пока у нас дата для раннеэнеолитической культуры Марица вписывается в интервал дат для этой культуры (4787–5202 – ИГАН; 4550–4900 – Bln) (Черных, Орловская, 2004).

2. Из ряда датированных памятников времени Караново VI мы выбрали несколько фракийских: Долнослав – 2 даты, телль Азмак (Азмашка могила), IV стратиграфический горизонт – 10 дат, Биково (Дончева могила) – 1 дата. В нашей выборке присутствуют следующие датированные памятники культуры Селкуца III: Телиш-Редуты, слой III – 7 дат, Криводол – 2 даты, Пипра – 1 дата, Голяма Пештера – 1 дата. С этими двумя выборками были сопоставлены 7 дат среднего энеолита на Плоской могиле, сделанные по углю и костям человека (рис. 3).

Даты среднего энеолита на Плоской могиле соответствуют распределению дат для культуры Караново VI на других фракийских памятниках. Соответствуют наши даты и датам для Селкуцы III. Однако даты этой культуры в целом оказываются несколько моложе представленной серии дат Караново VI.

3. Теперь остановимся на датах эпохи ранней бронзы. Прежде всего, новые даты для этого периода на Плоской могиле хорошо увязываются с уже имеющимися (Gorsdorf, Bojadziev, 1996; Nikolova, 1999 (2000)) и легли так же компактно (рис. 4). Столь четкое согласование результатов работ двух лабораторий повышает надежность дат для эпохи энеолита на Плоской могиле, сделанных впервые.

В целом большинство дат XVI–VIII горизонтов попадает в один интервал: 3200–2400. Возможно, эта ситуация отражает специфику сложения данных горизонтов, относящихся к РБВ I–II.

Уже опубликованные даты по РБВ для Плоской могилы были выполнены по разному углеродсодержащему материалу (Gorsdorf, Bojadziev, 1996). Преимущественно использовались зерна/семена растений (21 дата). По углю и древесному тлену были получены четыре даты. Таким образом, с учетом четырех новых дат можно сопоставить две серии – даты по зернам/семенам (21) и по углю (8). Как видно на рис. 4, даты по зернам/семенам в ряде случаев оказываются несколько моложе дат по углю, полученных для одних и тех же стратиграфических горизонтов – VI, IX, XV, XVI. Эту закономерность уже отмечали на других памятниках и объясняют тем, что зерна и семена, в отличие от древесины, не являются долгоживущими материалами и изотопный состав их углерода больше подвержен фракционированию (Streurman et al., 1994).

Новая серия дат для телля Плоская могила образует хронологическую колонку, охватывающую ранний энеолит, средний энеолит, РБВ, а также хиатус между ними. Особенно отчетливо это заметно по углям, что связано с преобладанием данного материала в наших исследованиях (рис. 2). К сожалению, даты по образцам погребенной почвы оказались неудачными. Однако даты, полученные нами по углям для финала энеолита и нижних горизонтов РБВ, свидетельствуют о том, что почва, погребенная между этими пластами, формировалась более 800 лет (4048–3092 BC *Cal*) (рис. 2).

Поскольку компактно ложащиеся даты финала энеолита на Плоской могиле (по углю и костям человека) не противоречат датам финала Караново VI на разных фракийских памятниках (рис. 3), можно констатировать, что все они тоже (но уже регионально) подтверждают нижнюю границу хиатуса между энеолитом и РБВ I. Верхнюю же границу хиатуса во Фракии помимо раннебронзовых дат телля Плоская могила (рис. 4) маркируют РБВ I даты для Эзеро, Новой Загоры (Bojadziev, 1998).

Финалу энеолита на Плоской могиле соответствует фаза III культуры Селкуца (Криводол), которая распространена в основном за пределами Фракии. Однако отмечают, что эта ее фаза и следующая – IV – генетически не связаны. В частности, на ближайшем к Плоском могиле памятнике культуры Селкуца – Телиш-Редуты, фаза III (средний энеолит) и IV (РБВ I) разнокультурны, хотя по стратиграфическим данным хиатус между ними выявлен не был (Гергов, 1992; 2004[12]). Не исключено, что впоследствии, по мере накопления материала, здесь тоже уточнится диапазон хронологического разрыва.

Скорее всего прослеженная на Плоской могиле погребенная почва отражает явление регионального значения – продолжительный хиатус (по археологическим материалам) был выявлен и на некоторых других теллях Фракии и сопредельных территорий (Тодорова, 1986. С. 39. Табл. 4–18; Todorova, 2002. S. 49, 50). Глобальный характер наблюдаемого разрыва между концом энеолита и началом РБВ становится все более очевидным. Большие серии радиоуглеродных дат позволяют его зафиксировать не только во Фракии (Авилова, Орловская, 2003). Не исключено, что по мере накопления материала эта ситуация увяжется с результатами палеоклиматических реконструкций.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02-00-175а, и программы "Этнокультурное взаимодействие народов Евразии".

[12]В этой работе автор приводит некалиброванные даты. В нашей табл. 3 они откалиброваны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Радиоуглеродный метод и проблемы датирования бронзового века // КСИА. 2003. Вып. 214.

Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н. Материалы к истории палеоландшафта верхнего течения реки Марицы в среднем голоцене // Добруджа. 2003. В. 21.

Арсланов Х.А. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л., 1987.

Балабина В., Мацанова В., Мерперт Н. и др. Относителна хронология на пластовете от късния халколит и ранната бронзова епоха на селищна могила Юнаците (по данни на микростратиграфията и планиграфията) // Годишник на археологически музей Пловдив. Т. IX/1. Пловдив, 2002.

Гергов В. Доисторическое поселение Телиш-Редуты // SP. 1992. № 11–12.

Гергов В. Телиш-Редуты: синхронизация със селища в Тракия // Праисторическа Тракия. София; Стара Загора, 2004.

Киселева Н.К., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Переладов А.М. Особенности формирования фитолитного и диатомового спектров культурного слоя телля "Плоская могила" // Opus. 2005. № 4.

Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Метод вакуумного пиролиза (^{14}С-датирование малых проб с применением ускорителя) // Естественно-научные методы исследования культурных слоев древних поселений. М., 2004.

Мацанова В. Интрамурални погребения от късния хаолколит в селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Тракия и съседните райони през неолита и халколита. София, 2000.

Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология мамонтов Сибири и Северо-Восточной Европы (как субстрата для расселения человека) // Человек заселяет планету Земля. М., 1997.

Тодорова Х. Каменно-медната епоха в България. София, 1986.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА. 2004. № 4.

Чичагова О.А. Радиоуглеродное датирование гумуса почв. М., 1985.

Чичагова О.А. Современные направления радиоуглеродных исследований органического вещества почв // Почвоведение. 1996. № 1.

Чичагова О.А., Зазовская Э.П. Радиоуглеродный метод // Естественно-научные методы исследования культурных слоев древних поселений. М., 2004.

Чичагова О.А., Черкинский А.Е. Радиоуглеродные исследования в географии. М., 1988.

Alexandrovsky A.L., Chichagova O.A. The ^{14}C Age of Humic Substances in Paleosols // Radiocarbon. 1998. V. 40. № 2.

Balabina V.I., Mishina T.N., Alexandrovskiy A.L. Interdisciplinary studies of soils and sediments of tell Yunacite, Bulgaria // Second International Conference on Soils and Archaeology. Extended Abstracts. Pisa, 2003.

Bojadziev J. Radiocarbon Dating from Southeastern Europe and the cultural processes during the Fourth Millennium BC // The Steps of James Harvey Gaul. V. 1. Sofia, 1998.

Cherkinsky A.E., Brovkin V.A. Dynamics of radiocarbon in soils // Radiocarbon. 1993. V. 35. № 3.

Gorsdorf J., Bojadziev J. Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte // Eurasia Antiqua. 1996. Bd. 2.

Mazanova V. Tellsiedlung Junazite – die Spätkupferzeit // SP. 1992. № 11–12.

Nikolova L. The Yunatsite culture // RPRP. 1999 (2000). V. 2–3.

Streurman H.J., Aerts-Bijma A.T., van der Plicht J., Spriensma J.J. ^{14}C dating (PR-02) // Scienctific report 1992–1994. Centre for isotope research. Groningen, 1994.

Stuiver M., Reimer P.J. Radiocarbon Calibrating Programm Rev. 3.0.3 // Radiocarbon. 1993. V. 35.

Todorova H. Chronologie, horizontale Stratigrafhie und Befunde // Durankulak. Die prähistorishen Gräberfelder. Bd. II. T. 1. Sofia, 2002.

Todorova N., Mazanova V. Late Chalcolithic Ceramic Style at Yunatsite Tell (Approach to the Systematization of the Ceramics from the Newly Excavated Levels) // BAR. 2000. IS 854.

van der Plicht J. Calibration of the ^{14}C time scale: the present status and prospects beyond the Holocene boundary // International Workshop on Isotope-Geochemical Research in the Baltic Region (Lohusalu, Estonia, 1996). Groningen, 1999.

Radiocarbon Chronology of the Tell Ploskaya Mogila (Concerning the Problem of Chronology of the Eneolithic and the Early Bronze Age in Thrace)

O. A. Chichagova, A. L. Aleksandrovsky, V. I. Balabina, T. N. Mishina, E. P. Zazovskaya

Summary

In the work a new series of 14 radiocarbon dates from the Thracian tell Ploskaya mogila (Yunatsite) is published. The samples of different organic-containing matters (charcoal, human bones, buried soil) were dated in the Laboratory of the Institute of Geography, RAS (GIN) and the Kiev Radiocarbon Laboratory (Ki). The new dates were compared with the 25 dates from the same site obtained earlier in the Berlin Laboratory (Bln). The site's cultural deposits were formed during millennia-long period lasting from the Eneolithic till the Early Middle Ages. Compressed between the Eneolithic deposit and that attributed to the Early Bronze Age a layer of buried soil has been revealed. It indicates a protracted chronological hiatus (Fig. 1). The best materials for dating turned to be charcoals and bones. They have produced ^{14}C dates correlating with the stratigraphic position of habitation horizons/interlayers (see Table). The new series of dates forms a chronological column covering the Early and the Middle Eneolithic and the EBA. The dates obtained from the Late Eneolithic and the lowermost horizons of the EBA I evidence that the buried soil separating them was formed for over 800 year-long period (4048–3092 BC *Cal*) (Fig. 2). These dates correspond to the published data on the two contemporary cultures of the Middle Eneolithic – Karanovo VI and Salcuta III (which is quite natural, since the tell Ploskaya mogila is disposed in the contact zone – Fig. 3), and the EBA radiocarbon dates from the tell Ploskaya mogila obtained before (Fig. 4).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 113–120

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

ЯМНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В СВЕТЕ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

© 2006 г. С. В. Иванова

Институт археологии НАН Украины

К настоящему времени опубликованы значительные серии радиоуглеродных дат из различных регионов, традиционно соотносимых с ямной культурой (культурно-исторической общностью). Они заставляют несколько пересмотреть датировку раннего этапа ямной культуры в сторону удревнения (Черных и др., 2000; Трифонов, 2001. С. 71–82). Следует учесть и датировку репинской культуры. Исследователи приходят к выводу о том, что выделение ее неправомерно и соотносимые с нею материалы следует отнести к ямной культуре (Николова, 2002). При этом наиболее ранние ямные даты оказались сосредоточены в периферийных районах общности (Черных, Орловская, 2004. Рис. 2). Е.Н. Черных обратил внимание на то, что эти данные противоречат доминирующей в археологии точке зрения Н.Я. Мерперта о характере и направлениях экспансии ямных племен (Мерперт, 1974. Рис. 1).

100 лет назад В.А. Городцовым была выделена его знаменитая триада: ямная, катакомбная и срубная культуры (1905). Со временем, с накоплением археологических данных выясняется, что понятие "ямная культура" является гораздо более широким, нежели это представлялось первооткрывателю. Это заставило исследователей искать новые дефиниции, которые могли бы адекватно отразить сущность этого масштабного явления.

Н.Я Мерперт выделяет ямную культурно-историческую область, внутри которой намечаются определенные варианты (1974). Практически одновременно с Н.Я. Мерпертом В.Н. Даниленко вводит понятие "этно-культурная область" (1974). Эти понятия неадекватные, но допускающие различное происхождение каждой культуры или варианта, входящего в КИО. О.Г. Шапошникова впервые употребляет термин "ямная культурно-историческая общность" (1985. С. 336), которое затем начинает восприниматься в литературе как синоним понятия "область". За последние тридцать лет число локальных вариантов и групп ямной КИО существенно увеличилось (Шапошникова и др., 1986; Рычков, 1990; Николова, 1992; Турецкий, 1999 и др.)[1]. Гомогенность и генетическое единство ямной культурно-исторической области становятся все менее очевидными.

Заметим, что выделение отдельных культур обычно основывается на своеобразии их материального комплекса. Наиболее выразительной в этом аспекте является керамика, ее форма и орнаментация, отражающие прежде всего собственно культурные признаки и межкультурные связи. Анализ технологии изготовления, декора и семантики орнаментальных мотивов керамической посуды дает основание и для выводов об этнической принадлежности тех или иных археологических культур (Етнічна історія..., 2000. С. 17). Характерно, что многие культуры дописьменных эпох получили свое название по ярким особенностям и характерным чертам именно посуды: линейно-ленточной керамики, воронковидных кубков, шаровидных амфор, многоваликовой керамики, общность культур шнуровой керамики и т.п.

При рассмотрении ямной КИО, напротив, основной акцент делается на погребальный ритуал, его унификацию на огромной территории. Способ погребения несет в себе значительную мировоззренческую, идеологическую, социальную нагрузку (Массон, 1976). Инвентарь же, помимо прочих аспектов, чаще всего служит культурной (или этнокультурной) дефиницией. В отношении ямной культуры мы видим проявляющееся несоответствие: основным признаком, позволяющим отнести памятники к ямной культуре, выступает как раз способ захоронения. Когда же рассматривается инвентарь как погребальных, так и редких бытовых комплексов, вырисовывается пестрая и неоднозначная картина.

[1] Даже в относительно компактной зоне степной Украины учтено 12 территориальных вариантов, выделенных на основании формализации и анализа структурных элементов погребальной обрядности (курган, погребение, останки погребенного и сопровождающие его атрибуты, погребальный инвентарь) (Николова, 1992. С. 7, 8). Впрочем, число их все увеличивается за счет более дробного членения уже имеющихся (Тесленко, 1999; Санжаров, 2001. С. 43; Братченко, 2001. С. 214).

Отличия между выделяемыми территориальными группами ямной КИО фиксируются прежде всего в материальной культуре, особенно – в керамике и ее типологии. Общая классификация керамики, проделанная исследователями, позволила им выделить макроструктуры (классы) разного характера, которые отражают разную степень близости. Классы включают в себя несколько кластеров или представлены отдельными кластерами, не объединенными с другими. Выделенные (на основе степени сходства керамики) регионы не совпадают с традиционными локальными вариантами (Николова, Мамчич, 1997). Наряду с "общностью территории" (распространением отдельных черт на широком пространстве) в ямной культуре наблюдается и различие – сосредоточенность отдельных черт в определенной местности. Помимо локальных особенностей отмечается и неравномерность в социальном и экономическом развитии различных племен ямной культуры. В частности, определенным социальным центром считают Северо-Западное Причерноморье, где концентрируются престижные артефакты, особенности погребального ритуала (Пустовалов, 2000. С. 100). Еще один крупный центр выделяет Н.А. Рычков в регионе между нижним течением Южного Буга и Днепра. Он предполагает существование и других подобных центров (Рычков, 2002. С. 61–63). Различные методические разработки исследователей позволяют им прийти к разным, порой не согласующимся выводам. На наш взгляд, ситуация отражает тот факт, что ямная культура (в общепринятом смысле) не представляет собой целостного явления – ни в археологическом, ни в культурологическом контексте[2].

Включаемые в нее элементы различны по своей сути. Она не может рассматриваться ни как этнокультурный организм, ни как совокупность составляющих ее локальных вариантов. Ее структура на разных уровнях (материальная культура, этнические процессы, социальное устройство) несопоставима. В зависимости от смещения акцентов выделяются различные варианты или территориальные группы, не сводимые к общему знаменателю. "Ямную культуру" следует рассматривать как мозаичный блок, где каждая группа на фоне типологических (временных и этнокультурных) различий имела свои традиции и судьбу. Впрочем, и Н.Я. Мерперт, выделяя ямную культурно-историческую область, отмечает, что уже сами размеры ее территории исключают возможность сколько-нибудь полного культурного единства (1974).

Основополагающим при включении памятников в ямную КИО являются, таким образом, прежде всего признаки мировоззренческого уровня, отраженные в единообразии погребального ритуала. Черты материальной культуры на всей территории имеют резкие отличия (Васильев и др., 2000; Субботин, 2000; Сиволап, 1999; Тесленко, 1999; Тощев, 2003 и др.) Эти положения заставляют нас усомниться в существовании ямной культуры как таковой, ямной культурно-исторической области или общности.

По мнению исследователей, с появлением в Причерноморских степях носителей ямной культуры связывается период культурной интеграции эпохи ранней бронзы, наиболее продолжительный и стабильный. Основой ее формирования были внутренние причины, которые привели к определенной унификации общеисторической картины. На месте позднеэнеолитической раздробленности появляется мощная этнокультурная общность (ямная КИО) с очень унифицированными чертами ритуала, общность, расселившаяся на огромной территории – от Приуралья на востоке до р. Тиссы на западе. Эта общность отмечена расцветом курганного строительства, распространением колесного транспорта, строительством в Поднепровье укрепленных поселений. Материальная же культура по сравнению с энеолитическим временем характеризуется существенной деградацией. Ю.Я. Рассамакин отдает предпочтение эколого-хозяйственной модели, согласно которой именно экологическая ситуация повлекла за собой не только хозяйственную, но и культурную трансформацию. При этом автор не исключает влияние внешних факторов, как с Востока, так и с Запада. Основные черты ямной культуры, по его мнению, не дают возможности утверждать последовательность и постепенность перехода от энеолита к раннему бронзовому веку. Этот переход фиксируется исследователем как исторический скачок, который трудно объяснить чисто археологическими данными. В силу определенных причин территориально ограниченные хозяйственные системы превратились в специализированные пастушеские системы бронзового века. В данной ситуации общность хозяйственного уклада могла определяться общей палеоэкологической ситуацией (Рассамакин, 1995. С. 48, 49).

Исследователи отмечают существование ямных племен на фоне суббореального периода голоцена, который характеризуется похолоданием, уменьшением количества осадков, аридизацией климата (Кременецкий, 1997). Полагают, что в такой ситуации был закономерным переход первобытных скотоводов к более подвижным формам хозяйства. Ямное население заняло практически все свободные экологические ниши не только степи, но и лесостепи. Можно говорить о развитом у них отгонном типе животноводства с подвижно-оседлым способом жизни и сезонным выпасом стад на пастбище (Рассамакин, 1995).

Но можно ли считать этот процесс скачком, учитывая, что мобильные племена, хозяйство ко-

[2] Отметим мнение Э.С. Маркаряна, согласно которому культура есть способ деятельности социальной системы (1980. С. 64).

торых имело уже специализированный скотоводческий характер, появляются в причерноморских степях в начале энеолитической эпохи? И в какой степени культурные изменения могли быть детерминированы климатическими условиями? К тому же территория, соотносимая с ямной КИО являлась трансландшафтной, следовательно, и климатические изменения в ней были различны. При сохранении общей тенденции, процессы аридизации были неодновременными. Поэтому на разных территориях формирование ямных памятников происходит в разных климатических условиях. К тому же в разной географической среде как атлантический оптимум, так и суббореальная аридизация проявлялись по-разному[3].

На вторую половину атлантического периода (6000–4500 л.н., или около 4910/4805 – 3340/3100 лет до н.э. по калиброванным датам) приходится климатический оптимум. По данным палеопочвенных исследований, время аридизации климата в степной зоне определяется между 4500 и 3500 л.н. (3340/3100 – 1880/1770 ВС) с максимумом аридизации между 4200 и 3700 л.н. (2880/2710 – 2135/2035 ВС). Максимальная аридизация в Приазовье и на Украине датируется временем около 3700 л.н. (2135/2035 ВС). В бассейне Дона аридизация климата стала ощущаться после 4200 л.н. (2880/2710 ВС), наибольшее усиление континентальности проявилось в период между 4200 и 3700 л.н. (2880/2710 – 2135/2035 ВС) (Кременецкий, 1997. С. 43, 44). Эти даты не совпадают с начальными датами ямных памятников в регионах (Черных, Орловская, 2004. Рис. 2).

Исследователи полагают, что негативные изменения в природной обстановке могли вызвать, в первую очередь, популяционные изменения, что привело бы к заметным переменам в культурном массиве (уменьшение занимаемой площади, сегментация демографического массива и т.п.). Все хозяйственные и внутрикультурные трансформации происходили бы в пределах занятого ареала, ресурсы ландшафтов которого используются максимально, и снижение их продуктивности не может рассматриваться в качестве причин перемещения населения, тем более культурных массивов, на другие территории, в иные ландшафты. Поводами к таким заметным перемещениям крупных социально-этнических групп, фиксируемых письменными источниками в более поздние периоды, всегда служат конкретные события, ставшие причинами подвижек, которым, как правило, не сопутствуют массовые материальные отражения. В традиционном анализе процессов более ранних, дописьменных периодов, масштаб события непостижим в принципе. Тем более в качестве таких событий не могут рассматриваться природные изменения, в том числе и неблагоприятные, сколь бы быстрыми они ни представлялись современному исследователю. В случае нарастания неблагоприятных изменений ландшафтно-климатического характера первым следствием будет не перемещение населения, а процесс угнетения популяции (уменьшение численности, изменение связей и т.п.). Предположения об оттоках населения из какой-то части культурного ареала в другую допустимы, но мало вероятны (Барынкин, 2002. С. 54–57).

Следовательно, широкое распространение в причерноморских степях погребальных памятниках с унифицированным, "ямным", ритуалом, все же не стоит объяснять исключительно ухудшением экологической ситуации. В то же время и данные антропологии опровергают существование в степной зоне Украины масштабных миграций или перемещений, с которыми традиционно связывалось распространение ямной культуры на столь обширной территории. С.И. Круц считает, что почти все антропологические типы энеолита и бронзового века Украины имеют местные, но разные корни. Динамика развития их во времени не дает возможности утверждать какое-то массовое переселение народов на этом историческом этапе, за исключением местных перемещений. Каких-либо ощутимых следов участия восточных племен в процессе формирования ямной культуры Украины не установлено (Круц, 1997. С. 382).

Сопоставление данных палеоэкологии разных регионов на фоне радиоуглеродных дат позволяет прийти к выводу, что ухудшение климата и общая палеоэкологическая ситуация не могли быть тем катализатором, который привел в действие механизм образования так называемой ямной культуры.

Группы энеолитического населения на всей территории сформировавшейся впоследствии "ямной культурно-исторической общности" придерживались разных погребальных традиций и довольно стойких канонов. Это свидетельствует не только об этнокультурных особенностях, но и о разнице в духовной культуре, мировосприятии отдельных племен. Унификация погребальной обрядности на огромной территории в эпоху ранней бронзы отразилась в археологических реалиях, что и привело к конструированию ямной культуры (области, общности). Этому способствовала и поливариантность интерпретации самой концепции археологической культуры. Наблюдаемое в эпоху ранней бронзы определенное ритуальное единство указывает прежде всего на духовную общность населения (Давня історія України, 1997. С. 362).

Итак, ямная культурно-историческая область в различных регионах имеет разную подоснову,

[3] Так, атлантический оптимум в степной зоне Украины характеризуется теплым благоприятным климатом, в Предкавказье он жаркий и засушливый. Переход к суббореалу характеризуется в Предкавказье повышенной влажностью, в причерноморских степях – засушливостью (Спиридонова, Алешинская, 1999; Кореневский, 2001). В степном Поволжье за очередной аридизацией в эпоху ранней бронзы наблюдается период региональной оптимизации (Барынкин, 2002).

разные антропологические типы, различный хозяйственно-бытовой уклад, различную материальную культуру, разные векторы этнокультурных связей. Развивается она в разных географических зонах и различных климатических условиях. Функционирование такого явления в единых рамках возможно только на двух уровнях: либо политическом, либо мировоззренческом. Естественно, для данной исторический эпохи первый из уровней не выделяется.

На наш взгляд, следует говорить, что единственным стержнем, объединившим данную общность, явилась общность мировоззрения, религиозно-мифологических представлений – своего рода "первая мировая религия"[4].

Исследователи отмечают, что в эпоху энеолита этапы развития Причерноморья в значительной степени согласуются с развитием земледельческого мира Карпато-Балканской области и Триполья. Распад Трипольской культуры на заключительном этапе С II совпадает с сегментацией ряда степных культур на локальные формирования (Рассамакин, 1995. С. 47). На наш взгляд, объяснить отчасти этот процесс можно вхождением названных блоков археологических культур в состав Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП), просуществовавшей в период с LVIII по XXXVIII в. до н.э. В рамках ее Е.Н. Черных, Л.И. Авилова и Л.Б. Орловская выделяют два ведущих блока. Первый из них, земледельческий, расположен на плодородных и богатых медными минералами землях Северных Балкан, Карпатского бассейна и Подунавья. Северо-восточной оконечностью основного блока провинции является культура Триполье-Кукутени. Второй блок – степные скотоводческие культуры Причерноморских степей, Среднего и Нижнего Поволжья (Черных и др., 2000. С. 6, 21).

Исследователи пишут о совершенно очевидном катастрофическом коллапсе энеолитических культур основной зоны Балкано-Карпатской металлургической провинции. Причины этого внезапного распада, полного отказа от технологических достижений этого круга сообществ пока неясны[5]. Однако фиксируется 500-летний хиатус между распадом БКМП и формированием Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) (Черных и др., 2000. С. 21, 30).

Полагают, что развитие этой новой металлургической провинции в ареале Причерноморских степей (XXXIII–XX/IXX вв. до н.э.) происходит на фоне новых археологических реалий, становлении новых общностей бронзового века, наиболее мощной из которых является ямная КИО (Черных и др., 2000. С. 29, 30).

Исследователями на основе изучения радиоуглеродных дат в металлургических провинциях констатируется тот факт, что скорость формирования провинций и возникновения на весьма обширных пространствах родственных очагов металлургии и металлообработки была чрезвычайно велика; "...формирование систем провинций на гигантских территориях нередко можно сравнивать с взрывом. После этих событий картина стабилизируется, а сама система порой как бы застывает или же медленно эволюционирует" (Черных и др., 2000. С. 30).

С этим положением созвучны и выводы Ю.Я. Рассамакина относительно "скачка" в становлении ямной КИО. Однако, на наш взгляд, существенным фактором в этом процессе явились не столько экологические трансформации, сколько последствия "фатальных" событий, охвативших БКМП (ее распад). Унификация обряда, с одной стороны, и возрастание иррациональности в культуре – с другой (расцвет курганного строительства, распространение монументальных погребальных сооружений, антропоморфных стел, повозок) могли быть своеобразной реакцией человеческих коллективов на предшествующие события. По мнению Е.Н. Черных, Л.И. Авиловой, Л.Б. Орловской, ситуация после распада БКМП до известной степени напоминают ту, что сложилась в Евразии гораздо позднее – в средние столетия I тыс. н.э. Эпоха Великого переселения народов оказалась трагической для необозримого множества культур; при этом разительно изменился характер большинства важнейших археологических памятников, уменьшилось число культур[6] (Черных и др., 2000. С. 30).

По-видимому, в "темные века" (хиатус) зарождаются основы новых мифорелигиозных и мировоззренческих представлений, широкое распространение которых наблюдается уже на фоне Циркумпонтийской металлургической провинции[7]. Они отличны от канонов энеолитических

[4] Близость на других уровнях (материальной культуры, хозяйственно-экономических, социальных, этнических связей) носила локальный характер. Пожалуй, лишь "ямная общность" Северо-Западного Причерноморья, имеющая свою специфику и в качестве географического ареала, и территориальной группы с определенными чертами материальной культуры и ритуала (Николова, 1992), отличающаяся этнической обособленностью (Рычков, 1990), представляла собой единый этносоциальный организм (Иванова, 2001).

[5] В.М. Массон объясняет замедление темпов развития и утрату ряда высокоорганизованных элементов при переходе к бронзовому веку тем, что энеолитические общества юга Балкан и прилегающих областей, приблизившись в разной степени к порогу цивилизации, исчерпали в данной природной и исторической ситуации возможности конкретных культурно-хозяйственных систем. После этого наступает общественный катаклизм и наблюдается культурный регресс (Массон, 1996. С. 60)

[6] Отметим, что констатировать прямую генетическую связь между металлообработкой энеолита и раннебронзовой эпохи можно лишь для очагов, локализованных на территории Северо-Восточных Балкан, Нижнего Подунавья, Карпато-Поднестровья. У очагов степной зоны Северного Причерноморья и Поволжья такая связь отсутствует (Рындина, 1993. С. 42).

[7] Наиболее ранние даты ямной культуры Северо-Западного Причерноморья начинаются с XXXVII в. до н.э. (Черных и др., 2000; Субботин, 2000)

скотоводческих и земледельческих обществ[8]. Наметим пунктиром лишь некоторые из них; безусловно, это – тема, требующая специального исследования. Мелкая антропоморфная пластика сменяется монументальной скульптурой. Женский образ, связанный с плодородием, уступает место мужскому божеству, по одной версии – универсального, типа ведийского Пуруши (Чмыхов, Довженко, 1987), по другой – воплощающего функции воина, змееборца (Даниленко, 1974). Формируются представления о космосе, о закономерности движения небесных светил, что отражено в ориентировке умерших, их круговом расположение в курганах (Дворянинов и др., 1981). В погребальном обряде появляются повозки с их многоплановой символикой. Кости животных, найденные в захоронениях, сопоставимы со стандартным набором жертвенных животных у индоевропейцев. Некоторые виды украшений и изделий связаны со скотоводческим и охотничьим культами (Ковалева, 1989). И так далее.

И, наконец, наиболее выразительная черта – унификация, своеобразная стандартизация погребального ритуала.

Распространение, трансляция этих идеологических и мировоззренческих представлений, своего рода культурного текста, может быть связано с существованием определенных коммуникационных каналов. Такие каналы (и "коридоры") реконструируются исследователями, например, для степных культур Евразии скифского времени (Кузин-Лосев, 1999. С. 125, 126). Формирование трансформационной модели и ее распространение в рамках "коммуникационных каналов" могут в какой-то степени объяснить тот археологически фиксируемый "скачок", с которым связывают появление ямной КИО.

Итак, анализ основных компонентов ямной КИО показывает, что лишь общность мировоззрения и религиозно-мифологических представлений объединяет население раннебронзовой эпохи, проживающее на огромной территории. Отразившись в археологических реалиях как единство, унификация погребальной обрядности, "новая идеология" стала основой для выделения культуры или культурной области, таковою не являющейся. Эти мировоззренческие представления формируются и начинают распространяться в кризисный период, последовавший за распадом БКМП. Последствия кризиса проявились не только в ареале провинции, но далеко за ее пределами: на огромной территории от Дуная до Урала. В дальнейшем с угасанием теперь уже ЦМП меняются и религиозно-мифологические представления скотоводческого мира Степи, что вновь находит свое отражение в погребальных ритуалах. Е.Н. Черных отмечает стабильное существование культур в рамках ЦМП в период раннебронзового века. При переходе к среднему бронзовому веку в степи и лесостепи имеет место плавная трансформация культур; о резком сломе можно говорить для Кавказа и более южных районов (Черных, 1988. С. 45).

С этими положениями вполне соотносятся наблюдения исследователей об образовании катакомбной культурно-исторической области в ареале ямной под воздействием импульса с Северного Кавказа (Етнічна історія..., 2000. С. 33). Более того, на наш взгляд, именно специфика катакомбной культуры подтверждает нашу гипотезу о существовании "ямной идеологической общности" племен, отражении в их ритуале "первой мировой религии" на фоне отсутствия единства культуры. Катакомба является настолько специфической формой погребального сооружения, что (несмотря на имеющиеся попытки)[9], объяснить ее возникновение эволюцией могильных ям предшествующих эпох, на наш взгляд, не представляется возможным[10]. Изменяется тип погребального сооружения, материальная же культура остается определенное время "ямной" (с сохранением различий по регионам), не изменяется и антропологический тип населения[11] (Етнічна історія..., 2000. С. 33). Универсальной вехой размежевания эпох становится катакомба как ведущая форма погребального сооружения (Отрощенко, 2001. С. 19). Изменение погребального ритуала сигнализирует нам о кардинальном нарушении системы идеологических парадигм (Отрощенко, 2001. С. 82).

Исследователи отмечают, что в каждом конкретном регионе после появления раннекатакомбных памятников ямные исчезают. Причем начало этого процесса на отдельных территориях не совпадает. Многочисленные параллели в погребальном обряде позднеямных и катакомбных погребений и в сопровождающем инвентаре свидетельствуют об определенных отношениях между носителями ямной и катакомбной культур (Николова, Черних, 1997. С. 108). Эти положения подтверждаются и радиоуглеродными датами (Nicolova, 1999a; b; Николова, 2001). Таким образом, становление катакомбной КИО представляется прежде всего как резкая смена религиозно-мифологических представлений, выразившихся наиболее ярко в появлении нового типа погребального сооружения, отказе от курганного строительства,

[8] Ряд черт усвоен от земледельческих и от степных энеолитических скотоводческих обществ: курганная насыпь и каменное монументальное строительство (Rassamakin, 2003), поза погребенного (Рассамакин, Евдокимов, 2001), столбовые святилища, зооморфные образы (культ быка), охотничьи культы и т.п.

[9] См: Рассамакин, 1991.

[10] Катакомба как тип могильной ямы известна в раннем энеолите, но генетическая связь между этими разновременными сооружениями проблематична.

[11] Он меняется лишь с приходом новых групп населения из калмыцких степей; формируются катакомбные культуры второго поколения – донецкая, ингульская (Круц, 1997).

распространении новых обрядовых канонов (таких как, наример, посмертная моделировка черепа, мумификация тел умерших и т.п.). И лишь на фоне изменения мировоззренческих установок начинает меняться материальная культура, происходит становление катакомбной культурно-исторической области (с образованием культур, локальных вариантов и т.п.).

Противоположную ситуацию мы наблюдаем в Степном Поволжье при рассмотрении полтавкинской культуры эпохи средней бронзы[12]. Ее погребальные памятники указывают на то, что при переходе к среднебронзовому веку в ямном ареале региона в первую очередь меняется материальная культура, но остаются прежними религиозно-культовые установки. Этот момент, возможно, и послужил основой споров о сущности полтавкинской культуры и ее месте в бронзовом веке Волго-Уральского междуречья[13]. На наш взгляд, эта ситуация демонстрирует сохранение прежних, ямных, мировоззренческих представлений в новом образовании – полтавкинской культуре. В чем-то близка ситуация с новотиторовской культурой, возникшей, как полагают, на основе ямного и новосвободненского компонентов (Гей, 2000. С. 198–200). Исследователям порой трудно разграничить ее памятники и памятники ямной культуры Прикубанья ввиду единства мировоззренческих представлений и сходства погребального ритуала[14]. В этом контексте следует упомянуть предположение П.Ф. Кузнецова о двухкомпонентности происхождения полтавкинской культуры, которая включает в себя местный (древнеямный) и пришлый (новотиторовский) компоненты (Кузнецов, 2003).

Таким образом, рассмотрение памятников ямной КИО (и некоторых других культур ранней и средней бронзы) позволило нам прийти к выводу об отсутствии в историческом аспекте такого явления, как ямная культура (область, общность). Этот феномен получил свое определение ввиду поливариантности интерпретации понятия "археологическая культура". Можно предположить, что черты, позволившие исследователям обосновать выделение культуры, на самом деле отражают общность мифорелигиозных и мировоззренческих представлений различных культурных образований (культур, групп?). Возникновение новой "идеологии" явилось отражением культурного коллапса эпохи энеолита, последовавшего за распадом БКМП, защитной реакцией социумов на него. Ее развитие укладывается в рамки существования ЦМП. Сопоставление датировок памятников различных территорий на фоне климатических изменений позволяет усомниться в той роли палеоэкологической ситуации, которая отводилась ей ранее. Отличие климатических условий в ареале, закрепленном за ямной КИО, разное время протекания процессов аридизации, несовпадение их пиков с предполагаемыми изменениями в хозяйстве указывают на роль климата в складывании хозяйственно-экономических укладов, развитии культур и культурных связей, но не в формировании ямной КИО как таковой.

Новое мировоззрение в дальнейшем сменяется другим (катакомбным) в одних регионах, продолжает сохраняться полностью или частично в других (новотиторовская полтавкинская культуры, отчасти – КМК). Оно угасает к финалу среднебронзового века и распаду ЦМП.

Автор осознает гипотетичность предлагаемой концепции, тем не менее именно она позволяет найти объяснение многим противоречиям, имевшим место в реконструкции исторического процесса эпохи ранней бронзы в Причерноморских степях.

[12] Исследователи отмечают синхронность полтавкинской и катакомбной культур (Кузнецов, 1989).

[13] Так, одни исследователи полагают, что на рубеже ранней и средней бронзы в Волго-Уральском междуречье возникает особая полтавкинская культура. Появление полтавкинской керамики, типологически близкой к ямной, но отличной от нее по многим признакам, и прежде всего – плоскодонностью, знаменует начало новой культуры. От ямной культуры унаследованы некоторые позы погребенного, их ориентировка ("сквозные обрядовые группы"). Погребальный обряд ямных и полтавкинских комплексов демонстрирует их сходство и различие (Качалова, 1967; 2002; Кузнецов, 1989). Согласно другой точке зрения, раннеполтавкинские памятники относятся к поздней фазе ямной культуры (Моргунова, 1991. С. 123–131; Турецкий, 1992; Моргунова, Кравцов, 1994. С. 80-86).

[14] Резко отличается распределение по культурам всего массива прикубанских памятников у В.А. Трифонова (1991) и А.Н. Гея (2000).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барынкин П.П. Культурно-хозяйственная традиция и экологические процессы степного Поволжья в период 10–5 тыс. лет назад // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002.

Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара, 2000.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000.

Городцов В.А. Результаты археологического исследования в Изюмском уезде Херсонской губернии в 1901 году // Тр. XII АС. Т. 1. М., 1905.

Давня історія України. Т. 1. Київ, 1997.

Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.

Дворянинов С.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А. К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.

Етнічна історія давньої України. Київ, 2000.

Иванова С.В. Социальный строй населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.

Качалова Н.А. О выделении полтавкинской культуры // КСИА. 1967. Вып. 112.

Качалова Н.А. О соотношении ямной и полтавкинской культур // Проблемы археологии Евразии. М., 2002.

Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск, 1989.

Кореневский С.Н. Палеосреда и динамика хозяйственно-культурного типа археологических культур в предгорно-степной зоне Северного Кавказа в эпоху энеолита – раннего бронзового века по материалам западного и центрального Предкавказья (к постановке проблемы) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара, 2001.

Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степи и Кавказ (культурные традиции). Тр. ГИМ. Вып. 97. М., 1997.

Круц С.І. Антропологічний склад населення // Давня історія України. Т. 1. Київ, 1997.

Кузин-Лосев В.И. О возможности существования трансформационных моделей в скифо-сибирском культурном мире // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Дніпропетровськ, 1999.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск; Куйбышев, 1989.

Кузнецов П.Ф. К истокам происхождения полтавкинской культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2003.

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1980.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.

Моргунова Н.Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА. 1991. № 4.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.

Николова А.В. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1992.

Николова А.В. Хронология ямной и катакомбной культуры степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара, 2001.

Николова А.В. О месте "репинских" памятников в ямной культурно-исторической общности (некоторые вопросы историографии) // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2002.

Николова А.В., Мамчич Т.І. До методики класифікації посуду ямної культури // Археологія. 1997. № 3.

Николова А.В., Черних Л.А. До однієї з концепцій соціального розвитку носіїв катакомбної культури // Археологія. 1997. № 1.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи. Київ, 2001.

Пустовалов С.Ж. Ямная общность и катакомбная общность: последовательная смена во времени или сосуществование // Labores pariunt honores. Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2000.

Рассамакин Ю.Я. О погребениях предкатакомбного времени в Северо-Западном Приазовье // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991.

Рассамакин Ю.Я. Поздний энеолит – ранний бронзовый век Степного Причерноморья: проблема "скачка" в развитии древних скотоводов // Конвергенция и дивергенция в развитии культур энеолита-бронзы средней и восточной Европы. СПб., 1995.

Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения "постстоговских" погребений // Донецкий археологический альманах. 2001. № 1.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство юго-восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993.

Рычков Н.А. Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.

Рычков Н.А. Об условных центрах носителей ямной культуры // Северное Причерноморье: от энеолита до античности. Тирасполь, 2002.

Санжаров С.Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск, 2001.

Сиволап М.П. Новоявлені поселенські пам'ятки ямної культури Середньої Наддніпрянщини // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Дніпропетровськ, 1999.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.

Субботин Л.В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. 2000. № 2.

Тесленко Д.Л. Періодизація ямних поховань Дніпровського Надпоріжжя та правобережного Передстепу // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 1999.

Тощев Г.Н. Ранний период эрохи бронзы в Крыму // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic. Chişinău, 2003.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара, 2001.

Турецкий М.А. Ямная культура Волго-Уральского региона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Турецкий М.А. Средневолжско-приуральский вариант ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург, 1999.

Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. 2004. № 1.

Чмыхов Н.А., Довженко Н.Д. О древнейшем индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.

Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая общность // Археологія Української ССР. Т. І. Київ, 1985.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев, 1986.

Nikolova A. Radiocarbon dating from the graves of Yamnaya culture at the Ingulets river (the Kirovograd region) // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850. Baltic-Pontic Studies. 1999a. V. 7.

Nicolova A. Radiocarbon dating of graves of the Yamnaya and Catacomb cultures on the Dnieper right bank // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850. Baltic-Pontic Studies. 1999b. V. 7.

Rassamakin Yu. Aspects of Pontic Steppe Development (4550–3000 BC) in Light of the New Cultural-chronological Model // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Mc Donald Institute Archaeological Research. Cambrige, 2003.

Pit-Grave Cultural and Historical Community: Problems of Formation in the Light of Radiocarbon Dating

S. V. Ivanova

Summary

When analysing basic components of Pit-grave (Yamnaya) cultural and historical entity, one comes to the conclusion that it was only the identity of the ancient tribes' world-outlook and the religious and mythological concepts that united the Early Bronze Age population wandering within vast territories. This phenomenon is reflected by the coherent burial rite, a kind of "new ideology", which once served as a basis to single out the discussed culture, or cultural unit. In fact, it is not so. The ideological concepts emerged and started disseminating during the critical period following disintegration of the Balkan-Carpathian metallurgical province. The consequences of this crisis were manifested both within the province and far beyond its territory, in the gigantic area stretched from the Danube to the Urals. Then, parallel to the decline of the Circumpontic metallurgical province, the religious and mythological ideas developed by the steppe stock-breeders changed, which in its turn was mirrored in their burial rites.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 121–133

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

ХРОНОЛОГИЯ ГОРОДИЩ "ДЬЯКОВА ТИПА" В БАССЕЙНЕ МОСКВЫ-РЕКИ В СВЕТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

© 2006 г. Н. А. Кренке*, Л. Д. Сулержицкий**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Геологический институт РАН, Москва*

Основная идея настоящей публикации заключалась в том, чтобы собрать без какой-либо фильтрации все радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из культурных слоев и валов городищ и селищ "дьякова типа", расположенных в бассейне Москвы-реки, и проанализировать их количественное распределение на шкале времени. Цели при этом ставились как методические (как ввести в научный оборот коллекцию дат?), так и совершенно "практические" – определить время наибольшей жизненной активности на памятниках определенного типа и выделить периферийные по отношению к основному массиву дат хронологические эпизоды. Для решения последней задачи "заведомо" более древние и более молодые датировки, не выбраковывались заранее. Делалась попытка понять, имеют ли эти датировки соответствия в археологических материалах.

Общее количество радиоуглеродных датировок для памятников "дьякова типа" перевалило за 250. Эта серия сопоставима, например, с сериями для древнеямной общности – 189 датировок (Черных, Орловская, 2004а), каталогом дат для энеолитических культур Юго-Восточной Европы – 455 датировок (Черных, Орловская, 2004б), серией в 214 датировок костей мегафауны из верхнепалеолитических памятников России (Сулержицкий, 2004).

Подобные серии, насчитывающие несколько сотен датировок, на наш взгляд, могут рассматриваться как репрезентативные для предварительного определения "периода активности" людей, оставивших группы археологических памятников, выделяемых на основании археологических критериев. Конечно, нельзя считать, что подобные серии полностью компенсируют элементы случайности/избирательности, присутствовавшие при отборе образцов. Наверное, представления о хронологии археологических объектов того или иного количества претерпят корректировку, когда будет возможно оперировать с массивами в тысячи дат, сделанных по образцам из различных материалов, в том числе с минимальным "собственным возрастом" (обугленные зерна, нагар на горшках, кости кухонных отбросов).

Опыт показывает, что проявляющиеся уже на ранних стадиях датирования тенденции в "сгущения" датировок для однородных археологических и природных объектов при дальнейшем накоплении данных получают новое подтверждение. Возможно, это связано с закономерностями тафономии. Органика, связанная с наиболее распространенными явлениями в прошлом, имеет наибольшую вероятность сохраниться и стать материалом для датирования.

Актуальной представляется проблема разработки форм введения в научный оборот серий радиоуглеродных датировок и выработки подходов к их интерпретации.

Впервые[1] серийное датирование радиоуглеродным методом образцов с городищ "дьякова типа" было проведено на эпонимном памятнике Дьяково городище в 1981 г. (Кренке, 1984б)[2]. В ходе последовавших раскопок этого памятника, продолжавшихся до 1987 г., программа радиоуглеродного датирования была продолжена. В статье, опубликованной в 1988 г., когда число датировок достигло 58 (Кренке, Сулержицкий, 1988), отмечалось, что результаты в основном совпали с "традиционной" археологической хронологией. В данном случае подразумевались работы А.Ф. Дубынина (1970; 1974) и К.А. Смирнова (1974). Принципиальные расхождения оказались между результатами радиоуглеродного датирования верхних горизонтов культурного слоя и хронологией вещей из этих стратиграфических уровней, основанной на типологических аналогиях, собранных И.Г. Розенфельдт (1982).

Некоторые расхождения радиоуглеродных дат с "традиционными" археологическими датировками вещевого инвентаря все же имелись и касались верхнего слоя. Горизонт, где были найдены украшения с эмалями, имел многочисленные радио-

[1] По устному сообщению Х.И. Крис, образцы для радиоуглеродного датирования отбирались ею еще при раскопках городища Боршева в 1973–1979 гг., и были отосланы в Новосибирск. Результаты датирования (если оно было проведено) остаются неизвестными.

[2] Контакт археолога и радиоуглеродчика произошел по инициативе Н.В. Кинд.

углеродные датировки, относившиеся к I–II вв. н.э., наряду с единичными датами, помещавшимися в интервале III–IV вв. н.э.

Появление характерных украшений с "варварскими" эмалями, восходящих к римским прототипам, археологи уже много десятилетий датируют II в. н.э. (Hackman, 1912; Gimbutas, 1963; Гороховський, 1982). Однако среди археологов конкретные типы украшений, найденные на городище Дьяково, было принято датировать в пределах III–V или III–IV вв. (Моога, 1934; Фролов, 1980; Гороховский, 1982). То есть радиоуглеродные датировки горизонта с эмалями казались несколько удревненными по сравнению с существовавшими тогда археологическими представлениями (Кренке, Сулержицкий, 1988. С. 42. Рис. 2).

Важно отметить, что в последние два десятилетия взгляд археологов на хронологию эмалей несколько изменился. Теперь считается, что развитие стиля происходило очень быстро, лунницы с эмалью, сходные с находками на городище Дьяково, бытовали уже во II в. н.э. (позднезарубинецкие комплексы Картамышево-2 и др.), продолжали встречаться на памятниках III в. (Обломский, 1993. С. 48; 2002. С. 13; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 70).

Этот пример показывает, как "стрелка" археологических мнений о возрасте может колебаться в широком диапазоне, но, в конечном (?) счете, "останавливается" на значениях сходных с выводами, основанными на радиоуглеродном датировании. То есть корпус радиоуглеродных дат является важным независимым источником для определения хронологии городищ железного века.

Естественный вопрос, возникающий вслед за этим утверждением, какова реальная точность этого независимого источника хронологической информации?

Количественную оценку разрешающей возможности радиоуглеродного метода в археологии авторы попытались провести, рассматривая ряд разновременных серий датировок для объектов, узко датирующихся, с археологической точки зрения. Среди них важное место занимали выборки дат по образцам древесного угля от сгоревших построек, раскопанных на городище Дьяково. Археологический контекст этих серий можно было считать "контролируемым" (Кренке, Сулержицкий, 1989). Полученные результаты свидетельствуют о том, что разброс датировок по образцам из построек Дьякова городища часто составляет 200–300 лет, т.е. в несколько раз выше среднеквадратичного отклонения большинства датировок[3]. С археологической точки зрения, датированные объекты воспринимались как существовавшие "недолго", "синхронные друг другу" (например, разные элементы сгоревших конструкций одной и той же постройки). Объяснять это явление следует в первую очередь тем, что радиоуглеродный возраст органических материалов, попавших в археологический комплекс, был изначально различным[4].

Полный список дат, полученных по образцам из раскопок Дьякова городища 1981–1987 гг., насчитывает 80 определений радиоуглеродного возраста (Кренке, 2004а).

С конца 1980-х годов отбор образцов на памятниках "дьякова типа" стал обычной практикой. В том числе серийное радиоуглеродное датирование было продолжено при раскопках Дьякова городища 2000–2003 гг. (работы А.Г. Векслера)[5] и в ходе работ 1999–2000 гг. А.В. Энговатовой на городище Настасьино (Энговатова, 2004).

В 2004 г. число датировок для городищ и селищ, расположенных в бассейне Москвы-реки достигло 224, а количество памятников, на которых отбирались образцы, 14 (табл. 1).

[3] Серии "кучно" легших датировок, совпавших в пределах первых десятков лет, также типичны, и, конечно, именно они наиболее весомы при решении вопроса о возрасте археологического объекта, тем не менее игнорировать реальную закономерность разброса датировок мы считали не корректным.

[4] Влияние различных загрязнений для таких молодых образцов будет сказываться незначительно, но полностью этот фактор исключать нельзя (подробнее об этом см.: Сулержицкий, 1982).

[5] Отбор проб проводился по инициативе почвоведа А.Л. Александровского.

Таблица 1. Список памятников "дьякова типа" в бассейне Москвы-реки, для которых получены радиоуглеродные датировки (расположение памятников см. на рис. 1)

Название памятника	Количество радиоуглеродных датировок
Городище Троицкое	5
Селище Саввино-Сторожевское-1	12
Городище "Связист"	3
Городище Дунино	1
Селище (городище?) Московский Кремль	3
Дьяково городище	126
Селище Чертов городок	2
Городище Коробово	8
Городище Селецкое	2
Городище Настасьино	44
Городище у с. Городищи	7
Городище Луковня-2	4
Селище Дубровицы-2	6
Селище Бяконтово	1
Всего:	224

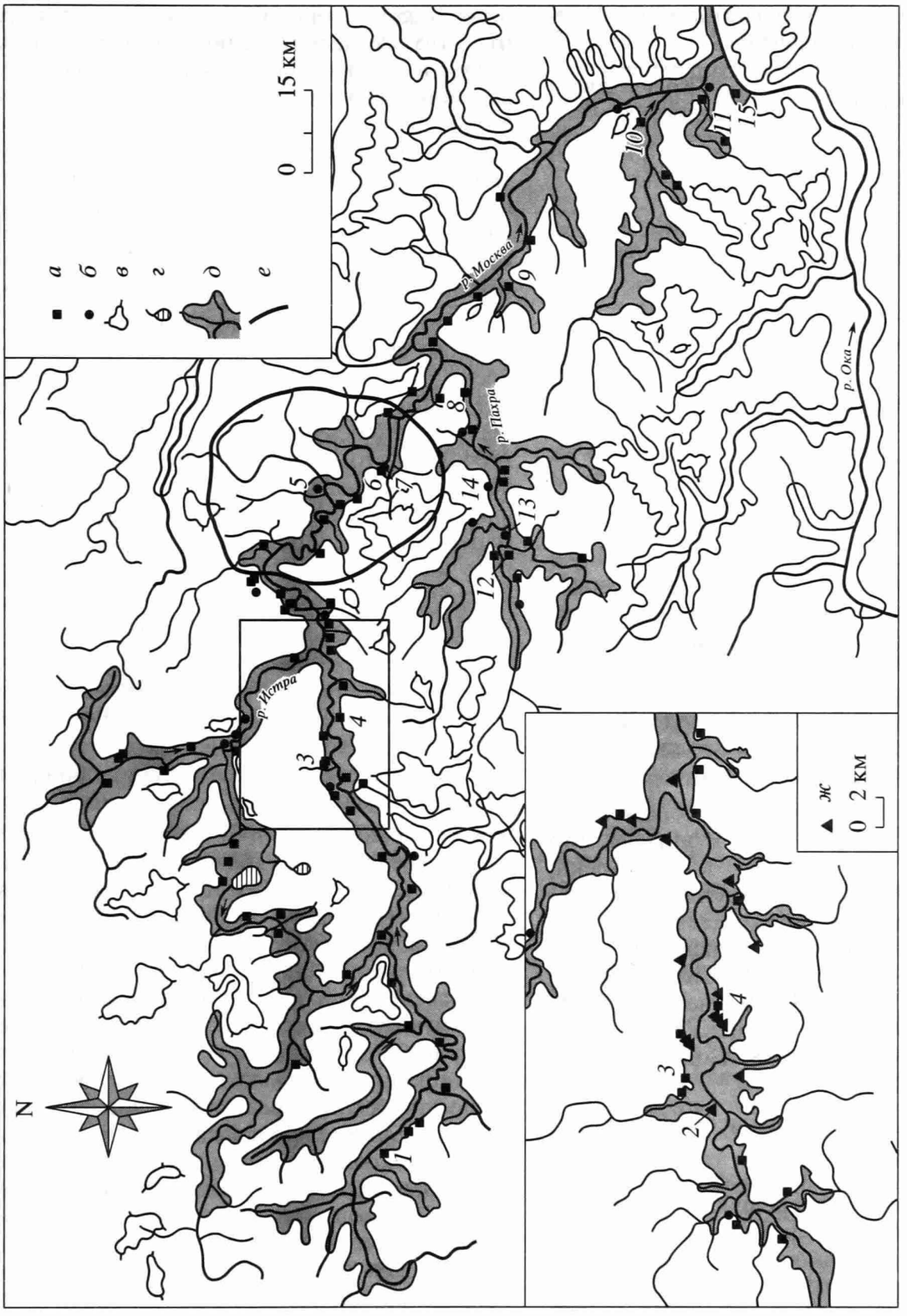


Рис. 1. Карта памятников железного века в бассейне Москвы-реки (цифрами отмечены городища и селища, для которых имеются радиоуглеродные датировки): *1* – Троицкое; *2* – Саввино-Сторожевское-1; *3* – "Связист"; *4* – Дунино; *5* – Московский Кремль; *6* – Дьяково; *7* – Чертов городок; *8* – Коробово; *9* – Селецкое; *10* – Настасьино; *11* – Городищи; *12* – Луковня-2; *13* – Дубровицы-2; *14* – Бяконтово; *15* – Протопоповское (карта подготовлена при участии Б.Е. Янишевского и Н.Ф. Федоровой); *а* – городища; *б* – крупные селища; *в* – возвышенности; *г* – озера; *д* – наиболее интенсивно освоенные речные долины; *е* – границы Москвы (МКАД); *ж* – мелкие селища.

Каталоги датировок, за исключением результатов датирования Дьякова городища в 2000–2003 гг[6]. опубликованы (Александровская и др., 2002; Кренке, 2004а; б; Энговатова, 2004).

Радиоуглеродное датирование образцов с памятников "дьякова типа" в бассейне Москвы-реки проводилось в пяти лабораториях: Геологического института РАН, Москва (143 даты); Института геохимии природной среды, Киев (37 дат); Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (31 дата); Института географии РАН, Москва (10 дат); Центре изотопных исследований, Гронинген, Голландия (3 даты).

[6] Результаты датирования Дьякова городища 2000–2003 гг. любезно сообщены нам авторами раскопок и использованы в настоящей статье при построении итоговых диаграмм.

Таблица 2. Материал образцов, по которым были получены радиоуглеродные датировки

Материал образца	Количество датировок
Древесный уголь	153
Обугленные зерна	1
Древесный тлен	1
Сажистая земля, почва с мелкодисперсным углем	29
Почва (культурный слой) с высоким содержанием органики растительного (?) происхождения	4
Кости животных (кухонные отбросы)	11
Кости людей	2
Нет данных	23
Всего	224

К настоящему времени датировки москворецких памятников составляют основной массив радиоуглеродных датировок для памятников железного века в ареале дьяковской культуры, как его определял К.А. Смирнов (1974. С. 89) – от верховьев Ловати и Западной Двины на западе, Шлины на северо-западе, ярославского Поволжья на севере и каширского течения Оки на юге.

Для городищ железного века, расположенных в переделах ареала дьяковской культуры (по К.А. Смирнову), но вне бассейна Москвы-реки, получено немногим более 30 радиоуглеродных датировок. Эти даты происходят с восьми городищ: Варварина гора, Кикинское, Ростиславль, Анашкино, Межуево[7], Леснично, Протопоповское, Коробчеево (Буров, 2003. С. 33; Вишневский, 1998. С. 365; Гольева, 2004. С. 28; Зайцева и др., 2003, с. 141; Короткевич, 2004. С. 238; Смирнов, 1986. С. 90; Сыроватко, 2000).

Памятники, для которых получены радиоуглеродные датировки, расположены в разных районах бассейна Москвы-реки: верхнее, среднее и нижнее течение Москвы-реки, среднее течение Пахры (рис. 1). Отсутствуют датировки лишь для скопления памятников в районе Тростянского озера и Истры. Несмотря на то что число датированных памятников довольно большое, основной массив датировок происходит с двух объектов – городищ Дьяково и Настасьино.

Количество датировок для городища Дьяково – очень высоко для одного памятника (126 дат), и ему в этом отношении нет конкурентов далеко за пределами Волго-Окского междуречья. Такая неравномерность в распределении датировок по памятникам теоретически позволяет допустить, что статистические данные, которые будут рассмотрены далее, не вполне адекватно отражают ситуацию для изучаемого региона в целом, а в большей мере характеризуют один памятник. Принимая эту оговорку, тем не менее надо учитывать, что Дьяково городище не случайно дало название группе памятников. Благодаря мощности культурного слоя, хорошей сохранности остатков жилых конструкций в нем, это городище дает уникальный по полноте срез развития культуры.

Судя по составу находок, поселение на городище Дьяково существовало с небольшими перерывами очень длительное время – почти полторы тысячи лет с VIII–VII вв до н.э. по VII н.э., в течение которых накопилось до 3 м культурного слоя (Кренке, 2004а). На этом памятнике представлен практически весь вещевой и керамический набор, характерный для памятников железного века москворецкого региона. Таким образом, экстраполяция данных, полученных для Дьякова городища, на регион бассейна Москвы-реки в целом, вероятно, не является таким уж грубым допущением.

Для последующего обсуждения результатов необходимо предварительно проанализировать, по какому принципу и какие образцы отбирались для радиоуглеродного анализа.

Прежде всего – о материале образцов. Эти данные сведены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, подавляющее число образцов представлено древесным углем (образцы, о материале которых нет данных, это тоже в большинстве своем древесный уголь). Большая часть образцов древесного угля происходит от сгоревших построек. Многие из этих образцов отбирались специально для датирования определенных конструкций (построек). Иногда для датирования отбирались обугленные головешки, залегавшие в стратифицированном культурном слое. Происхождение этих кусков древесины оставалось неясным. Многие образцы происходят от одного куска дерева, но далеко не все. Детальная информация о строении образца, как правило, отсутствует. Меньшая часть образцов угля – это совокупности дисперсных угольков, отобранных в определенном стратиграфическом горизонте (прослойке, поверхности). Происхождение угольков неясно – то ли от сгоревших построек (оборонительных конструкций), то ли от дров, не прогоревших до состояния золы.

Лишь три образца из культурного слоя Московского Кремля датировались на ускорителе (AMS), каждый из этих образцов представлял собой маленький кусочек угля весом менее 1 г. Все остальные образцы датировались по стандартной методике и имели существенно больший вес.

Из некоторых объектов (построек) при наличии пригодного материала отбиралось несколько образцов. Детальные исследования микростратиграфии

[7] Автор раскопок Б.С. Короткевич, по-видимому, справедливо не относит городища Анашкино и Межуево к памятникам "дьякова типа".

графии построек Дьякова городища, проведенные в 1983 и 1984 гг. (Кренке, 1983; 1984а), показали, что эти объекты, как правило, имели "сложную историю". В то время как положение стен постройки изменялось мало, во внутренней части происходили перестройки, подсыпались полы, а, возможно, ремонтировались и стены. Вообще, нужно отметить, что вопросов к археологическому контексту очень много. В некоторых случаях, как, например, на Троицком городище, образцы отбирались из профиля борта разреза вала, сделанного 40 лет назад. В этом случае очень трудно ответить на вопрос, элементами какой конструкции являлись угли, обнаженные разрезом. В другом случае (городище Коробово) в раскопе на поверхности почвы под валом зафиксированы хаотично лежавшие угли. На плане отмечались конкретные угольки, подвергшиеся датированию. На "археологический" взгляд угольки мало отличались друг от друга, но датирование показало, что они существенно разновозрастные (Александровский и др., 1998. Рис. 8).

Породы деревьев по углям, входившим в образцы, систематически не определялись. Имеется лишь около трех десятков определений, из которых видно, что среди углей много липы, есть рябина, ясень, дуб и сосна (Кренке, 1984а. С. 28).

Обугленные зерна культурных злаков являются очень перспективным материалом для датирования (нет собственного возраста, на городищах присутствуют практически во всех горизонтах культурного слоя), но для таких образцов нужно исследование с помощью ускорителя. В нашем каталоге есть лишь одна дата, сделанная по скоплению зерен из верхнего слоя Дьякова городища.

Почва или сажистая земля представляла собой материал, в котором содержалось много маленьких и мельчайших угольков. Некоторые из этих образцов были отобраны возле очагов, другие – в прослойках, связанных с ритуальным (?) "обжиганием" площадки городища (Дьяково).

Особенно следует остановиться на серии подобных образцов с городища Настасьино (Энговатова, 2004. Табл. 1). Большая часть датировок этого памятника (28) получена именно по образцам "почвы", отбиравшейся в канавках от стен построек. Фактически это означает, отсутствие строгой уверенности в том, что датировалась органика, относившаяся к постройке. Угольки в культурном слое, заполнявшем канавку от стены, могли происходить совсем не от постройки. И уж тем более, мы не знаем происхождение содержавшейся в почве органики, растворившейся при обработке образца щелочью. В данном случае даты, полученные по гуминовым вытяжкам, могут лишь условно связываться с комплексом постройки. А.В. Энговатовой была высказана[8] очень вероятная, на наш взгляд, гипотеза, что стены построек были сложены из кусков дерна, помещенных между двух рядов плетня, т.е. фактически датировался почвенный гумус. В этом случае полученные результаты с большим разбросом датировок (Энговатова, 2004. Табл. 1) находят логичное объяснение. Также понятно и появление датировок с возрастом около 3000 лет. При датировании погребенных почв по гуминовым вытяжкам из их толщи не раз отмечалось, что получаются даты более древние, чем даты по углю из археологических объектов на поверхности данных почв (Александровский и др., 2004. С. 195). Данные замечания важны при дальнейшем обсуждении результатов датирования.

"Торфоподобная почва" или коричневые органические прослойки являются характерными элементами структуры культурных слоев раннего времени на площадках городищ. Несколько образцов этого типа датировалось в серии с Дьякова городища. Сходство с торфом обусловлено строением (микрослоистость, обилие растительных остатков), но не генезисом. Данные прослойки почвой названы условно. На самом деле это совсем не почва в том смысле, как это слово употребляют почвоведы. В нашем случае слово "почва" употреблялось для противопоставления слову "уголь", т.е. этим словом обозначался характер образца (грунт, не содержащий древесного угля в достаточном количестве для датирования) и метод его обработки (датировка по гуминовым вытяжкам, осажденным после обработки щелочью). Торфоподобные коричневые прослойки на площадках городищ – это, скорее всего остатки принесенного растительного материала, использовавшегося при сооружении домов (ветки, листья), заготовки корма скоту (?). В какой-то мере можно считать, что подобные образцы "более понятны", чем аморфный грунт из заполнения различных ям и канавок. Горизонтальная микрослоистость дает возможность приблизительно оценить продолжительность и механизм накопления толщи, откуда отбирался образец, и дает некоторую уверенность в том, что мы имеем дело не с перемешанным материалом. В этом сходство данных образцов с образцами торфа.

Датирование по костному материалу проводилось в небольшом количестве. Это было обусловлено большей трудоемкостью подготовки образца по сравнению с древесным углем. Есть лишь одна серия из шести дат (селище Дубровицы-2), построенная целиком на датировках, полученных по костям крупных копытных (лось, лошадь, корова).

По человеческим костям с Троицкого городища получены две датировки, которые приводятся здесь, так как ранее они нигде не публиковались. Одна получена по длинным костям погребения, совершенного на площадке памятника – 1810 ± 120 (ГИН-11188), другая – по костям длинных конеч-

[8] Выступление на заседании группы археологии эпохи переселения народов ИА РАН 09.02.2005.

ностей, обнаруженных в заполнение рва – 2280 ± ± 100 (ГИН-11187)[9].

Важнейший вопрос, который следует обсудить, – насколько репрезентативна имеющаяся серия датировок для того, чтобы по их количественному распределению оценивать "активность" людей, проживавших на городищах "дьякова типа", хотя бы на уровне знака – больше/меньше. Здесь нужно учитывать два важнейших фактора, определивших состав коллекции дат, – особенности формирования толщи культурных слоев городищ и принципы отбора образцов для датирования.

Можно предположить, например, что жизнь была очень активной, но пожаров не случалось, стены построек истлевали, не оставляя древесного угля в культурном слое, и соответственно данный период не получил отражения в коллекции радиоуглеродных дат. Можно выдвинуть и другое "подрывное" предположение – на городищах синхронно под воздействием внешних факторов (нашествия и пр.) происходили пожары, большинство образцов связано с этими эпизодами.

Однако реальный состав образцов, давших даты рассматриваемой коллекции, не позволяет делать вышеприведенные предположения. Сгоревшие постройки встречены почти во всех горизонтах культурного слоя Дьякова городища, т.е. пожары происходили регулярно. Горизонт пожаров, по которому можно было бы синхронизировать памятники, выделить не удается.

Фактически при отборе образцов реализовывалось стремление к получению максимума информации, но в то же самое время соблюдался некий баланс желаний и возможностей. Поэтому в первую очередь образцы отбирались таким образом, чтобы охватить все выделенные стратиграфические горизонты и явно выраженные сооружения. При отсутствии угля отбирались другие материалы. Конечно, количество образцов из прослоев пожаров было несколько выше, но все-таки количество датировок из одного сгоревшего сооружения не превышало десятка, а, как правило, не более трех–пяти.

Распределение образцов по толще культурного слоя Дьякова городища показывает, что все горизонты представлены относительно равномерно. Некоторое "сгущение" числа образцов приходится на нижний слой и на средний горизонт верхнего культурного слоя на глубине от –150 до –250 см (Кренке, 2004а. Рис. 4). Но это как раз уровни, которые можно интерпретировать как "периоды интенсивной жизни" – постройки многократно сменяют одна другую (Кренке, 2004а. Рис. 2; 3).

Необходимо учитывать, что датировалось все-таки не одно Дьяково городище. Даты с других памятников, составляющие более 40% всей выборки, существенно влияют на общую картину распределения. Важно подчеркнуть тот факт, что материалы других памятников не сглаживают, а акцентируют пики в диаграммах количественного распределения датировок, построенных по материалам Дьякова городища.

При анализе количественного распределения датировок необходимо учитывать также информацию о колебаниях концентрации ^{14}C в атмосфере в середине I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., что нашло отражение в калибровочной кривой (рис. 2). На отрезке 750–400 гг. до н.э. на калибровочной кривой наблюдается горизонтальная "ступень", т.е. радиоуглеродное время "стояло на месте" из-за постепенного понижения концентрации ^{14}C в атмосфере, в то время как календарное время шло. Если предположить, что городища "дьякова типа" в этот календарный интервал функционировали относительно интенсивно, то теоретически должно было бы наблюдаться повышенное число некалиброванных радиоуглеродных датировок со средними значениями около 2400–2500 лет (органика, выходившая из обменного цикла в течение трех веков, имела сходный радиоуглеродный возраст)[10].

Перейдем теперь к рассмотрению собственно результатов датирования.

Для анализа результатов был построен ряд диаграмм (табл. 3; 4), в которых собраны некалиброванные радиоуглеродные датировки всего множества и по отдельности двух ключевых памятников: городищ Дьяково и Настасьино. При составлении диаграмм хронологическая шкала была разбита на столетние интервалы, и символ каждой даты помещался в наиболее вероятный для нее интервал. При этом происходило известное огрубление картины распределения, так как "отсекались" статистически менее вероятные значения датировок. С другой стороны, можно было надеяться, что таким образом выявятся наиболее существенные характеристики количественного распределения множества дат на шкале времени, градуированной с шагом, привычным для археологического мышления.

Для калиброванных значений были составлены графики в программе Oxcal в режиме "сумма вероятностей" (рис. 3–6).

Рассмотрим сначала диаграммы с некалиброванными датировками. На основании табл. 3 можно сделать несколько выводов: 1) в культурном слое городищ "дьякова типа" присутствует разновозрастная органика разного генезиса, датирующаяся в широком хронологическом диапазоне 400 – 3800 лет; 2) общая картина количественного распределения датировок отлична от нормального

[9] Образцы для датирования были отобраны К.А. Смирновым и Т.И. Алексеевой.

[10] Авторы благодарны А.Л. Александровскому, обратившему наше внимание на данный эффект.

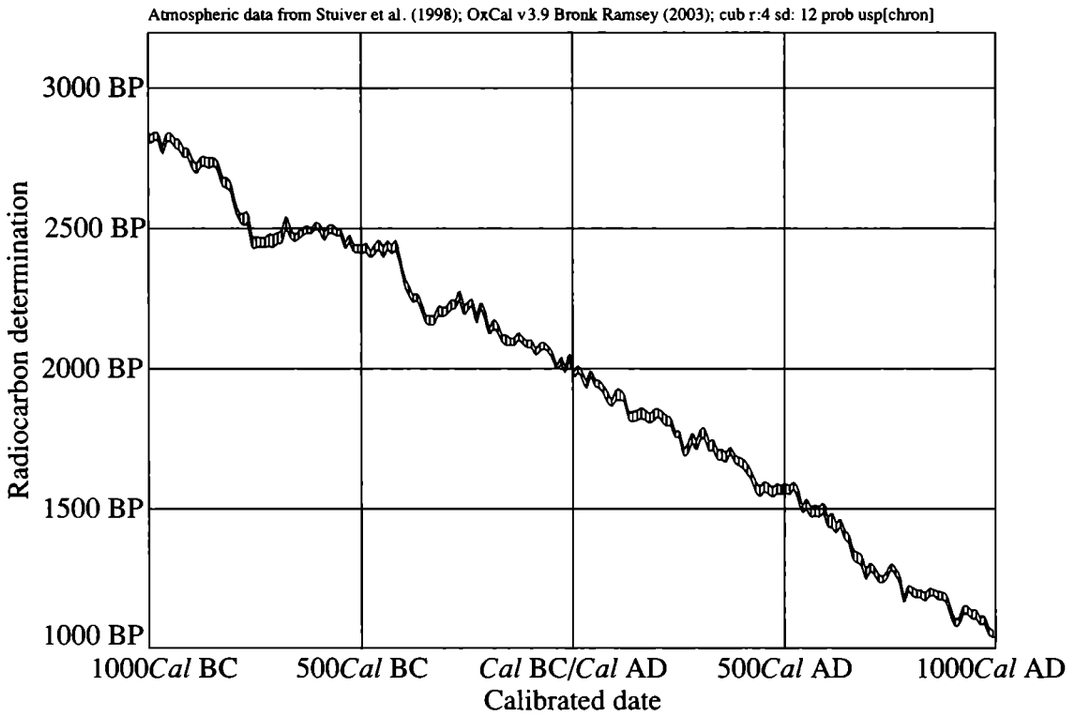


Рис. 2. Калибровочная кривая для интервала 1000–2600 лет радиоуглеродного возраста.

гауссова, т.е. обусловлена факторами, отличными от статистически случайного распределения; 3) основной массив датировок укладывается в диапазон 1600–2500 лет; 4) к основному массиву примыкают ранний (2500–2900) и поздний (1200–1600) эпизоды; 5) имеются изолированные от основного массива субсовременный (400–700 лет) и древний (3000–3800) эпизоды.

Если "закрыть глаза" на все тонкости, то можно сказать, что такая картина распределения радиоуглеродных датировок очень сходна с данными об "археологическом возрасте" находок с площадок городищ. Основной материал относится к железному веку (от "скифского времени" до римского периода), имеется небольшое количество ранних находок начального железного века с традициями поздней бронзы и также небольшое количество находок эпохи переселения народов. На городищах отмечены изолированные от основного археологического контекста единичные находки эпохи средней бронзы и следы освоения площадок в разные периоды средневековья (например, на Дьякове городище находки XII–XIII вв. и изразцовая печь XVII в.)[11].

Попытаемся теперь, по мере возможности, учесть и "тонкости".

В первую очередь важно рассмотреть "основной массив датировок", его структуру. Двухвершинность этого массива в основном задается материалами Дьякова городища (табл. 4). Присоединение материала остальных памятников не устраняет два пика (табл. 3). Для определения границ основного массива важно учесть высказанное выше замечание относительно интервала 2400–2500 лет, в который должны были попасть датировки образцов органики, накапливавшейся в течение 300 календарных лет. То есть, можно сказать, что относительно высокий столбик диаграммы в ячейке 2400–2500 "завышен" за счет уменьшения концентрации ^{14}C в атмосфере VII–V вв. до н.э. Тем более показателен факт, что датировок в интервале 2400–2500 почти в два раза меньше, чем в интервале 2300–2400. Учитывая это, нижнюю границу основного массива следует ограничивать возрастом 2400 лет.

О раннем (2500–2900 лет) и позднем (1200–1600 лет) эпизодах можно сказать следующее.

Значительное количество дат, вошедших в ранний эпизод, явно не соответствует возрасту археологического контекста, откуда были отобраны образцы. Все семь датировок, имеющих возраст в интервале 2500–2900 лет, полученных по образцам из раскопок 1981–1987 гг. Дьякова городища, не могут быть признаны определяющими возраст археологического контекста, в котором были отобраны, так как противоречат более многочисленным молодым датам, стратиграфии и набору археологических находок (Кренке, 2004а, Приложение). Важно подчеркнуть, что четыре из этих семи датировок низкой точности с отклонением более 100 лет. Это связано, видимо, с подвижностью более древней органики в силу ее большей деструктурированности. Ранние датировки по образцам с городища Настасьино, как

[11] Данные раскопок 2003 г.

Таблица 3. Некалиброванные радиоуглеродные датировки для памятников "дьякова типа" в бассейне Москвы-реки

Радиоуглеродный возраст в годах (BP)	Распределение датировок* для памятников "дьякова типа" бассейна Москвы-реки	Городище Дьяково	Городище Настасьино	Остальные памятники	Количество датировок
400–500	]	1	–	–	1
500–600	]]]	1	2	–	3
600–700	]	–	1	–	1
700–800		–	–	–	–
800–900	]	–	–	1	1
900–1000		–	–	–	–
1000–1100	]	–	1	–	1
1100–1200	]	1	–	–	1
1200–1300	]]]]]	1	–	4	5
1300–1400	]]	1	–	1	2
1400–1500	]]]	1	–	2	3
1500–1600	]]]	2	–	1	3
1600–1700	]]]]]]]]]]	9	–	2	11
1700–1800	]]]]]]]]]]]]	12	–	1	13
1800–1900	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	23	1	4	28
1900–2000	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	14	5	7	26
2000–2100	]]]]]]]]]]]]]]]]]	7	6	6	19
2100–2200	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	12	6	6	24
2200–2300	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	11	5	8	24
2300–2400	]]]]]]]]]]]]]]]]]	11	4	4	19
2400–2500	]]]]]]]]]]	8	1	2	11
2500–2600	]]]]]]	2	2	2	6
2600–2700	]]]]]]]	3	5	–	8
2700–2800	]]]]	2	2	–	4
2800–2900	]]	1	–	1	2
2900–3000		–	–	–	–
3000–3100	]	–	1	–	1
3100–3200	]	–	–	1	1
3200–3300	]	–	1	–	1
3300–3400	]	–	1	–	1
3400–3500		–	–	–	–
3500–3600		–	–	–	–
3600–3700		–	–	–	–
3700–3800	]	1	–	–	1
3800–3900		–	–	–	–
3900–4000		–	–	–	–
				Всего:	221

* Символ каждой отдельной даты (]) помещен в наиболее вероятный для данной даты 100-летний интернал.

Таблица 4. Некалиброванные радиоуглеродные датировки для городищ Дьяково и Настасьино

Радиоуглеродный возраст в годах (BP)	Распределение датировок по городищу Дьяково*	Количество датировок	Распределение датировок по городищу Настасьино	Количество датировок
400–500	]	1	–	–
500–600	]	1	]]	2
600–700		–	]	1
700–800		–		–
800–900		–		–
900–1000		–		–
1000–1100		–	]	1
1100–1200	]	1		–
1200–1300	]	1		–
1300–1400	]	1		–
1400–1500	]	1		–
1500–1600	]]	2		–
1600–1700	]]]]]]]]	9		–
1700–1800	]]]]]]]]]]]	12		–
1800–1900	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	23	]	1
1900–2000	]]]]]]]]]]]]	14	]]]]]	5
2000–2100	]]]]]]]	7	]]]]]]	6
2100–2200	]]]]]]]]]]]	12	]]]]]]	6
2200–2300	]]]]]]]]]]	11	]]]]]	5
2300–2400	]]]]]]]]]]	11	]]]]	4
2400–2500	]]]]]]]]	8	]	1
2500–2600	]]	2	]]	2
2600–2700	]]]	3	]]]]]	5
2700–2800	]]	2	]]	2
2800–2900	]	1		–
2900–3000		–		–
3000–3100		–	]	1
3100–3200		–		–
3200–3300		–	]	1
3300–3400		–	]	1
3400–3500		–		–
3500–3600		–		–
3600–3700		–		–
3700–3800	]	1		–
3800–3900		–		–
3900–4000				–
	Всего	123		44

* Символ каждой отдельной даты (]) помещен в наиболее вероятный для данной даты 100-летний интернал.

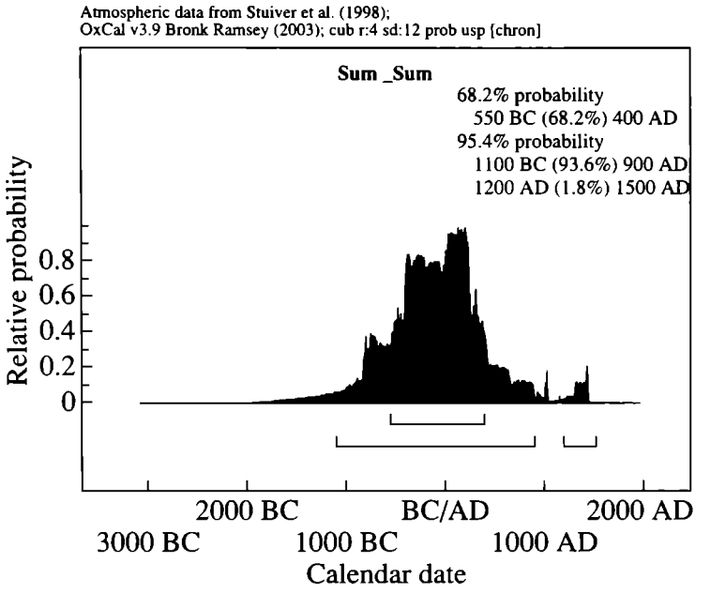


Рис. 3. Сумма вероятностей 221 калиброванной радиоуглеродной датировки для памятников "дьякова типа" бассейна Москвы-реки.

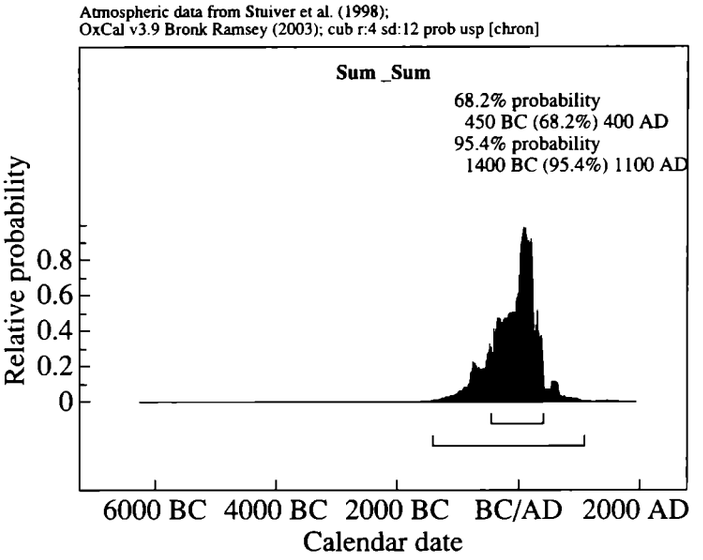


Рис. 4. Сумма вероятностей 87 калиброванных датировок по образцам с Дьякова городища из раскопок 1981–1987 гг.

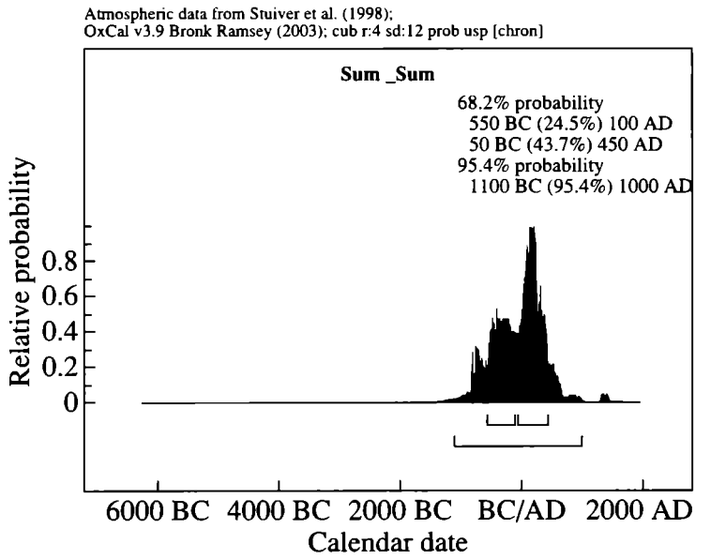


Рис. 5. Сумма вероятностей 125 калиброванных радиоуглеродных датировок для Дьякова городища (раскопки 1981–1987 и 2000–2003 гг.).

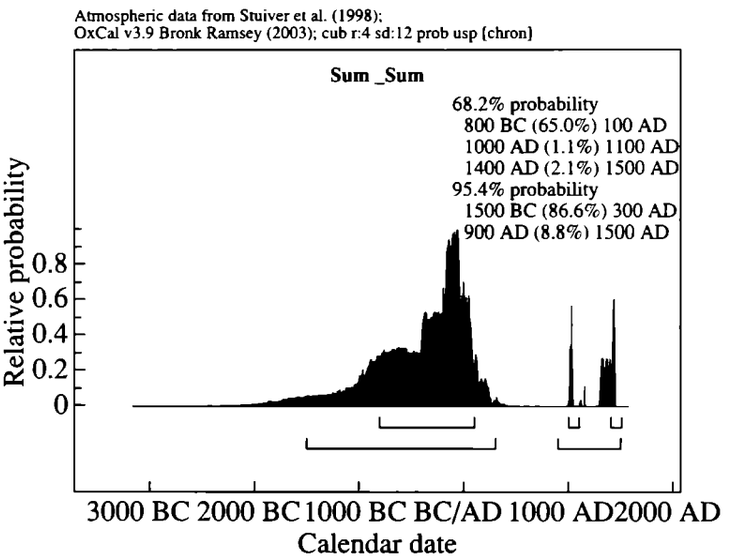


Рис. 6. Сумма вероятностей 44 калиброванных радиоуглеродных датировок по городищу Настасьино.

уже писалось, получены по почвенному гумусу, причем в ряде случаев древние даты получены по холодным щелочным вытяжкам из образцов, а по горячим щелочным вытяжкам из тех же образцов получены датировки на 300–700 лет моложе (табл. 5).

Следовательно, эти "древние" для нашей выборки даты мало пригодны для определения возраста археологического объекта.

Однако имеется несколько случаев, когда датировки старше 2500 лет могут рассматриваться как "кондиционные". Например, на городище Селецкое и селище Чертов городок были получены даты "хорошего качества", образцы были отобраны из слоев, содержавших наиболее ранний археологический материал для памятников "дьякова типа".

То есть среди радиоуглеродных датировок старше 2500 лет с дьяковских памятников, значительная их часть не соотносится с возрастом археологических слоев (даты по почве), в надежности некоторых можно сомневаться. Это даты по углю, который залегал в явно более поздних слоях. Про последние образцы можно предполагать (наряду с другими версиями), что они были переотложены. Наконец, единичные даты нашли соот-

ветствие с археологическим контекстом, стратиграфией и, видимо, близки по времени к моменту формирования культурного слоя, вмещавшего образцы.

Отдельно следует сказать о датах возрастом около 3000 лет. Их мало, но они систематически возникают при датировании различных памятников "дьякова типа". В целом эти даты синхронны предметам эпохи средней бронзы, изредка встречаемым на городищах. Но не было ни одного случая, чтобы образец, давший дату около 3000 лет, был бы "увязан" с археологическим контекстом бронзового века. Видимо, можно допускать и другие варианты объяснений появления на памятниках этой ранней органики (например, использование людьми ископаемой древесины, содержащейся в речном аллювии, и пр.).

Серия датировок, составивших поздний эпизод, невелика. Обращает на себя внимание "всплеск" в интервале 1200–1300 лет. Четыре датировки из пяти в этом интервале происходят с селища Саввинская слобода-1. Судя по месту отбора, датированный уголь залегал в ямах от построек начального этапа славянской колонизации края с лепной и раннегончарной керамикой. То есть эти датировки, видимо, следует рассматривать как результат поздней жизненной активности на месте поселения железного века.

Интересны для интерпретации поздние датировки с городища Настасьино. На этом памятнике они получены по образцам, достоверно увязанным с позднесредневековыми археологическими комплексами: постройкой, существовавшей на месте давно покинутого городища, верхними горизонтами заполнения древнего рва (Средневековое поселение Настасьино, 2004. С. 17, 19). Этот пример важен как доказательство того, что поздние датировки с городищ железного века обусловлены не погрешностями метода, загрязнением образцов молодым углеродом и т.п., а фиксируют археологическую реальность.

Рассмотрим теперь результаты суммирования калиброванных значений (рис. 3–6). График, в котором соединена 221 датировка по всем датированным памятникам (рис. 3), показывает, что 68.2% значений укладывается в календарный интервал 550 г. до н.э. – 400 г. н.э. Видимо, этот период и являлся временем наиболее интенсивного функционирования поселений "дьякова типа". При этом следует учитывать, что нижняя граница этого статистически выделяемого интервала, возможно, немного "опущена" из-за особенностей калибровочной шкалы, о которых сказано выше (датировки со значениями возраста 2200 лет и более "размазываются" на календарной шкале, заходят в V–VI вв. до н.э.).

Наличие раннего пика VIII–VI вв. до н.э. лишь отчасти (см. аргументацию, приведенную выше)

Таблица 5. Пример расхождения возраста датировок, полученных по органическому материалу из грунта, заполнявшего канавки от стен "длинных домов" на городище Настасьино (Энговатова, 2004. С. 144, 145)

Номер образца	Место отбора	Холодная щелочная вытяжка (Г-1)	Горячая щелочная вытяжка (Г-2)
Le-5799	Постройка 1	3030 ± 190	2370 ± 80
Le-5800	Постройка 7	3300 ± 250	2750 ± 150
Le-5802	Постройка 10	2680 ± 180	2150 ± 90
Le-5895	Постройка 10	2630 ± 180	2260 ± 60

фиксирует активность людей на памятниках в этот период. В большей мере этот пик обусловлен присутствием среди датированных образцов органики данного возраста.

Отмечается резкое уменьшение количества образцов, датирующихся временем моложе 400 г. н.э. Это не может быть объяснено лишь худшей сохранностью верхних горизонтов культурных слоев городищ. Единичность находок, относящихся к эпохе переселения народов, на памятниках "дьякова типа" в сравнении с обилием древностей предшествующего этапа подтверждает реальность картины, основанной на радиоуглеродном датировании.

Суммирование калиброванных значений сохранило двухвершинность графика. Особенно это четко видно на материалах Дьякова городища (рис. 4; 5), где это выразилось даже на статистическом уровне. На графике, построенном по материалам этого памятника, выделяются статистически наиболее значимые интервалы: 550–100 гг. до н.э. (24.5%) и 50 г. до н.э. – 450 г. н.э. (43.7%).

Сглаженный пик левого плеча на графике для городища Настасьино (рис. 6) можно интерпретировать не как результат жизненной активности на этом городище в X–VII вв. до н.э., а как следствие привноса на памятник органики такого возраста в ходе специфических видов деятельности в более позднее время (например, использование дерна при строительстве "длинных домов").

Конечно, понятие "интенсивность жизни" очень условное. Можно говорить о разных показателях – демографическом, экономическом. Археологический критерий – обилие материальных остатков, преимущественно бытового мусора, не может интерпретироваться однозначно. Этноархеологические исследования показывают, что обильное накопление мусора может синхронизироваться с фазой деградации антропогеосистемы. Поэтому авторы далеки от того, чтобы делать далеко идущие культурологические выводы на основании изложенных данных о количественном распределении радиоуглеродных датировок. Тем не менее тот факт, что большинство радиоуглеродных датиро-

вок из слоев, содержащих находки "дьяковского облика", попадают в интервал с середины VI в. до н.э по рубеж IV/V вв. н.э. заслуживает внимания, и может рассматриваться как независимое обоснование хронологии древностей данного круга. Двухвершинность графиков распределения числа датировок также, возможно, не случайна, а отражает существование двух циклов с собственными пиками, соответствующих выделяемым по археологическим критериям периодам: ранне- и позднедьяковскому.

Особенно много датировок приходится на I–II вв. н.э.

Одна из задач будущих комплексных исследований – проверить по различным показателям (число и площадь поселений, характер антропогенной модификации ландшафта и пр.), насколько период I–II вв. н.э. может считаться "расцветом" культуры москворецких городищ.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что при получении изложенных выше выводов не проводилось никакой предварительной "фильтрации" результатов радиоуглеродного датирования. Суммирование всех датировок привело, тем не менее, к результатам, очень близким к выводам датирования, основанного на хронологии вещей и керамики.

Особенно важно отметить, что в количественном распределении датировок очень четко выделился компактный массив (78% всех дат) в интервале 1600–2500 лет радиоуглеродного возраста, обозначающий основной период интенсивной жизненной активности на площадках поселений "дьякова типа".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровская Е.И., Александровский А.Л., Кренке Н.А. и др. Экологическая ситуация в районе Московского Кремля в древности и средние века // Изв. АН. Сер. географическая. 2002. № 3.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Низовцев В.А. и др. Пойменный ландшафт в долине Москвы-реки в железном веке и средневековье // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмосковье // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

Буров В.А. Городище Варварина гора. М., 2003.

Вишневский В.И. Кикинское городище // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

Гольева А.А. Комплексные естественнонаучные исследования на городище Ростиславль Рязанский // Археология Подмосковья. М., 2004.

Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970.

Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.

Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Гороховський Е.Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. 1982. № 38.

Зайцева Г.А., Васильев С.С., Дергачев В.А. и др. Новые исследования памятников Западной Двины и Ловати: распределение радиоуглеродных дат, корреляция с изменением природных процессов, применение математической статистики // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003.

Короткевич В.С. Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на территории музея-заповедника "Коломенское" в 1983 г. // Архив ИА РАН. 1983. Р-1. № 9804.

Кренке Н.А. Отчет об археологических раскопках на территории заповедника "Коломенское" в 1984 г. // Архив ИА РАН. 1984а. Р-1. № 10420.

Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА. 1984б. Вып. 178.

Кренке Н.А. Дьяково городище: методы исследований // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004а.

Кренке Н.А. Каталог радиоуглеродных датировок по памятникам железного века, расположенным в долине Москвы-реки и на ее мелких притоках // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004б.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. 1988. Вып. 194.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // Геохронология четвертичного периода. Тез. докл. Таллин, 1989.

Обломский А.М. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Археология СССР. М., 1993.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002.

Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.

Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.

Смирнов К.А. Раскопки городища у д. Савики // КСИА. 1986. Вып. 186.

Средневековое поселение Настасьино. М., 2004.

Сулержицкий Л.Д. Достоверность радиоуглеродного возраста и надежность дат // Антропоген Таймыра. М., 1982.

Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3.

Сыроватко А.С. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. 2000. № 4.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. Киев, 1992.

Фролов И.К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. 2004а. № 1.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА. 2004б. № 4.

Энговатова А.В. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. М., 2004.

Gimbutas M. The Balts. N.Y.; Washington, 1963.

Hackman A. Die Emailfibel von Warila im Kirchspiel Palkane // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1912. № XXVI.

Moora H. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzieren Schmucks // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1934. № XL.

Chronology of the Fortified Settlements of the D'yakovo Type in the Moskva River Basin in the Light of the Results of Radiocarbon Dating

N. A. Krenke, L. D. Sulerzhitsky

Summary

In the paper the results of radiocarbon dating of the hillforts of the D'yakovo type are presented. The sites are disposed in the Moskva River basin. The authors consider distribution of 224 calibrated and non-calibrated dates on the time scale. The most important conclusion is that the peak of human activity at the discussed fortified and open sites falls within the interval 1600–2500 BP, or 550–400 AD (Cal.). Besides, the dates indicate activity of earlier and later periods at the sites. Some dates earlier than 2500 BP are not only the results of the "early" visits to the sites; they appear also due to penetration of "early" organic matters into the archaeological deposits of later dates. This could have emerged, when using timber and sod for constructions, procurement of fossil timber for fuel, and so forth.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 134–139

ПУБЛИКАЦИИ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ДРОНИХИНСКОГО ТИПА СО СТОЯНОК СРЕДНЕГО ХОПРА

© 2006 г. А. В. Сурков

Воронежский государственный педагогический университет

Лесостепное течение р. Хопер географически является центральным районом в Донно-Волжском междуречье. Его археологическое изучение начато сравнительно недавно, но уже сейчас получены материалы, позволяющие уточнить общую схему развития лесостепного неолита, в которой имеется еще много дискуссионных моментов. Одним из таковых является дронихинский тип керамики. Данный тип был выделен А.Т. Синюком по материалам стоянки Дрониха. На этой стоянке своеобразная прочерченная керамика залегала на одном уровне с гребенчатой, а по технологическим признакам (состав теста, форма сосудов, композиционные построения) она была, по мнению А.П. Синюка, схожа со среднедонской накольчатой (1986).

За последние годы в районе Среднего Хопра автором было обследовано несколько стоянок с керамикой дронихинского типа (рис. 1). Публикации этих материалов посвящена данная статья. Каменный инвентарь, сопутствующий этой керамике, не вычленяется из общего комплекса и поэтому здесь не рассматривается.

Наиболее представительная коллекция керамики получена со стоянки Плаутино 1, расположенной в приустьевой части р. Савала на южной оконечности берегового вала, возвышающегося над поймой на 2 м (рис. 2, *1*). Стоянка обнаружена в 1981 г. В.В. Килейниковым. С поверхности вала были собраны керамика и каменные находки, отнесенные им к позднему мезолиту и неолиту (VII–III тыс. до н.э.). В 2002 г. данный памятник обследован в ходе разведочных работ. Стоянка активно разрушалась рекой, и возникла угроза полного исчезновения памятника, поэтому было принято решение о проведении охранных раскопок. Общая площадь раскопа составила 68 м^2 (рис. 2, *2*). Находки были выявлены в слое темногумусированной супеси, расположенной над белым материковым песком (рис. 2, *3*).

Большинство обнаруженной в раскопе керамики – 79 фрагментов – относится к дронихинскому типу. Планиграфически она размещалась в южной части раскопа. Орнаментация выполнена прочерченными линиями, овальными или подпрямоугольными в сечении, составляющими композиции в виде горизонтальной елочки (рис. 3, *1*, *5*, *9*, *13–15*), сетки из перекрещивающихся линий (рис. 3, *10*, *17*, *18*), зигзагов (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *6*, *7*, *11*). На некоторых фрагментах линии сочетаются с глубокими подовальными наколами, выполненными, вероятнее всего, тем же инструментом, что и линии (рис. 3, *2*, *10*, *12*). Венчиков девять от восьми сосудов, различной формы (рис. 3, *1–8*). На некоторых венчиках срез украшен оттисками короткой и узкой гребенки (рис. 3, *1*) или ногтевыми вдавлениями (рис. 3, *2*). Судить о форме сосудов данной группы пока сложно. Вероятнее всего, это были горшки с плоским (или уплощенным) дном (рис. 3, *11–12*), в основном прямостенные, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, за исключением двух, имевших биконическую форму (рис. 3, *9*, *15*). Практически на всех фрагментах изнутри имеются следы расчесов. Визуально примеси в тесте не определяются. Толщина стенок колеблется от 0.4 до 0.9 см. В единичных случаях поверхность черепков снаружи имеет лощение, иногда орнамент наносился палочкой с размочаленным концом (рис. 3, *13*).

Помимо материалов, найденных в раскопе, с поверхности стоянки и со дна реки нами была собрана коллекция аналогичной керамики (178 фрагментов). Она включает 16 фрагментов венчиков не менее чем от 15 сосудов и 6 фрагментов придонных частей от разных сосудов. Венчики непрофилированные, большинство от закрытых сосудов. На пяти из них имеется орнаментация в виде косых линий (рис. 4, *3*, *4*), на трех – "паркетная" композиция, у остальных в верхней части проходит поясок из зигзага (рис. 4, *1*, *2*). По срезу трех фрагментов нанесены короткие оттиски мелкозубой гребенки, у двух срез украшен вдавлениями, выполненными, скорее всего, тем же инструментом, что и линии на внешней поверхности. На одном из венчиков имеется сквозное отверстие, выполненное после обжига и, вероятно, связанное с ремонтом сосуда (рис. 4, *4*).

Придонные части принадлежат сосудам с плоским или уплощенным дном, у двух фрагментов в нижней части нанесен пояс глубоких вдавлений.

Среди собранной керамики зафиксировано 156 фрагментов стенок. Практически все они прямые или слегка изогнуты. У восьми фрагментов в тесте визуально фиксируется примесь орга-

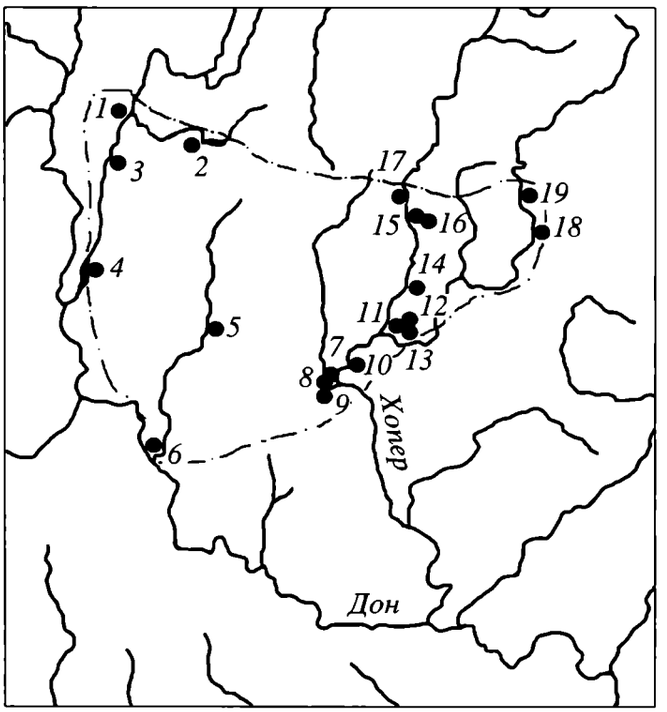


Рис. 1. Карта памятников дронихинского типа. *1* – Липецкое озеро; *2* – Новая Жизнь 3; *3* – Поселение I у Первомайского лесничества; *4* – Отрожка; *5* – Дрониха; *6* – Черкасская; *7* – Пыховка 2; *8* – Плаутино 1; *9* – Плаутино 4; *10* – Новохоперская 3; *11* – Борисоглебская 1; *12* – Стела; *13* – Ловчак 8; *14* – Сисев-Озеро; *15* – Шапкино 1 дюна 5; *16* – Шапкино 6; *17* – Уварово; *18* – Рассказань; *19* – Секретарка.

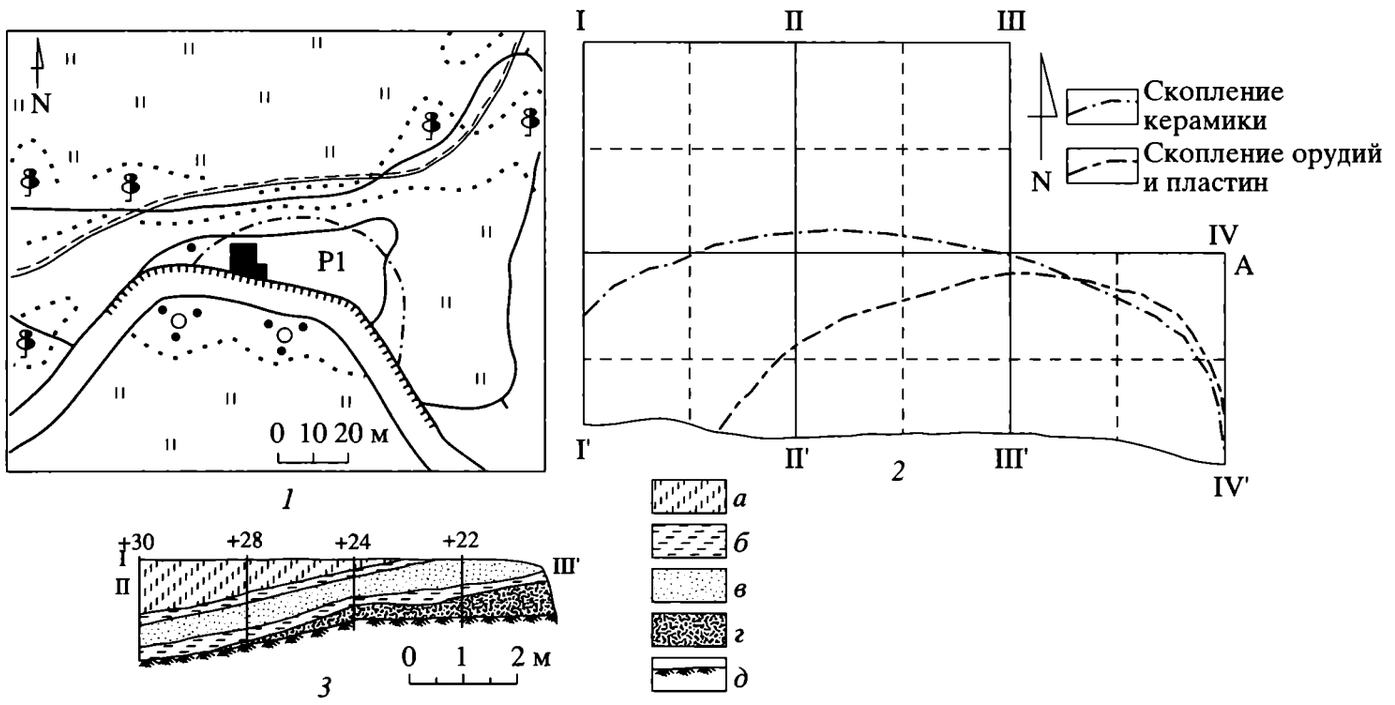


Рис. 2. Стоянка Плаутино 1. *1* – топографическое расположение памятника; *2* – план раскопа; *3* – стратиграфия наслоений: *а* – белый переотложенный песок; *б* – серо-черная иллистая супесь; *в* – светлогумусированная супесь; *г* – темногумусированная супесь; *д* – материк, бело-желтый песок.

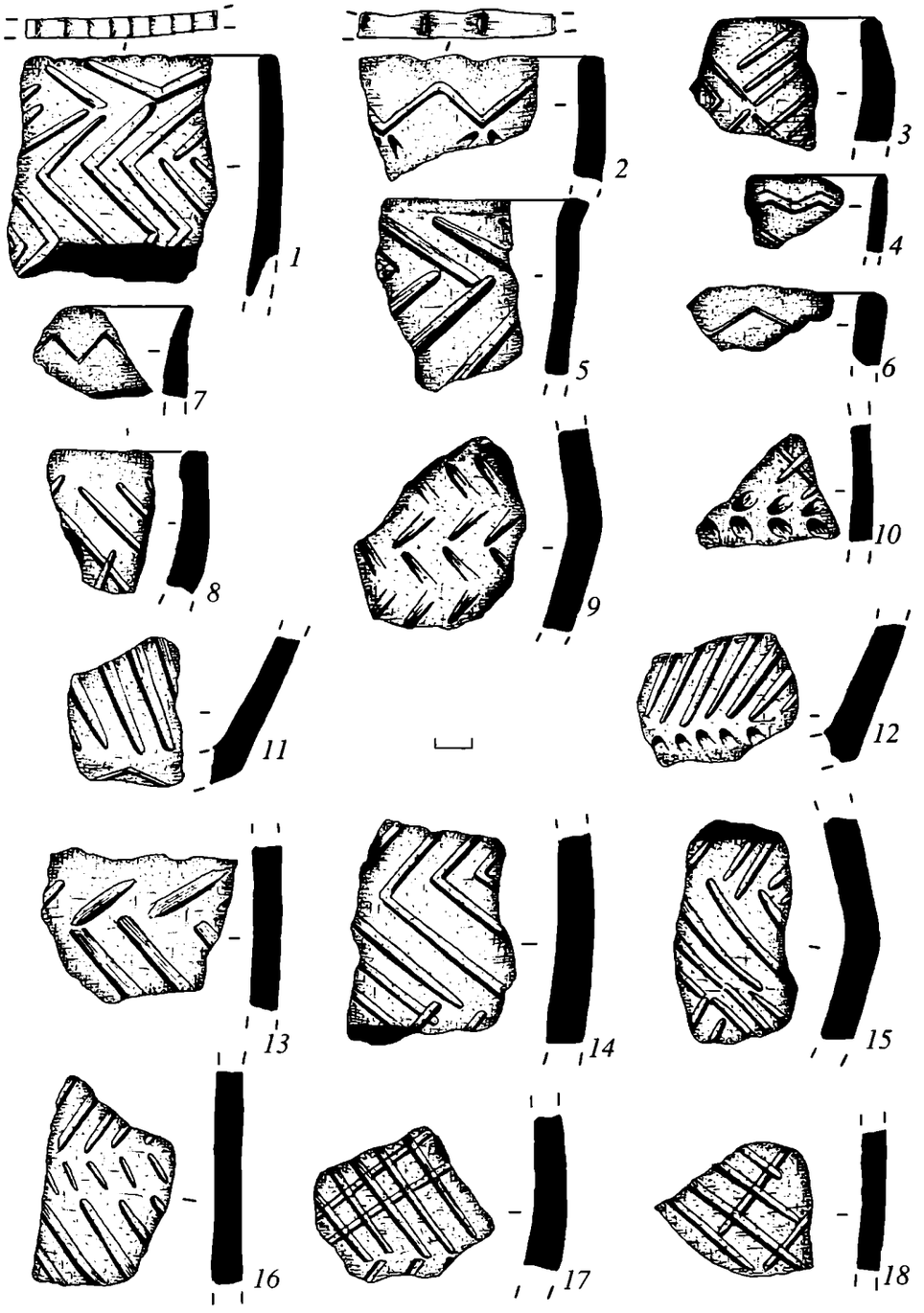


Рис. 3. Керамика дронихинского типа со стоянки Плаутино 1.

ники. Толщина стенок варьирует в интервале от 0.4 см до 1 см; основная масса (75%) имеет толщину 0.6–0.8 см.

Основной орнаментальной композицией является горизонтальная елочка (рис. 4, *7*, *9–11*). Наклонные линии на других фрагментах могли использоваться как самостоятельно (рис. 4, *8*), так и быть частью "елочки" или "паркетного" орнамента, который встречен в единичных случаях. На трех фрагментах линии перекрещиваются (рис. 4, *12*). На одном фрагменте имеется свободная от орнамента зона (рис. 4, *5*). На четырех фрагментах в качестве разделителей зон использованы подовальные вдавления (рис. 4, *6*, *12*). Можно предполагать, что сосуды имели баночную форму со слегка закрытым горлом и плоским или уплощенным дном и толщиной стенок около 0.7 см.

В устье р. Савала исследованы еще два неолитических памятника с керамикой дронихинского типа – Пыховка 2 и Плаутино 4. Первая стоянка расположена на западном склоне берегового вала высотой над уровнем поймы до 2 м, примыкающего к левому берегу реки. Здесь проведены сборы, зачистка обнажений и заложен шурф. Стратиграфия включает слой темногумусированной супеси, ниже – светлой супеси, материк – белый

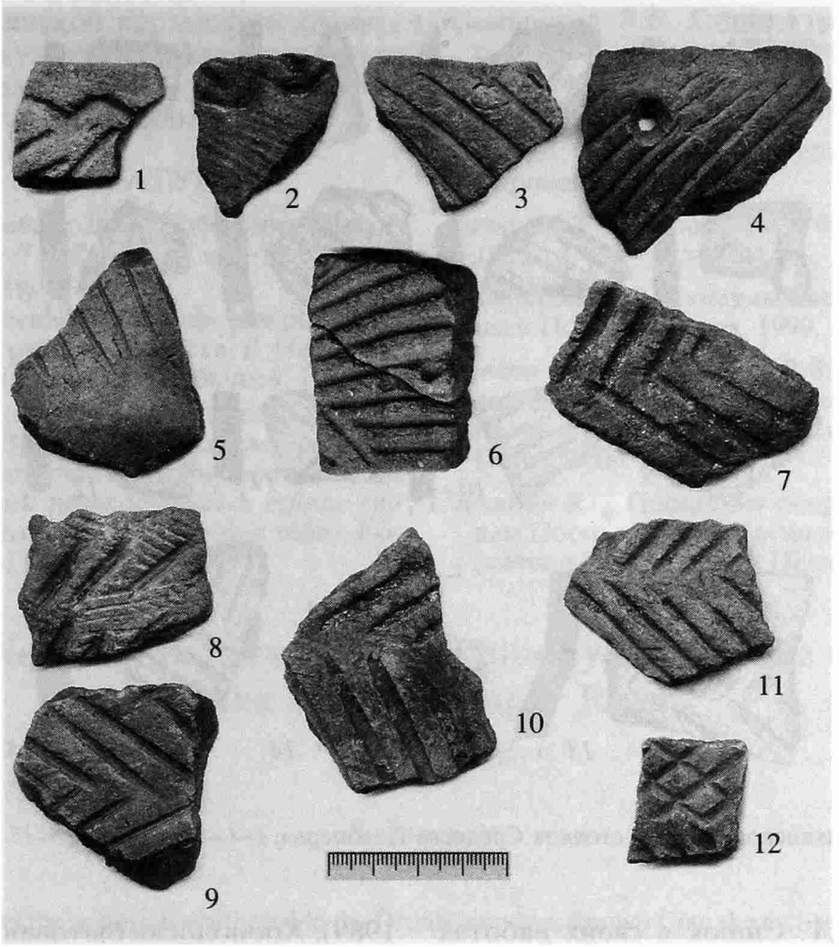


Рис. 4. Керамика дронихинского типа. Сборы со стоянки Плаутино 1.

песок; общая мощность до 40 см. Среди обнаруженной керамики к дронихинской относятся четыре фрагмента. Помимо стенок (рис. 5, *1–3*) имеется один фрагмент венчика, украшенный прочерченными линиями, пояском наколов и косопоставленной гребенки, по срезу венчика нанесены гребенчатые оттиски (рис. 5, *1*).

Стоянка Плаутино 4 находится в пойме левого берега р. Савала на береговом валу, возвышающемся над открытой заболоченной поймой на 2.5 м и вытянутом по линии юго-восток – северо-запад. На стоянке была проведена шурфовка, а в 2004 г. заложен небольшой раскоп (20 м^2). Установлено, что под слабо задернованным слоем белого переотложенного песка мощностью около 0.2 м залегал слой темной супеси (до 0.5 м от поверхности), ниже – слой светлой супеси (до 0.8 м), а еще ниже – материк – (белый песок). В двух шурфах (всего 5 м^2) было обнаружено восемь фрагментов керамики дронихинского типа, среди которых один принадлежал венчику прямого сосуда, украшенного по верху зигзагом (рис. 5, *5*), а остальные – фрагментам стенок, украшенных наклонным "елочным" (рис. 8, *11*), "паркетным" (рис. 5, *10*) орнаментом и линиями (рис. 5, *6, 7, 12*), в одном случае ограниченными горизонтальными прочерками (рис. 5, *9*).

В раскопе найдено восемь фрагментов дронихинской керамики, среди которых один венчик, остальные – стенки сосудов. Венчик украшен короткими линиями, образующими "елочку", ниже идут параллельные линии под наклоном, общая композиция не ясна; форма, судя по венчику, была закрытой, слегка профилированной (рис. 5, *13*). Обломки стенок украшены мотивами в виде косых линий, "елочки" (рис. 5, *14*) и "паркетного" узора (рис. 5, *15*).

Известно еще несколько аналогичных стоянок, расположенных в пойме р. Хопер при впадении в нее р. Ворона (рис. 1). Все эти стоянки исследованы разведками, и количество зафиксированной керамики дронихинского типа на них, к сожалению, невелико.

Вопрос о формировании керамики дронихинского типа и статусе оставившего ее населения и дальнейшей его судьбе пока остается дискуссионным. Сейчас в археологической литературе высказано несколько точек зрения по этому вопросу. При предварительной публикации материалов стоянки Дрониха В.В. Килейников связал прочерченную керамику с влиянием волго-камских

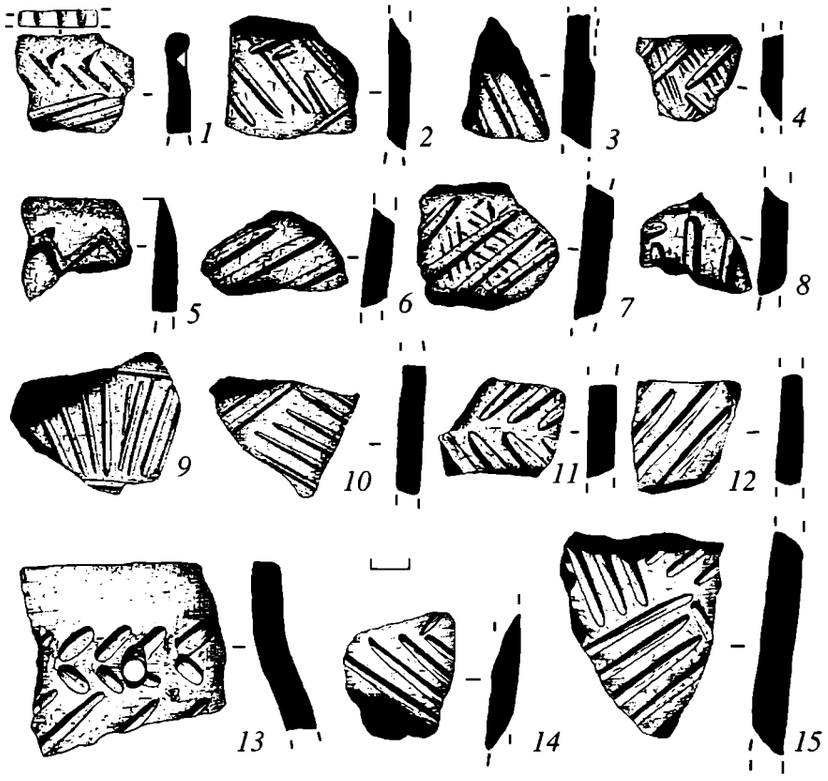


Рис. 5. Керамика дронихинского типа со стоянок Среднего Похоперья. *1–4* – Пыховка 2; *5–15* – Плаутино 4.

древностей (1978). А.Т. Синюк в своих работах выдвинул две точки зрения, одну из которых выделил как ключевую: дронихинский тип керамики сложился в реультате распространения на территорию Лесостепного Подонья носителей рыбноозерской культуры в III тыс. до н.э. и их контакта с частью носителей среднедонской неолитической культуры. А.Т. Синюк также предположил, что керамика дронихинского типа могла появиться при трансформации традиции строчечно-накольчатой орнаментации посуды в прочерченные линии (1986).

По мнению А.А. Хрекова, исследовавшего ряд стоянок в верховьях рек Ворона и Хопер, формирование керамики дронихинского типа происходило в лесостепи под влиянием степных неолитических и энеолитических культур. Он же отметил, что некоторая близость элементов орнамента, композиционных построений и форм керамики стоянки Рассказань 3 наблюдается при сопоставлении с керамическими комплексами стоянок Каир-шак I, III. Время формирования дронихинского типа, по его представлениям, приходится на конец V – начало IV тыс. до н.э. (Хреков, Ставицкий, 2003).

Сегодня наиболее обоснованным кажется мнение А.А. Хрекова о юго-восточных корнях этого типа керамики. Помимо этого, традиция использования прочерченного орнамента на плоскодонных сосудах четко фиксируется на промежуточной территории – Нижнем Хопре, где известно две стоянки с близкими материалами (Еремин, 1989). Хронология бытования данного типа керамики пока до конца не ясна, но отнесение ее к V тыс. до н.э. представляется неправомерным.

Вопрос о дальнейшей судьбе носителей дронихинского типа керамики также решается неоднозначно. Выделив его, А.Т. Синюк сначала предположил участие этого культурного компонента в сложении волосовской культуры (Синюк, 1986). Позднее он высказывался о возможном участии дронихинского компонента в сложении воронежской культуры эпохи бронзы (Синюк, 1996), керамика которой практически идентична неолитической по приемам орнаментации и композиционным построениям.

При выделении имеркской культуры А.А. Выборновым и В.П. Третьяковым была отмечена ее близость материалам стоянки Дрониха (Выборнов, Третьяков, 1984). В.В. Ставицкий усматривает появление прочерченной керамики в Посурье вследствие продвижения населения из Марийского Поволжья в середине IV тыс. до н.э., возможно камской культуры (Ставицкий, 1999).

Сегодня более вероятно предполагать участие носителей дронихинского типа керамики, распространившихся через верховья Хопра в Сурско-Мокшанское междуречье, в сложении имеркской культуры. Эта мысль уже высказывалась В.П. Челяповым (2003).

Дальнейшее исследование памятников этого типа и более углубленное изучение всего круга

особенностей дронихинской керамики в сравнении с посудой других культур позволит, вероятно, говорить о существовании в этом районе особой дронихинской неолитической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Новый Усад на реке Мокше // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Еремин В.И. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Килейников В.В. Исследования неолитического поселения и могильника Дрониха на Среднем Битюге // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в Высшей педагогической школе (по материалам Восточно-Европейской лесостепи). Воронеж, 1978.

Килейников В.В. Стоянки каменного века в устье р. Савелы (Среднее Похоперье) // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.

Хреков А.А., Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении памятников дронихинского типа // Археология восточноевропейской лесостепи. Матер. конф. Пенза, 2003.

Челяпов В.П. Поселения имеркской культуры в Среднем Поочье // Археология восточноевропейской лесостепи. Матер. конф. Пенза, 2003.

The Neolithic pottery of Dronikhino type from the camps of the Middle Khoper River

A. V. Surkov

Summary

The article considers the materials attributed to the Dronikhino type known from the archaeological sites of the Middle Khoper River. The most informative sites are situated in the River Saval estuary. These are the camps Plautino 1, Pykhovka 2, Plautino 4. The pottery of discussed type originating from the sites is rather specific. The vessels are in the shape of truncated cone with flat or flattened bottom. The ornament is executed with incised lines around 3 mm wide. The following compositions are represented: zigzag patterns on the neck of the vessels, their lower zones being decorated with herringbone pattern or hatched triangles. The vessels' walls are on the average 0.7 cm thick. The published materials make clearer the characteristics of the discussed type of sites, which may be considered as a component that participated in the development of the Neolithic culture in East European steppe.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 140–143

ПУБЛИКАЦИИ

О ПОЯСНОЙ ПЛАСТИНКЕ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БАХРАМ ГУРА С ТЕРРИТОРИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАРА(Ставропольский край)

© 2006 г. Е. И. Нарожный

Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета

При подготовке к сдаче в фонды Кисловодского краеведческого музея личного архива известного пятигорского краеведа А.П. Рунича (Березин, Савенко, 1994. С. 3–14) в его бумагах был обнаружен черновик небольшой, так и незавершенной заметки. Очевидно, подготавливая к публикации, краевед назвал эту заметку "Маджарский драконоборец".

Архивные материалы представляли собой полстранички рукописного текста и машинопись такого же объема. Сопровождал их рисунок (рисунок, *1*), выполненный тушью (Нарожный, 2000. С. 119–124).

Копию рисунка еще в 1987 г. мы передали для определения научному сотруднику Гос. Эрмитажа М.Г. Крамаровскому, посвятившему предмету весьма лапидарные тезисы своего доклада, с которым он выступил в Эрмитаже (1995. С. 105). В 2000 г. предварительные сведения о находке А.П. Рунича были опубликованы и нами (Нарожный, 2000. С. 119–124). Еще два года спустя в литературе появился вариант рисунка А.П. Рунича с частичной реконструкцией изображения на нем, опубликованный М.В. Гореликом (2002. С. 70. Рис. 1).

Учитывая неординарность публикуемого предмета, судьба которого неизвестна, а также различия в датировке и трактовке семантики изображения на нем, мы предлагаем публикацию рисунка А.П. Рунича, обращая внимание на некоторые его наблюдения, которые, вероятно, смогут объяснить причины обнаружения этой уникальной находки на территории золотоордынского города Маджара (Малдар).

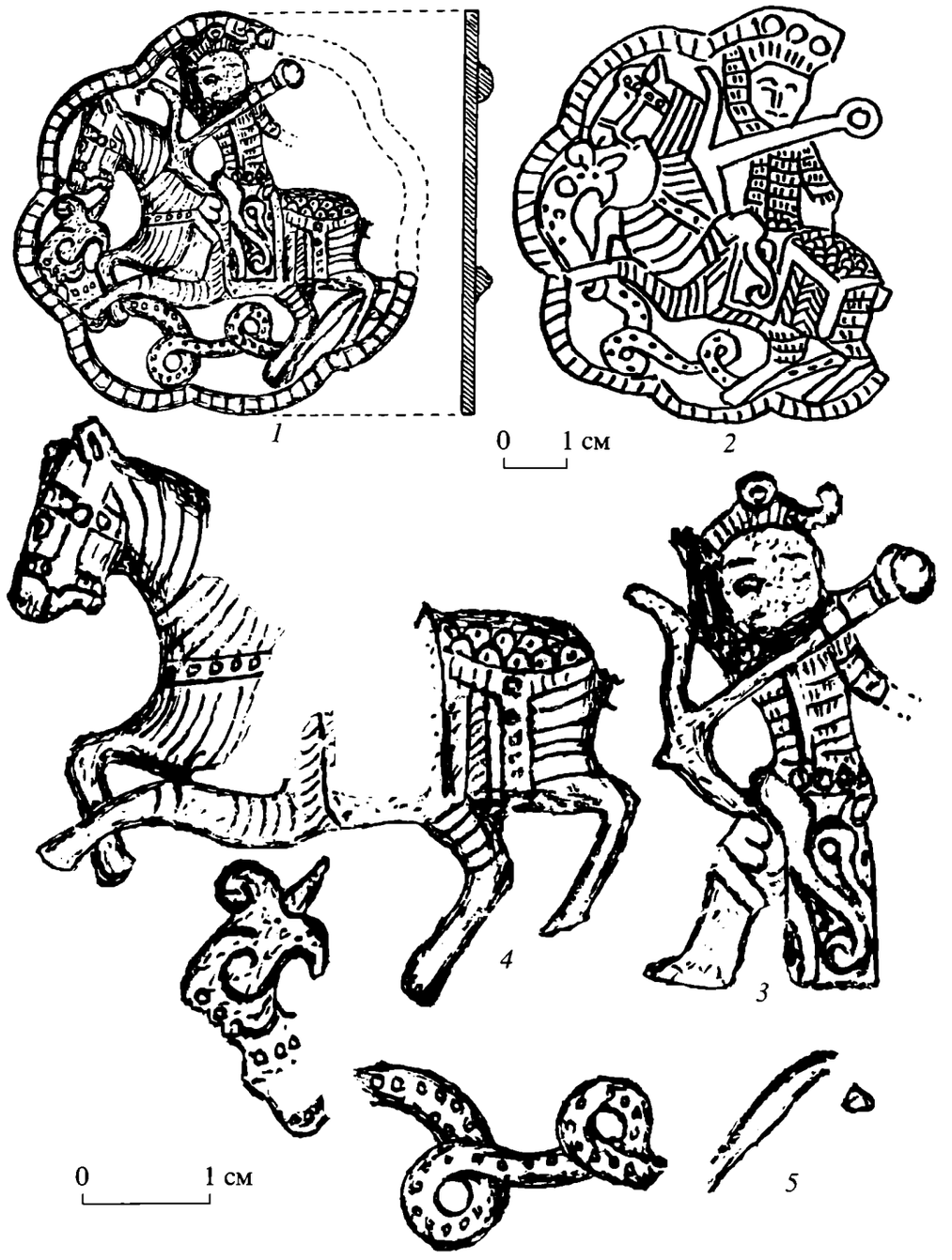
Согласно тексту А.П. Рунича, бронзовый предмет был случайно поднят им (1970-е годы) на распашке виноградного поля близ современного города Буденновска Ставропольского края (территория золотоордынского г. Малдара). Находился он в крупном комке земли с обильным содержанием золы, застывших капелек бронзы, фрагментами поливной керамики и несколькими золотоордынскими монетами. Монеты впоследствии были определены Г.А. Федоровым-Давыдовым и оказались анонимными пулами середины XIV в.

Предмет представлял собой бронзовую фрагментированную накладку в фигурной рамке (рисунок, *1*). Рамка рельефная, по внешней поверхности декорирована насечками. Внутри нее – рельефное изображение конного лучника, облаченного в доспех, с луком, развернут влево. На голове всадника – головной убор, выполненный при помощи дополнительной обработки внешней поверхности изображения тонкими линиями, нанесенными мелкой гравировкой (после отливки) (рисунок, *2*). Правый край убора загнут вверх. В центре его верхней части – округло-выпуклое утолщение, дополнительно доработанное тонким чеканом. Лицо воина – плоское, овальное, с ярко выраженной монголоидностью, подчеркнутым чуть раскосым разрезом глаз (обозначены изогнутыми неглубокими линиями и точками). Аналогичным образом (по описаниям А.П. Рунича) был обозначен и "приплюснутый нос".

Туловище батыра покрыто доспехом с пластинчатым характером оформления внешней поверхности и вертикальным осевым разрезом (рисунок, *3*). М.В. Горелик склонен рассматривать его как типичный для монголов ламеллярный панцирь – покрой типа "халат" (2002. С. 70. Рис. 1). Нижний край доспеха в виде поперечных пластин с округлым завершением краев хорошо заметен на правой ноге всадника.

На талии воина мелкими линиями прочерчен пояс лучника (рисунок, *3*), поверхность которого была покрыта декоративными бляхами различной конфигурации. Прослеживаются ромбовидные, округло-овальные и иные бляшки, обозначенные мелко врезанными линиями. В районе пояса видна передняя лука седла и налучье (?), которое расположено поверх декорированного колчана (рисунок, *3*). Орнамент последнего отдаленно напоминает реальные костяные накладки, встречающиеся на археологически прослеженных остатках колчанов XIII–XIV вв. на обширной территории евразийских степей (Малиновская, 1974. С. 133–160).

Перед лицом всадника – тугой и растянутый лук. Ниже луки седла, поверх левой ноги и колчана, изображена фигурная полоска с необработанной поверхностью. Правая рука конного воина поднята вверх, обломана. Левая рука отведена на-



Бронзовая пластина из Маджар: *1* – рисунок А.П. Рунина; *2* – по М.В. Горелику, *3–5* – прорисовки деталей рисунка.

зад и в сторону; в этой части пластина также обломана.

Конь всадника-батыра показан реалистично. Четко проработана морда животного, прикрытая защитным доспехом, но с хорошо заметной и декорированной уздой (рисунок, *4*). В настоящее время известны и археологические находки деталей защитного доспеха лошади (Кирпичников, Черненко, 1968. С. 62–65). Весь корпус лошади покрыт пластинчатым доспехом. Такой доспех следует отнести к числу конских, его основные разновидности хорошо исследованы специалистами на основе изобразительных источников восточного происхождения (Gorelic, 1979; Горелик, 1983; 1987; 2002; Худяков, 1991). Под всадником и сзади него заметна орнаментированная попона. Хвост лошади приходился на обломанную часть пластинки (рисунок, *4*).

Под копытами и перед мордой лошади находится голова и свернутое кольцами туловище "змея" или "дракона" (рисунок, *5*). Лук всадника направлен прямо в голову этого существа. Голова фантастического животного крупная, с "косами", туловище декорировано (рисунок, *5*).

А.П. Рунич, назвав сюжет "драконоборцем", не исключал, что это могло быть изображение Георгия Победоносца. М.В. Горелик это же изображение батыра рассматривает как всадника-

"монгола" (2002). Но наибольший интерес представляет атрибуция предмета, предлагаемая М.Г. Крамаровским: "Аналогичный, но хорошей сохранности предмет хранится в Музее Кувейта. Согласно каталожным данным Музея, пластина является изделием иранских мастеров XII–XIII вв. и изображает Бахрам Гура на охоте. Принимая эту точку зрения и с ее помощью, докладчик атрибутирует и пластинку из Маджар" (Крамаровский, 1995. С. 105).

Идентифицируя всадника с маджарской бронзовой пластинки (вслед за М.Г. Крамаровским) с одним из излюбленных персонажей иранского эпоса Бахрам Гуром, следует напомнить, что он хорошо известен в искусстве Востока. Его изображение часто присутствует на разнообразных высокохудожественных изделиях из металла еще сасанидского времени, керамике и в резных сюжетах на камне значительно более позднего времени. "Подвиги" Бахрам Гура были воспеты Фирдоуси в поэме "Шахнаме" (Тревер, Луконин, С. 76–78), а также известны на тебризских миниатюрах 1333 г., иллюстрировавших одну из самых поздних ее редакций (Адамова, Гюзедьян, 1985. С. 125–129). Среди наиболее популярных сюжетов с Бахрам Гуром, запечатленных миниатюристами первой трети XIV в., укажем на тот, где "Бахрам Гур борется с драконом" (Адамова, Гюзедьян, 1985. С. 128, 129). Согласно пересказу поэтической версии этого "подвига", подкрепленной и иллюстрацией миниатюры, он начинается с описания очередного выезда Бахрам Гура на охоту, когда перед ним "в поле появляется дракон, на голове которого волосы во всю его длину" (отсюда, вероятно, такое своеобразное оформление головы дракона и на маджарской пластинке). В ходе начавшегося затем поединка с чудовищем Бахрам Гур должен "ранить дракона одною стрелою в грудь, другою в голову". Именно этот момент (перед пуском стрелы в голову монстра), скорее всего, и изображен на пластинке из Маджар.

Впоследствии раненый дракон станет "истекать кровью и ядом", а Бахрам Гур должен будет сойти с лошади и рассечь кинжалом его грудь, а затем "обнаружит в чреве целиком проглоченного и задохнувшегося юношу" (Адамова, Гюзедьян, 1985. С. 129).

Учитывая маджарскую находку и ее аналогию из Музея Кувейта, допустимо предположить, что интересующие нас накладки являлись декоративными пластинами, носившимися на поясах представителями социальной верхушки Ирана Хулагуидского времени. В связи с этим закономерно встает вопрос о причинах и путях появления публикуемого предмета на территории золотоордынского города Маджара.

Естественно предположить, что на Северный Кавказ данная пластинка (или серия таких пластин) могла попасть в результате известных Хулагуидо-Джучидских военных столкновений, будучи трофеем, либо же в контексте прямых торгово-экономических взаимоотношений, осуществлявшихся между Хулагуидским Ираном и Золотой Ордой, когда на территорию Золотой Орды поступали самые разнообразные категории предметов материальной культуры (Федоров-Давыдов, 1973).

Однако если вновь обратиться к черновику заметки А.П. Рунича, следует обратить внимание и на другое. Пятигорский краевед, кстати, имевший техническое образование и являвшийся хорошим художником, настойчиво указывал на существование у бронзовой пластины с Маджар многочисленных "заусениц" по бокам и на оборотной стороне предмета. Отмечал он и впечатление о неполном (незавершенном) характере гравировки по внешней поверхности предмета и о "шероховатости", свидетельствующей об отсутствии специальной обработки оборотной стороны пластинки. Обратим внимание и на то, что А.П. Рунич, описывая пластинку, несколько раз указывал, что в месте излома предмета пластинка имела значительно меньшую толщину ("брак при отливке"), что, вероятно, и послужило основной причиной фрагментации предмета "в момент нанесения удара" при "насечке" (гравировке) внешней поверхности изображений на предмете.

Эти детали в описании А.П. Руничем бронзовой пластины могут послужить основой для предположения о совершенно иных причинах ее появления на территории северокавказского города Золотой Орды. Существование ряда признаков производственного брака у маджарского варианта может быть воспринято и как свидетельство того, что данный предмет являлся копией с иранского оригинала, попытка воспроизведения которого была осуществлена в Маджарах.

В качестве рабочей гипотезы при решении интересующего нас вопроса следует опереться на сведения письменных источников, сообщавших о бегстве в Золотую Орду из Хулагуидского Ирана потомков (сына и внука) известного иранского эмира Чупана. Беглецы, как известно, укрылись на территории Улуса Джучи. Средневековые авторы датируют этот эпизод отрезком времени с 1325 по 1327 г. К сожалению, описывая эти события, средневековые авторы не указывают конкретного места в Золотой Орде, где они обосновались. В другом случае речь идет о том, что Хасан (сын эмира Чупана) вместе со своим сыном Талышем, в сопровождении верноподданных им отрядов, попадает в Золотую Орду (Нижнее Поволжье) через Среднюю Азию, обогнув Каспийское море. Однако самого пристального внимания заслуживает сообщение письменного источника о том, что переметнувшиеся на сторону Золотой Орды Хасан и Талыш во владениях Джу-

чидов не только были приняты ханом Узбеком, но и получили от него "высочайшее положение и чин" (Тизенгаузен, 1941. С. 92). Некоторое время спустя Хасан и Талыш были отправлены "на войну с черкесами", т.е. на Северо-Западный Кавказ, где в одном из сражений Хасан получил серьезные ранения, послужившие причиной его смерти. Талыш же прожил долгую жизнь и умер своей смертью.

Несмотря на лаконичность сообщений письменных источников по интересующей нас проблеме, мы вправе считать, что упоминание о посылке Хулагуидов на войну с черкесами косвенно дает некоторые основания для предположения о возможном пребывании иранских перебежчиков и на территории Маджар, откуда они отправились на упоминавшуюся войну.

Вполне вероятно, что именно с представителями социальной верхушки из окружения Хасана и Талыша и могла быть связана попытка копирования (по образцу или же на заказ?) поясной бронзовой пластинки с изображением Бахрам Гура с публикуемого рисунка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамова А.Т. Гюзедьян А.Т. Миниатюры рукописи поэмы "Шахнаме" 1333 года. Л., 1985.

Березин Я.Б., Савенко С.Н. Андрей Петрович Рунич Сер. Северокав-казские историки-краеведы. Вып. 1. Армавир, 1994.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

Горелик М.В. Армии монголо-татар. М., 2002.

Кирпичников А.Н. Черненко Е.В. Конское боевое наголовье второй половины XIII века из южной Киевщины // Славяне и Русь. М., 1968.

Крамаровский М.Г. Драконоборец из Маджар // Эрмитажные чтения 1986–1994 памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV в. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Нарожный Е.И. Бахрам Гур или Георгий Победоносец? // Проблемы всеобщей истории. Вып. 6. Международный сборник статей, посвященный 86-летию проф. В.Т. Сиротенко. Армавир, 2000.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Гос. Эрмитажа. М., 1987.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотая Орда и Хулагуидскии Иран // Вестн. МГУ. Сер. История. 1973. № 3.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск., 1991.

Gorelic M. Oriental armour of the Near and Middle East from the Fifteenth centuries of shown in Works of art // Jslamic Arms and Armour. L., 1979.

Belt-buckle with the representation of Bahram Gur from the territory of the Golden Horde town Madjar (Stavropol krai)

E. I. Narozhny

Summary

The publication is devoted to the introduction into scientific circulation of the belt-buckle – an accidental find from the territory of the Golden Horde town of Madjar. Now the buckle has been lost. The object bears the representation of a warrior riding on a horseback, shown shooting an arrow into a "dragon" disposed under the horse's legs. An exact analogy for the buckle from the Museum of Kuwait has been pointed to by M.G. Kramarovsky. The Kuwait buckle, according to the catalogue, shows a scene from the deeds of the legendary personage Bahram Gur and is attributed to the production of Iranian artisans of the 12th–13th cc. In the publication the author pays attention to the fragmentary state of the find from Madjar and its non-finished character. Consequently, it is supposed that the buckle is not an imported object from Iran, but a local replica. The reason for copying such a belt-buckle was probably the activity of the detachments headed by Khasan and Talysh – respectively the son and the grandson of Emir Chupan from Iran. In the 20-s of the 14th c. Uzbek Khan sent his allies to the North-Western Caucasus to attack the Cherkes. Thus the data of the written sources permit to suppose that the troops of Khasan and Talysh acted in Madjar. The discussed tbelt-buckle decorated with the image of Bahram Gur may be regarded in relation with these events in the North Caucasus.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 144–147

ПУБЛИКАЦИИ

НОВАЯ НАХОДКА ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ТОРЕВТИКИ ИЗ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

© 2006 г. Я. А. Яковлев

Томский областной краеведческий музей

Летом 1999 г. жители хантыйских юрт Первых Ачимовых Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа отдали сотрудникам томской киностудии "Визан" серебряную орнаментированную чашу на поддоне. Позже находка была передана на временное хранение в МУ "Историко-культурный научно-производственный центр "Барсова Гора" в городе Сургуте. Руководитель указанной организации Н.В. Шатунов осмотрел место находки в 2000 г. (2000. С. 20, 21). Выделенное им городище Караевское имеет координаты в системе GPS: N – 60°08'42", E – 74°53'00". Гидрографически это соответствует бассейну р. Малый Юган – правого притока р. Большой Юган в нижнем его течении, в Обском левобережье. Здесь, в 7.5 км к юго-западу от юрт Первых Ачимовых, на мысовидном выступе второй надпойменной правобережной террасы р. Малый Юган и находится городище. После сооружения барсучьих нор и последующих раскопок этих убежищ охотниками и медведями памятник оказался в достаточно плохом состоянии. Но именно эти обстоятельства стали причиной появления чаши на современной поверхности. Уникальный образец средневековой торевтики был обнаружен на дне лога, через который пролегает звериная тропа, примерно в 150 м восточнее памятника. Н.В. Шатунов пишет: "Очевидно, животное наткнулось на нее при обустройстве норы. Блестящая поверхность чужеродного предмета заставила барсука оттащить его на достаточно протяженное безопасное расстояние, о чем свидетельствовали следы зубов на стенках чаши к моменту ее обнаружения" (200). Никаких датирующих находок на территории самого городища обнаружено не было. Несмотря на значительные нарушения слоя, сборы ограничились только фрагментами сырых костей и кусками раскрошившейся глиняной обмазки.

Серебряная тонкостенная чаша имеет ложчатое полированное тулово и основание-поддон (рис. 1). Ее общая высота – 12.0–12.1 см. Высота самой чаши – 6.4–6.6 см. Диаметр устья – 19.0 см, диаметр по экватору – 19.5 см, диаметр плоского дна – 12.2 см. Наружный край венчика полуовально утолщен до 0.5 см. Ниже, на слегка расширяющемся тулове, нанесена полоса позолоты шириной 1.4–1.5 см. Она заполнена гравированным растительным узором из горизонтально вытянутых стеблей и листьев на фоне плотного чеканного кольцевого пуансона. Последний орнаментальный элемент, сгруппированный в виде треугольников, оттиснут и на изображениях листьев. Гравировкой и чеканкой выполнены и все остальные узоры. Даже прокладка черни (?) на четырех ложках и дне чаши сделана по заранее намеченным углубленными линиями контурам.

Остальное тулово между нижней границей этой полосы и угловым переходом к плоскому днищу выколоткой разбито на восемь рельефных ложков, которые имеют ширину от 6.2 до 7.0 см и высоту 5.2–5.5 см. Все они орнаментированы. Четыре выпуклости вразбивку через одну украшены позолоченными медальонами, заполненными гравировкой и чеканкой. Арочные контуры оформлены по периметру двойной углубленной линией. Композицию каждого из этих медальонов образует сильно стилизованная фигура животного в обрамлении растительного орнамента на фоне плотного чеканного пуансона. Два персонажа – явно хищники: один – с вытянутым корпусом, длинными ушами и удлиненной мордой, как у лисы (рис. 2, *1*), другой – с массивным туловищем, короткоухий и тупомордый, видимо, лев (рис. 2, *2*). Еще одно животное не поддается видовой дешифровке (рис. 2, *3*). Его корпус и, особенно, конечности в виде лап тоже напоминают хищника, однако пара рогов на голове противоречит физическому облику этого представителя отряда млекопитающих. Четвертый образ – крылатая собака, "царь птиц" Сэнмурв (рис. 2, *4*). Такая реминисценция иранской мифологии в золотоордынском изобразительном творчестве отводит описываемой чаше заметное место в изучении формирования и эволюции средневекового степного искусства.

Каждый из четырех других ложков – также через один – имеет очень похожие, хоть и неповторяющиеся растительные композиции из сложного переплетения линий шириной 0.1–0.3 см и точек диаметром 0.1–0.4 см (рис. 3). Они выполнены чернением (?) по предварительно намеченным штихелем контурам рисунка. Та же техника использована для передачи шестилепестковой розетки, вписанной с помощью циркуля в диаметр

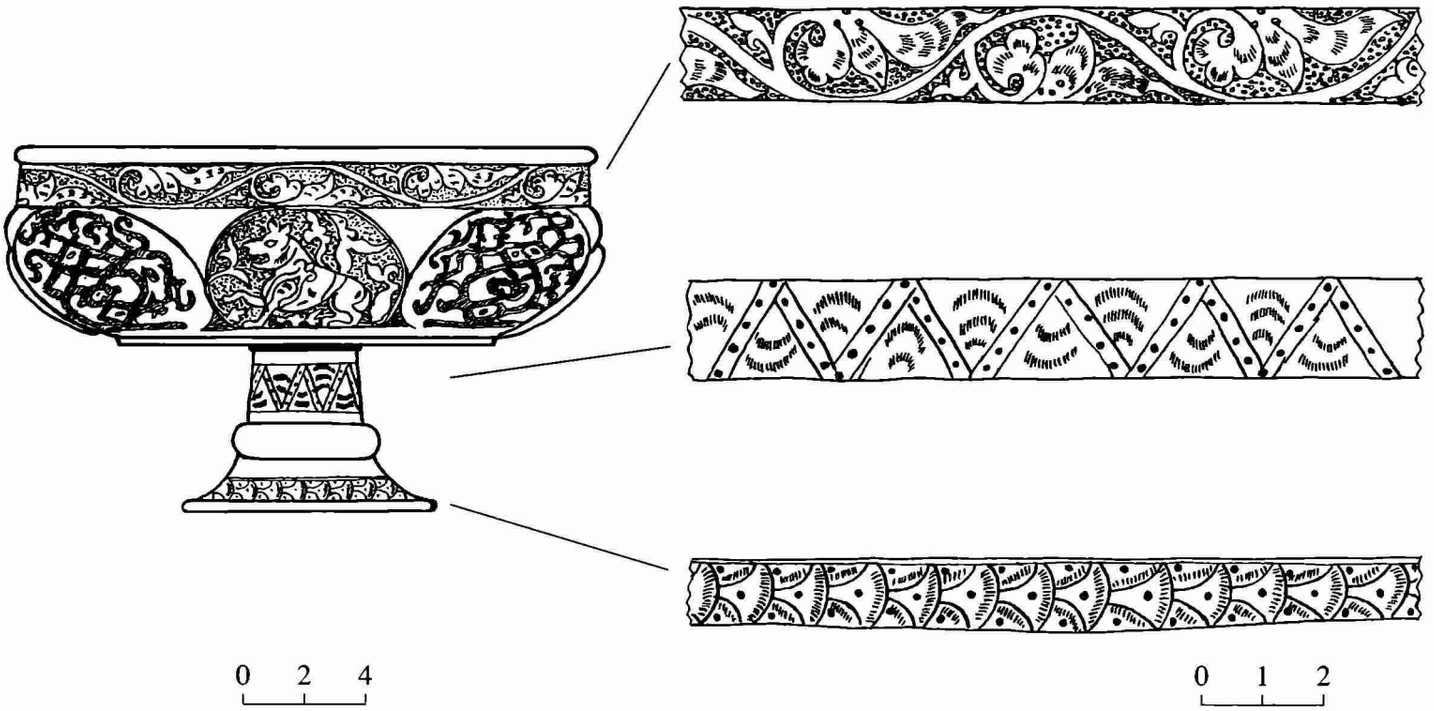


Рис. 1. Малоюганская чаша. Прорисовка.

Рис. 2. Малоюганская чаша. Декор тулова. Гравировка по позолоте. Прорисовка фотографии.

слегка позолоченного дна чаши: сначала рисунок наметили прочерченными линиями, а затем по нему наложили чернь (?). Однако на этот раз был применен прием негатива: зачерненным оказалось не само изображение, а фон – пространство между лепестками. Традицию циркульной разметки орнамента, в том числе и шестилепестковой розетки, специалисты считают согдийской и раннеисламской (Федорова, 1991. С. 202).

Ножка-поддон представляет собою полый раструб с перехватом немного ниже середины, после которого диаметр начинает резко увеличиваться (рис. 1). Высота – 5.5–5.6 см. Диаметр в основании – 8.0–8.2 см, диаметр в месте припоя к чаше – 3.4 см. Снаружи место припоя маскируется слегка несомкнутым кольцом из проволоки диаметром около 0.2 см. Нижняя кромка поддона оформлена так же, как и край венчика чаши: утолщением до 0.5 см и примыкающей к нему позолоченной полосой. Отличие заключается лишь в уменьшении ширины бордюра (1.0–1.2 см) и его ином декоративном наполнении. На этот раз узор представляет собою горизонтальную череду сомкнутых друг с другом подтреугольных фигур, каждая из которых обрамлена пояском из коротких штрихов (оттиски чекана) и отделена от соседних парой точек пуансона. Еще по одной точке оттиснуто в центре большинства этих фигур. Третий позолоченный и гравированный орнаментальный пояс нанесен в верхней половине поддона. На этот раз полоса имеет ширину около 1.6 см и украшена зигзагом из спаренных линий с ниткой пуансона меж ними. Образованные треугольники заняты опять же короткими штрихами (оттиски чекана), сгруппированными в две либо три параллельные дуги с выгибом в сторону оснований этих треугольников – к краям бордюра.

Сохранность предмета очень хорошая. В техническом состоянии имеется единственный изъян – микроскопическая по ширине щель длиной около 1.0 см на дне. Также есть утраты отдельных участков черни (?) в декоре днища и ложков чаши.

По морфологическим и декоративным признакам чаша полностью входит в круг серебряной орнаментированной посуды Золотой Орды XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1976. С. 181). Более того, в литературе известны по крайней мере четыре почти полные аналогии малоюганской находке. Территориально самыми близкими из них являются две серебряные чаши из урочища Сайгатино около г. Сургута. Одна происходит из святилища Сайгатинское I, раскопанного в 1987 г. (Крамаровский, 1991. С. 26, 27. Кат. 19; Федорова, 1991. С. 196. Рис. 3; Зыков и др., 1994. С. 67, 124, 156. Кат. 307). Относясь к тому же типу золотоордынской торевтики и совпадая с малоюганской в абсолютном большинстве морфологических и декоративных характеристик, она все-таки имеет

Рис. 3. Малоюганская чаша. Декор тулова. Прокладка черни по контуру рисунка (?). Прорисовка фотографии.

некоторые отличия. Так, ее стенка оформлена не на 8, а на 12 ложков; декор нанесен не на все, а лишь на половину из них; орнаментальные медальоны заполнены не растительным орнаментом или стилизованными хищниками, а цветами или копытными с растительной веткой в губах. Поддон у этого экземпляра утрачен. Вторая чаша обнаружена в 1985 г. в погребении 31 могильника Сайгатински III (Крамаровский, 1991. С. 28. Кат. 23; Федорова, 1991. С. 193, 194. Рис. 1). Типологически она очень близка малоюганской находке, однако и у нее есть серьезные отличия: гораздо более скромные размеры, гладкое тулово и обедненный декор в виде трех медальонов с изображениями животных среди растительного орнамента.

Еще две чаши происходят из Приуралья – региона, имевшего еще с эпохи раннего железа прочные связи со степью, и сохранившего немалую часть золотоордынской торевтики. Например, очень похожий на находку с р. Малый Юган экземпляр был обнаружен у д. Понил Свердловской обл. Он вошел в археологическую литературу под именем Ивдельской находки (Генинг, Крамаровский, 1973). Его краткое описание: "Серебряная чаша с полым высоким поддоном в виде раструба имеет тулово, разделенное на секции, и в каждой секции по медальону с изображениями животного в растительных побегах. Животные фантастические – с хищными телами, с птичьей или козлиной головой, сирены. Строение чаши подчеркивается этими медальонами, идущими через один с небольшими овальными клеймами, заполненными рисунком в той же манере, изображающим или птиц, или плетеный узор, или просто ветви с листьями" (Федоров-Давыдов, 1976. С. 184). К этому можно лишь добавить, что число ложков на этой чаше равно двенадцати. Пожалуй, лишь эта деталь, больший диаметр, другой набор зооморфных образов в декоре и отсутствие

проволочного кольца на ножке только и отличают ивдельскую находку от малоюганской. По всем прочим признакам в технике изготовления и приемах художественной обработки, в стилистике орнаментации они обнаруживают удивительное сходство. Подобное же приобретение было сделано до революции в бывшей Пермской губ. Единственное отличие той чаши – отсутствие зооморфных образов в орнаментике (Смирнов, 1909. С. 11. Табл. СП, № 223).

Близость четырех приведенных в качестве аналогий чаш уже неоднократно отмечалась. При этом Н.В. Федоровой была высказана мысль об их принадлежности все же двум разным школам (хоть и работавшим в русле одной традиции), а также выделен ряд признаков, характерных для изделий этих школ (Федорова, 1991. С. 202). Однако малоюганский экземпляр объединяет в себе разные характеристики: от одной школы – "орнамент в виде сгруппированных по дуге штрихов и отпечатков кольцевого пуансона, поставленных треугольником" и форму поддона, от другой – "двойную обводку медальонов". Малоюганский экземпляр пополнил сургутскую коллекцию золотоордынской торевтики из серебра и без того, по мнению екатеринбургских археологов, самую крупную из известных (Зыков и др., 1994. С. 67). До последнего времени она насчитывала 6 предметов, обнаруженных на ограниченном пространстве в урочище Сайгатино: уже упомянутая чаша, кружка и блюдо из святилища Сайгатинское I, чаша из могильника Сайгатинский III, чаша и ковш с головой дракона из могильника Сайгатинский IV (Крамаровский, 1991. С. 24–28. Кат. 16–20; Федорова, 1991. С. 194–198. Рис. 1–6; Зыков и др., С. 124–126, 155, 156. Кат. 305–309). Теперь к ним прибавилась и чаша с р. Малый Юган, обнаруженная в том же историко-географическом и административном районе.

Новая находка серебряной чаши, которую, по аналогии с ивдельской, можно датировать концом XIII–XIV вв., подтверждает два факта, отмеченных Н.В. Федоровой. Во-первых – резкий всплеск импортных вещей в Приобье в указанное время (Зыков и др., 1994. С. 67). Во-вторых – благоприятные перспективы обнаружения в этом регионе кладов драгоценной посуды и украшений, все более возрастающие с усилением промышленного освоения Западной Сибири и параллельным ему археологическим обследованием (Федорова, 2003. С. 9). Есть все основания надеяться, что северо-таежное Приобье – северо-восточные пределы Золотой Орды – еще порадуют археологов новыми находками средневековой степной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф., Крамаровский М.Г. Ивдельская находка. Л., 1973.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М. и др. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.

Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северо-китайские и исламские черты в торевтике XIII–XIV вв. // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. Л., 1991.

Смирнов Я. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.

Федорова Н.В. Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.

Федорова Н.В. Сокровища Приобья в истории западно-сибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард; СПб., 2003.

Шатунов Н.В. Отчет об археологической разведке в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа в 2000 г. // Архив ИА РАН. 2001.

A new find of the Golden Horde toreutics from the Ob' basin near Surgut

Ya. A. Yakovlev

Summary

In 1999 in the basin of the River Maly Yugan – the right tributary of the River Bolshoy Yugan, on the Ob's left bank local people found a silver ornamented bowl on footstand. Around 150 m from the place where the bowl was found there is disposed the destroyed fortified settlement Karaevskoe. The discussed piece of Medieval toreutics has polished surface with convex bosses and is fixed on a footstand. The body of the vessel is decorated with a band of floral ornament and 8 bosses. The latter are adorned with alternate stylised zoomorphic images and floral compositions disposed in medallions. On the footstand two more ornamental bands are placed. The ornament is executed in engraving and chasing technique. The ornamented surfaces of the medallions and the bands are gilded. The new find is attributed to the circle of silver ornamented vessels associated with the Golden Horde production and dated back to the 13th–14th cc. Four similar bowls are known from the Ural region and the northern part of West Siberia.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 148–156

ПУБЛИКАЦИИ

ЗАСТРОЙКА "СТАРОГО ГОРОДА" КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ ПО ДАННЫМ ДЕНДРОАНАЛИЗА (УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ)

© 2006 г. Н. Б. Черных, А. А. Карпухин
Институт археологии РАН, Москва

Дендрохронологическое изучение деревянных деталей из каменных сооружений Кирилло-Белозерского монастыря проводилось в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН еще в начале 70-х годов XX в. Первые дендрообразцы кирилловского дерева были получены при проведении широкомасштабных работ по укреплению фундаментов некоторых каменных зданий XVI–XVII вв. на территории "Старого города" (раскопки С.С. Подъяпольского 1967–1969 гг. и А.Н. Кирпичникова 1971–1972 гг.).

Уже тогда, даже при относительно небольшом объеме исследованного материала (53 образца), происходящего с территории Успенского и Ивановского монастырей ("Старый город"), удалось не только определить порубочные даты для 43 бревен, но и установить время первоначального возведения пяти построек (Черных, 1982). Одновременно был очерчен круг проблем, которые могли быть решены с помощью дендроанализа кирилловской древесины. Одно из наблюдений, сделанных в процессе синхронизации кривых роста годичных колец, позволяло, например, предполагать существование единого источника, снабжавшего кирилловских мастеров на рубеже XVI–XVII вв. строительным лесом. Для подтверждения или опровержения подобного мнения требовались новые серии образцов, однако появляться они начали спустя много лет – с середины 1990-х годов. Это была небольшая выборка материалов (4 образца) из раскопок Н.А. Макарова 1994 г. С 1995 г. археологические раскопки (1995, 1999, 2003 гг.) на территории Успенского монастыря проводились НПЦ "Древности Севера" (г. Вологда) под руководством И.В. Папина, в результате которых кирилловская дендроколлекция значительно увеличилась (Васильев и др., 1996. С. 29; Папин и др., 2004. С. 62)[1].

Кроме древесины из культурного слоя в коллекции присутствуют и образцы непосредственно архитектурных объектов Успенского монастыря. Их отбор проводился сотрудником ВСРПО "Союзреставрация" Н.Ф. Сергеевой в рамках большой программы по дендрохронологическим исследованиям архитектурных памятников XV–XX вв. северных регионов России. Позднее этот архив был передан Н.Ф. Сергеевой на хранение в лабораторию ИА РАН и благодаря этому оказался доступен для дальнейшего изучения[2]. После разборки архива была отделена его значительная часть, которая оказалась полезной при исследованиях кирилловской древесины. Это представительные выборки дендрообразцов – спилы и керны многолетних стволов, использованных в качестве различных строительных деталей каменных построек, имеющих надежную документальную базу.

Тем не менее при работе со всеми этими материалами мы отдали предпочтение "археологическому" дереву, поскольку оно более пригодно при рассмотрении традиционных для дендроанализа проблем. Это связано в первую очередь с его качеством, ибо во всех случаях представлены полные спилы с бревен, которые позволяют четко проследить чередование годичных слоев, что обеспечивает надежную синхронизацию кривых роста годичных колец. Немаловажен и тот факт, что большинство спилов с бревен из культурного слоя принадлежат конструкциям оснований каменных зданий, главным образом сваям и лежням фундаментов, которые являлись обязательными элементами каменных построек, укрепляющими перенасыщенную влагой почву, особенно в прибрежных частях монастырской территории (Подъяпольский, 1982. С. 213). Анализ хронологического распределения порубочных дат бревен-свай, как правило, дает наиболее полную информацию о времени начала строительных работ на изучаемом объекте.

Однако "архитектурная" древесина имеет свои несомненные достоинства, которые следует учитывать. Как правило, она наиболее подробно и полно бывает снабжена документальной информацией, крайне необходимой в процессе абсолютных привязок кривых роста годичных колец. Ценными здесь являются сведения, которые мо-

[1] Авторы выражают искреннюю благодарность И.В. Папину за предоставленные материалы и ценные консультации при работе над данной публикацией.

[2] Пользуемся случаем выразить Н.Ф. Сергеевой свою глубокую признательность.

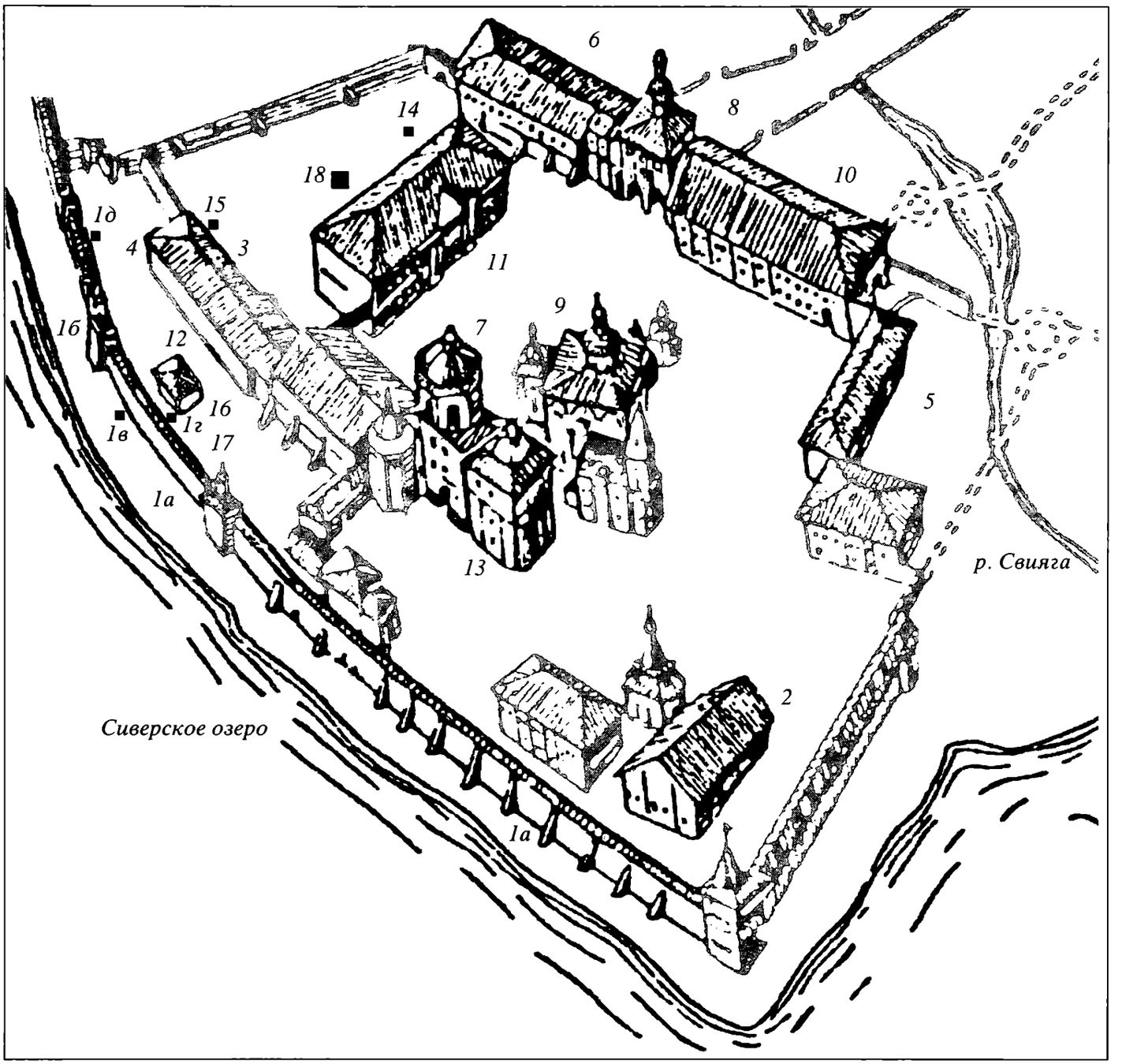


Рис. 1. Дендрологические комплексы Успенского монастыря. Расшифровка комплексов приводится в таблице. План составлен по рисунку С.С. Подъяпольского (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 10).

гут быть получены из архивных документов и специальной литературы. А при наличии достаточно представительной серии дендрообразцов выводы о строительной истории изучаемого памятника могут представлять значительный интерес (Черных, Сергеева, 1997).

Что же касается непосредственно материалов Н.Ф. Сергеевой, то пришлось провести их тщательную сортировку. Дело в том, что мы располагаем лишь числовыми замерами толщин годичных колец, выполненными в лаборатории ВСРПО "Союзреставрация". Судить о качестве дендрообразцов приходилось лишь по косвенным признакам – как-то: является ли данный образец спилом или же колонкой-керном, имеются ли для изучаемой выборки дерева сведения о сохранности наружных колец или же это можно восстановить лишь путем анализа результатов группировки порубочных дат (Черных, 1996. С. 57) и т.п.

На рис. 1 представлен план построек Успенского монастыря. Темным контуром выделены те архитектурные сооружения, результаты дендроанализа которых будут представлены ниже, а также нанесены шурфы и раскопы, из которых происходят образцы, встреченные в культурном слое. В таблице приводится список всех изучен-

Дендрологические комплексы Успенского монастыря

№	Годы сборов	Автор	Комплекс	Элементы конструкции	Количество образцов		
					спилы	керны	датировано
1 а	1967	Подъяпольский С.С.	Оборонительные стены	Лежни фундамента	3	–	2
	1969	Подъяпольский С.С.	Оборонительные стены	Сваи фундамента	10	–	9
б	1971	Кирпичников А.Н.	Оборонительные стены у Поваренной башни	Сваи фундамента	2	–	2
в	1999	Папин И.В.	Оборонительные стены, шурф 3	Сваи фундамента	2	–	1
г	1999	Папин И.В.	Оборонительные стены, шурф 4	Сваи и лаги фундамента	7	–	3
д	1999	Папин И.В.	"Режа" в основании оборонительные стены, шурф 5	Бревна конструкции	9	–	8
2	1969	Подъяпольский С.С.	Большие Больничные палаты	Лежни и сваи стен	12	–	9
3	1971	Кирпичников А.Н.	Поварня	Свая фундамента	1	–	–
4	1971–1972	Кирпичников А.Н.	Летний братский погреб	Настил пола	3	–	2
5	1981	Сергеева Н.Ф.	Келейный корпус	Дверные колоды	–	2	2
6	1982	Сергеева Н.Ф.	Казенная палата	Сушило	2	–	–
7	1982	Сергеева Н.Ф.	Колокольня	Настил пола, пята под лестницей	4	–	3
8	1983	Сергеева Н.Ф.	ц. Иоанна Лествичника	Тябла иконостаса	–	7	–
9	1983, 1985, 1987	Сергеева Н.Ф.	Успенский собор	Тябла иконостасов	4	7	4
10	1985	Сергеева Н.Ф.	Северные Братские кельи	Дверные и оконные колоды, доски и слеги пола сеней	14	–	4
11	1985	Сергеева Н.Ф.	Архимандричий корпус	Оконный засов, балка перекрытий, брус двери	3	–	3
12	1985	Сергеева Н.Ф.	Поваренные кельи или Хлебный домик	Сваи фундамента	5	–	5
13	1982	Сергеева Н.Ф.	ц. Архангела Гавриила	Плаха пола	1		1
14	1994	Макаров Н.А.	Шурф 4, "ледник"	Сваи фундамента	4		4
15	1995	Папин И.В.	Шурф 3, наброс бревен	Бревна	4	–	2
16	1999	Папин И.В.	Шурф 4, завал бревен	Бревна	2	–	2
17	1999	Папин И.В.	Шурф 4, выгребная яма	Сваи	2	–	2
18	2003	Папин И.В.	Раскоп 2, сруб под фундаментом ледников	Венцы	3	–	3
			Всего		97	16	71

ных дендрокомплексов и указано количество образцов для каждого из них.

В изложении результатов мы будем придерживаться традиционной схемы – сначала рассмотрим распределение материала по комплексам, а затем обратимся к проблемам построения последовательностей годичных колец и самой кирилловской дендрошкалы.

Всего было изучено 15 архитектурных и археологических построек или комплексов, которые были разделены на три хронологические группы (исключены образцы ц. Иоанна Лествичника из-за плохой сохранности кернов, а также древесина Казенной палаты и Поварни, которую датировать не удалось).

I. Группа построек конца XV – первой половины XVI в.

Успенский собор (таблица, № 9; рис. 1, № 9)

При реставрационных работах 1983–1985 и 1987 гг. были получены образцы дерева иконостасов. Все керны отличались сильной трещиноватостью и нами не рассматривались. Пригодными для дендроанализа оказались только четыре

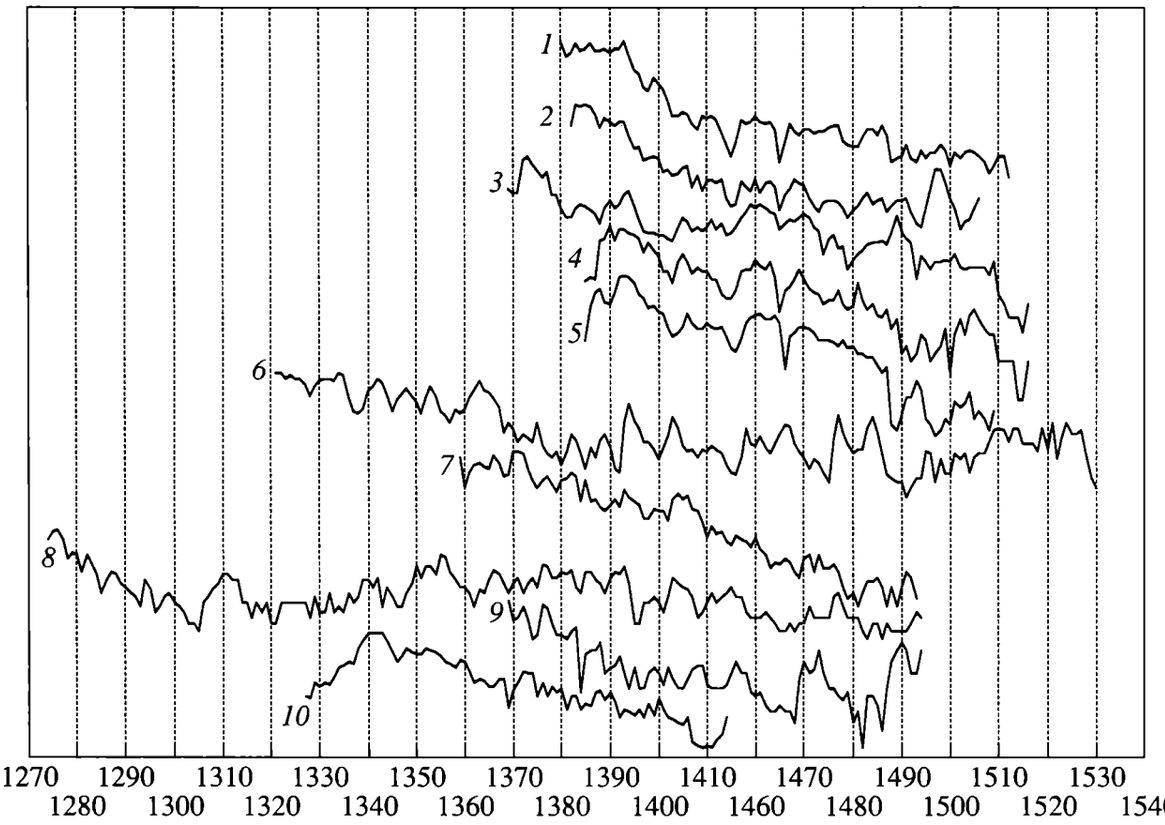


Рис. 2. Синхронизированные кривые погодичного прироста древесины построек конца XV – первой половины XVI в. *1, 2* – завал бревен из шурфа 4 1999 г. (обр. № 14, 13); *3–5* – венцы сруба под фундаментом ледников из раскопа 2 2003 г. (*3* – обр. № 3, венец 1; *4* – обр. № 1, венец № 1; *5* – обр. № 2, венец 2); *6* – половица пола ц. Архангела Гавриила (обр. № 56); *7–10* – тябла иконостасов Успенского собора (*7* – обр. № 3у, местный ряд, северный столб; *8* – обр. № 1у, местный ряд, южный столб; *9* – № 1, расписное тябло; *10* – расписное тябло).

спила из сборов 1985 и 1987 гг., отобранные со стоек местного ряда и расписного тябла. Вероятное время строительства иконостаса, судя по датировкам икон из него, находящимся сейчас в экспозиции Кирилло-Белозерского музея-заповедника – рубеж XV–XVI вв. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 57–66).

Возраст исследованных стволов 88–181 год. Наличие наружных колец сомнительно. Были синхронизированы кривые роста годичных колец четырех образцов (рис. 2, № 7–10). Средние величины показателей *Cx* и *r* подтверждают надежность выполненной синхронизации: 57% (50–64%) и 0.20 (0.12–0.25). Разброс дат последних сохранившихся годичных колец трех образцов составляет 1 год (1493–1494 гг.). Четвертый образец дает более раннюю дату (1454 г.), что связано, по-видимому, с отсутствием внешних годичных колец. В целом составленная последовательность годичных колец имеет протяженность в 180 лет.

Ц. Архангела Гавриила (таблица, № 13; рис. 1, № 13)

Храм возводится между 1531 и 1535 годами (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 10). Единственный спил был получен с плахи пола. Возраст ствола 170 лет, наружные кольца, по всей видимости, сохранены (рис. 2, № 6). Порубочная дата – 1531 год.

Сруб под фундаментом ледников из раскопа 2 2003 г. (таблица, № 18; рис. 1, № 18)

Под фундаментом ледников, упомянутых в монастырской описи 1601 г., были выявлены остатки сруба, с двух венцов которого отобраны три спила. Возраст стволов 92 и 108 лет, их наружные части не нарушены. При синхронизации кривых погодичного прироста (*Cx* = 63%, *r* = 0.16) были получены дендродаты 1509 и 1516 гг. (рис. 2, № 3–5).

Завал бревен в шурфе 4 1999 г. (таблица, № 16; рис. 1, № 16)

В шурфе на уровне четвертого пласта выявлен "завал" бревен со следами использования. По мнению И.В. Папина, ориентировочная дата – до последней четверти XVI в. Получены спилы с двух бревен. Наружные слои не нарушены. Возраст стволов 84 и 92 года. Кривые погодичного прироста хорошо сопрягаются между собой (*Cx* = 68%, *r* = 0.38) и дают даты последних колец 1506 и 1512 гг. (рис. 2, № 1–2).

II. Группа построек конца XVI – первой половины XVII в.

Оборонительные стены (таблица, № 1; рис. 1, № 1а–д)

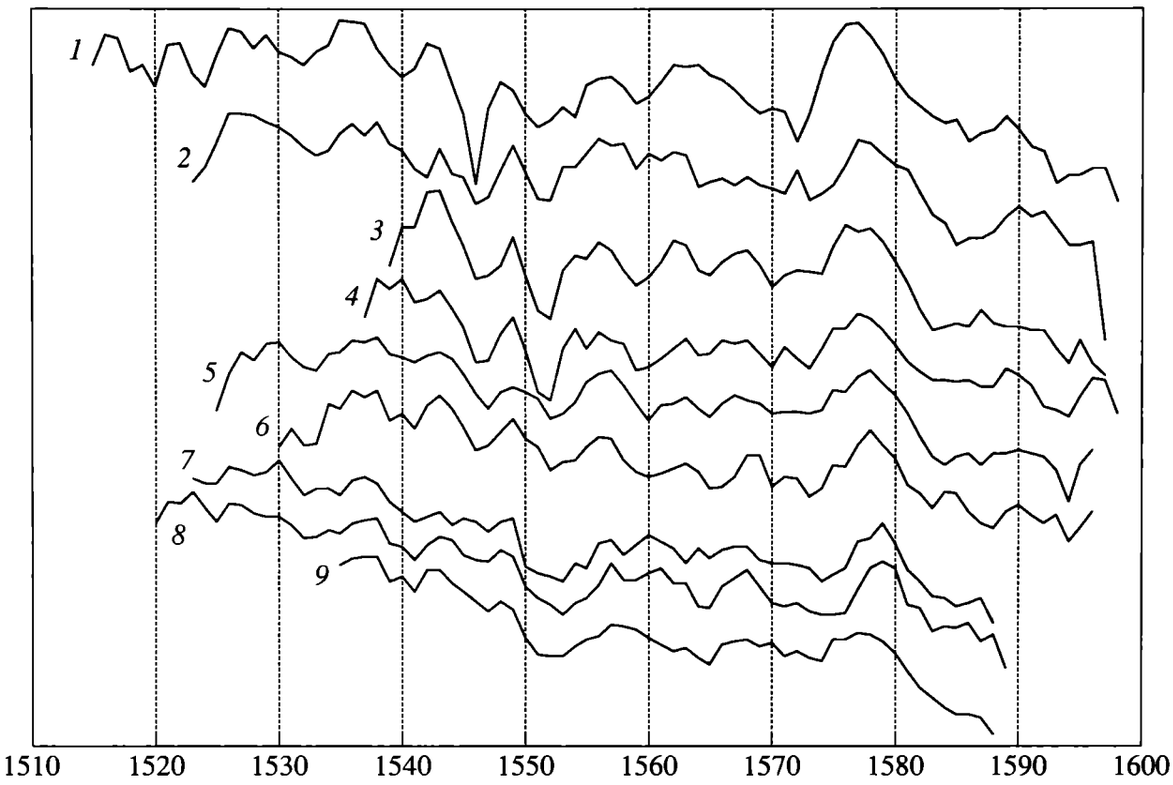


Рис. 3. Синхронизированные кривые погодичного прироста древесины построек конца XVI в. *1, 4* – бревно настила летнего братского погреба и бревно опалубки фундамента каменного столба под Оружейной палатой из сборов 1971–1972 гг. (обр. № 12, 16); *2, 5, 6* – сваи фундамента Глухой башни Ивановского монастыря из сборов 1971 г. (обр. № 10, 4, 7); *3* – свая фундамента оборонительной стены Ивановского монастыря из сборов 1969 г. (обр. № 32); *7–9* – сваи фундамента оборонительной стены Успенского монастыря из сборов 1969 г. (образцы № 8, 16, 9).

Нам представляется целесообразным вынести этот раздел за пределы настоящей статьи, поскольку исследование весьма представительной выборки, включающей в себя более 30 спилов со свай и лаг фундамента, требует тщательного и всестороннего анализа дендрологических характеристик материала, а также детального рассмотрения всех полученных результатов. Кроме того, по предварительным данным, здесь могут быть выделены два хронологических горизонта, в связи с чем однозначно относить данное сооружение к какой-либо из выделенных нами групп построек пока преждевременно. В перспективе мы намерены посвятить этому отдельную публикацию (Черных, Карпухин, 2005).

Летний братский погреб[3] (таблица, № 4, рис. 1, № 4)

На месте погреба в 1655 г. возводится здание Оружейной палаты, обрушившееся около 1784 г. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 168, 180). К сожалению, монастырские документы не позволяют составить четкого представления о сложном поваренном комплексе, в который входил летний братский погреб (Подъяпольский, 1982. С. 214). С бревен настила погреба в 1971 г. и деревянной опалубки фундамента каменного столба, выявленного в 1972 г. под зданием Оружейной палаты, были отобраны три спила. Наружные части бревен сохранены. Возраст стволов 28, 62 и 84 года. Синхронизированы две кривые погодичного прироста ($Cx = 63\%$, $r = 0.40$; рис. 3, № 1, 4). Порубочные даты бревна настила и древесного ствола опалубки столба совпали (1599 г.). Составленная последовательность годичных колец имеет протяженность в 84 года.

Наброс бревен под углом Поварни из шурфа 3 1995 г. (таблица, № 15; рис. 1, № 15)

В шурфе выявлен завал бревен со следами использования, являющихся, по мнению автора раскопок, остатками некой постройки. С четырех бревен были сделаны спилы. Наружные части стволов сохранились, их возраст от 29 до 154 лет. Археологически дерево было датировано временем до середины XVII в. Выполненная синхронизация двух кривых погодичного прироста (рис. 4, № 2, 5) демонстрирует приемлемые показатели $Cx = 55\%$ и $r = 0.22$. Полученные дендродаты по-

[3] При дендроанализе этих образцов в 1970-х годах все они были определены как лаги настила из подвала Оружейной палаты (Черных, 1982. С. 211, 212). Однако публикация С.С. Подъяпольского (1982. С. 213, 214) позволила прояснить ситуацию с их конструктивной принадлежностью. Статистическая корректировка выполненной ранее синхронизации, проведенная при подготовке данной статьи, позволила удревнить прежние дендродаты на 4 года.

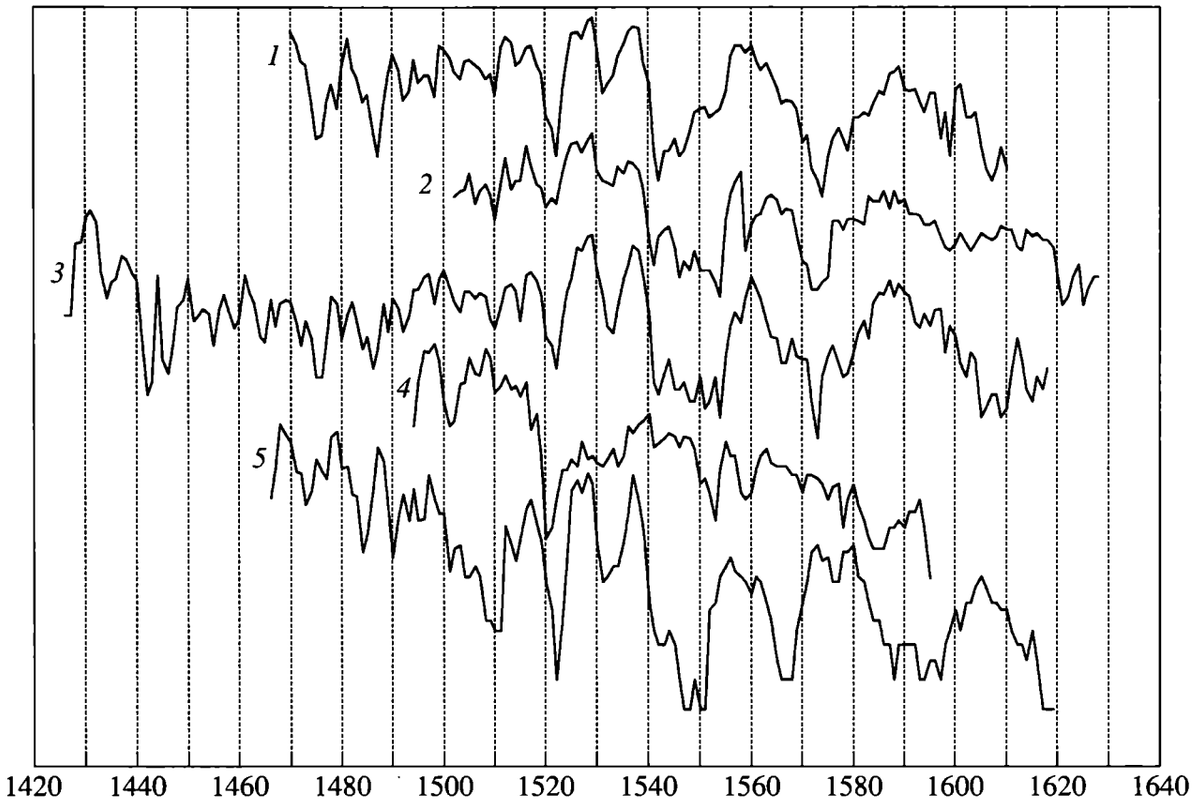


Рис. 4. Синхронизированные кривые погодичного прироста древесины построек первой четверти XVII в. *1, 3* – бревна из "режи" в основании оборонительной стены Успенского монастыря из шурфа 5 1999 г. (обр. № 19, 20); *2, 5* – обр. из наброса бревен под углом Поварни (шурф 3 1995 г., обр. № 4, 3); *4* – бревна настила на берегу р. Свияги из раскопа 1 1998 г. (обр. № 2).

следних годичных колец укладываются в первую четверть XVII в (1619, 1628 гг.)

Келейный корпус (таблица, № 5; рис. 1, № 5)

Строится, по-видимому, в 1647–1648 гг. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 107, 108). Были отобраны два керна из дверных колод, на которых явно отсутствует заболонная часть ствола. Число сохранившихся колец 58 и 72. Кривые погодичного прироста неплохо синхронизируются между собой ($Cx = 60\%$, $r = 0.57$). Разброс в датах последних сохранившихся колец 1 год (1627 и 1628 гг.). Протяженность составленной последовательности годичных колец 72 года.

Большие Больничные палаты (таблица, № 2; рис. 1, № 2)

Здание строится бригадой сельских каменщиков около 1643–1644 гг. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 103). С лежней и свай фундамента были отобраны 12 образцов-спилов. Возраст стволов от 54 до 101 года. Удалось жестко синхронизировать девять кривых погодичного прироста[4] (рис. 5) – средние показатели $Cx = 70$ % (56–87%), а $r = 0.47$ (0.21–0.77). Все стволы были срублены в один год (1643).

Северные Братские кельи (таблица, № 10; рис. 1, № 11)

Возводятся, вероятно, также в 1647–1648 гг. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 107, 108). Отобрано 14 спилов с дверных и оконных колод, а также досок и лаг пола. Любопытно, что для всех без исключения дверных колод первого и второго этажей использован дуб. На остальных образцах заболонные части стволов сильно повреждены. Удалось синхронизировать лишь четыре кривые погодичного прироста (рис. 6, № 4–7) – средние показатели $Cx = 69\%$ (56–85%) и $r = 0.33$ (0.16–0.68). Последние сохранившиеся кольца трех образцов из оконных колод первого этажа датируются временем, довольно близким к вероятной дате строительства (1642, 1650 и 1653 гг.). Четвертый спил, отобранный с лаги пола первого этажа, дает существенно более позднюю дату – 1697 г.

Колокольня (таблица, № 7; рис. 1, № 7)

Возведена между 1572 и 1587 гг., в 1653 г. перестроена С. Шамом и И. Шабаном (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 56). Спилы получены с деревянных конструкций верхнего яруса (настил пола и пята под лестницей). Наличие наружных колец сомнительно. Возраст стволов от 72 до 206 лет. Кривые роста годичных колец трех образцов мо-

[4] В публикации результатов дендроанализа этих материалов, полученных в 1970-х годах (Черных, 1982. С. 211, 212), приведены 11 дендродат, однако их статистическая проверка, выполненная при подготовке данной работы, позволяет уверенно говорить только о девяти датах.

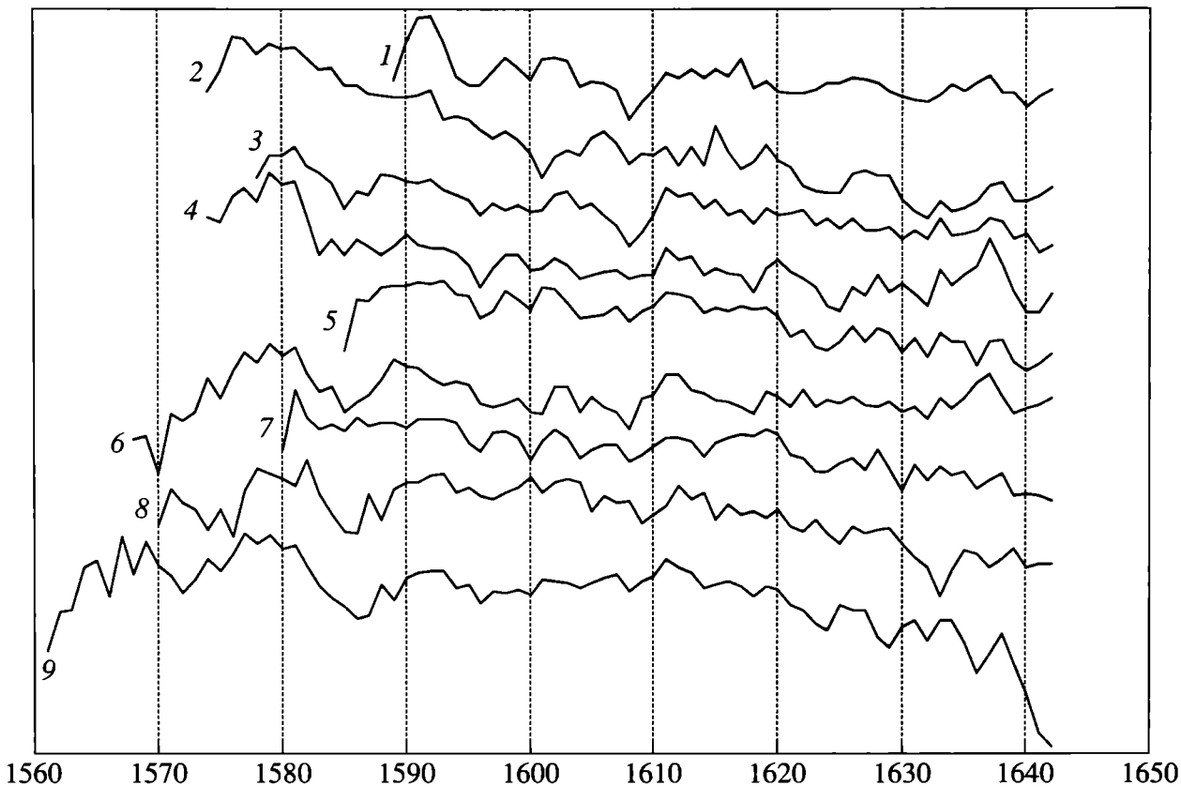


Рис. 5. Синхронизированные кривые погодичного прироста древесины свай и лежней фундамента Больших Больничных палат (обр. № 18–24, 26, 27).

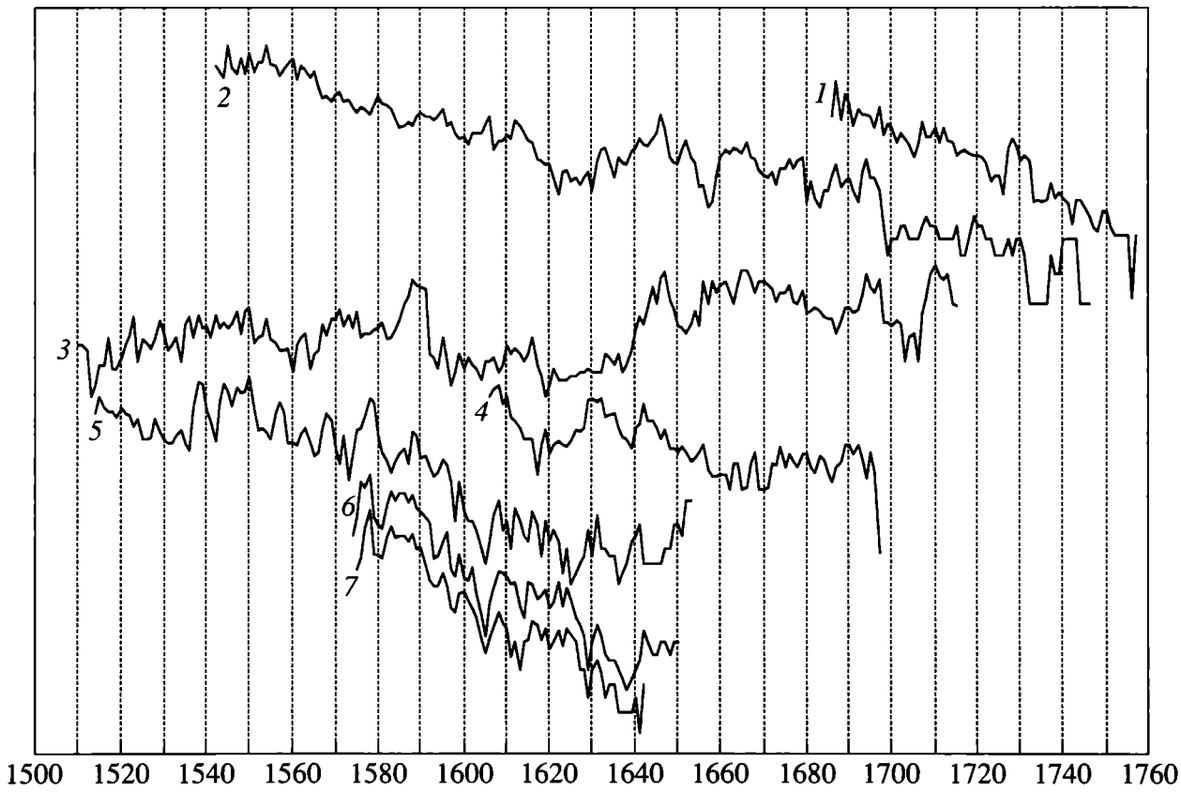


Рис. 6. Синхронизированные кривые погодичного прироста образцов древесины колокольни и Северных Братских келий. *1–3* – настил пола (обр. № 52, 49) и пята под лестницей (обр. № 50) верхнего яруса колокольни; *4–7* – лага пола первого этажа (обр. № 10) и оконная колода второго этажа (обр. № 5, 3, 4) Северных Братских келий.

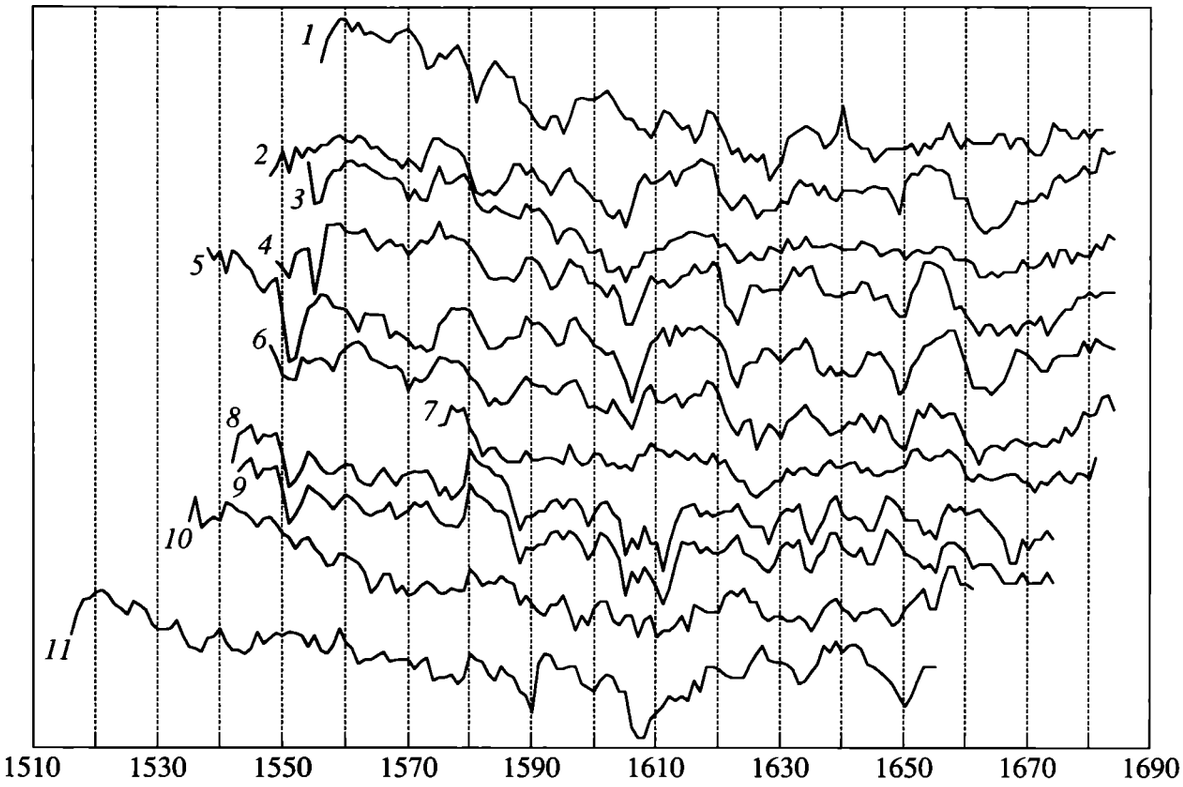


Рис. 7. Синхронизированные кривые погодичного прироста древесины построек второй половины XVII в. *1–5* – сваи фундамента Поваренных келий или Хлебного домика (обр. № 25–29); *6–7* – столбы выгребной ямы из шурфа 4 1999 г. (обр. № 9, 8). *8–11* – сваи ледника из шурфа 4 1994 г. (обр. № 1, 1а, 4. 3).

гут быть синхронизированы между собой (рис. 6, № 1–3). Два образца настила пола демонстрируют величины $Cx = 50\%$ и $r = 0.28$ и датируются 1746 и 1757 годами. Образец пяты лестницы синхронизируется с одним из образцов настила пола ($Cx = 55\%$, $r = 0.26$) и датируется 1715 г.

III. Группа построек второй половины XVII в.

Ледник в шурфе 4 1994 г. (таблица, № 14; рис. 1, № 14)

Были отобраны четыре спила с бревен-свай. Возраст стволов от 127 до 140 лет. Заболонные части бревен сохранились. Культурный слой датирован XVI–XVII вв. Выполненная синхронизация кривых погодичного прироста (рис. 7, № 8–11) характеризуется средними показателями $Cx = 65\%$ (51–92%) и $r = 0.33$ (0.07–0.91). Получены четыре дендродаты последних годичных колец: 1655, 1661, 1674 и 1674 гг. Вероятно, данное сооружение может быть датировано третьей четвертью XVII в.

Выгребная яма в шурфе 4 1999 г. (таблица, № 17, рис. 1, № 17)

У восточной части Поваренных келий были выявлены два вертикальных бревна с пазами из крепежа выгребной ямы, датируемой автором раскопок XVII–XVIII вв. Наружные части стволов сохранены. Их возраст 105 и 134 года. Кривые погодичного прироста хорошо синхронизируются между собой (рис. 7, № 6–7; $Cx = 58\%$, $r = 0.29$). Разброс порубочных дат составляет 3 года (1682 и 1685 гг.).

Поваренные кельи или Хлебный домик (таблица, № 12; рис. 1, № 12)

Мы не располагаем точными данными о времени возведения этой постройки, однако, по мнению исследователей, здание строится между 1680 и 1685 гг. (Кирпичников, Хлопин, 1972. С. 247). Было получено пять спилов со свай фундамента. Возраст стволов от 127 до 148 лет. Заболонь не нарушена. Все пять кривых погодичного прироста неплохо сопрягаются между собой (рис. 7, № 1–5) – средние показатели $Cx = 59\%$ (48–68%) и $r = 0.25$ (0.06–0.42). Последние годичные кольца четырех бревен датируются одним годом (1685), а пятого – несколько ранее (1683 г.).

Распределение всех исследованных сооружений по хронологическим группам наглядно демонстрирует, что наилучшим образом обеспечен материалом хронологический отрезок рубежа XVI–XVII – середины XVII в. Именно в это время возводится большинство архитектурных объектов с известными календарными датами строительства, материалы которых использовались нами для абсолютных датировок, например Поваренные кельи или Хлебный домик, Большие Больничные палаты, Келейные корпуса. Более поздний отрезок – вторая половина XVII – рубеж XVII–XVIII вв. представлен в исследованной коллекции значительно хуже. Несколько лучше обстоит дело с более ранними материалами XV–XVI вв., хотя узко датированных сооружений здесь нет.

Мы вплотную подошли к проблеме поиска абсолютных реперов для последовательностей годичных колец, составленных по данным перечисленных выше сооружений. Следует напомнить, что на начальном этапе работы с коллекциями 1960–1970-х годов очень остро стоял вопрос поиска надежных фоновых материалов, на базе которых могла осуществляться абсолютная привязка кривых роста годичных колец дерева кирилловских построек. Те материалы, которые использовались для этих целей, были весьма скудны и, что самое главное, происходили из географических регионов, достаточно удаленных от изучаемого. Дерево это было связано в основном с памятниками деревянного зодчества XV–XVIII вв. из Новгорода и его окрестностей, а также из Прионежья. Привлекались также и многолетние кривые роста годичных колец современных сосен из лесов южного Приладожья (Черных, 1982). Поэтому в настоящее время перед нами стояли первоочередные задачи, во-первых, проверить и откорректировать ранее полученные даты, а во-вторых, построить абсолютную дендрошкалу для Кириллова, опираясь на местные материалы. Для этого были отобраны те из них, которые могли быть использованы. Главным критерием отбора были: во-первых, наличие максимально точных строительных дат и, во-вторых, представительная выборка многолетних кривых роста годичных колец.

В качестве базы для построения дендрошкалы успенских построек и их абсолютной привязки были использованы следующие выборки материалов.

1. Балки кровли ц. Сергия Радонежского Ивановского монастыря. По мнению архитекторов-реставраторов, кровля церкви менялась в 40-х годах XIX в. (Черных, Карпухин, 2006).

2. Сваи фундамента Поваренных келий или Хлебного домика, датируемые второй половиной XVII в.

3. Связи оборонительных стен и башен "Нового города": прясла между Московской и Вологодской башнями (1657–1660 гг.), сваи Кузнечной (1675–1680 гг.), Московской (1660 г.) и Белозерской (1667–1669 гг.) башен.

4. Сваи фундамента Больших Больничных палат (1643–1644 гг.).

Каждая из указанных выборок кривых роста дерева имеет границы, в пределах которых целесообразно проводить сопоставления динамики погодичного прироста дерева успенских построек, и поскольку тенденции развития его весьма близки, то связать отдельные последовательности годичных колец в единую абсолютную дендрошкалу не составляет труда. На рис. 2–7 представлены отдельные ее фрагменты.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 03–01–00229а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев С.Ю., Папин И.В., Суворов А.В. Исследования центра "Древности Севера" // АО-1995. 1996.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая Государева крепость. Л., 1972.

Папин И.В. Исследования НПЦ "Древности Севера" в Вологодский области // АО-2002. 2003.

Папин И.В., Суворов А.В., Мокрушин М.Л. Исследования НПЦ "Древности Севера" в Вологодский области // АО-2003. 2004.

Подъяпольский С.С. О датировке некоторых построек Кирилло-Белозерского монастыря на основе дендрохронологических исследований // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982.

Черных Н.Б. Результаты дендрохронологического изучения дерева из построек Кирилло-Белозерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982.

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М., 1996.

Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) // РА. 1997. № 1.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Строительство каменных оборонительных сооружений "Старого города" Кирилло-Белозерского монастыря // Археология и естественно-научные методы. М., 2005.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Застройка "Старого города" Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Ивановский монастырь) // РА. 2006. № 1.

Constructions of "The Old city" of the Kirillo-Belozersky monastery according to the data of dendrochronological analysis (The Assumption monastery)

N. B. Chernykh, A. A. Karpukhin

Summary

The paper presents the results of the dendrochronological analysis of timber samples taken from archaeological and architectural constructions revealed during the investigations of the Assumption monastery. This assemblage is an integral part of "The Old city" of Kirillo-Belozersky monastery. Dendrochronological dates of 71 samples of timber originating from 14 different constructions have been established. The chronological span from the turn of the 16th–17th cc. to the mid 17th cc. is best provided with the reliable samples. The later period lasting from the second part of the 17th c. to the turn of the 17th–18th cc. is less represented in the investigated collection. The timber samples taken from four constructions with historically established calendar dates formed the base for compiling the dendroscale of the constructions related to the Assumption monastery and establishing its absolute chronology.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 157–161

ИСТОРИЯ НАУКИ

ЕЛИЗАВЕТА АРСЕНЬЕВНА КАЛИТИНА

© 2006 г. А. А. Чубур

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

Многие имена исследователей древностей ныне незаслуженно забыты. Иногда просто в силу избирательности памяти людской, иной раз – в силу трагического стечения обстоятельств. В их числе оказалась Елизавета Арсеньевна Калитина. Ее немногочисленные работы изредка упоминают лишь некоторые специалисты по бронзовому и раннему железному векам центра Европейской России. До недавнего времени получить какие-либо сведения о Е.А. Калитиной было практически невозможно. Виной тому отчасти война, когда погибли почти все архивы Смоленского краеведческого музея, отчасти злая судьба самой Елизаветы Арсеньевны и многих ее коллег, завершивших свою карьеру историков, археологов, краеведов и музейных работников в сталинских лагерях. Обнаруженный заслуженным работником культуры Л.И. Гришиным и обработанный автором личный архив белорусского археолога Константина Михайловича Поликарповича позволяет рассказать об этой интересной личности. Большую роль в восстановлении событий сыграли воспоминания ведущего археолога Смоленщины профессора Евгения Альфредовича Шмидта, в школьные годы участвовавшего в экспедициях Е.А. Калитиной.

Е.А. Калитина (фото 1938 г.).

«Вообще моя "биография", буде появится в свет, да еще в обработке археолога, едва ли будет беспристрастной, – писала в одном из писем Е.А. Калитина. – Придется завещать друзьям, объективно смотрящим на вещи, рецензировать ее» (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 10.03.1937). Увы, друзей Елизаветы Арсеньевны уже в живых не осталось, да и первая ее биография выходит в свет именно "в обработке" археолога, однако я далек от предвзятого взгляда на уровень и масштабы работ Е.А. Калитиной и на ее роль в археологии Западной области в 1930-х годах. Скорее в предвзятости можно обвинить советских историографов, старательно обходивших стороной ее фигуру.

Лиза родилась в 1894 г. в станице Варениковской Таманского отдела Кубанской области (Темрюкский район Краснодарского края). После двух революций и гражданской войны судьба забросила ее в Смоленск, где она устроилась на работу в краеведческий музей, увлеклась археологией, вышла замуж, родила сына и дочь. С юных лет она привыкла работать с полной самоотдачей, часто без отпусков, порой – и без выходных дней.

Худощавая, выглядящая моложе своих лет, энергичная (сказалось казацкое происхождение), но при этом как бы погруженная в свои мысли женщина, частенько дымящая сигаретой, – такой запомнилась Е.А. Калитина современникам.

Долгое время Елизавета Арсеньевна поддерживала связь с такими крупными исследователями, как выходец из Смоленска А.Н. Лявданский (в 1930–1937 гг. заведующий Сектором археологии Института истории Белорусской Академии наук), К.М. Поликарпович (старший научный сотрудник того же сектора). Под руководством А.И. Лявданского участвовала она в раскопках Гнездовских курганов, городищ Смоленщины. И, наконец, к середине 1930-х годов приняла решение заняться самостоятельными полевыми исследованиями. Особо привлекала ее первобытная эпоха.

Вплотную занявшись подготовкой работ в поле, Калитина первоначально планировала иссле-

дования памятников первобытной эпохи на Ипути. Однако узнав, что К.М. Поликарпович еще в 1920-х годах детально обследовал этот регион, откликнулась на предложение ученого провести разведки палеолита в местах находок остатков мамонта близ Дятьково, а затем исследовать памятники эпохи бронзы в окрестностях Трубчевска и организовать разведки по Десне.

В августе 1935 г. Е.А. Калитина совместно с К.М. Поликарповичем вела поиск палеолитических памятников в окрестностях г. Дятьково, а затем участвовала в первых стационарных раскопках верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи. Именно этот сезон принес знаменитую статуэтку и большую часть "чуринг" из бивня мамонта.

В следующий полевой сезон Е.А. Калитиной, по рекомендации К.М. Поликарповича, были проведены разведки по притоку Десны – реке Навле (Калитина, 1936; 1941). Не случайно Навля означает навья, русалочья река. В основном она протекает сквозь живописные лесные массивы. Вести в таких условиях археологический поиск – не самая простая задача. Работы длились с 5 по 15 июня 1936 г., Елизавета Арсеньевна нанесла тогда на археологическую карту региона 14 памятников, в числе которых курганный могильник (очевидно, древнерусского времени), два городища, несколько селищ и стоянок. Однако в реальности памятников на Навле было известно уже к тому времени значительно больше. "Интересное место – по течению Навли бесчисленное множество неолитических стоянок. Много сделал по учету их, селищ и городищ А.М. Романов. Его коллекции Поправко (директор Смоленского музея. – *А.Ч.*) согласился купить за 500 р. (считая оплату за труд по собиранию и обработке)" (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 30.06.1936).

За выкупленными у А.М. Романова коллекциями Елизавета Арсеньевна приезжала повторно, уже 2–4 августа. Тогда она стала отзываться о нем уже не столь лестно – "Он неутомимый коллекционер и полученные 500 р., боюсь, послужат стимулом к новой эпопее собирательства, порчи памятников, а не только их регистрации и, в конце концов, новой торговой сделке с каким-нибудь музеем или научным учреждением. Мне лично Романов антипатичен, как краевед. В конечном счете, не любовь к делу руководит им, а опыт, приобретенный в далекие времена в среде Орловского церковно-археологического общества" (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 6.08.1936). Среди купленных у А.М. Романова вещей оказались и уникальные экспонаты. Вот что пишет о них К.М. Поликарпович: «Сообщаю Вам некоторые подробности о так называемых "готских" бронзовых вещах (фибула, пряжка, бубенчик, браслет), купленных Вашим музеем у А.М. Романова. Может быть, они представят для Вас интерес. Хотя эти вещи и называют готскими, но ничего общего с готами у них быть не может. Прежде их ошибочно приписывали готам, но они имеют грандиозную территорию распространения: Пруссия, Прибалтика, Днепр, Дон, Ока, Причерноморье, Кавказ. Кроме того, они встречаются в Крыму в могильниках. А.А. Спицын называл эти вещи "аланскими" эмалями. Датируются они, по А.А. Спицыну, VI–VIII вв.» (Переписка..., Поликарпович – Калитиной. 11.01.1937). С эмалью среди находок была только одна вещь – подвеска, в фибуле сохранились лишь гнезда, предназначавшиеся для эмали. Точно установить место находки не удалось, поскольку все показания А.М. Романова были очень сбивчивы.

В археологических работах 1936 г. на Навле участвовал не только коллекционер Романов, но и Всеволод Протасьевич Левенок, бывший в то время директором Трубчевского краеведческого музея. "Он очень серьезный и симпатичный человек, ценный работник-музейщик, вероятно, будущий археолог. Я рассказала ему, как я сомневалась в нем. Правда, он совсем не такой, каким я представляла его себе. Тем лучше" (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 30.06.1936).

Отзыв ГАИМК об отчете по Навле гласил: "Судя по отчету, составленному очень добросовестно и полно, работы проведены очень хорошо. Следует пожелать, чтобы Смоленский музей продолжал такие обследования и в дальнейшем" (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 15.01.1937).

Однако вместо продолжения разведок в новом сезоне пришлось заняться спасательными исследованиями. В мае-июне 1937 г. Е.А. Калитина вела раскопки в г. Бежица, только что переименованном в Орджоникидзеград (ныне – Бежицкий район Брянска). Раскопки в Орджоникидзеграде были настолько изматывающими, что повторные разведки по Навле не состоялись. На средства фасонолитейного завода "Красный Профинтерн" Е.А. Калитина исследовала городище юхновской культуры раннего железного века Торфель, мешавшее расширению заводской территории (Калитина, 1937). «Самое лучшее отношение и внимание вижу на заводе. Так как ни один "знатный археолог" не захотел ехать сюда, то работаю я пока с Леляновым, а в дальнейшем с местными краеведами и Женей Шмидт и К° из актива ребят-краеведов Дома Пионеров» (Переписка... Калитина – Поликарповичу. 5.05.1937). Бежицкие учителя-краеведы Н.И. Лелянов, И.Е. Благодатский, археолог из Брянского краеведческого музея А.В. Малиношевский (ранее участвовал в раскопках стоянки Мезин с М.Я. Рудинским), школьники-краеведы (среди них краеведы из Почепа, сыновья Малиношевского, Лелянова, Благодатского, школьники из Бежицы) действительно активно участвовали в организации и ведении этих раско-

пок. Что касается "знатных археологов", то некоторое время в работе экспедиции участвовали К.М. Поликарпович (Минск) и Е.А. Горюнова (Москва). Общий объем коллекций, собранных в 1937 г., достиг 130 ящиков. Все они ушли в Смоленский музей, часть пропала в годы войны.

Что касается копавших с Е.А. Калитиной Торфельское городище юных краеведов из города Почепа, которых возглавлял старшеклассник Федор Заверняев, то следует рассказать еще об одном немаловажном направлении деятельности Елизаветы Арсеньевны – о ее работе с подрастающим поколением. Еще в конце 1936 г. Е.А. Калитина получила письмо от Федора Заверняева в ответ на прозвучавший в газете "Юный пионер" ее призыв не разрушать памятники археологии[1]: "Ваше письмо к нам, юным краеведам Почепа, мы прочитали в "Ю.П.", за что очень благодарны. Мы сознаем свою ошибку и поняли, что поступили неправильно. Конечно, в дальнейшем этого не будет. ... Нам бы очень хотелось раскопать городище (в Почепе), но тоже запрещают. Мы очень интересуемся раскопками и хотели поучиться бы раскапывать. Немного мы знаем о раскопках, но этого недостаточно. Если бы были книги, мы бы узнали больше, но их нет..." (Переписка..., Заверняев – Калитиной. 25.10.1936).

"Сегодня буду писать им, – сообщала своему другу К.М. Поликарповичу Елизавета Арсеньевна. – С книгами тоже и у нас плохо – не помочь им сейчас в этом. В смету будущего года внесу обязательно работу с кружками ребят-историков, приобретение для них соответствующей литературы, организацию походов и пр." (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 29.10.1936). "В этом году я включила в план завмузеем более тесную связь с кружками пионеров на местах – имея в виду Почеп, Орджоникидзеград, Гнездово, Мещовск, Думиничи, Усвяты. В Навле... тоже можно будет организовать ребят – конечно и там есть такие, которые очень интересуются историей и ее памятниками" (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 8.01.1937).

Работа с подростками в области археологии и в настоящее время может приносить свои плоды – таким воспитанием историей долгое время занимался, к примеру, нынешний заведующий отделом Сводов Института археологии РАН А.В. Кашкин, а среди его бывших питомцев можно назвать нынешнего сотрудника ИА РАН А.Б. Селезнева. Много времени посвящал и посвящает такой работе и автор. Бережное отношение к историческому наследию, привитое в таких кружках, – один из способов затормозить рост преступной деятельности "черных археологов".

"Черные археологи" – бич не только современной археологии. Одним из важных направлений деятельности Елизаветы Арсеньевны была борьба с такого рода грабителями могил, уничтожающими историческое достояние под видом краеведения. «В позавчерашнем № "Рабочего пути" (от 30.V) было сообщение краеведов из Бельского района о находке остатков мамонта в двух местах и о том, что они разрыли могильник бронзового века. Интересно знать, был ли у них Открытый лист? Я хочу написать в ГАИМК и приложить вырезку. Полагаю, что очень много "раскопок" производится преднамеренно и чисто дилетантским образом, избегаю слова – хищническим» (Переписка..., Калитина – Лявданскому. 1.06.1935). Как тут не вспомнить и уже упоминавшегося коллекционера Романова, извлекавшего из земли вещи без всякой фиксации контекста?

С действий Е.А. Калитиной можно начинать в верхнем Поднепровье и отсчет становления государственной защиты археологических памятников от разрушения строительными работами. Именно она инициировала дело о разрушении Гнездовского курганного могильника и тем самым спасла для науки этот уникальный некрополь. "По моему письму он (Лявданский. – *А.Ч.*) сообщил в ГАИМК о разрушении железной дорогой Гнездовского могильника. ГАИМК обжаловал прокурору республики, и благодаря начавшемуся делу сейчас состоялось постановление облисполкома о переводе на наш музейный счет на предварительные исследования центрального могильника, вошедшего на территорию разработок карьера, 10000 руб. 28 августа будет совещание совместно с правлением М.Б.-Б.ж.д. о порядке разработок" (Переписка... Калитина – Поликарповичу. 23.11.1935).

Музейная работа не могла, особенно в советское время, замыкаться на археологии и краеведении. Е.А. Калитиной приходилось выполнять административные обязанности, многочисленные общественные нагрузки (например, общественного инспектора по охране труда), готовить выставки к знаменательным событиям и датам ("Наш Пушкин", "Испания в борьбе против фашизма", выставки к годовщинам октябрьского переворота и др.), разрабатывать новые экспозиции. При этом в 1930-х годах, как и ныне, одним из самых слабых мест в работе музеев был кадровый вопрос, свидетельства чему мы встречаем в переписке Елизаветы Арсеньевны: «Отчет продвигается туго – мои сотрудницы обе ноют об одолевших их болезнях, так что работа экскурсовода по всем отделам ложится на меня. Ната, придя из отпуска, подала Поправко (директору музея – *А.Ч.*) заявление о переводе ее в историко-революционный музей. Поправко, конечно, показал мне ее заявле-

[1] Федор сотоварищи тогда побывал на Елисеевичской стоянке, разрушив участок культурного слоя самодеятельными раскопками – подростки искренне считали, что помогают ученым.

ние. Причина ее просьбы такова (дословно и с соблюдением всех "тонкостей" орфографии): "меня меньше интирисует работа в историческом музее, а больше нравится ист-рев музей". Я сказала Поправко, что ничего ровно не имею возразить, надеюсь, что найду работника на ее место. К сожалению, Поправко не хочет ее перевода» (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 6.12.1936). Как и многих истинных ученых, Е.А. Калитину тяготили административные обязанности, но именно ей пришлось налаживать работу исторического отдела. «Что это Вы "зубоскалите" относительно возглавляемого мною отдела? Ведь это положительно "принудвозглавление", которое меня крайне тяготит. В дирекции имеется уже три моих докладных и бесчисленное количество устных заявлений с просьбой меня освободить от заведывания музеем и дать мне возможность работать на первых двух отделах его, как это было и раньше. Но бросать Исторический музей я не собираюсь, и Ваша агитация в этом направлении "разбивается о неприступную твердыню» (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 10.05.1936). Тогда же, когда основная тяжесть организационных мероприятий была позади, нашлись желающие занять "руководящий пост". Е.А. Калитина с легкостью передала бразды правления: "Мне, наконец, удалось освободиться от заведывания, и я начинаю приходить в себя. За последний год это заведывание пришлось чересчур солоно. Работать буду на доклассовом обществе" (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 6.04.1938).

Еще в 1937 г. Елизавета Арсеньевна почувствовала на себе черное дыхание развернувшихся в СССР репрессий: в августе были расстреляны по нелепому обвинению ее белорусские коллеги – А.Н. Лявданский, С.А. Дубинский, А.Д. Коваленя. Лишь один К.М. Поликарпович чудом не попал в эту организованную НКВД мясорубку. 1938 г. стал для Калитиной поистине трагическим. Сталинскими опричниками были расстреляны ее коллеги и друзья – краеведы Н.И. Лелянов и И.Е. Благодатский из города Бежица, в этом же году нелепо погиб и ее любимый сын – семиклассник Юра Калитин. Такой надлом тяжело вынести даже сильной личности – а Елизавета Арсеньевна, бесспорно, была такой, хотя сама себе в этом не признавалась. С этой поры лишь археология и музейное дело связывали ее с жизнью.

К сожалению, у нового руководства Смоленского музея были иные интересы, поэтому возникли трудности даже с обработкой полученных за последние годы раскопок материалов из Навли, Торфеля, Гнездова. Трудности были и с помещением, и со временем: Елизавету Арсеньевну, вновь оторвав от научной работы, назначили на нелюбимую административную должность, хотя и с научным уклоном, – заместителем директора музея по научной работе. "До сих пор мне не удалось начать разработку Торфельского городища – в 1937 г. директор потратил деньги, предназначавшиеся на разработку, сейчас еще не утвердили средства на 1938 г., а горше всего – отсутствие помещения, которым дирекция никак не может обеспечить для разбора материала" (Переписка..., Калитина – Поликарповичу. 8.02.1938). Такое положение сохранялось вплоть до лета 1941 г. К слову, в полном объеме Торфельские материалы не опубликованы по сей день, имеется лишь краткая статья Е.И. Горюновой, оперативно вышедшая, когда Е.А. Калитина оказалась в ГУЛАГе (Горюнова, 1950).

Согласно электронной публикации В.И. Склееновой (Склеенова, 2002) и по воспоминаниям Е.А. Шмидта (март 2003), который пытался восстановить военный период биографии Е.А. Калитиной в беседах с нею уже в середине 1950-х годов, далее события развивались следующим образом.

Началась война. В Смоленске, как и во многих других городах, фондам музеев не придали должного значения – это обычное для большевиков и советских чиновников отношение к культурным ценностям. Директор музея Т.А. Хохлов не смог ничего добиться у властей. Лишь после того, как в ночь на 5 июля во время бомбардировки загорелся храм Иоанна Богослова, где располагался Исторический отдел, по настоянию зав. отделом Е.В. Буркиной для вывоза наиболее ценных экспонатов все-таки выделили товарный вагон. Грузили наспех, в течение суток вагон заставили до потолка. Лишь вмешательство члена Военного Совета А.А. Лобачева помогло прицепить "музейный" вагон к эшелону с заводским оборудованием. В ночь с 8 на 9 июля эшелон ушел в Горький, а позже оттуда – в Новосибирск. Однако девять экспозиций и значительная часть фондов остались в Смоленске. С ними на оккупированной территории остались многие сотрудники музея, среди которых была и зам. директора по науке Е.А. Калитина.

Первым музеем, подвергшимся разорению со стороны гитлеровцев, стал Исторический. 4 сентября 1941 г. сотрудники музея обнаружили взлом дверей и полный разгром внутри: картины вынесены, археологический материал поломан, тысячи книг и ценных документов разбросаны по всей церкви, порваны, загрязнены. Это было настоящее уничтожение Исторического музея. Все оставшиеся материалы были вывезены в историко-революционный музей. У сотрудников отобрали ключи, а в здании над коллекциями какое-то время работали немецкие представители. Затем оккупационный режим приказал прежним работникам музея приступить к своим обязанностям по систематизации фондов и библиотеки.

В начале марта 1943 г. гитлеровцы начали спешно паковать экспонаты. Основная часть кол-

лекций была вывезена в Вильно, где они были размещены в Бернардинском монастыре. Е.А. Калитина оказалась в числе тех, кто сопровождал музейные ценности, все еще надеясь сохранить их для культуры и науки. Сколько материалов было вывезено из Смоленска в Вильно, точно установить невозможно. Часть их возвращена, следы остальных теряются.

Еще задолго до вывоза музейные экспонаты передавались внутри города различным организациям: в офицерское собрание, городское управление, в Успенский Собор. Всего передано по документам 26 предметов. Расписки об изъятии экспонатов (преимущественно картин) у представителей оккупационных властей потребовала бессменно работавшая при закрытом музее Е.А. Калитина. Так она надеялась сохранить сведения о новом месте хранения вещей, дабы облегчить их поиск в дальнейшем, когда музей вновь будет открыт. Именно эти документы – расписки, данные на имя Е.А. Калитиной немецкими офицерами, – и сыграли впоследствии роковую роль.

25 января 1949 г., через три года после возвращения из Вильно, сотрудница Смоленского краеведческого музея Елизавета Калитина была арестована Управлением МГБ по Смоленской области и в течение всего следствия содержалась под стражей в тюрьме Смоленска. Следствие было скорым, суд неправым. Уже 31 марта 1949 г. она была осуждена Военным трибуналом войск МВД по ст. 58–1 "а" на 25 лет лагерей. Дальше – этапы, тяготы лагерной жизни, непосильный рабский труд.

У Елизаветы Арсеньевны, несмотря на все удары судьбы, был внутренний стержень, только благодаря которому она, с абсолютно подорванным здоровьем, все же дожила до свободных дней. Военный трибунал Московского военного округа своим определением № 1768 от 27 декабря 1954 г. приговор по делу Е.А. Калитиной отменил, и дело за недоказанностью предъявленного обвинения прекратил. Лишь через два месяца, 21 февраля 1955 г. Е.А. Калитина была освобождена из-под стражи и вернулась в Смоленск. Но не в музей: до конца недолгой жизни у Елизаветы Арсеньевны сохранилась обида за незаслуженно изломанную жизнь. Те, кто вывозил часть фондов в эвакуацию, получили вполне заслуженные лавры. Она же, рискуя жизнью, пыталась сберечь коллекции, оставленные на оккупированной территории, а в награду за это получила унижения, лагерный срок и безнадежное существование с клеймом "врага народа".

Оставленная коллегами, после возвращения из ГУЛАГа Е.А. Калитина прожила совсем недолго: в 1956 г. ее не стало. Незадолго до смерти ее навещал молодой археолог Евгений Шмидт – один из тех, кого 20 лет назад она заразила своей страстью к исследованиям далекого прошлого. Прошло несколько десятилетий, и профессор Евгений Альфредович Шмидт стал ведущим смоленским археологом, одним из крупнейших специалистов по раннему железному веку Верхнего Поднепровья, а заслуженный работник культуры Федор Михайлович Заверняев по праву считался ведущим археологом Брянщины в течение многих десятилетий. Если твой след остался в твоих учениках – значит жизнь, пусть даже полная нелепиц, испытаний и незаслуженных обид, прожита не напрасно.

Автор благодарит за помощь в сборе материала проф. Е.А. Шмидта и начальника подразделения УФСБ по Смоленской области А.А. Железнова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горюнова Е.И. Городище Торфель. Краткая информация о раскопках 1937 г. // КСИИМК. 1950. Вып. 31.

Калитина Е.А. Отчет об обследовании археологических памятников Навлинского района Западной области // Архив ИИМК РАН. 1936. Ф. 2. Оп. 1. Д. 254.

Калитина Е.А. Предварительный отчет об археологических раскопках городища Торфель // Архив ИИМК РАН. 1937. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209.

Калитина Е.А. Река Навля, 1936 // Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941.

Переписка с Е.А. Калитиной // Личный архив К.М. Поликарповича. Фонды Юдиновского краеведческого музея (Брянская обл.). Ф. 1. Д. 100.

Склеенова В.И. Смоленский областной краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны // Культурная карта Европы: судьба перемещенных культурных ценностей в третьем тысячелетии. М., 2002. http://www.libfl.ru/restitution/conf/skleenova-r.html

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 162–176

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

"РАДИОУГЛЕРОД И АРХЕОЛОГИЯ". ТРУДЫ 4-го МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА, 9–14 АПРЕЛЯ 2002 г., ОКСФОРД, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

("Radiocarbon and Archaeology". Proceedings of the 4-th International Symposium, 9–14 April 2002, Oxford, UK)

[Oxford University School of Archaeology Monograph. V. 62. 2004. 348 p.].

Данный обзор посвящен сборнику трудов очередного симпозиума по применению радиоуглеродного (далее – ^{14}C) метода в археологии; отчет о материалах предыдущего форума был сделан автором ранее (2001). В работе симпозиума 2002 г. приняли участие более 50 специалистов из Европы, Азии, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии; в сборнике представлено 30 статей, освещающих различные аспекты использования ^{14}C метода в археологических и исторических исследованиях.

^{14}C датирование в отличие от других методов естественных наук дает возможность археологам: 1) изучать темпы культурной эволюции с высокой точностью; 2) сравнивать скорость культурного развития в различных регионах с неодинаковыми природными условиями; 3) проводить корреляцию древних культур, разделенных значительными расстояниями.

Сборник открывается статьей *Й. ван дер Плихта (J. van der Plicht)* о калибровке радиоуглеродных дат, ставшей в последние 15–20 лет стандартной процедурой. Подчеркивается, что калибровка в полном смысле слова возможна только до 13600 г. до н.э., а далее следует говорить о "кривой сравнения" радиоуглеродного и календарного возрастов. Начиная с 20000 ^{14}C лет назад (далее – л.н.) не существует надежной калибровочной кривой, и поэтому, например, проводить калибровку дат позднего и среднего палеолита пока невозможно.

Б. Венингер и *О. Йорис (B. Weninger, O. Joris)* приводят описание компьютерной программы калибровки CalPal (доступна в Интернете: http://www.calpal.de). Она составлена на основе имеющихся кривых соотношения ^{14}C и календарного возрастов вплоть до 50000 л.н. (об ограничениях точности см. выше). Кроме этих данных в программе есть несколько палеоклиматических кривых, которые позволяют пользователю увидеть, что происходило с климатом Земли в тот момент, когда существовал памятник, ^{14}C даты которого он калибрует. Таким образом, CalPal наряду с калибровкой позволяет решать другие научные задачи.

К.Л. Стилман и *М.В. Роув (K. L. Steelman, M. W. Rowe)* представили методику не разрушающего артефакты извлечения углерода из образцов органики для последующего ^{14}C датирования. При пропускании радиоволн через сосуд, наполненный кислородом, где также помещен образец, происходит окисление углерода без какого-либо видимого нарушения целостности структуры образца (например, ткани). Процедура извлечения углерода протекает при температуре 40–150°C в течение 5–10 мин. Контрольное датирование полученного углерода методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) показало высокую степень сходимости с результатами датирования традиционным, "разрушающим" методом.

Т. Рассел и *Дж. Стил (T. Russel, J. Steele)* провели моделирование процесса распространения неолитических культур в Европе на основе компьютерного анализа датированных по ^{14}C раннеземледельческих комплексов; было использовано 508 ^{14}C дат, известных для раннего неолита. Полученные результаты подтвердили представления 1960-х годов, базировавшиеся на менее чем 100 ^{14}C датах: распространение земледелия с Ближнего Востока в Европу шло со скоростью около 1 км/год.

В статье *П.М. Долуханова* и *А.М. Шукурова* дана реконструкция процесса колонизации Северной Евразии человеком современного типа (*Homo sapience sapience*) на основе ^{14}C дат палеолитических памятников. Главный вывод авторов – колонизация происходила с запада на восток (с Ближнего Востока и Европы в Сибирь и Восточную Азию) в виде трех последовательных волн расселения около 42000–30000 л.н., 26000–18000 л.н. и 17000–10000 л.н. На этой работе хотелось бы остановиться более подробно. Несмотря на высказанную критику предыдущей публикации по этой теме (Dolukhanov et al., 2002; см.: Kuzmin, Keates, 2004) авторы так и не смогли преодолеть собственные противоречия. Во-первых, ими использован не весь известный массив ^{14}C дат для палеолита Сибири (см., например: Орлова и др., 2000; Vasil'ev et al., 2002), а некие усредненные величины возраста для серий ^{14}C дат. В результате распределение количества дат во времени совершенно не соответствует реальности (см.: Kuzmin, Keates, in press) и вывод о трех "волнах расселения", сделанный после сравнительного анализа частоты встречаемости памятников в Европе и Сибири, неубедителен. Во-вторых, ими открыто игнорируются те объекты, которые не вписываются в уже выработанную схему расселения современного человека в Евразии (см.: Dolukhanov et al., 2002). Так, памятник Кара-Бом на Алтае с ^{14}C датами позднепалеолитического слоя около 43000 л.н. (Деревянко, 2001) древнее любого объекта в Европе, относящегося к этому периоду. Если принять как ориньякскую индустрию слоя 11 стоянки Усть-Каракол 1 на Алтае, имеющую возраст древнее 35000 л.н. (Otte, Derevianko, 2001), окажется, что данный памятник содержит самый ранний ориньяк Евразии. Уже одни эти факты свидетельствуют скорее об обратном направлении миграций, из Сибири в Европу! Таким образом, выводы авторов статьи не подтверждаются имеющимся фактическим материалом.

В работе *Л.А. Орловой* и соавторов представлен анализ взаимоотношений позднепалеолитического человека и мамонта в Сибири на примере материалов из верховьев р. Енисей. В позднем палеолите (24900–12900 л.н.) здесь известны памятники как с находками костей мамонта, так и без них. В течение 12000 лет люди и мамонты проживали на одной территории, что не привело к исчезновению мамонтов в резуль-

тате охотничьей деятельности человека. Сделан вывод о том, что охота доисторического человека на мамонта была очень ограниченной; основным ее объектом в палеолите на Енисее был северный олень.

У. Цоппи (U. Zoppi) с соавторами обнародовали результаты датирования петроглифов о. Малекула (Вануату, Океания) методом AMS. Количество необходимого для анализа углерода составляло доли миллиграмма (мг), иногда всего 10 микрограмм (мкг; 1000 мкг = 1 мг)! На основании 57 дат из 14 пещер установлено, что наиболее ранние рисунки углем появились здесь около 3000 л.н.; интенсивность создания петроглифов возросла около 1500 л.н. и особенно – около 200 л.н.

Х. Брюинс и *Й. ван дер Плихт (H. J. Bruins, J. van der Plicht)* на основе ^{14}C датирования памятника раннего железного века Хорват Халуким (Horvat Haluqim) в пустыне Негев (Израиль) установили время начала земледелия с использованием каменных сооружений для сбора дождевой воды в Леванте. В результате подпруживания вади (временного водотока) в древности каменной плотиной и увлажнения грунта после дождей образовалась погребенная почва мощностью до 0.75 м, датированная по найденным в ней костям животных и углю около 2900–2600 л.н. (XII–VI вв. до н.э.).

Сообщение *М. Юн (M. Youn)* и соавторов посвящено AMS датированию остатков пищи на керамике "раковинной кучи" Седжук (Sejuk) близ г. Ульсан (Республика Корея). Кроме корки нагара на внутренней поверхности фрагментов керамики датировалась копоть на их внешней стороне, а также растительные остатки (желудь) из культурного слоя. Результаты датирования показали хорошую сходимость по всем этим материалам; установлено, что "раковинная куча" существовала короткое время, около 6300 л.н. (5350–5250 гг. до н.э.).

В двух статьях рассмотрена проблема ^{14}C возраста тихоокеанской крысы (*Rattus exulans*) в Новой Зеландии. Считается, что крыса была завезена сюда людьми около 850 л.н. и самые ранние даты по ее остаткам должны соответствовать времени колонизации человеком этого архипелага, который был заселен позже других островов Океании. Однако имеется ряд ^{14}C дат по костям крысы, превышающих 1000–1500 л.н., что ставит под вопрос "короткую хронологию" доисторического прошлого Новой Зеландии. *Н. Бивен Атфилд (N. Beavan Athfield)* рассматривает вопрос надежности ^{14}C дат по костям крысы и птиц. После детального анализа большой серии дат по костям крысы и других наземных животных, а также раковин морских моллюсков сделан вывод о том, что, будучи всеядной, крыса может поедать морские организмы, в результате чего ее ^{14}C даты удревняются (так называемый эффект резервуара; см. подробнее: Кузьмин, 2003. С. 178, 179). Главный вывод автора – даты по костям крысы в целом надежны; при анализе ^{14}C дат по крысе и другому материалу требуется их постоянный контроль стратиграфическими данными по памятникам. *Т. Хайем (T.F.G. Higham)* с соавторами сообщают о результатах AMS датирования костей крысы из археологического памятника Кокоуиа (Kokohuia) в Новой Зеландии. Получив серию весьма древних ^{14}C дат (около 890–1600 л.н.), авторы впоследствии установили, что при фильтрации очень малых образцов (0.7–5 мг) датированного коллагена происходило их систематическое загрязнение "древним" желатином фильтра. Повторное датирование показало, что возраст костей составляет около 400–500 л.н. Авторы предупреждают об опасности загрязнения "молодых" образцов при обработке в лаборатории и утверждают, что ни один из надежно датированных остатков крысы в Новой Зеландии не древнее 1000 л.н., т. е. ставят под сомнение возможность более ранней колонизации этого архипелага.

С. Бурке (S. Bourke) и соавторы приводят новые данные по хронологии позднего неолита и раннего энеолита памятника Пелла (Иордания), одного из наиболее долго существовавших поселений Ближнего Востока. Восемь новых ^{14}C дат по зернам злаков позволили установить, что лодианский (Lodian) комплекс керамического неолита А существовал одновременно с ярмукскими (Yarmukian) комплексами около 7200–7000 л.н. (6200–5700 гг. до н.э.). В период позднего неолита Зиклаб (Ziqlab) Пелла была заселена около 5930–5870 л.н. (4850–4750 гг. до н.э.). Комплекс позднего ("северного") энеолита датирован около 5750–5650 л.н. Полученные данные свидетельствуют о частичной одновременности лодианского и ярмукского комплексов, о запустении памятника на протяжении почти 1000 лет в постлодианское время и о генетической преемственности между поздним неолитом и ранним энеолитом долины р. Иордан.

Й. Гёрсдорф (J. Görsdorf) с соавторами обсудили результаты датирования кургана у с. Виноградное (Запорожская обл., Украина), содержащего погребения ямной и катакомбной культур. 10 погребений ямной культуры отнесены ко времени около 3100–2600 гг. до н.э., 1 погребение катакомбной культуры – около 2800–2600 гг. до н.э. Сделан вывод о сосуществовании этих культур и постепенном переходе от катакомбной к раннеямной культуре; деревянный диск от колеса из могилы ямной культуры (без ^{14}C дат) по аналогии датирован около 3000–2900 гг. до н.э.

Я.В. Кузьмин и соавторы представили обзор ^{14}C хронологии древнейших комплексов с керамикой в Восточной Азии. Осиповская и громатухинская культуры Приамурья датированы около 14000–12400 гг. до н.э. Близкий возраст имеют начальный дзёмон Японии и древнейший неолит южного Китая; при этом наиболее древние ^{14}C даты по памятникам южного Китая – Мяоян (Miaoyan) и Сяньчжэньдун (Xianrendong) – нуждаются в дополнительной проверке (см. подробнее: Кузьмин, 2004).

Сообщение *Ч. Ламперта (C. D. Lampert)* с соавторами содержит результаты AMS датирования смолы на керамике из Пещеры Духов (Spirit Cave) в Таиланде. Ранее считалось, что керамика и остатки растений, возможно, культивировавшихся обитателями пещеры, имеют возраст не менее 7400 л.н. на основании ^{14}C дат стратиграфически связанных (как предполагалось) с керамикой углей. Это делало Пещеру Духов самым древним памятником неолита в Таиланде (см., например: Беллвуд, 1986. С. 179). Датирование смолы на поверхности керамики со шнуровым оттиском дало неожиданный результат – около 3050–3000 л.н., т.е. значительно моложе, чем считалось ранее. Авторы ставят задачу пересмотра существующей хронологии керамики Юго-Восточной Азии и допускают, что пещера была эпизодически обитаема людьми в позднем неолите и в эпоху бронзы.

Три статьи посвящены ^{14}C хронологии скифских курганов южной Сибири. *К.В. Чугунов* и соавторы сообщают новые данные о возрасте уникального "царского" погребения в кургане Аржан 2 (Тува). Даты по различному материалу (углю, кости, текстилю, коже, зернам злаков, дереву) в целом хорошо согласуются друг с другом и показывают средний возраст образцов около 2500 л.н. Этому периоду на калибровочной кривой соответствует длительное (около 350 лет) "плато", что препятствует точному определению календарного возраста памятника. Поэтому авторами проведена "привязка по зубцам" (см.: Кузьмин, 2001. С. 171) серии дат по 10 годичным кольцам; установлено, что погребение датируется VII в. до н.э. *И.Ю. Слюсаренко* и соавторы провели сопоставление "привязки по зубцам" двух серий ^{14}C дат, полу-

ченных по 10 и 20 годичным кольцам для единого образца дерева из принадлежащего пазырыкской культуре памятника Уландрык 4 (Алтай). Применение бейесианской статистики позволило установить, что время рубки деревьев, из которых сделана погребальная камера – 217 г. до н.э. (серия из 20-летних образцов) или 312 г. до н.э. (серия из 10-летних образцов). Авторы считают последнюю дату более вероятной; в этом случае памятники пазырыкской культуры Горного Алтая датируются концом IV – первой пол. III в. до н.э., что хорошо согласуется с археологическими данными. Статья *И. Хайдас (I. Hajdas)* и соавторов близка по содержанию; независимое датирование того же ствола дерева из Уландрыка 4 (10-летняя серия) с "привязкой по зубцам" показало очень близкий возраст его рубки – 312 ± 20 г. до н.э.! Для кургана Пазырык 2 время рубки дерева, использованного при сооружении погребальной камеры, определено как 300 ± 25 г. до н.э. Данные работы являются существенным шагом вперед в построении детальной хронологии скифской эпохи.

С методической точки зрения к этим статьям примыкает работа *К. Оберлин (C. Oberlin)* и соавторов, посвященная высокоточному датированию свайного поселения Монпенедре (Montpenèdre) на побережье Средиземного моря (Франция). Изучение двух серий древесных колец от опор свайных жилищ с последующей "привязкой по зубцам" позволило определить их возраст как 1040–960 ± 38 гг. до н.э., что соответствует позднему бронзовому веку и хорошо совпадает с археологическими данными.

И.Ч. Ким (I.C. Kim) с соавторами провели высокоточное датирование двух гробниц королей государства Силла на юге Корейского полуострова, в г. Кьёнгджу. Наряду с древесиной методом AMS были датированы остатки текстиля, лака на деревянных изделиях, зерен злаков, кожи. Выяснилось, что самая большая королевская гробница в Корее была построена около 420–520 гг. н.э. и не может принадлежать королю Нэмуль (Naemul), умершему, согласно летописи, в 402 г. н.э. Знаменитая гробница с изображением Небесной Лошади была сооружена около 450–550 гг. н.э. Таким образом, радиоуглеродное датирование помогает прояснять спорные моменты в средневековой истории.

В статье *Р. Юнга* и *Б. Венингера (R. Jung, B. Weninger)* обсуждается хронология древностей эпох поздней бронзы и раннего железа региона Эгейского моря на основе более чем 50 ^{14}C дат по теллю Кастанас (Kastanás) в Центральной Македонии. Проведя анализ соотношения стратиграфии и ^{14}C дат по углю и обнаружив расхождения в пределах 60–150 лет, авторы пришли к выводу о влиянии на полученные результаты эффекта "старой древесины": очевидно люди использовали в качестве топлива дерево со значительным, не менее 50–100 лет, собственным возрастом. Даты по костям домашних и диких животных также оказались древнее принятых археологами хронологических параметров. Необходимо заметить, что хронология микенского времени в Греции построена на корреляции местных и египетских, палестинских и сирийских керамических стилей и весьма условна; именно ^{14}C метод может быть средством для прямой корреляции культур и эпох Средиземноморья.

В сообщении *И.К. Бронич (I.C. Bronić)* и соавторов приведена новая информация по стоянкам ранненеолитической культуры Старчево в Хорватии. Памятник Задубравлье-Дужине (Zadubravlje-Dužine) по результатам ^{14}C датирования оказался самым ранним в культуре Старчево – около 6600–5000 гг. до н.э.; на нем найден древнейший в неолите Европы колодец. На стоянке Славонский Брод-Галово (Slavonski Brod-Galovo), датированной около 5850–5050 гг. до н.э., на специально огороженной площадке в стороне от жилищ обнаружено древнейшее погребение данной культуры. Сопоставление новых ^{14}C дат с данными по сопредельным регионам Центральной Европы показало, что неолитические комплексы появляются на юге Паннонской равнины одновременно с их появлением в Македонии.

М. ван Страйдонк (M. van Strydonck) исследовал возможную связь изменений культуры и климата около 2700 л.н. на Балеарских островах (Испания). На основании серий ^{14}C дат им установлено, что изменение обряда погребения (начало использования негашеной извести для засыпки могилы), а также прекращение строительства сторожевых башен (*talayot*) произошли на архипелаге практически одновременно, в IX–VIII вв. до н.э. Археологические материалы свидетельствуют об ослаблении контактов с материком в IX–V вв. до н.э. Все это дало основание полагать, что изменения в материальной и духовной культуре обитателей Балеарских островов в указанное время напрямую связаны с некими более общими явлениями, в частности, похолоданием климата.

П.М. Долуханов и соавторы на основе статистического анализа массива ^{14}C дат для древнейших земледельческих комплексов с керамикой Центральной и Восточной Европы попытались решить вопрос о времени возникновения и распространения неолита (по их выражению, "улучшить хронологию неолита"). Они принимают величину ±100–130 лет за общую ошибку средних ^{14}C дат по каждому ранненеолитическому памятнику. Проверяя однородность выборки ^{14}C дат, авторы с помощью критерия "хи-квадрат" подсчитали средний возраст каждого объекта. Для памятников культуры линейно-ленточной керамики Центральной Европы средний возраст определен как 5154 ± 62 гг. до н.э. В Восточной Европе, для которой авторы располагают 130 сериями дат, средний возраст елшанской культуры равен 6910 ± 58 гг. до н.э.; Ракушечного Яра – 5900 ± 130 гг. до н.э.; Матвеева Кургана – 5860 ± 130 гг. до н.э.; буго-днестровской культуры – 6121 ± 143 гг. до н.э.; культур Верхней Волги – 5147 ± 30 гг. до н.э. Выводы авторов: 1) культура линейно-ленточной керамики распространялась единой миграционной волной; 2) неолитизация Восточной Европы представляется как результат постепенного распространения инноваций с востока (елшанская культура) на юг (Ракушечный Яр и буго-днестровская культура) и север (Верхняя Волга).

М. Стрит и *Т. Терберг (M. Street, T. Terberger)* представили результаты 15-летних исследований хронологии верхнего палеолита Германии. Интересные данные получены для позднемадленского памятника Бонн-Оберкассель (Bonn-Oberkassel) – кости одомашненной собаки датированы временем около 12000 л.н. Это одна из самых ранних подобных находок в финале палеолита Евразии; собака со стоянки Елисеевичи (Русская равнина) датирована около 13900 л.н. (Sablin, Khlopačev, 2003). Важнейшая информация получена по трем стоянкам в долине Рейна, для которых серия ^{14}C дат в интервале 19600–17800 л.н. (включая дату 18590 ± 260 л.н. по костям человека на стоянке Миттлере Клаус (Mittlere Klause) в Баварии) свидетельствует об их существовании во время максимума последнего оледенения (20000–18000 л.н.); ряд исследователей отрицает пребывание людей на севере и востоке Европы в это время из-за холодного климата. Большой разброс ^{14}C дат по костям мамонта и шерстистого носорога (13600–14600 л.н.) на мадленской стоянке Гённерсдорф (Gönnersdorf) в Рейнской области говорит о том, что люди не охотились на этих животных, а собирали остатки уже умерших особей для строительства жилищ и просто из любопытства.

Статья *Й. Гёрсдорфа и Б. Грамша (J. Görsdorf, B. Gramsch)* посвящена ^{14}C хронологии мезолитической стоянки Фризак (Friesack) в 60 км от г. Берлина (Германия). На основании

анализа более чем 70 ^{14}C дат установлено, что в первые 1200 лет существования стоянки на берегу озера (9220–7970 гг. до н.э.) она была обитаема почти ежегодно; в дальнейшем (7800–5600 гг. до н.э.) люди занимали ее гораздо реже (не более 10–15 раз за 1500 лет). Подобные исследования позволяют изучать динамику обитания человека на памятниках с высокой (не менее 100 календарных лет) точностью, что невозможно сделать на основании только археологических данных.

А.Л. Александровский и соавторы получили новые результаты по ^{14}C хронологии объектов раннего железного века и средневековья на территории Московского Кремля и г. Москвы в целом. Дьяковский культурный слой под фундаментом Архангельского собора датирован временем около 2200 л.н. (календарный возраст 380–200 гг. до н.э.). Поселения дьяковской культуры существовали в долине р. Москва в I тыс. до н.э. в условиях залесенного ландшафта. После этого отмечено длительное запустение территории, на которую в IX в. н.э. пришло славянское население.

М. д'Элиа (M. d'Elia) и соавторы продатировали методом AMS образец с известным возрастом. Дерево от средневековой картины из дворца Боргерини во Флоренции (Италия), датированной по стилю XI–XII вв. н.э., имеет ^{14}C возраст 937 ± 24 л.н., что соответствует 1020–1170 гг. н.э. и совпадает с исторической датой.

В работе *Г. де Мульдера* и *М. ван Страйдонка (G. de Mulder, M. van Strydonck)* приведены результаты ^{14}C датирования двух полей погребений переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку времени в Вельзеке (Velzeke) (Бельгия). Полученные даты, соответствующие IX–VII вв. до н.э., несколько древнее археологических (VIII в. до н.э.).

Н. Галло (N. Gallo) сообщает об изучении хронологии замка Агинольфи в Тоскане (Италия), известного в летописях с 764 г. н.э. ^{14}C датированию было подвергнуто семь образцов угля, отобранных из связывающего кладку известкового раствора в донжоне замка. Начало строительства датировано 780–980 гг. н.э. (лангобардско-каролингское время), что близко к историческим данным.

В заключение хочу отметить, что в настоящее время радиоуглеродный метод позволяет исследовать хронологию древних и средневековых культур с точностью, превышающей возможности чисто археологических методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М., 1986.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае (Монголия и Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3.

Кузьмин Я.В. Радиоуглерод и археология. Труды 3-го Международного симпозиума, Университет Клода Бернара – Лион 1, г. Лион, Франция, 6–10 апреля 1998 г. // РА. 2001. № 4.

Кузьмин Я.В. Труды 17-й Международной радиоуглеродной конференции, 18–23 июня 2000 г., г. Иерусалим, Израиль // РА. 2003. № 2.

Кузьмин Я.В. Возникновение керамики в Восточной Азии (15000–10000 ^{14}C лет назад): геоархеологический аспект // РА. 2004. № 2.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Волкова В.С., Зольников И.Д. Мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum.) и древний человек в Сибири: сопряженный анализ ареалов популяций на основе радиоуглеродных данных // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2000.

Dolukhanov P.M., Shukurov A.M., Tarasov P.E., Zaitseva G.I. Colonization of Northern Eurasia by modern humans: radiocarbon chronology and environment // J. Archaeol. Sci. 2002. V. 29. № 6.

Kuzmin Y.V., Keates S.G. Comment on "Colonization of Northern Eurasia by modern humans: radiocarbon chronology and environment" by P.M. Dolukhanov et al. // J. Archaeol. Sci. 2004. V. 31. № 2.

Kuzmin Y.V., Keates S.G. Dates are not just data: Paleolithic settlement patterns in Siberia derived from radiocarbon records // American Antiquity. In press.

Otte M., Derevianko A.P. The Aurignacian in Altai // Antiquity. 2001. V. 75. № 287.

Sablin M.V., Khlopačev G.A. Die ältesten hunde aus Eliseevičі 1 (Russland) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2003. V. 33. № 3.

Vasil'ev S.A., Kuzmin Y.V., Orlova L.A., Dementiev V.N. Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic in Siberia and its relevance to the peopling of the New World // Radiocarbon. 2002. V. 44. № 2.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток

Я.В. Кузьмин

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Хорошо известно, что бумага терпит все. И никого не удивить сегодня неотредактированной фразой, непроверенной ссылкой или опечаткой в дате – они встречаются в сколь угодно почтенных издательствах. Более чем достаточно книг, написанных непрофессионалами, неграмотно переведенных, неудачно скомпилированных. Мы привыкли к тому, что "печатные дома" тоннами выпускают всевозможную псевдонаучную продукцию, начиная с пресловутой "новой хронологии" и кончая проектами "фантастической археологии", в ряду которых даже поиск библиотеки Ивана Грозного смотрится скучно реалистичным. Всем понятно, что серьезный научный журнал не может тратить время своих читателей на обсуждение подобных книг.

Однако нам вряд ли удастся полностью отмолчаться (а если и удастся, то плата за молчание окажется непропорционально велика). Дело в том, что идет беззастенчивая, без учета авторского права, переработка уже опубликованных авторских текстов и разнузданная порча доброкачественных исходных материалов, в них содержащихся. Это наносит вред доброму имени автора (которое зачастую сохраняется на обложке) и создает у читателя ложное представление как об оригинальном издании, так и о проблемах науки, в нем обсуждавшихся. Но и это не все: халтурщики идут дальше и публикуют такие переработки в качестве учебной литературы для школ и ВУЗов. В них просто нечем дышать от смешных и страшных в своей безграмотности ошибок, и давать такие книги в руки читателя, тем более – студента – значит сознательно формировать в умах искаженную картину изучаемого предмета, подменять подлинную, основанную на проверенных фактах науку – ее иллюзией.

Допускаем, что и компиляторы, и издатели тех двух книг, отзывы на которые мы сегодня публикуем, не стремились к искажениям и порчам текстов сознательно, что перед нами пример простой безответственности людей, занятых коммерцией, а не исследованием.

Но наш долг – предостеречь читателя о недоброкачественности книг, опираясь на которые, он рискует получить крайне искаженное представление об археологии как науке. Мы просим поэтому наших коллег и впредь обращать особое внимание на попадающиеся им в руки некачественные издания по археологии (особенно учебную литературу) и присылать свои отзывы о них в журнал. Вряд ли мы сможем таким образом уменьшить поток халтуры. Но мы выявим составляющие его элементы и избавим наше научное сообщество, особенно молодых коллег, от опасности привлекать к работе абсолютно непригодные для нее материалы.

ОБ ОДНОМ ПЕРЕИЗДАНИИ МОЕЙ КНИГИ

В 2004 г. издательством "Гамаюн–Юг" была переиздана моя книга "Испун – дома карликов. Заметки о дольменах Северного Кавказа", впервые опубликованная в 1985 г.

Казалось бы, такое начинание можно только приветствовать, тем более, что, как свидетельствует рекламный текст, помещенный на с. 75 нового издания, "издательство "ГАМАЮН" – объединение, основанное на доверии, взаимопонимании, взаимной поддержке, созданное для издания и донесения до людей книг и иной продукции, открывающей Чистоту Души, Радость и Красоту Жизни, Образ Новой Жизни и Мировоззрения". Надо сказать, захватывающая перспектива!

Однако в действительности все обстоит много проще, примитивней и безнравственней. Первое, на что приходится обратить внимание, это тот факт, что монография была переиздана не только без моего согласия как автора, но я не был даже поставлен в известность о предпринимаемой издательством инициативе. Книга попала ко мне в руки случайно, благодаря любезности санкт-петербургского археолога В.А. Трифонова. Вероятно, сотрудники издательства были уверены, что меня ввиду преклонного возраста уже нет в живых и соответственно у них руки развязаны.

Издатели бесцеремонно подредактировали в меру своего разумения предисловие к книге, написанное ныне уже покойным профессором Н.Б. Анфимовым, убрав из него одни фразы и изменив смысл других.

Столь же бесцеремонной правке был подвергнут и авторский текст. Начнем с того, что он был существенно сокращен, в ряде мест из него выкинуты имена многих видных исследователей Кавказа (Л.И. Лаврова, М.М. Иващенко, Б.А. Куфтина, К.Ф. Смирнова, В.Г. Котович, Р.М. Мунчаева, В.И. Козенковой и др.).

Но самое важное то, что из книги были выброшены практически все иллюстрации, выполненные непосредственно мною во время многочисленных экспедиций по Кавказу (из более чем 20 рисунков, чертежей и фотографий воспроизведены только 5, да и то с искажениями и без пояснительного текста).

Факт данной публикации является яркой иллюстрацией не только распространившегося ныне безнравственного подхода к издательской практике, который затронул и научные работы, но также чрезвычайно низкого общего уровня культуры у людей, которые сегодня стремятся донести до читателей "Чистоту Души, Радость и Красоту Жизни, Образ Новой Жизни и Мировоззрения".

В заключение я, как автор, имею честь заявить всем, кого судьба столкнет с этим переизданием моей книги, что я не имею к нему никакого отношения.

Институт археологии РАН, Москва *В.И. Марковин*

Бабаян Г.В. "ОСНОВЫ АРХЕОЛОГИИ. КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ". Сер. "СЕССИЯ БЕЗ ДЕПРЕССИЙ". Ростов н/Д.: "ФЕНИКС", 2004. Тираж 5000 экз.

Книга Г.В. Бабаян очень хитро названа: "Конспект лекций". Это, действительно, не учебное пособие, к которому полагаются методические вопросы и список рекомендуемой литературы, а именно конспект, причем отрывочный и неосмысленный, последнего издания весьма добротного учебника А.И. Мартынова "Археология" (М., 1996), но нигде не указано, что автором использован именно этот учебник. Отсутствует список рекомендуемой литературы. Не указаны территориальные рамки предлагаемого курса.

Дать настоящую рецензию на эту работу невозможно. Если в ней кое-где встречаются положительные элементы, то они относятся к учебнику А.И. Мартынова. А то, что написано самой Г.В. Бабаян, ниже всякой критики. Привести в данной рецензии все ее ляпы фактически невозможно, это займет несколько страниц. Поэтому я ограничусь лишь рядом замечаний трех типов. В научной и учебной литературе недопустимы, во-первых, употребление совершенно непонятных, фантастических терминов, во-вторых, бессмысленные фразы и, в-третьих, ошибки в написании терминов и имен собственных.

Итак, первый раздел. Несуществующие термины. Если бы они встречались по одному разу, их можно было бы отнести к опечаткам, но они многократно повторяются. Так, глава 22 названа "Этолитические культуры оседлых земледельцев и скотоводов Восточной Европы. Трипольская культура". При этом термин "этолит" повторяется пять раз, следовательно,

это не опечатка в слове "энеолит", а сознательное введение нового термина без раскрытия его содержания. Он употребляется в названии главы, оглавлении, третьей строчке главы в качестве термина "эпоха этолита" и дважды на с. 73.

Не менее интересна глава 20 об искусстве неолита. На с. 71 приведено описание петроглифов в Кобыстане на Апшеронском полуострове: "Это целое танго из танцующих человечков, контурные изображения быков, табуны лошадей и лучников". В учебнике А.И. Мартынова сказано: "Это целые панно из танцующих человечков, контурные изображения быков, стада лошадей и лучники". Так панно превратилось в танго, а лучники встречаются табунами. Или еще один пример из этой же главы. У А.И. Мартынова речь идет об "амурских и уссурийских петроглифах". У Г.В. Бабаян читаем на с. 70: "выделяются амурелия (что это такое? – *Т.Т.*) и уссурийские петроглифы". А Сибирь делится на "таежные и лиственные зоны" (с. 70).

Следующий невероятный термин – "ирлянская" (с. 116), или "ирлинская" (с. 117) культура, получившая название по поселению и могильнику "Ирлянь". Судя по всему, речь идет об ирменской культуре, получившей название по поселению Ирмень (могильника там не было).

На с. 133 автор пишет об установлении таинственных "военно-догмических отношений в Скифии". Я даже не могу представить, что должно обозначать это сочетание слов.

Теперь о второй серии ляпов, сущность которых заключается в появлении непонятных фраз.

С. 29. "Волна миграции совпала с эпохой, т.е. с гомо эректусами".

С. 51. "Этот процесс (неолитическая революция) был длительным: начало его уходит в мезолит, а завершается он в Евразии в палеолитическую эпоху".

На с. 61 говорится о "могильщиках и поселениях Самусь П, Ш".

С. 61. "По мнению астрологов, неолитическое население Западной Сибири не было однородным".

С. 92. "Окуневская культура возникла и развилась на местной политической основе".

С. 132. "Обязательной принадлежностью таких домов были укрепленные скифские городища".

Теперь о третьей категории ляпов – об ошибках в написании терминов и собственных имен.

С. 11 – сомотрей (солютре); с. 13 – андрогенез (антропогенез); с. 14 – голенниды (гоминиды); с. 18 – Арзии (Арзни); с. 21 – вюрмское отделение (вюрмское оледенение); с. 21 – Клик-Коба (Киик-Коба); с. 61 – р. Тонь (р. Томь); с. 75 – Салисское нагорье (Саянское нагорье); с. 81 – Гексеор 1, Карадене, Алтын-дене (Геоксюр, Кара-депе, Алтын-депе по А.И. Мартынову); с. 87 – Нальчинский могильник (Нальчикский могильник); с. 114 – Ростовлинский могильник (Ростовкинский могильник); с. 118 – курган Сопаха (курган Солоха); с. 136 – Тигискен (Тагискен); с. 177 – Совмак (Савмак); с. 179 – Сагдиана (Согдиана) и т.д. Не вижу смысла продолжать дальше этот список.

На таком фоне даже не приходится делать замечания о том, что майкопская культура характеризуется без знаменитого Майкопского кургана, что окуневская культура упоминается как в разделе об энеолите, так и в разделе о бронзовом веке, что курган Гайманова могила явно спутан с Толстой могилой, что под влиянием греков происходит "перерождение скифской культуры" (с. 133), а курган Аржан был тагарским. На с. 9 в четвертой строке указано, что палеолит начинается "2.6 млн. лет назад" (как и в учебнике А.И. Мартынова), а через 11 строчек – 2 млн. лет тому назад. Эта же цифра приведена на с. 10. Чему верить?

Подводить итог и давать оценку "творению" Г.В. Бабаян нет смысла. Одну из причин возможности появления данного опуса указывает само издательство на последних страницах. "Приглашаем к сотрудничеству авторов. Высокие гонорары!!! При принятии рукописи в производство выплачиваем гонорар на 10% выше любого российского издательства. Наш адрес 344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80".

Новосибирский государственный
педагогический университет

Т.Н. Троицкая

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО АРХЕОЛОГИИ ТАДЖИКИСТАНА (2000–2004 гг.)

В Республике Таджикистан археологические работы проводятся сотрудниками Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Государственного Эрмитажа, Институтов истории материальной культуры и востоковедения РАН. В них принимают участие археологи Германии, Франции и других стран. В северных районах Таджикистана раскопки систематически ведутся на городище древнего Пенджикента и на поселении эпохи энеолита и бронзы Саразм. В Южном Таджикистане осуществляются исследования памятников лёссового палеолита и эпохи бронзы. Возобновились раскопки на территории г. Куляба и на цитадели городища Хульбук, на городище Тахти Сангин. Разведочные и раскопочные работы ведутся в Бадахшане и на Памире. Материалы исследований, проведенных в 1986–2003 гг., опубликованы в ряде изданий.

Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXVII. Душанбе, 2000. 262 с.

Сборник открывает статья В.А. Ранова, обобщающая многолетние исследования памятников палеолита: Каратау, Лахути, Кульдары, Хонако, Оби-Мазар, расположенных компактно на территории Хатлонской области. Автор рассматривает вопросы образования палеопочв, в которых найдены артефакты, отмечает особенности техники обработки камня в нижнем палеолите, приводит аналогии и датировку материалов. Ю. Якубов публикует бронзовый топор-кельт, найденный случайно в Джиргитальском районе. По мнению автора, он относится к кругу изделий срубно-андроновской культуры. Б.Я. Ставиский, Ю.Я. Якубов, З.А. Гарифуллина, Д.Д. Довутов публикуют результаты раскопок раннесредневекового поселения Хисорак в Верхнем Зеравшане, сопоставля-

емого с Мадрушкатом, который упоминается в одном из документов мугского архива. На месте предполагаемого дворца раскопано три помещения, необгоревшие деревянные детали перекрытий которых имеют редкую сохранность. В одном из помещений обнаружен алтарь огня и глиняный рельефный декор. Н. Бороффка, Г. Вайсгербер, Й. Лутц, Г. Парцингер, Е. Перницка, Я. Циерны, Ю. Якубов, М. Бубнова, Д. Старшинин сообщают о результатах работ, проведенных в районе древних разработок олова Мушистона и Такфона в Кухистане. Исследователи пришли к выводу, что месторождения меди и олова здесь начали разрабатываться в эпоху бронзы, разработки были возобновлены в V в. до н.э.; в раннем средневековье добывались также свинец и серебро.

Н.Н. Негматов информирует о восстановлении и музеефикации участка восточной стены худжандской крепости. После реставрационных работ во внутристенных и внутрибашенных помещениях размещены экспозиция археологического музея, рабочие кабинеты и лекционный зал научно-исследовательской кафедры ЮНЕСКО Худжандского госуниверситета им. Б.Г. Гафурова. Н.Т. Рахимов приводит результаты изучения археологической стратиграфии г. Исфары. В трех шурфах, заложенных в районе старой Урды, была найдена керамика, датируемая автором II–I вв. до н.э. – XIX в. н.э. Во время строительных работ, проводимых в центральной части Худжанда, были обнаружены развалины средневековой бани. На ее месте зафиксированы четыре культурных слоя, датируемых в пределах IX–XI–XIX – начала XX в. Баня была возведена из обожженного кирпича. Вскрыты топочная камера, теплопроводные каналы, резервуары для воды, ванны. Находки представлены керамическими, стеклянными изделиями и монетами. О раскопках бани сообщают С.Ш. Марофиев, Н.Т. Рахимов, А.Ю. Юсупов.

В отчете А. Исакова, С. Бобомуллоева, Н. Виноградовой содержится информация о работах на могильнике эпохи бронзы Дашти-Кози и рекогносцировке на левобережье Зеравшана на территории Пенджикентского района. При раскопках могильника обнаружены три кенотафа. Во время рекогносцировки обследовался регион протяженностью более 60 км, обнаружены памятники от II–I вв. до н.э. до IX–XII вв. н.э. А.И. Исаков, А.Р. Раззоков, С. Бобомуллоев публикуют результаты работ в Саразме. Они велись как на прежних объектах, так и на новом раскопе, заложенном в южной части поселения. В них выявлена как жилая, так и культовая архитектура. Святилища выделяются наличием алтарей. Находки представлены расписной керамикой, кремневыми наконечниками стрел и серпом, костяными изделиями, бронзовыми кинжалами, заколкой. В святилище, датируемом эпохой энеолита, обнаружены остатки стенных росписей с геометрическим орнаментом. Б.И. Маршак, В.И. Распопова, В.Г. Шкода кратко суммируют итоги раскопок древнего Пенджикента в 1986–1999 гг. Они велись в раннем дворце, храмах, на территории жилой городской застройки и добавили к имеющимся материалам фрагменты настенной живописи с изображениями танцоров, актеров и музыкантов, алтаря огня в храме, батальной сцены, глиняную скульптуру быка Нанди, сидящего на нем Шивы, а на его коленях – Парвати, штамп для изготовления фигурок Будды, терракоты.

В 1998 г., после семилетнего перерыва, возобновились раскопки эллинистического города на Тахти Сангине. Они велись в восточной части цитадели, на территории, примыкающей к пропилеям. В вымостке водотока, выводящего дождевую воду за пределы храма, найдены обломки крупной каменной чаши, на краю которой сохранилось прочерченное слово "Окс" на древнегреческом языке. Выявлены улица, ведущая от храма к Амударье, и подпорная каменная стенка. Об этом сообщает А.П. Дружинина. М.А. Бубнова обобщает результаты своих исследований в долине р. Джаушангоз в Бадахшане, проведенных в 90-е годы XX в. Здесь были продолжены раскопки могильников Южбок, начатые А.Д. Бабаевым. М.А. Бубнова пересматривает некоторые датировки, установленные ее предшественниками. Осуществлялись также раскопки на поселении Джаушангоз VI, датируемом ею концом I тыс. до н.э. В долине р. Джаушангоз зафиксированы фигурные каменные выкладки.

Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXVIII. Душанбе, 2003. 326 с.

Как и предыдущий сборник, этот включает отчеты о раскопках, проводимых на территории Таджикистана в 1986–2002 гг.

Отчет В.А. Ранова, С.А. Лаухина, Т.У. Худжагелдиева, Й. Шефер знакомит с результатами раскопок второго педокомплекса на стоянке Хонако III в 1997 г. Мощность вскрытого культурного слоя, датируемого эпохой мустье, достигает 1.7 м. Общее количество находок – 283 экз. – 6.6 артефакта на 1 $м^2$. При изготовлении орудий использована пластинчатая техника. При раскопках поселения эпохи бронзы Кангурттут в Дангаринском районе найден горизонт гиссарского неолита. Изучением его занимались В.А. Ранов и Т.Г. Филимонова. Исследования показали, что неолитический горизонт и культурный слой эпохи бронзы соприкасаются. Это послужило поводом для исследователей сделать вывод о том, что неолитическое население здесь доживает до прихода племен эпохи бронзы. Вместе с тем имеющаяся радиоуглеродная дата свидетельствует о хронологическом разрыве между слоями в 1400 лет. А.Н. Симакова приводит результаты палинологического анализа разреза на поселении Кангурттут. Они свидетельствуют о том, что в эпоху неолита и бронзы в районе поселения, как и теперь, преобладала лугово-степная и луговая растительность. В.А. Ранов в небольшой заметке сообщает о поисках стоянок каменного века в 1988 г. по берегам р. Кызылсу южнее Бальджуана. На ее террасах зафиксирована серия неолитических стоянок и палеолитические артефакты.

Две статьи, авторами которых являются А.И. Исаков, Р.М. Безенваль, А.Р. Раззоков, С.Б. Бобомуллоев, Ш.Ф. Курбанов, посвящены раскопкам поселения Саразм и эллинистического поселения Мустафотепа. На поселении Саразм исследовались главным образом жилые постройки. На раскопе VII вскрыт изолированный жилой массив, обнаружены две гончарные двухкамерные печи. Вторая мастерская была, видимо, связана с плавкой металлов. Обе мастерские относятся к III жилому горизонту. В процессе раскопок найдена целая и фрагментированная керамика, имеющая аналогии в керамике древнеземледельческих центров Средней Азии и Ближнего Востока. В помещении в раскопе VI, на стене, обнаружен рельефный налеп в виде головы быка, раскрашенный красной краской. Параллельно с раскопками поселения Ж. Вилькокс проводил палеоботанические исследования. Они дают возможность "сделать осторожный вывод о земледельческом хозяйстве Саразма". Саразмцы возделывали ячмень. При раскопках поселения Мустафотепа вскрыто три культурных горизонта, датируемых керамикой IV в. до н.э. – II в. н.э.

М.А. Бубнова сообщает о результатах раскопок сакских могильников и поселения X–XI вв. Бутаукуль на южном побережье озера Яшилькуль в 1988 г. Обнаружен могильник с захоронениями баранов и фигурные каменные выкладки. Поселение Бутаукуль состоит из четырех компактных и одного из двух смежных помещений, стены которых сложены из камня на глиняном растворе. Статья Л.Г. Пьянковой посвящена раскопкам могильника Обкух в Московском районе.

Раскопано 34 захоронения, большая часть из них (29) относится к вахшской культуре эпохи бронзы, меньшая (5) – кушанского времени. Отличительной особенностью погребений эпохи бронзы является отсутствие каменных надмогильных выкладок и каменной забивки входа в могильную яму. Погребальный инвентарь состоит преимущественно из лепной керамики, преобладающей формой являются чаши.

Б.И. Маршак, В.И. Распопова, В.Г. Шкода публикуют результаты раскопок Пенджикента в 1991 г. Исследовались храмы, городская застройка и южная городская стена. Неоднократные находки изображений богини Нанайи свидетельствуют о ее ведущем значении в пантеоне божеств, почитаемых пенджикентцами. Среди других находок выделяется уникальная бронзовая монета, на одной стороне которой – арабская надпись, на другой – имитация квадратного отверстия и арабская надпись. В заметке Б.Я. Ставиского и Ю.Я. Якубова сообщается о результатах археологической разведки, проведенной в 1971 г. в Орджоникидзеабадском районе – дано краткое описание 23 осмотренных памятников.

В отчете И.А. Маслова и Ю.Я. Якубова приводятся результаты раскопок на цитадели раннесредневекового городища Дарбанд в Рогунском регионе. Вскрыта часть парадного зала дворца (12 × 12.6 м) с системой суф, перекрытого плоской кровлей, опирающейся на 4 колонны. При шурфовке нижней части городища выявлены три культурных прослойки, датируемых кушанским периодом и VII–VIII вв. В заметке Ю. Якубова сообщается о возобновлении в 1991 г. раскопок на территории г. Куляба с целью определения его возраста. На месте бекской крепости в шурфах найдена керамика II–III, VII–VIII вв. н.э. Д. Довутов приводит сведения о монетных находках на территории Таджикистана в 1994–2000 гг. Им зарегистрированы как отдельные монеты, так и 14 кладов разного времени. Среди монет эллинистического периода есть драхма Александра Македонского (или подражание ей), тетрадрахма, дидрахма и обол Антимаха, происходящие из южных районов республики. Чекан кушанских царей представлен крупным кладом золотых монет Хувишки, найденным случайно на городище Халкаджар. Из кишлака Шашкад Пенджикентского района происходит клад серебряных бухархудатских монет. Два клада серебряных аббасидских монет найдены в Хисарском районе. На территории Южного Таджикистана найдены также клады золотых гуридских монет, серебряных джучидских и чагатаидских, тимуридских, шейбанидских. Клад медных монет местного чекана найден в Хисаре, династии Великих моголов – в Кафирниганском районе.

Процесс монтировки 12-метровой скульптуры Будды в одном из залов Национального музея древностей в Душанбе описан в заметке реставратора Госэрмитажа В.А. Фоминых.

Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXIX. Душанбе, 2004. 385 с.

Сборник включает отчеты о полевых исследованиях разных лет. Статья С.А. Лаухина, В.А. Ранова, В.К. Власова, Т.У. Худжагелдиева, В.А. Волгиной, О.В. Кирюхина, А.М. Афиногеновой посвящена результатам радиотермолюминесцентного датирования 18 образцов, взятых из памятников лёссового палеолита: Хонако III, Оби-Мазар, пещеры Огзи-Кичик и на плато Харгушон. Авторы пришли к выводу, что термолюминесцентные даты этих памятников ближе к геологическим данным, чем данные изотопно-кислородных анализов, полученные в зоне мирового океана. Новые данные позволили уточнить датировку некоторых памятников, в частности, для пещеры Огзи-Кичик предложена дата 134–87 тыс. лет. В.А. Ранов, Т.У. Худжагелдиев, Й. Шефер сообщают о результатах раскопок четвертой палеопочвы разреза Хонако III, проведенных в 2000 г. Приведена его стратиграфия, характеристика культурносодержащего слоя и находок, датируемых 364–427 тыс. лет до н.э. В.В. Радилиловский, Т.Г. Филимонова, С. Лим знакомят с материалами стоянки Магмуруд, обнаруженной в южных предгорьях Гиссарского хребта. Эти материалы датируются исследователями концом среднего палеолита. При закладке шурфов на месте храма Окса на городище Тахти Сангин была обнаружена неолитическая стоянка, возраст которой определен Й. Гёрсдорфом: 5210 ± 200 лет. Данные находки стимулировали поиски памятников неолита в других частях Тахти Сангина и на соседнем городище Тахти Кубад в 2000–2001 гг. Об этом сообщается в статьях А. Дружининой, Т.У. Худжагелдиева и Й. Гёрсдорфа.

В отчете А.Р. Раззокова и Ш.Ф. Курбанова содержится информация о раскопках на поселении Саразм. В слое Саразм II на раскопе IX вскрыто монументальное здание с пилястрами вдоль фасадов стен. Найдены фрагменты расписной керамики, бронзовые ножи и кинжалы, вкладыши для серпов, каменный амулет с инкрустированным бирюзой крестом, бусы. Н.М. Виноградова знакомит с итогами раскопок поселения Кангурттут, проведенных в 1996–1997 гг. Обнаружен каменный фундамент крупного здания, 4 гончарных печи, раскопано 5 погребений с 4–8 керамическими сосудами в каждом. Среди находок имеются фрагменты андроновской и вахшской керамики. В 1997 г. Н.М. Виноградова начала раскопки андроновского могильника в с. Нижний Туюн Ховалингского района.

А.П. Дружинина публикует предварительные результаты исследований, связанных с определением границ эллинистического города на Тахти Сангин. По мнению исследовательницы, в конце греко-бактрийского периода его площадь достигла более 80 га. На этом основании она полагает, что "городище Тахти Сангин могло явиться городом Оксианой античных источников". Дополнительные раскопки, проведенные А.П. Дружининой в помещении 5 храма, подтвердили, на мой взгляд, правильность его атрибуции как атешгаха, сделанной Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикяном. М.А. Бубнова характеризует в своем отчете работы, проведенные в 1986 г. в долине рек Большой Марджанай Южный и Карадимур. Они носили преимущественно поисковый характер: раскапывались "большие кольца", одиночные курганы, поселение металлургов, каменные выкладки и кладбище баранов, аналогичные тем, что ранее найдены на Памире. Т.К. Ходжайов публикует результаты изучения трех сакских черепов, найденных М.А. Бубновой на Памире. Во время раскопок, проводимых на территории г. Куляба в 2001–2003 гг. Ю.Я. Якубовым, Д.Д. Довутовым, Т.Г. Филимоновой было найдено неолитическое поселение, погребения эпохи бронзы, дообследовалась ранее найденная гончарная печь, относящаяся, видимо, к ахеменидскому времени. Информация об этом содержится в отчете исследователей. Б.И. Маршак, В.И. Распопова, В.Г. Шкода характеризуют работы в Пенджикенте в 1992 г. Они проводились в разных частях памятника. При раскопках раннего дворца найдены фрагменты настенной живописи с изображением мужских голов в шлемах, маков и тюльпанов.

Итоги раскопок на городище Хульбук в 2003 г. освещены в отчете Ю.Я. Якубова, Д.Д. Довутова, А.С. Кулемина. В стратиграфическом раскопе на цитадели открыты шесть по-

гребений эпохи бронзы, впущенных в лёссовый холм, на котором в средние века был построен дворец. Стены дворцовых помещений возведены из обожженного кирпича. В одном из них была устроена умывальня. Вскрытый участок оборонительной стены имеет толщину 3.1 м; сложена она была из пахсы и облицована обожженным кирпичом. К северо-западу от дворца расчищены два склепа (сагона). В помещениях и пяти бадрабах найдена богатая коллекция керамических и стеклянных сосудов и их фрагментов. В верховьях Ромитского ущелья Т.Г. Филимоновой, А.Л. Абдуллаевым начаты раскопки средневековой крепости Хисорак, контролировавшей выход в Гиссарскую долину со стороны Ягноба. Возведение ее относится к раннему средневековью, но крепость продолжала функционировать и в более позднее время, вплоть до XVII–XVIII вв. Находки представлены преимущественно фрагментами керамики.

В заметке Д.Д. Довутова перечисляются монетные находки в Таджикистане в 1988 г. Они состоят из отдельных монет и четырех кладов. Четыре арабо-сасанидских монеты хоросанского наместника Раби б. Зияда (670–671 гг.) происходят из буддийского храма Хишттепа, раскопанного в Ховалингском районе. Клад золотоордынских серебряных монет XIV в., чеканенных в Хорезме, найден в с. Гуйрот Гиссарского района. В нем преобладают монеты Джанибека, Узбека, Бирдибека. На городище Санджаршо в Пенджикентском районе обнаружен клад бухархудатских серебряных монет в количестве 76 экз. Клад медных тимуридских монет происходит из Чорку Исфаринского района. При раскопках замка Чормагзтепа на территории г. Душанбе был обнаружен клад, состоящий из одной целой золотой монеты и 15 обломков, чеканенных от имени Мухаммада б. Текеша (1200–1220 гг.).

Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. Материальная культура Уструшаны. Вып. 5–8. Душанбе, 2003.

Сборник включает исследования группы авторов. В выпуске 5, написанном Н.Н. Негматовым, дана общая характеристика городов и замков области и их художественной культуры. Автор касается вопроса локализации древних уструшанских городов, помещая Курукаду в районе нынешнего Курката, Газу в Газандараке (Ганчи), Багу-Вагат в Уратюбе. Рассматриваются им также археологические памятники рустаков Шавкат, Вагкат, клад римских монет, найденный в селении Муджам, и клад бронзовых средневековых вещей из Калаи Баланда. В выпуске 6 Н.Т. Рахимов публикует результаты своих раскопок в г. Уратюбе. В соответствующих главах им изложена история изучения города эллинистического – позднесредневекового периодов. В пределах шурфов, заложенных исследователем на территории древнего города, изучалась фортификация. Археологические материалы представлены в основном керамикой.

Выпуск 7 сборника посвящен раскопкам пещерных склепов (дахмаков) Курката, проводимых А.К. Мирбабаевым в 1974–1979 гг. Описывается ход раскопок 12 склепов с 600 захоронениями, датируемых исследователем первыми веками н.э. – IX–XII вв. Автор анализирует погребальный обряд, семантику отдельных его предметов. На основе этого он восстанавливает картину духовной жизни населения бассейна Средней Сырдарьи. В выпуске 8 изложена история зодчества средневековой Уструшаны. Его авторами Р.С. Мукимовым, С.М. Мамаджановой, Н.Т. Рахимовым, С.Ш. Марафиевым характеризуется история г. Уратюбе X–XVI вв., раннесредневековая архитектура сельских и городских поселений, замков, культовых и мемориальных зданий региона. Завершает выпуск раздел о фортификации Уратюбе.

Отчеты о раскопках городища древнего Пенджикента. Вып. II–VI. СПб., 2000–2004.

В пяти выпусках суммированы итоги ежегодного изучения города, пригорода, городских храмов, наусов группой археологов, реставраторов, художников Государственного Эрмитажа, Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Института истории материальной культуры РАН. Возглавляются работы на памятнике Б.И. Маршаком и В.И. Распоповой. Сборники снабжены графическими планами и фотографиями объектов раскопок, рисунками находок, описями монет, прорисовками фрагментов настенной живописи.

Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина

В.С. Соловьев

A. Distelberger. "ÖSTERREICHS AWARINNEN. FRAUEN AUS GRÄBERN DES 7. UND 8. JAHRHUNDERTS". Archäologische Forschungen in Niederösterreich. Bd. 3. St. Pölten, 2004.

Монография молодого австрийского исследователя из Института прото- и ранней истории Венского университета Антона Дистельбергера представляет собой публикацию диссертации, которая, как это следует из предисловия, была защищена в 1999 г. в Венском университете. Автором подробно анализируются женские захоронения из основных аварских могильников, происходящих с территории современной Австрии.

Монография состоит из девяти разделов: введения, 7 небольших глав и заключения (всего 76 страниц текста), а также 58 иллюстраций – рисунков основных типов вещей и захоронений. Она снабжена обширным списком литературы, полным каталогом анализируемых погребений и небольшим резюме, выполненным на шести языках, используемых в Центральной Европе (немецком, английском, венгерском, польском, словенском и словацком).

Примечательно, что введение к монографии открывается стихотворением Сергея Есенина "Поминки", что предваряет рассуждения автора о погребальном обряде и его значении для родственников и близких умершего и о роли половозрастных признаков при анализе захоронений. Последние автор, вслед за известным английским исследователем Х. Харке (Härke, 1993), считает скорее не функциональными (*funktionale*), т.е. отражающими напрямую прижизненные функции

погребенного, но специально сформированными (*intentionale*) в результате ритуальных действий, совершаемых близкими покойного.

Основным элементом погребального обряда, который изучает автор, является погребальный костюм, судить о котором позволяют некоторые предметы инвентаря, находимые в аварских захоронениях. А. Дистельбергеру представляется важным ответить на вопрос, какие факторы влияли на формирование этого элемента: возрастные (изменение костюма от юности к старости), социальные (богатство или бедность костюма) или, так сказать, этнографические (использование повседневного или праздничного костюма). Попыткой ответа на этот вопрос являются последующие главы работы.

Заключительная часть введения содержит перечисление анализируемых археологических материалов и краткую характеристику методики, применяемой автором. Им используются опубликованные данные, полученные в результате раскопок шести аварских могильников VII–VIII вв. н.э., расположенных в Восточной Австрии (Мёдлинг, Цвёльфаксинг, Леоберсдорф, Циллингталь, Мюнхендорф и Зомеррайн). После отнесения женских захоронений к уже известным хронологическим периодам рассматривается возрастной состав каждой хронологической группы комплексов. Наиболее яркие признаки погребального костюма прослежены автором для женских захоронений среднеаварского периода второй половины VII в. н.э. Далее выделенные типы костюма интерпретируются с использованием антропологической и этноисторической моделей.

Второй раздел монографии подробно раскрывает исторические и хронологические основы данного исследования. Рассматривается история заселения Карпатской котловины аварскими племенами, известными по раннесредневековым письменным источникам в этом районе с 568 по 800 гг. н.э. Приводится краткая история исследования каждого могильника, рассматриваются вопросы их хронологии. Особое внимание автор уделяет изучению динамики изменения моды на примере стеклянных бусин разных типов. Сравнивая находки других категорий погребального инвентаря (пряслиц, перстней, браслетов, гривен, серег) с находками с территории Венгрии и Словакии, А. Дистельбергер приходит к выводу о существовании сильных региональных различий в типах орудий труда и украшений, найденных в аварских погребениях. Это касается как присутствия в комплексах некоторых типов вещей, характерных только для австрийской группы памятников, так и различий во времени попадания одних и тех же типов в погребения. Отдельные экскурсы предпринимаются автором для характеристики древностей доаварского и раннеаварского периодов, попадавших в более поздние захоронения рассматриваемых могильников, а также для выявления хронологического соответствия захоронений мужчин и женщин.

Третий раздел посвящен половозрастной характеристике погребального инвентаря с точки зрения антропологии и археологических признаков. Используя подробные антропологические определения, сделанные предшественниками при подготовке материалов раскопок к публикации, А. Дистельбергер прослеживает различия в погребальном инвентаре мужских и женских захоронений. Эти различия касаются погребального костюма, используемых типов украшений и некоторых других категорий инвентаря. Так, например, для мужских и женских захоронений характерны разные способы расположения ножей, которые в большинстве случаев в мужских погребениях найдены на поясе вместе с поясным набором и кресалом, а в женских – на левой верхней части туловища. Разное количество обнаруженных пряжек в захоронениях мужчин и женщин может свидетельствовать о разнице в костюмах – у мужчин подпоясывалась как нижняя, так и верхняя одежда, что отражается в частом присутствии двух поясных пряжек; у женщин встречается по одной поясной пряжке для нижней одежды.

Имеются различия также в некоторых типах украшений, обнаруженных как в мужских, так и в женских захоронениях. Например, и в мужских, и в женских и детских погребениях обнаружены проволочные серьги и бусы в виде ожерелий, в чем автор усматривает элемент общего костюма, носившегося с детства. При этом серьги с металлическими подвесками и подвесками из бусин найдены исключительно в женских комплексах. Некими символическими предметами, подчеркивающими разный род занятий мужчин и женщин при жизни, автор считает находки пряслиц в женских погребениях и отдельных наконечников стрел – в мужских. Прослеживается разница между мужскими и женскими погребениями и в присутствующей в них заупокойной пище.

Интересным с теоретической точки зрения представляется четвертый раздел книги, посвященный рассмотрению идеологических предпосылок захоронения. Автором анализируются различия между двумя моделями иерархии в обществе: вертикальной (по степени богатства индивидуумов) и горизонтальной (по степени их физических возможностей). Следует отметить, что в отечественной литературе бытуют другие определения горизонтальной и вертикальной иерархии (или стратиграфии), характерные в целом для процессуальной археологической школы, адепты которой предполагают наличие более или менее прямой связи между социальным статусом усопшего и погребальным обрядом (Харке, Савенко, 2000б. С. 213)[1]. Так, Е.П. Бунатян вслед за Дж. Тейнтером считает, что существуют два варианта поиска отображения социальной информации в погребальных памятниках: поиск социальных различий положения людей в обществе по вертикали и поиск социальных взаимосвязей людей по горизонтали (Tainter, 1978. P. 131; Бунатян, 1985. С. 25, 26).

Далее А. Дистельбергер рассматривает модели вертикальной и горизонтальной иерархии, приходя к выводу, что ни одна из них не объясняет социальных особенностей аварского общества, дискуссия о сути которых продолжается до сих пор. По мнению автора, богатство погребального инвентаря не отражает напрямую ни богатство погребенного при жизни (вертикальная иерархическая модель), ни ту степень социального престижа, которая выражается в устраиваемых соплеменниками похоронах (горизонтальная модель).

Интересным представляется здесь отход от традиционно выделяемых в немецкоязычной литературе "качественных" или "квалификативных" групп погребального инвентаря (Qualitätsgruppen), на основании которых строится обычно дальнейшая социальная интерпретация "богатых" и "бедных" захоронений[2]. При этом А. Дистельбергер вроде бы приближается к постпроцессуальной модели интерпретации погребального обряда, сторонники которой считают, что всякий ритуал может отражать социальные явления лишь частично, косвенно и в искаженном виде (Харке, Савенко, 2000б. С. 216). Но окончательно методологические позиции автора остаются неразъясненными. Характерно, что во всем этом параграфе, рассматривающем наиболее важные, с на-

[1] Подробный обзор процессуальной и постпроцессуальной литературы, посвященной изучению погребального обряда, был специально подготовлен для русскоязычных читателей Х. Харке и С.Н. Савенко (2000б).

[2] История и критика данного направления была также в 2000 г. опубликована Х. Харке и С.Н. Савенко на страницах журнала "Российская археология" (2000а. С. 221–223).

шей точки зрения, теоретические предпосылки в изучении погребального обряда, нет ни одной ссылки на вышедшую по данному вопросу многочисленную литературу, за исключением словарного определения самого понятия "иерархия".

В последующих параграфах четвертого раздела автор рассуждает о разных половозрастных функциях, подчеркивавшихся в погребальном обряде, и о причинах появления в аварских захоронениях так называемых "излишних украшений", которые были, по-видимому, посмертными дарами и не относились к костюму. А. Дистельбергер приводит полную сводку подобных находок по комплексам, описывая их размещение в погребениях. Выделяются региональные особенности по комбинации дополнительно положенных в погребение украшений, орудий труда и заупокойной пищи.

Пятый раздел, названный "Аспекты повседневности", целиком посвящен половозрастным различиям в костюме. Более подробно, чем в предыдущих разделах, рассмотрены специфические особенности мужского и женского погребального костюма и возраст, в котором начиналось ношение украшений.

Следующий, шестой раздел монографии автор счел необходимым посвятить изучению проблемы вскрытия могил с целью подзахоронения, ограбления или ритуального разрушения останков погребенного. Выделены несколько типов вскрытия доаварских или аварских погребений предшествующих периодов, которые рассматриваются на конкретных примерах. Особый интерес вызывает выделение специфических женских захоронений, обладающих рядом общих признаков: отсутствием заупокойной пищи, скорченной позой погребенных, размещением этих погребений в качестве подзахоронений и бедностью инвентаря, среди которого чаще всего встречаются пряслица. Автор подчеркивает повсеместность их распространения как в пространстве, так и во времени, а также тот факт, что они сопровождают как "богатые" по инвентарю, так и практически безынвентарные мужские погребения. Приводится полная сводка подобных комплексов, но она не снабжена какой-либо интерпретацией.

Краткая седьмая глава обобщает возрастные характеристики женских погребений и их хронологическое распределение. Всего в работе анализируется 554 антропологически определенных женских захоронения, относительно равномерно распределенных в рамках среднеаварского и трех позднеаварских хронологических этапов. При учете разделения этих захоронений на пять возрастных категорий[3] в каждую группу попадает от 5 до 55 погребений.

Аналитические процедуры и интерпретация полученных результатов приводятся автором в восьмом разделе книги, посвященном выяснению возрастных или социальных различий в погребальном костюме. Каждое женское захоронение отнесено к одной из трех групп, выделяемых на основании комбинации погребального инвентаря, относящегося к костюму. Автор специально оговаривает, что данные группы не являются "квалификативными" и не отражают степень "богатства" инвентаря, а лишь подчеркивают разницу погребального убора. При этом, поскольку деление базируется на применении в погребальном платье поясных пряжек, которые постепенно исчезают из обряда на протяжении трех позднеаварских этапов, для чистоты эксперимента рассматриваются только захоронения среднеаварского периода (вторая половина VII в. н.э.).

А. Дистельбергер выделил три группы женского погребального костюма:

1) в качестве находок присутствуют поясные металлические пряжки и металлические элементы костюма (игольники, ножи, подвески, железные цепочки);

2) присутствуют только поясные металлические пряжки, без металлических элементов костюма;

3) отсутствуют как поясные пряжки, так и металлические элементы костюма.

Имеющаяся в руках автора подробная антропологическая характеристика позволила весьма аргументированно показать, что первая группа захоронений в большей степени объединяет возрастные категории Juvenis (50%) и Adultus I (61%), чем Adultus II (27%), Maturus (26%) и Senilis (13%). Вторая группа также имеет специфическое возрастное распределение – к ней относятся в большей степени погребения женщин возрастных категорий Maturus (54%) и Senilis (53%), чем Juvenis (23%), Adultus I (17%) и Adultus II (41%). Для захоронений третьей группы нет ярко выраженных различий в возрастной структуре погребенных. К ней принадлежат примерно в равной степени представительницы всех пяти возрастных категорий.

Среди погребенных группы 1 выделяется подгруппа 1А, с наиболее богатым погребальным костюмом, в котором помимо перечисленных элементов встречаются серьги сложных типов с подвесками. Для подгруппы 1В характерны обычные проволочные серьги. При этом большинство захоронений подгруппы 1А относится к категории Juvenis (30.8%) и Adultus I (41.2%), а подгруппы 1В – к категории Senilis (40%), хотя встречаются и относящиеся к Juvenis погребенные (15.4%). Интересным представляется тот факт, что погребения с наиболее богатым костюмом имеют различия в географическом распространении – так, они весьма часто встречаются в Циллингтале, где составляют более 30% от всех женских захоронений, и полностью отсутствуют в Леоберсдорфе. Далее автором приводится полная сводка всех использованных для анализа погребений согласно выделяемым группам погребального костюма и делению на возрастные категории.

Последующие несколько параграфов посвящены рассуждениям о социальной традиционности, характерной для сельских жителей, коими являлись рассматриваемые автором авары, и анализу подробной цитаты из книги Панаит Истрати "История монаха Спилца" о погребении молодой молдаванки из Буковины, хоронившейся, согласно традиции, в подвенечном платье. Данные рассуждения предваряют авторскую интерпретацию женского погребального костюма, но сначала А. Дистельбергер излагает концепцию австрийского антрополога З. Грефен-Петерс, названную им "антропологической". Суть позиции З. Грефен-Петерс сводится к констатации того же факта наличия более "богатых" по погребальному инвентарю женщин молодого возраста, который она объясняет с точки зрения выделения в аварском обществе социальной элиты. Как считает З. Грефен-Петерс, представительницы этого более богатого и знатного слоя общества имели больший риск не дожить до старшего возраста и умереть в процессе беременности и деторождения (Grefen-Peters, 1996. S. 427, 428), чем и объясняется большее число богатых погребений молодых женщин.

По мнению А. Дистельбергера, вышеупомянутая модель является статичной и базируется на представлении о "богат-

[3] Нами используется терминология согласно (Алексеев, Дебец, 1964. С. 38, 39). Перечисляемые ниже возрастные категории выглядят следующим образом: Juvenis (подростковый – 15–19 лет), Adultus I (ранний возмужалый – 20–29 лет), Adultus II (поздний возмужалый – 30–39 лет), Maturus (зрелый – 40–55 лет) и Senilis (старческий, после 55 лет). А. Дистельбергером используются немецкоязычные термины (Juvenil, Frühadult, Adult, Matur, Senil) и не расшифровываются возрастные рамки категорий.

стве" и "бедности" погребального инвентаря, якобы отражающего прижизненные "богатство" или "бедность" умершего. Сам же автор рассматриваемой книги придерживается иной концепции, называемой им "этноисторической", в которой пересекаются представления о горизонтальной и вертикальной иерархии. Степень прижизненного богатства трудно выделить археологическими методами. Согласно позиции автора, необходимо раскрыть социальную функцию объекта для его правильной интерпретации[4], избегая противопоставления "богатства" и "бедности". Основное различие анализируемых женских погребений видится исследователю в том, что более "богатый" по элементам костюм является остатками праздничного платья, а более "бедный" – повседневного. Следующие параграфы главы посвящены более подробной интерпретации выделенных групп женского погребального костюма именно с этой точки зрения. Главной гипотезой является рассуждение А. Дистельбергера о том, что, поскольку в праздничных платьях похоронены в большинстве женщины репродуктивного возраста, то таким платьем вполне мог быть свадебный наряд.

Погребальный обряд авар не позволяет, по мнению автора, выделить какие-либо социальные группы населения. Фактически А. Дистельбергер ограничивается указанным выше предположением о существовании среди женского населения возрастной категории (от 20 до 35 лет), для которой в случае смерти существовала традиция погребения в праздничном (свадебном) костюме. Данный факт не означает отсутствия подобных платьев у женщин других категорий и вряд ли сможет пролить свет на специфику брачного возраста у авар, как заключает автор. Основным его выводом является тезис о невозможности проследить горизонтальную или вертикальную иерархию у аварского раннесредневекового населения – этого можно достичь только при рассмотрении его как многомерной системы.

Заключительные параграфы данной главы посвящены рассмотрению свадьбы и похорон как специфических обрядов перехода и их общих признаков в разные эпохи у разных народов. Приводимые в этом разделе исторические и этнографические примеры могут показаться несколько наивными. Так, единственным из рассматриваемых сюжетов, в большей или меньшей степени соотносимым с аварскими идеологическими представлениями, является так называемый сюжет "похищения Персефоны", изображенный на двух сосудах из Надь-Сент-Миклошского клада. Он весьма сложен и трудно интерпретируется. Возможно, он в большей степени связан с календарными представлениями оставившего его мастера (Флёрова, 2001. С. 113, 114), чем с мотивами смерти как свадьбы, и уж, во всяком случае, весьма далек от древнегреческого мифа, к которому апеллирует автор. Остальные примеры еще дальше от раннесредневековых реалий аварского общества – А. Дистельбергером приводятся цитаты из Калевалы, средневековых поэтов и современных писателей. Кажется, более плодотворным в подобном случае стало бы обращение к материалам тюркского эпоса и этнографии, которые могли быть доступны автору в виде переводов.

В Заключении автор кратко пересказывает суть своей работы, основной вывод которой сводится к тому, что опытным путем получены некие "реальные" (кавычки автора (С. 57) – *Д.К.*) данные об аварском обществе, демонстрирующие нам "часть той картины, которая была у авар в действительности".

[4] Данное утверждение является типичным для представителей постпроцессуальной школы, о которых автор не упоминает (см., например: Харке, Савенко, 2000б. С. 216).

Подводя итог изложенному, хочется подчеркнуть двойственное впечатление, которое оставляет данная монография. С одной стороны, автор весьма подробно разбирает археологический материал, который очень осторожно интерпретирует, с другой – приводит многочисленные теоретические пассажи, не всегда одинаково хорошо аргументированные. Первое в большей степени характерно для немецкоязычной археологической школы (прежде всего, Австрии и, в меньшей степени, Германии, где интерес к теоретическим проблемам в последние годы заметно усилился), второе – для постпроцессуального направления в Великобритании. Очевидна неудовлетворенность обоими этими направлениями в современной археологии, что приводит автора к поиску своих путей, называемых им "этноисторическими". Нам кажется, что данная книга написана в русле уже сформировавшейся тенденции в западноевропейской литературе, в которой объединяется тщательный анализ археологического материала с теоретическими направлениями, близкими к постпроцессуальному. В этом русле погребальный обряд в последние годы весьма успешно анализировался учеными из Скандинавии (см., например: Burial and Society, 1997).

Однако автор намеренно дистанцируется от представителей теоретической археологической мысли. Видимо, основное направление, которого придерживается А. Дистельбергер, может быть обозначено термином "гендерные исследования" ("gender studies"). Центральным предметом этих исследований является изучение гендерных отношений, т.е. отношений между мужчинами и женщинами, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между индивидами, осознающими свою гендерную принадлежность в специфическом культурно-историческом контексте (Репина, 2002. С. 14). В отличие от Великобритании, США и Германии, где по данной тематике выпускается большое количество литературы (см., например: Reinhold, 2005), указанное направление только начинает развиваться как в австрийской, так и в российской археологии. Возможно, именно поэтому исследование женских захоронений в аварских могильниках на территории современной Австрии, проделанное автором книги, в целом выполнено во вполне классическом духе, характерном для представителей немецкой школы, что мы и попытались показать в настоящей рецензии. Подобный анализ археологических данных характерен и для отечественной науки, где также в последнее время бытует осторожное отношение к теоретическим концепциям и некоторая методологическая неопределенность. В любом случае, монография А. Дистельбергера будет весьма полезной как для ознакомления, так и для сравнения с материалами эпохи раннего средневековья, происходящими с нашей территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Бунатян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев, 1985.

Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.

Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001.

Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. 2000а. № 1.

Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. 2000б. № 2.

Burial and Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarus; Oxford; Oakville, 1997.

Grefen-Peters S. Zur Antropologie der Awaren // Hunnen + Awaren. Reitervölker aus dem Osten. Eisenstadt, 1996.

Härke H. Intentionale und funktionale Daten. Ein Beitrag zur Theorie und Methodik der Gräberarchäologie // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1993. Bd. 23. Hft 1.

Reinhold S. Frauenkultur – Männerkultur? Zur Möglichkeit geschlechtsspezifischer Kommunikationsräume in der älteren Eisenzeit Kaukasiens // Ausgegraben zwischen Materialclustern und Zeitscheiben. Perspektiven zur archäologischen Geschlechterforschung. Münster, 2005.

Tainter J.A. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Advances in archaeological method and theory. V. 1. N.Y.; San Francisco; L., 1978.

Институт археологии РАН, Москва *Д.С. Коробов*

L.F. Nedashkovsky. UKEK: THE GOLDEN HORDE CITY AND ITS PERIPHERY. BAR. International Series 1222. Oxford, 2004. 253 p.

История Золотой Орды является неотъемлемой частью истории России. Процессы, происходившие в улусе Джучи, возникновение государства, его расцвет, упадок и распад оказали значительное влияние (как негативное, так и позитивное) на развитие русских княжеств в XIII–XIV вв., этногенез многих народов России и сложение культуры Российского государства. Несмотря на то, что золотоордынская тематика привлекала историков во все времена, собственно золотоордынская археология является довольно молодым направлением науки. Если не считать раскопки А.В. Терещенко на Царёвском городище в середине XIX в., большая часть материалов которых была утрачена, археологические исследования памятников Золотой Орды проводились эпизодически и в незначительных размерах. Только с 1959 г., после создания А.П. Смирновым и Г.А. Федоровым-Давыдовым Поволжской экспедиции, началось широкомасштабное изучение золотоордынских городов Поволжья, а затем и других регионов.

Город Укек (Увекское городище) является одним из провинциальных городов Золотой Орды. Он расположен на берегу Волги на окраине современного Саратова. В настоящее время большая часть его разрушена в результате обвала берега и городского строительства. Обследования памятника проводились с XVIII в., но археологические раскопки были осуществлены только в конце XIX – начале XX в. После 1923 г. полевые работы здесь не проводились. Тем не менее в настоящее время имеется довольно значительная коллекция вещей с Увекского городища, которая хранится в Саратовском областном музее краеведения, Государственном объединенном музее Республики Татарстан, Государственном историческом музее и др. Укек являлся городским центром, вокруг которого находились могильники, более мелкие поселения, сельскохозяйственная округа. Эти памятники также обследовались в той или иной степени. Изучению всех видов источников, прежде всего археологических, связанных с Укеком и его округой, посвящена монография Л.Ф. Недашковского "Ukek: The Golden Horde City and its Periphery".

Книга состоит из введения, трех глав, заключения и семи приложений. Приложения, написанные разными авторами, непосредственно связаны с темой монографии и в то же время имеют самостоятельную научную ценность.

Введение посвящено краткой характеристике памятника и истории его исследования, в которой автор выделяет четыре этапа. К первому этапу (вторая пол. XVI – первая пол. XVII в.) относится упоминание развалин города в записках путешественников. Второй этап (с 60-х годов XVIII в. по 80-е годы XIX в.) характеризуется изучением памятника, носящим преимущественно описательный характер. С 90-х годов XIX по первую четверть XX в. (третий этап) на городище проводились археологические раскопки. В настоящее время изучение Укека переживает четвертый период, который сводится к осмыслению накопленного материала. Как показывает книга Л.Ф. Недашковского, этот период достаточно продуктивен и результативен. Однако приходится сожалеть, что не происходит накопление нового материала, так как раскопки на памятнике не ведутся. Это тем более обидно, что доступная для исследования площадь городища невелика и становится все меньше.

Глава I состоит из двух разделов, в которых дается характеристика письменных и нумизматических источников. Укек упоминается уже в XIII в. в записках Гильома Рубрука и Марко Поло. В XIV в. о нем пишут такие известные восточные авторы, как Абу-л-Фида, ал-Омари, Ибн Батута. Некоторые авторы XV–XVI вв. также приводят данные об этом городе. Упоминания об Укеке в записках путешественников исчезают в конце XVI в., после основания Саратова.

Параграф 2 первой главы посвящен денежному обращению и монетному чекану Укека. Л.Ф. Недашковский приводит сводку всех джучидских монет, найденных в Укеке (приложение 1). Автор рассматривает распределение монет по периодам денежного обращения и по центрам чеканки. В работе приводятся все типы серебряных и медных монет, чеканенных на укекском монетном дворе. Анализ нумизматического материала приводит к выводу о том, что Укек был заселен уже в 50-х годах XIII в. Период активной жизни города приходится на 60-е годы XIII в. – 70-е годы XIV в. В конце XIV в. обращение джучидских монет в Укеке полностью прекращается. Чекан укекских монет прекращается в 710–712 гг. х. (1310–1313 гг.), что связано либо с денежной реформой Токты, либо с восшествием на престол Узбека.

Вторая, наиболее объемная глава посвящена предметам материальной культуры, происходящим с Увекского городища. Большая часть всех артефактов, опубликованных в книге, вводится в научный оборот впервые. В разделе, посвященном украшениям, рассматривается типология вещей, принадлежащих к поясной гарнитуре, височные кольца, серьги, колты, перстни, браслеты, сюльгамы. Большая часть этих изделий относится к золотоордынскому времени, некоторые могли быть произведены в местных мастерских.

В следующем разделе учтены бронзовые зеркала, которые в основном происходят из сборов. Наряду с описанием и типологией этой категории вещей автор анализирует изобра-

жения на них и пытается проследить истоки и этапы генезиса того или иного сюжета. Он выделяет дальневосточные, иранские, среднеазиатские, ближневосточные и сиро-египетские мотивы. Отдельную группу составляют половецкие изделия, связанные с алано-кавказской и салтово-маяцкой традицией. Сравнение распространения типов зеркал на Увекском городище и в кочевнических погребениях приводит Л.Ф. Недашковского к выводу о том, что зеркала более широко использовались в городах, но отличались там меньшим разнообразием типов. В золотоордынских городах были сильны дальневосточные, среднеазиатские и иранские традиции изготовления зеркал, но сохранялись и зеркала половецкого типа. В степи развивались зеркала половецкого типа, хотя бытовали и реплики с импортных зеркал. В коллекции зеркал Укека представлена большая доля типов дальневосточного происхождения, что свидетельствует, по мнению автора, о сильном влиянии имперской иконографии раннеджучидского этапа золотоордынской культуры на торевтику этого города.

В третьем параграфе второй главы речь идет о предметах вооружения и повседневного быта. Для культурного слоя городов Поволжья золотоордынского времени не характерно присутствие предметов вооружения. Коллекция, собранная на Увекском городище, содержит новый материал о наборе оружия золотоордынских воинов. Она состоит из копий, наверший булав, кистеня, боевых и универсальных топоров, боевых ножей. К фрагментам защитного вооружения относятся навершие шлема и деталь железного пластинчатого доспеха. Важной частью комплекса вооружения является конское снаряжение, представленное стременами, подковами, ледоходными шипами. Комплекс оружия и конского снаряжения из Укека дает представление о наборе боевых средств золотоордынских воинов. Основываясь на наличии узких граненых пик, булав, кистеней, округлых стремян и подков, Л.Ф. Недашковский делает вывод о наличии в Укеке развитого комплекса вооружения, характеризующего арсенал тяжеловооруженного воина-рыцаря. Наличие в наборе универсальных предметов вооружения свидетельствует, по мнению автора, о существовании городского ополчения. При этом ряд находок, имеющих аналогии в Волжской Булгарии, говорит о синкретичном характере военной культуры государства Джучидов.

Бытовой инвентарь представлен различными категориями предметов. В незначительном количестве в коллекции имеются медные, чугунные и серебряные сосуды. На памятнике было собрано большое количество железных и бронзовых замков, а также ключей к ним. К прочим бытовым предметам относятся фигурные накладки и бляхи. В целом коллекция предметов быта не слишком представительна.

Следующий раздел содержит результаты анализов предметов из сплавов на основе меди, происходящих из Укека и поселений Широкий Буерак и Хмелевское I. Аналитическая часть исследования была выполнена в лаборатории археологических технологий Института истории материальной культуры РАН А.Н. Егорьковым. Сравнение результатов анализов предметов из Укека, Новгорода и Пскова XIII–XIV вв. позволило сделать предположение об импорте латуни в Золотую Орду, как и в Русские княжества, через Балтийское море из Западной Европы.

Небольшой параграф посвящен рыболовным принадлежностям Укека и его округи. Автор рассматривает рыболовные крючки и разнообразные грузила, среди которых преобладают грузила для сетей. Незначительное количество типов крючков и грузил для удилищ приводит его к выводу о преобладании сетевого лова.

Раздел шестой посвящен описанию керамики Укека, причем Л.Ф. Недашковский учитывает только целые формы керамических сосудов. Этот принцип определяет небольшой объем раздела при том, что керамика является наиболее массовым материалом на золотоордынских городищах. Среди неполивной керамики имеются кувшинообразные и горшковидные сосуды, хум, крышки сосудов, светильники, туваки, копилки. В коллекции присутствуют сфероконусы, которые относятся к 10 типам. Предметы, связанные с керамическим производством, представлены сепаями и лощилом. Кашинные и красноглиняные поливные сосуды присутствуют в коллекции в виде единичных экземпляров. В целом раздел отражает состав музейных коллекций, которые, к сожалению, невелики. Они дают лишь частичное представление о керамическом комплексе города.

В последнем разделе главы рассматриваются древнерусские материалы, найденные на Увекском городище.

Третья глава является сводом памятников XIII–XIV вв., удаленных не более чем на 60 км от Укека. Все они условно относятся к округе города. Памятники сгруппированы по типам: поселения, местонахождения, грунтовые могильники, курганные могильники, клады монет, отдельные монетные находки. Анализ всех известных в настоящее время поселений свидетельствует о том, что большая их часть находилась на Правобережье Волги. Все поселения расположены у мелких и крупных рек, большинство их тяготеет к Волге. Бóльшая часть поселений имеет небольшие или средние размеры (менее 1 га и 1–6 га). Крупных по площади памятников выявлено всего четыре, причем среди них наиболее крупным городом является Увекское городище. Небольшая мощность культурного слоя на большинстве селищ свидетельствует, по мнению автора, о кратковременности их существования. Статистическая обработка керамики, полученной с поселений округи Укека, позволяет проследить закономерности распространения отдельных видов керамических изделий.

В разделе, посвященном грунтовым могильникам, приводится описание памятников, исследование которых проводилось с начала XX в. до наших дней. В работе анализируется ориентировка погребений, наличие или отсутствие склепов, инвентаря, золотых и серебряных украшений, парчовых тканей, монет. На основе анализа создается типология погребений.

Аналогичную структуру имеет и раздел, в котором рассматриваются курганные могильники. Сравнение грунтовых и курганных могильников позволяет сделать вывод о том, что в округе Укека преобладало оседлое население. Наличие курганов в непосредственной близости от поселений свидетельствует о симбиозе кочевого и оседлого укладов жизни в округе Укека. В то же время отличие погребального инвентаря в подкурганных захоронениях от инвентаря поселений говорит о наличии разных систем хозяйства – кочевого скотоводства и оседлого земледелия и ремесла.

Важное значение для выяснения хронологии памятников и рассмотрения этапов становления Укека и его округи имеет нумизматический материал. В книге опубликованы все клады монет и отдельные находки с этой территории, анализ которых позволяет выделить четыре этапа развития округи Укека. Монеты первого этапа (1266–1310 гг.) свидетельствуют о том, что округа Укека сложилась уже в это время, но денежное обращение джучидских дирхемов здесь было менее развитым. Находки монет второго этапа (1310–1365 гг.) наиболее многочисленны. Это говорит о том, что период расцвета округи Укека, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды, относится ко времени Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.). В третьем периоде (1365–1380 гг.) фик-

сируется значительное запустение территории. В четвертом периоде (1380–1395 гг.), связанном с деятельностью Тохтамыша, отмечается некоторый экономический подъем, но он не является особенно значительным. После походов Тимура происходит запустение не только Укека, но и его округи.

В Заключении Л.Ф. Недашковский говорит о том, что настоятельной потребностью золотоордынской археологии является разработка детальной хронологии (внутри золотоордынского периода) отдельных элементов материальной культуры для того, чтобы проследить ее эволюцию. Причем для отдельных категорий находок это возможно сделать уже сейчас. Также автор рассматривает некоторые аспекты духовной культуры населения города, его религиозной принадлежности и социального состава.

Данная книга не является окончательным итогом изучения Увекского городища и памятников, с ним связанных. Автором ставятся задачи дальнейшего исследования, среди которых ввод в научный оборот коллекций, возобновление раскопок на Увекском городище, археологическое наблюдение за строительными работами, дальнейшее изучение округи Укека.

Большое достоинство работы – публикация данных исследований, проведенных естественно-научными методами. Группой специалистов Центра исторических и традиционных технологий Института культурного и природного наследия в составе О.В. Орфинской, О.Б. Лантратовой, В.П. Голикова и А.Д. Алиева были исследованы образцы золотоордынского текстиля XIII–XIV вв. из Укека. Образцы были представлены погребальной одеждой из шелковой парчи и шелковой тесьмой из раскопок 1930–1940 гг. и 1919 г. Были исследованы свойства нитей, характер плетения, красители и технология окраски, а также технология изготовления золотых нитей. Работа выполнена на высочайшем техническом уровне и снабжена многочисленными макро- и микрофотографиями, схемами плетения и графиками спектральных анализов.

Ю.А. Семыкиным и Л.Ф. Недашковским опубликованы результаты металлографических исследований железных изделий с поселения Хмелевское I. А.С. Алешниковой и Е.А. Спиридоновой проведен палинологический анализ материалов нескольких поселений округи Укека. Состав диких и культурных растений с этих же поселений приведен в статье Е.Ю. Лебедевой "О земледелии в степях Поволжья в монгольский период". И.Р. Галимзянов публикует результаты краниологических исследований черепов из грунтовых могильников Хмелевское II и III.

Книга содержит большое количество иллюстраций: карт, рисунков и фотографий вещей. Особую ценность имеют архивные фотографии раскопов конца XIX в. и найденного в них материала.

Монография Л.Ф. Недашковского является серьезным вкладом в изучение городской культуры Золотой Орды. Она – пример того, как можно извлечь максимум информации из материалов памятника, который почти не подвергался раскопкам. Хотелось бы, чтобы и другие золотоордынские памятники нашли таких же кропотливых исследователей, и материалы их были бы столь же тщательно изучены и столь же полно опубликованы.

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва

Э.Д. Зиливинская

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2006, № 2, с. 177–192

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ "ДИНАМИЗМ ЛЮДЕЙ, ВЕЩЕЙ И ТЕХНОЛОГИЙ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА"

С 29 мая по 5 июня 2005 г. во Владивостоке прошел Международный симпозиум "Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века". Этот научный форум был проведен на средства гранта Министерства образования и науки правительства Японии, полученного профессором частного университета Тюо (Токио) Канамэ Маэкава, в рамках договора о научном сотрудничестве на 2004–2008 гг., заключенного между этим университетом и Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Программа совместных исследований предусматривает проведение нескольких симпозиумов. Первый из них – "Археологические исследования торговых путей в древности и средневековье между Сахалином и северо-восточными районами Японского архипелага" – прошел 26–27 февраля 2004 г. в Саппоро (Япония). Его материалы опубликованы (Archaeological Studies..., 2004).

В симпозиуме во Владивостоке приняли участие зарубежные специалисты (27 из Японии, по 2 из Китая и Монголии) и отечественные исследователи из Владивостока, Новосибирска, Улан-Удэ и Хабаровска.

На открытии симпозиума в главном зале Президиума ДВО РАН с приветственным словом к его участникам выступили директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН профессор В.Л. Ларин, профессор департамента истории Японии факультета литературы университета Тюо Канамэ Маэкава и генеральный консул Японии во Владивостоке господин Син Маруо. Доктор исторических наук С.П. Нестеров (Институт археологии и этнографии СО РАН) зачитал приветствие участникам симпозиума от академика-секретаря Историко-филологического отделения РАН А.П. Деревянко.

Научную часть симпозиума открыл доклад профессора *Нориюки Сираиси* из департамента археологии гуманитарного факультета университета г. Ниигата, который в настоящее время является ведущим специалистом по средневековым городам на территории Монголии. Он рассказал об итогах исследований японско-монгольской экспедицией города Аврага – одной из трех первых ставок Чингис-хана, основанной около 1211 г. Изучение этого памятника под общим руководством известного японского археолога Симпея Като, ранее возглавлявшего экспедицию по поиску могилы Чингис-хана, и директора Института археологии Монгольской народной республики профессора Д. Цэвээндоржа было начато в 2001 г. К настоящему времени установлено, что территория плотной городской застройки имеет размеры 1200 м с запада на восток и 500 м с севера на юг. Экспедицией исследованы остатки платформы центральной постройки на территории ханской усадьбы города. Фундамент этой постройки из хорошо подогнанных каменных плит имеет в плане форму в виде перевернутой буквы Т, ножка которой обращена к северу. Размеры сооружения – 11.1 м с запада на восток и 7.9 м с севера на юг. Вход располагался посередине широкой южной стороны, а основное жилое помещение с очагом и лежанкой – в северной части постройки. Выделено четыре строительных этапа или фазы существования платформы. Первая датируется по ^{14}C 1190–1270 и 1155–1220 гг. Хронологические рамки второй фазы определены на основе промера платформы и выяснения, таким образом, размера единицы длины *чи*, которая оказалась равной 31.6 см, что характерно для времени династий Сунн и Цзинь. В это время платформа имела размеры 19 × 11 м. Третья фаза, когда платформа имела округлую в плане форму и диаметр 19 м, датирована по ^{14}C 1210–1270 гг. На четвертом этапе фундамент постройки имел в плане форму перевернутой буквы Т, где ножка буквы обращена к северу. Этап датируется по ^{14}C 1290 или 1340–1390 гг. и 1310–1360 или 1385–1410 гг. Постройку фазы 1 окружали деревянные стены, за которыми находились юрты охраны, огражденные, в свою очередь, четырехугольными в плане глиняными валами размерами 72 × 61 м, и завершала укрепления еще одна глинобитная стена размерами 140 × 70 м. Основные итоги исследований города Аврага в 2001–2004 гг. уже опубликованы (Avraga 1, 2005).

Следующим был зачитан доклад *А.Р. Артемьева* (ИИАиЭ ДВО РАН) "Древнемонгольские города Восточного Забайкалья". В нем автор рассказал о том новом, что привнесли исследования 2000–2004 гг. в понимание истории происхождения и развития городов оседлых монголов Забайкалья. Выяснено, что город племянника Чингис-хана – хана Есунгу (Хирхиринское городище) был возведен на месте уйгурского города. Достоверно установлено, что важной стороной хозяйственной деятельности его населения было земледелие. Хронологическая граница существования города передвинута благодаря ^{14}C с 1225 до 1420 г. Причем, как оказалось, городское ядро не перестраивалось, а переносилось в западном направлении. В ближайшей округе памятника открыты еще три поселения, наибольший интерес среди которых представляет усадьба дворцового типа Алестуй. При обследовании второго города в регионе – Кондуйского городка – уточнена его топография и получены новые вещевые материалы.

Совместный доклад *Н.Н. Крадина* (ИИАиЭ ДВО РАН) и *Т.Д. Скрынниковой* (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) "Актуальные проблемы изучения Монгольской империи" носил историографический характер. Один из важнейших вопросов, по мнению докладчиков, состоит в том, можно ли считать монгольскую империю и ее преемников особой цивилизацией, как это делает Э.С. Кульпин, и можно ли выделить признаки, специфичные только для "номадной цивилизации". Таких признаков, за исключением особого культового отношения к скоту, главному источнику существования номадов, исследователи не находят. По их мнению, более правильным представляется говорить не о фантастической цивилизации номадов, а об отдельных крупных номадных цивилизациях, которые Л.Н. Гумилев связывал с определенными географическими зонами. Другой важной проблемой Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова считают проблему изучения идентичности и имперской идеологии в средневековом монгольском обществе, исследованную в работах Дж. Флетчера, Т. Мэя и К. Коллмар-Пауленц. Первоначально монгольская идентичность основывалась на

генеалогическом родстве, и только после разделения Монгольской империи на ряд независимых друг от друга улусов возникла необходимость конструирования идентичности на другом уровне. Средством политической, а позднее и культурной интеграции завоевателей и завоеванных в различных покоренных монголами странах стала религия. С течением времени сформировались ключевые символы идентичности средневековой монголосферы – культ Чингис-хана, монгольской державности и культ Ясы, изучению которых посвящены работы А.Д. Цендиной, К. Хамфри и А. Хурлэбатора.

Доклад профессора *Вэй Цзяня*, возглавляющего Археологический институт северных национальностей Народного университета Китая в Пекине, был посвящен итогам его 12-летних исследований города Шанду – Верхней столицы юаньской империи. Этот город был построен ханом Хубилаем в 1256–1259 гг. и первоначально назывался Кайпин. В 1260 г. на кайпинском курултае Хубилай был избран великим ханом, а 16 июня 1263 г. повелел переименовать Кайпин в Шанду (Верхняя столица). Верхняя столица юаньской империи состояла из трех окруженных стенами частей. Первой из них был Внешний город, квадратный в плане, периметром 8800 м, окруженный стеной из утрамбованного лёсса и рвом шириной 26 м с каменными насыпями, укреплявшими берега. Внутри него, в юго-западном углу, находился Императорский город, имеющий в плане форму квадрата со стороной 1400 м. Южная и восточная стены его были общими с Внешним городом, а западная и северная стены из лесса обложены с двух сторон камнем. Каждая из четырех сторон была укреплена шестью выступающими из стен трапециевидными фронтальными башнями. Еще четыре башни располагались по углам Императорского города. Дворцовый город находился в северной части Внешнего города. Он был прямоугольным в плане размерами 605 × 542 м со стенами из серого кирпича и четырехугольными башнями по углам. Именно здесь в Шанду был удостоен аудиенции у императора Хубилая в 1275 г. знаменитый итальянский путешественник Марко Поло, оставивший восторженное описание мраморного дворца, покоев, покрытых золотом и разрисованных всевозможными птицами, зверями, деревьями и цветами. Большой интерес представляют могильники, четыре из которых частично исследованы в 35 км от столицы и пять – на расстоянии около 100 км от нее. Они четко делятся на две группы. Первая – могильники переселенных сюда в большом количестве ханьцев, с каменными стелами с надписями, зафиксировавшими имена, фамилии и места их проживания в столице, с каменными львами, скамьями, столиками для жертвоприношений и пагодами, разнообразными керамическими и серебряными сосудами, бронзовыми тазами и зеркалами, золотыми и серебряными украшениями и большим количеством танских и сунских монет. Другие – одиночные погребения с маленькими оградами, покрытые сверху камнями, содержащие деревянные гробы в форме вытянутой трапеции с расширением у головной части, скрепленные снаружи тремя железными обручами. Такие гробы с обручами в XIII в. маркируют собственно монгольские погребения на огромной территории от юга Восточной Европы (погребение монгольского военачальника в гробовище-колоде, обшитом полосами из золотой жести, у г. Новопавловска на Ставрополье (Горелик, 2004. С. 87)) до Восточного Забайкалья (погребение знатного мальчика на некрополе города хана Есунгу (Баяр, 2000. Рис. 23; 24)). В них были найдены жертвенные захоронения костей баранов, мечи, наконечники стрел, ножи, стремена, кольца, чеки тележных осей. В небольшом количестве встречены бронзовые зеркала, пряжки и украшения, серебряные плоские фляги и декоративные пластины, золотые серьги, позолоченные серебряные кольца, берестяные сосуды, костяные изделия и украшения из жемчуга.

Происхождению и датировке оленных камней посвятил свой доклад директор Института археологии Академии наук Монгольской народной республики профессор *Д. Цэвээндорж* (Улан-Батор, Монголия). Для обоснования датировки оленных камней он привел высеченное в зверином стиле изображение оленя размерами около 150 см у подножия священной горы Шивээт Хайран, окруженное более чем 40 сценами охоты. По набору вооружения и грибовидным шапкам эти сцены можно датировать карасукским временем, т.е. XII–VIII вв. до н.э. По мнению докладчика, оленные камни появились в конце II – начале I тыс. до н.э. в Центральной Азии, откуда распространились на запад в Казахстан, Среднюю Азию, на Кавказ, в Причерноморские степи и Восточную Европу.

Профессор *Казиюки Накамура* из Технологического колледжа в г. Хакодате (Япония) выступил с докладом "Отношения Монгольской империи с народами нижнего течения р. Амур и острова Сахалин". Исследователь попытался пролить свет на причины конфликта между жившими в XIII в. на Сахалине племенами куи (айнами), с одной стороны, и жившими там же племенами илюй, которых он тоже считает айнским племенем, и юаньскими войсками – с другой. Известно, что с первыми из них монголы воевали с 1264 по 1308 г., а со вторыми торговали, получая от них высоко ценившихся охотничьих соколов и меха. Докладчик пришел к заключению, что куи очень нуждались в товарах, предлагаемых юаньской стороной, и вступили в конфликт с илюй, которые препятствовали их непосредственным контактам с монголами. Юаньские войска поддержали илюй, что и вылилось в 40-летнюю войну, в ходе которой в 2 км к югу от южной оконечности острова Сахалин – мыса Крильон – была возведена крепость Сирануси, известная в источниках как Куофуо. Наиболее ценной пушниной, поступавшей с Сахалина, японский коллега обоснованно считает шкурки горностая, в одежде из которых традиционно изображался правивший в эти годы великий хан Хубилай.

Весьма интересен был доклад *С.В. Данилова* (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) "Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии". В нем кратко охарактеризованы "оседлые поселения" хунну, уйгуров, киданей и монголов с III в. до н.э. до XIV в. н.э. и закономерности становления оседлой "городской" жизни в кочевых обществах Центральной Азии. К сожалению, отсутствие иллюстративного материала очень затрудняло восприятие доклада.

"Городища государства Восточное Ся на территории Приморья" – тема доклада *Н.Г. Артемьевой* (ИИАиЭ ДВО РАН). К настоящему времени на территории Приморья известно 29 городищ, относящихся ко времени существования этого государства (1215–1233 гг.). Все они являются горными городищами и имеют размеры от 0.06 до 180 га. Археологические находки последних лет – бронзовые печать 1222 г., 19 весовых дисков 1230 г., а также открытые кварталы со зданиями колоннадного типа явно административного назначения позволили идентифицировать крупнейшее из них – Краснояровское городище – с Верхней столицей государства Восточное Ся, г. Кайюанем.

Доклад профессора *Мимидзу Нобуюки* из университета Аояма Гакуин (Токио) "Исследования бохайских памятников в Приморье. Краскинское городище" был посвящен итогам 14-летнего изучения совместно с археологами ИИАиЭ ДВО РАН памятников государства Бохай (698–926 гг.) в

Приморье. В 1992–1994 и 1996–2000 гг. эти исследования велись за счет грантов Министерства науки и образования правительства Японии (руководитель проекта К. Тамура), а в 2001–2004 гг. – за счет личных средств профессора К. Тамура. Основным исследуемым памятником в ходе этих работ было Краскинское городище, в особенности его оборонительные сооружения: башня, ворота и валы. Доклад прокомментировал один из руководителей экспедиции с российской стороны А.Л. Ивлиев.

Директор Национального исторического музея Монголии (Улан-Батор) *А. Очир* выступил с докладом "Из исследований киданьских городов, городищ и других сооружений в Монголии". По его мнению, кидане заимствовали строительные традиции у уйгуров. Киданьские городища докладчик разделил на три группы: города для постоянного проживания, памятники, сходные по внешнему виду со склепами-могилами, и объекты культового назначения.

В докладе *О.В. Дьяковой* (ИИАиЭ ДВО РАН) "Укрепления Северо-Восточного Приморья в контексте дальневосточной археологии" рассмотрены укрепленные поселения северо-восточного Приморья с эпохи палеометалла до государства Восточное Ся включительно.

Профессор факультета гуманитарных наук университета Хосей *Масафуми Огути* выступил с докладом "Остроги в Японии и на Сахалине в древние века и в период средневековья", в котором сравнил средневековые укрепления на Хоккайдо, Сахалине и Камчатке.

Доклад профессора *Ёшиширо Сенда* с факультета литературы Университета г. Нара (Япония) "Средневековые городища Японии" был посвящен феодальным замкам XI–XVI вв., когда фортификационное искусство в Японии достигло своего расцвета. Следует отметить, что период XI–XIV вв. в Японии называют ранним средневековьем, а период XV–XVI вв. – поздним средневековьем, которое завершается в XVII в. постройкой главного замка только что созданного сегуната – Эдо.

С очень интересным докладом "Археологические памятники как маркеры торговых путей" выступил на конференции *Ю.Г. Никитин* (ИИАиЭ ДВО РАН). Он довольно удачно попытался привязать средневековые памятники Приморья к дорогам, данные о которых были в основном зафиксированы во второй половине XIX в.

В докладе *Е.А. Сергушевой* "Культурные растения на средневековых памятниках Приморья" были приведены результаты археоботанических исследований нескольких средневековых памятников. К сожалению, количество исследованных проб, включая и представленное 35 пробами из 5 строительных горизонтов городище Горбатка, так незначительно, что оценивать приведенные результаты сложно даже как "предварительные".

Японские исследователи *Х. Фудзита* и *Э. Синодзука* из университета Тюо (Токио) выступили с докладом "Интернет-информация и распространение проекта ABC с помощью GLOBALBASE". Согласно их данным, глобальная база связывает графическую и пространственную информацию из различных серверов в манере "без шва" и формирует новую автоматическую децентрализованную сеть пространственной информационной системы, которая позволяет исследователям найти необходимые данные в виртуальной сфере "Земля", существующей в Интернете.

Профессор *Х. Сакаи* из университета Тояма в докладе "Электромагнитные исследования археологических памятников – разведочные работы и археомагнетизм" ознакомил присутствующих с итогами изучения кургана второй половины V в. подземным радаром, благодаря которому удалось определить форму кургана, имеющего трехступенчатую насыпь, и окружающего его рва. При помощи электромагнитного метода успешно исследовались остатки печей для обжига керамики. На основе остаточного магнетизма прокаленной земли или керамики, в которой отразились векторы старых магнитных полюсов, возможно датирование археологических памятников. Японскими исследователями созданы график изменения магнитного полюса за последние 2000 лет, полученный в результате замеров остаточного магнетизма на большом количестве древних печей, график изменения магнитных векторов в керамике, найденной на памятниках археологии, и усредненная магнитная кривая для Японии, составленная с учетом исторической хронологии и относительной археологической периодизации. Таким образом, если памятник не имеет определенной даты, его можно датировать путем сравнения замеров векторов остаточного магнетизма и данных этой усредненной магнитной кривой с точностью в 20–30 лет.

В докладе *Ёситака Кодзима* из университета Канадзава гакуин (Япония) "Производство металла в Бохае" были обобщены данные о производстве железа на памятниках бохайского времени в Китае, а также о его производстве во время существования империи Цзинь (XII в. – 1234 г.) в Китае и российском Приморье. По мнению докладчика, техника изготовления железа была заимствована японцами в период существования Бохайского царства, когда его послы с 727 по 922 г. 34 раза посетили Японию.

Доклад *Е.И. Гельман* (ИИАиЭ ДВО РАН) "Керамика и торговля: формы обмена в Бохае" был посвящен технике производства и видам бохайской керамики, обнаруженной на памятниках Приморья.

Ю.М. Васильев (ИИАиЭ ДВО РАН) выступил с докладом "Покровская культура Приамурья (IX–XIII вв. н.э.)". Исследователь выделил три этапа в существовании этой культуры, более известной как культура амурских чжурчжэней: корсаковский – конец IX–X в., надеждинско-луданниковский – XI – начало XII в. и краснокуровский – XII–XIII вв.

Доклад *Миура Кэйсукэ* из Археологического научно-исследовательского центра префектуры Аомори (Япония) "Хозяйство и товарообмен в древности на севере Японии" был посвящен производству керамики, выплавке железа, изготовлению лакированной посуды и солеварению в VII–XI вв.

Доклад *Исогава Синъя* из Киотского женского университета Татибана (Япония) "Средневековые литые чугунные котлы Японии" был посвящен классификации, хронологии, технологии производства и локальным особенностям чугунных котлов Японии XII–XVII вв.

В высшей степени интересным был доклад профессора факультета литературы университета Тохоку гакуин *Сагава Масатоши* "Эволюция черепичного производства от династии Северная Вэй до династии Мин". Докладчик использовал малодоступные для большинства исследователей материалы из ряда музеев Китая, включая черепицу с императорских могил эпохи Цзинь в Пекине, и российские материалы из раскопок буддийских храмов 1260–1320 гг., 1413 и 1433 гг. в низовьях Амура, а также из города хана Есунгу в Забайкалье 1225–1420 гг. Сагава Масатоши пришел к выводу о существовании техники пластинчатого налепа в Забайкалье уже в юаньское время и теперь намерен выяснить, была ли она известна в периоды династий Цзинь и Сун.

Ёсикото Анакадзава из Института исследования черной металлургии выступил с докладом "Производство железа в древней и средневековой Японии". По его заключению, пер-

вые этапы металлургического производства на Японских островах относятся к рубежу эр, а само производство железа началось около VI в. н.э. Сравнивая данные из Китая, Кореи и Японии, автор доклада пришел к выводу, что первые печи, возможно, были заимствованы на материке, но затем 1500 лет развитие металлургии в Японии шло своим путем. В результате 40-летних исследований удалось выявить четыре этапа в развитии технологии. В VI в. начинается использование коробкообразных печей и происходит переход к использованию рассыпных месторождений. В период становления государственности в конце VII – второй половине VIII в. идет усложнение металлургического процесса из-за распространения коробкообразных печей и введения вертикальных. В XII в. усовершенствуются методы плавки и увеличивается вместительность коробкообразных печей. И, наконец, во второй половине XVIII в. метод плавки Такара фиксирует завершающий этап использования коробкообразных печей.

Профессор *Исао Усуки* из университета Саппоро гакуин в докладе "Различные проблемы, связанные с керамикой" представил продолжение своей работы по созданию твердой хронологии древней и средневековой керамики для обширной зоны Северо-Восточной Азии.

Известный исследователь средневековой истории Приамурья *С.П. Нестерова* в докладе "Керамика раннесредневекового населения Западного Приамурья" пришла к заключению о существовании в раннем средневековье в Западном Приамурье трех основных керамических традиций. По ее мнению, из них только гончарство михайловской культуры является аборигенным. Именно в результате заимствования пришлыми племенами бохайцев некоторых черт производства михайловской керамики появился Троицкий тип мохэской керамики.

Доклад *Цяо Ляна* из Китайского национального Института культурного достояния (Пекин) "Хронология киданьской керамики" был посвящен глинянным сосудам 9 типов из 43 могильников, демонстрирующим киданьские традиции. По мнению автора доклада, отражающие традиции киданьской культуры глиняные сосуды развивались и непрерывно изменялись вслед за усилением киданей и становлением династии Ляо.

В.А. Дерюгин из Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова выступил с докладом "Вопросы классификации и периодизации керамики Северо-Восточного Приамурья". По его мнению, рассмотренная в докладе территория не входила в ареал покровской культуры (амурские чжурчжэни), и появление там ее элементов по времени связано с возникновением Крильонского городища (крепость Сирануси или Куофуо в докладе К. Накамура).

В состоявшейся в конце конференции дискуссии выступили многие из ее участников, не представившие докладов. Так, глава японской ассоциации археологов, профессор университета Аояма гакуин (Токио) *К. Тамура* отметил, что выступавшие на конференции специалисты по средневековым городам вкладывали разный смысл в понятие "город" и неодинаково оценивали его функции. Он поддержал призыв профессора Н. Сираиси добиваться общего понятия и определения города. *А.Р. Артемьев* предложил сосредоточить внимание на таких функциях города, которые обеспечивают его долговременное существование. Профессор университета Кокугакуин (Токио) *Я. Судзуки* высказал мнение, что на города Северо-Восточной Азии большое влияние оказала китайская городская культура, и призвал расширить круг дискутируемых вопросов. В их числе он назвал "принцип развития городов, и что на них влияет". Кроме того, он полагает, что необходимо решить, что является средневековьем для региона, поскольку государство Бохай (698–926 гг.) для России – средневековье, а для Японии – древность.

Предварительные материалы конференции изданы в трех томах (Динамизм людей, вещей и технологий..., 2005). Полное собрание материалов конференции находится в редакционной подготовке. Следующий симпозиум запланирован в июле 2006 г. в Чанчуне (Китай).

По окончании рабочей части симпозиума его участники посетили наиболее известные памятники чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) – его Верхнюю столицу г. Кайюань возле г. Уссурийск, а также Шайгинское и Николаевское городища в Партизанском р-не Приморского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баяр Д. Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшийг судалсан нь. Улаанбаатар, 2000.

Горелик М.В. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004.

Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века. Мат. Междунар. симпозиума. Т. 1–3. Владивосток, 2005 (на яп., рус., англ. яз.).

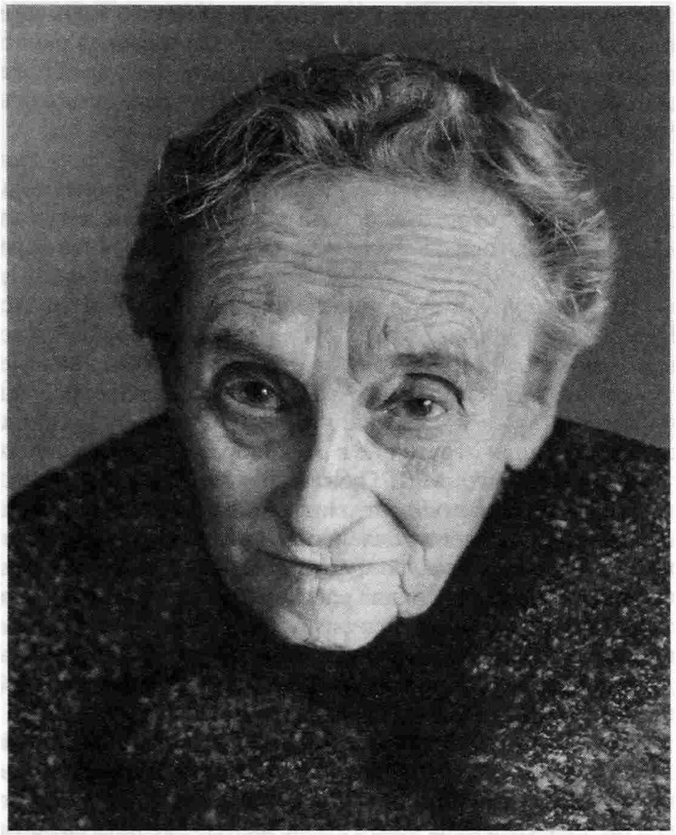
Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-East Japan Sea Region. North-East Asia International Cooperative Symposium Preliminary Papers. V. 1–3. Tokyo, 2004 (на яп., рус., монг., англ. яз).

Avraga 1. Occasional Paper on the Excavations of the Palace of Genghis Khan. Tokyo, 2005.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток

А.Р. Артемьев

МАРИАННА ДАВИДОВНА ГВОЗДОВЕР (1917–2004)



28 декабря 2004 г. после тяжелой болезни ушла из жизни Марианна Давидовна Гвоздовер – известный исследователь палеолита, представитель блестящей плеяды отечественных "каменщиков" старшего поколения.

М.Д. Гвоздовер родилась в Москве, в семье инженера-технолога, 2 июня 1917 г. После окончания школы, в 1935 г. поступила на физический факультет МГУ, в 1936 г. перевелась на исторический факультет, который закончила в 1941 г. С самого начала учебы научные интересы М.Д. Гвоздовер лежали в области изучения верхнего палеолита. Ее руководителем был известный российский ученый М.В. Воеводский, а темой диплома – изучение верхнепалеолитической стоянки Бугорок, открытой Деснинской экспедицией, которую возглавлял М.В. Воеводский.

В сентябре 1941 г. М.Д. Гвоздовер ушла в действующую армию, где служила до демобилизации после окончания Великой Отечественной войны (октябрь 1945 г.) в чине старшины второй статьи в Кировском военно-морском госпитале, а затем во втором военно-морском госпитале Военно-морской академии.

После демобилизации, с декабря 1945 г. и до конца своей жизни М.Д. Гвоздовер работала в НИИ и Музее антропологии биологического факультета МГУ, сначала в качестве младшего, а затем – старшего научного сотрудника. Здесь прошла вся ее научная и творческая жизнь.

С самого начала работы в МГУ она принимала деятельное участие в работе Деснинской экспедиции, организованной ИИМК, Музеем антропологии МГУ и Институтом археологии АН Украинской ССР, под руководством М.В. Воеводского. Деснинская экспедиция открыла и исследовала ряд важных памятников каменного века, самым значимым из которых, бесспорно, является стоянка Авдеево на р. Сейм, неподалеку от г. Курск. Раскопки этой ныне всемирно известной стоянки и ее изучение, начавшиеся в 1948 г. под руководством М.В. Воеводского, были продолжены после его безвременной кончины в 1949 г. А.Н. Рогачевым. Полевые исследования и всесторонняя работа над добытыми материалами сформировали Марианну Давидовну как одного из ведущих специалистов по палеолиту.

В 1957 г. ею была защищена кандидатская диссертация "Авдеевская верхнепалеолитическая стоянка и ее место среди памятников палеолита", которая до сих пор не потеряла своего научного значения. Здесь М.Д. Гвоздовер впервые обратилась к изучению обработанной кости – не только образцов мелкой пластики и прикладного искусства, но и общих вопросов технологии косторезного ремесла, что было в то время новым, пионерским подходом. Кроме того, рассматривая общие проблемы культурогенеза, исследовательница уже тогда поставила ряд вопросов об общности восточного граветта, которые актуальны и по сей день.

Многие из ее последующих работ посвящены изучению конкретных материалов стоянки Авдеево и связанных с ними общих проблем, касающихся различных сторон исследования древнейшего человеческого общества.

После завершения полевых исследований в Авдеево в 1952 г. М.Д. Гвоздовер принимала участие в полевых работах и возглавляла ряд археологических экспедиций в разных районах страны – на Урале (стоянка Талицкого), в районе затопления Каховской ГЭС, в Крыму (Староселье), а затем на Нижнем Дону. Здесь ею было проведено достаточно широкое археологическое обследование и выявлен ряд памятников эпохи палеолита.

Наибольшим достижением этих работ является открытие и исследование (1957–1971 гг.), а также культурная атрибуция ныне широко известных верхнепалеолитических памятников урочища Каменная Балка близ устья Дона. Основываясь на тщательном типологическом анализе инвентаря, Марианна Давидовна высказала предположение об их кавказском происхождении, т.е. о способности древнего населения совершать значительные по протяженности миграции в столь ранние эпохи, как верхний палеолит. Дальнейшие исследования подтверждают эту гипотезу, выдвинутую более 40 лет назад.

Изучение памятников Каменной Балки позволило М.Д. Гвоздовер привести серьезные аргументы против теории о существовании в эпоху позднего палеолита в Северном Причерноморье особой "степной" культурно-хозяйственной зоны. Археологический материал, полученный ею, показал, что в этой зоне имеются долговременные поселения с остатками жилых объектов и культурными слоями, обладающими сложной структурой, с разнообразным и многочисленным инвентарем. М.Д. Гвоздовер отрицала однообразие всей материальной культуры "степной зоны", отмечая четкие локальные различия внутри нее. Широкие исследования этого региона подтвердили ее правоту.

В 1972 г., в связи с проектирующимся строительством АЭС на р. Сейм, Марианна Давидовна возобновила полевые исследования Авдеевской стоянки (совместно с ЛОИА АН СССР, а затем ИИМК РАН), которые продолжаются до настоящего времени. В результате этих работ был открыт второй жилой комплекс, получены интереснейшие материалы. Новые раскопки стоянки Авдеево стали лабораторией по разработке методики полевого исследования культурных слоев со сложной структурой. Марианна Давидовна была блестящим полевым исследователем, все ее работы отличаются высоким качеством и служат прекрасным источником

самой разнообразной информации. Она постоянно продолжала творчески развивать методические подходы М.В. Воеводского: отношение к культурному слою как к основному источнику информации, методику раскопок большими площадями, использование комплекса различных естественнонаучных методов при изучении культурных отложений. Одной из первых она обратила внимание на сложное строение культурного слоя и в своих практических работах в Авдеево обосновала новый метод, широко используемый ныне, – микростратиграфию.

Вся жизнь Марианны Давидовны была связана с изучением Авдеевской стоянки – ключевого памятника верхнего палеолита Восточной Европы. Здесь М.Д. Гвоздовер проявила себя и как тонкий полевик, и как знаток типологии каменного инвентаря, орудий из кости и бивня, украшений и образцов мелкой пластики.

М.Д. Гвоздовер – один из ведущих специалистов по вопросам искусства верхнего палеолита. Ей принадлежит серия прекрасных работ о мелкой пластике и прикладном искусстве по материалам Авдеево и памятников костенковского круга – это ряд глубоких и содержательных статей и монография "The Art of the Mammoth Hunters". Уникальность данной книги определяется не только богатством и даже роскошностью изучаемого материала, но стройностью и глубиной логических построений при изучении произведений искусства, сочетанием детального анализа с представлением материала в его контекстуальной целостности. В своих работах Марианна Давидовна предложила новый взгляд на трактовку женского образа в мелкой пластике палеолита, разработала типологическую основу для изучения искусства малых форм и резного орнамента. Эти исследования получили широкий отклик среди коллег во всем мире.

Будучи прекрасным знатоком классической типологии, М.Д. Гвоздовер много внимания уделила разработке типологической номенклатуры. Ею введен в научный оборот ряд типологических понятий, ставших общеупотребительными, а главное – предложены принципиальные подходы к проблемам типологической классификации. Она была одним из первых исследователей, обратившихся к разработке методов формального анализа при построении классификационных схем и установлению четких и объективных критериев при типологическом членении материала. Следует заметить, что эти работы проводились ею почти 40 лет назад, задолго до массового появления компьютеров в археологии.

М.Д. Гвоздовер – вдумчивый ученый-интерпретатор, ею осуществлен тонкий морфо-типологический анализ кремневого и костяного инвентаря разных памятников, разработаны сложные процедуры культуровыделения. Уже в кандидатской диссертации исследовательницы были рассмотрены проблемы существования археологических единств различного ранга, при этом по-настоящему новаторским было разделение памятников костенковско-авдеевского круга на две группы, почти тождественные внутри себя в культурном отношении: Костенки-Авдеево и Хотылево-Гагарино.

В дальнейших работах М.Д. Гвоздовер постоянно обращалась к этим вопросам. Так, ею были обоснованы принципы выделения костенковско-виллендорфского единства – одного из крупнейших образований на палеолитической карте Евразии.

Марианна Давидовна представляла тот удивительный тип ученого, который, несмотря на опыт, заслуги и возраст, всегда доброжелательно и заинтересованно открыт к восприятию нового. Она не останавливалась на достигнутом, постоянно искала новые пути и направления – примером этому может служить ее последняя опубликованная работа по зооархеологии Авдеевской стоянки, в которой предложены новаторские подходы к изучению известных остеологических материалов.

М.Д. Гвоздовер была прекрасным музейным работником. При ее непосредственном участии в послевоенные годы была проведена огромная работа по сверке и систематизации коллекций и параллельно шла приемка и музейная обработка новых материалов. Археологические коллекции Музея НИИ антропологии МГУ, хранителем которых являлась М.Д. Гвоздовер, содержатся в прекрасном состоянии, систематизированы и всегда были доступны для работы как известным ученым, так и студентам. В фондах постоянно работали отечественные и зарубежные специалисты, результаты этих работ нашли отражение в разнообразных публикациях.

Научную работу М.Д. Гвоздовер сочетала с преподавательской деятельностью: читала лекции студентам кафедры антропологии биолого-почвенного факультета и кафедры археологии исторического факультета МГУ, консультируя их при написании дипломных работ. Ее вдумчивый и высокопрофессиональный подход к различным вопросам изучения каменного века не мог не оказать и, конечно, оказывал большое влияние на будущих археологов, причем не только палеолитчиков.

Не только студенты и аспиранты, но и многочисленные коллеги приходили за советом или для обсуждения животрепещущих проблем к Марианне Давидовне. Ее работы никогда не были рассчитаны на внешний эффект, не носили громких всеобобщающих названий, были полностью лишены глубокомысленной учености. Ей было чуждо нередкое для ученого мира завуалированное наукообразие, она предпочитала высказывать свое мнение лишь тогда, когда считала его достаточно аргументированным. Может быть, еще и поэтому мнение и выводы Марианны Давидовны воспринимались коллегами как самая авторитетная экспертная оценка.

Несмотря на то, что число "формальных" учеников Марианны Давидовны невелико, многие считали и считают ее своим учителем. Ей принадлежит немалая заслуга в том, что в Москве начала формироваться собственная школа палеолитоведения.

Марианна Давидовна Гвоздовер, будучи ровесницей Октябрьской революции, прожила долгую, трудную, насыщенную жизнь, пережив все то, что пришлось на долю нашей страны. Однако, несмотря на утраты и лишения, она считала свою жизнь очень интересной и была по-своему горда тем, что никогда не поступала вопреки совести, особенно по отношению к своему делу. Большинство людей знали Марианну Давидовну как человека доброго, но прямого и твердого, а в необходимых случаях даже резкого. Однако эта сторона была лишь частью ее тихой, даже стеснительной и нежной натуры, распахнутой для людей, которыми она населяла мир своей жизни.

Светлая память о Марианне Давидовне останется у нас навсегда.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург — *С.А. Васильев*
Геологический институт РАН, Москва — *Э.А. Вангенгейм*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова — *Л.Д. Сулержицкий*
Государственный университет штата Иллинойс, Урбана-Шемпейн — *В.Л. Янин*
Н.Б. Леонова
О.А. Соффер

ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ХАРИТОНОВИЧА ТМЕНОВА

4 декабря 2005 г. во Владикавказе похоронили трагически погибшего под колесами автомобиля археолога и этнолога Северной Осетии, доктора исторических наук, профессора Виталия Харитоновича Тменова. Нелепая смерть этого видного ученого и просто хорошего, доброго человека – большая утрата не только для тех, кто занимается историей Осетии, но и Кавказа в целом.

Виталий Харитонович родился в 1944 г. в г. Баку, а в 1966 г. окончил исторический факультет Северо-Осетинского Государственного педагогического института. Уже в студенческие годы проявился его интерес к археологии, ставший его путеводной звездой, делом и смыслом всей жизни. Вскоре после окончания исторического факультета В.Х. Тменов был принят в качестве аспиранта в Северо-Осетинский научно-исследовательский институт по специальности "археология". Я, тогда еще молодой кандидат наук, имел честь быть его научным руководителем.

С 1969 г. В.Х. Тменов – научный сотрудник отдела археологии и этнографии СОНИИ, в 1973 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию "Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии" (Тменов, 1979). С этого времени и надолго проблема позднесредневековых историко-архитектурных памятников горной зоны Северной Осетии становится для молодого исследователя основной (Тменов, 1984). И это понятно: несмотря на предшествующие исследования, история позднесредневекового каменного зодчества, воплотившего творческий дар осетинских народных мастеров-строителей, в полном объеме и на современном научном уровне создана не была.

Собирая материал, мы с Виталием Харитоновичем в течение 70-х годов XX в. исходили все ущелья и селения горной части Северной Осетии и с участием студентов-архитекторов (а часто и сами) обмерили сотни памятников. Они легли в основу докторской диссертации В.Х. Тменова "Традиционное каменное зодчество Северной Осетии (археологический аспект)", защищенной им в специализированном Ученом совете МГУ имени М.В. Ломоносова в 1995 г. В следующем году работа была опубликована в виде капитальной монографии, ставшей событием в кавказоведении (Тменов, 1996). Тогда же за заслуги в изучении проблем древней истории Осетии Виталий Харитонович был удостоен почетного звания "Заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия-Алания". В 2003 г. ему было присвоено почетное звание "Заслуженный деятель науки РФ".

Не могу не сказать о раскопках Виталия Харитоновича в с. Дзивгис в 1982 г. – я принимал в них участие. Исследованию подвергся скальный навес над р. Фиагдон, превращенный в огромный коллективный склеп, содержавший более 300 захоронений. Пласты этих захоронений характеризовали материальную культуру осетин Куртатинского ущелья начиная с XIII в. и, вероятно, вплоть до XVI–XVII вв. Обрисовалась яркая картина заселения ущелья предгорноравнинными аланами, скорее всего, после татаро-монгольского вторжения XIII в., и отсюда – картина реального этногенеза и культурогенеза современного осетинского народа. К сожалению, этот интереснейший археологический и краниологический материал по сей день остается до конца не изученным.

В 2000 г. Виталий Харитонович в соавторстве с Е.Б. Бесоловой и Е.Н. Гонобоблевым издал капитальный труд "Религиозные воззрения осетин" (Тменов и др., 2000). Как отмечал сам В.Х. Тменов, "археологические разыскания в значительной степени уступили место фольклорно-историческим и этнографическим исследованиям". Всего им опубликовано около 90 различных работ (с полным списком работ В.Х. Тменова можно ознакомиться в: Нарожный, Тменов, 2004. С. 384–389). Ученый постоянно участвовал в работе "Крупновских чтений" и других научных форумах по археологии Северного Кавказа, неоднократно выступал в роли редактора научных изданий, наставника и руководителя аспирантов. С 1995 г. он работал в Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова в должности зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков, продолжая трудиться и в СОИГСИ им. В.И. Абаева. Последние интересы и публикации профессора В.Х. Тменова связаны с темой, именуемой им "Нарты и ноосфера" (Тменов, Тменов, 2004).

Виталий Харитонович был не только глубоким исследователем, но и яркой личностью, которая выразилась в его лирических стихах "для себя", никогда не публиковавшихся. Мы внезапно, после недавнего его 60-летия, потеряли прекрасного человека, который мог еще многое сделать для отечественной науки. Вечная память Виталию Харитоновичу Тменову.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нарожный Е.И., Тменов А.В. Список научных трудов Тменова Виталия Харитоновича // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004.

Тменов В.Х. "Город мертвых" (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе, 1979.

Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.

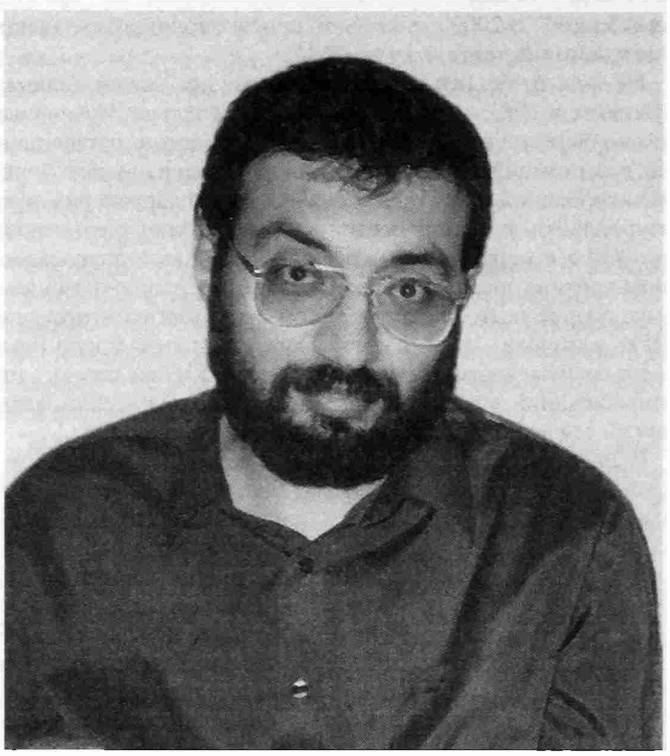
Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н. Религиозные воззрения осетин (история религии в истории народа). Хрестоматия. Владикавказ, 2000.

Тменов В.Х., Тменов А.В. Под созвездием Овна (астральные мотивы в осетинском фольклоре: историко-этнографический аспект) // Нарты и ноосфера (социоэкологические реалии осетинского фольклора в историко-сравнительном освещении). Вып. 1. Владикавказ, 2004.

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований, Владикавказ

В.А. Кузнецов

ЮРИЙ ЭДУАРДОВИЧ ЖАРНОВ



17 сентября 2005 г. скончался Юрий Эдуардович Жарнов – известный специалист по средневековой археологии, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Государственного центра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области.

Ю.Э. Жарнов родился 31 января 1961 г. в Минске. В 1978 г. закончил среднюю школу во Владимире, куда до этого переехала семья. Школьником 9-го класса он впервые принял участие в археологических раскопках Пирова городища – в 1977 г. этот памятник раннего железного века исследовался Окской экспедицией Института археологии АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Видимо, тогда и сформировалось у него желание стать археологом. После окончания школы Юра два года работал токарем экспериментального цеха Владимирского тракторного завода, готовясь к поступлению в МГУ, на рабфак исторического факультета которого он и был зачислен в 1980 г. После завершения курса рабфака он стал студентом дневного отделения исторического факультета, которое закончил в 1986 г.

Еще обучаясь на рабфаке, Юра появился на кафедре археологии, начал посещать занятия студенческого археологического кружка. Неслучайность его интереса подтвердилась во время первой же летней практики – по сложившейся традиции студенты-кружковцы после первого курса обязательно едут в Гнездово. Знаменитый памятник и его научные проблемы надолго привязали Юрия к себе. Работая с необычайной увлеченностью, ловкостью и умением, он блестяще раскрыл и зафиксировал интереснейшие погребения Гнездова. Педантизм раскопщика в сочетании с редкой удачливостью вызывали восхищение коллег и служили пищей для разговоров нескольких поколений студентов кафедры археологии. Действительно, Юра обладал редким умением "чувствовать" памятник или слой и "читать" его незначительные, казалось бы, изменения. Все эти качества, проявившиеся у него во время гнездовских раскопок, сыграли свою роль и в дальнейшем. И во время экспедиции, и вне ее людей привлекали к Юре его сдержанная доброжелательность, ненавязчивое чувство юмора, проявлявшееся в редких, коротких и очень точных репликах, чувство собственного достоинства и справедливости. Он стал настоящим учителем и "старшим другом" для многих участников Смоленской экспедиции.

Ю.Э. Жарнов – ученик Д.А. Авдусина – вырос в ученого с широким кругозором и склонностью к научным обобщениям, для которого археологические материалы были основой для решения (часто неожиданного) крупных историко-культурных проблем. Творческая атмосфера Смоленской экспедиции МГУ и семилетний опыт раскопок гнездовских курганов с их яркими и богатыми материалами способствовали быстрому профессиональному становлению молодого ученого и определили тему его диплома, а затем кандидатской диссертации. В 1986–1989 гг. Юрий Жарнов – аспирант кафедры археологии исторического факультета МГУ. Он участвует в археологических наблюдениях за строительством в зоне охраны культурного слоя Смоленска, копает курганы в Гнездове, собирает и внимательно изучает архивные материалы. Результатами тщательного источниковедческого анализа, подкрепленного личными наблюдениями внимательного полевого исследователя, стали рукопись блестяще защищенной кандидатской диссертации и серия статей, посвященные погребальному обряду, этносоциальной и демографической структуре древнего Гнездова. Ю.Э. Жарновым впервые (на древнерусском материале) были предложены критерии выделения и интерпретации ингумаций в камерах, проведен анализ половозрастного состава населения этого замечательного памятника и предложен вывод о стабильности его демографической структуры, выдвинуто предложение рассматривать гнездовские курганы в качестве "эталонного дохристианского городского некрополя". Своеобразным открытием стали так называемые "невыявленные" ингумации Гнездова, реальность которых была подтверждена раскопками нескольких погребений.

Как и многие археологи его поколения, Ю.Э. Жарнов в 1990-е годы не мог целиком посвятить себя научным исследованиям и был вынужден искать работу, которая, соответствуя его профессиональным интересам, давала бы средства к существованию. С 1992 г. он работал в Государственном центре по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области, сначала – в качестве ведущего специалиста, а затем – заведующего отделом археологии. Главной сферой его деятельности стала охрана археологических памятников Владимирской области и, прежде всего, организация спасательных раскопок в историческом центре г. Владимира. Эту работу Ю.А. Жарнов сочетал с преподаванием археологии во Владимирском государственном педагогическом университете. Объединив вокруг себя небольшую группу археологов разных поколений, Ю.Э. Жарнов сделал все, чтобы предотвратить разрушение культурного слоя и наладить на местах строительства охранные раскопки по самым высоким методическим стандартам. Для исследователя, увлеченного гнездовской проблематикой, поворот к изучению средневекового Владимира потребовал больших внутренних усилий, тем более что до начала 1990-х годов культурный слой этого города не воспринимался как действительно значимый археологический объект. Представления о полной нарушенности средневековых слоев и отсутствии серьезных научных перспектив для археологии во Владимире стали меняться по мере расширения спасательных раскопок и появления первых ярких находок.

Раскопки Ю.Э. Жарнова на территории исторического ядра Владимира, преимущественно в так называемом Ветча-

ном (т.е., ветхом) городе, проведенные в 1993–2004 гг., по сути дела, впервые открыли для археологии "стольный город", бросивший вызов Киеву и перенявший у него роль общедревнерусского центра. Чтобы это открытие состоялось, потребовалось прежде всего понять особенности Владимира как археологического памятника, в котором ценность представляет не столько культурный слой XII–XIII вв., имеющий небольшую мощность и редко сохраняющий остатки деревянных сооружений, сколько материковые ямы, подполья средневековых построек, избежавшие разрушения даже на участках с плотной современной застройкой. Именно в таком подполье в 1993 г. был найден уникальный клад предметов христианского культа, содержавший прекрасные образцы средневекового прикладного искусства: серебряную чашу, энколпионы и портативный иконостас из серебряных образков с эмалевыми изображениями. При дальнейших раскопках на этом участке коллекция церковных древностей пополнилась и другими редкими находками, которые дали основание назвать исследованную усадьбу "усадьбой священнослужителя". Здесь же были открыты следы ювелирного производства и изготовления каменных и керамических нательных крестиков, ставшие основой для заключения о связи во Владимире, как и в Новгороде, на усадьбе Олисея Гречина, художественных мастерских с дворовладениями представителей церковного клира. Результаты исследований в Ветчаном городе опубликованы и осмыслены Ю.Э. Жарновым в серии статей, насыщенных интересными наблюдениями о художественных особенностях памятников владимирской металлопластики и каменной резьбы, об организации ремесла и исторической топографии города, о событиях 1238 г. и их последствиях для дальнейшей истории Северо-Восточной Руси.

Раскопки Ю.Э. Жарнова во Владимире стали образцом честной и профессиональной охранной археологии, в которой полевые работы, развернутые на стройплощадках, превращаются в серьезный научный проект. В этих работах многое делалось собственными руками Юрия Эдуардовича – от расчистки котлованов подполий до перебелки полевых чертежей, и, вероятно, именно поэтому для исследовательского труда оставалось немного времени. Летом 2004 г., обходя раскопы во Владимире, мы говорили о том, что настало время собрать и систематизировать материалы, накопленные экспедицией, в отдельной книге. Но для этого уже не оставалось времени – Юрий Эдуардович был тяжело болен. Не успев подготовить обобщающее исследование о владимирских древностях, Ю.Э. Жарнов, тем не менее, много сделал в науке, оставив ряд ярких и глубоких статей, без которых сегодня невозможно представить археологию Древней Руси.

Всем нам, друзьям и коллегам, трудно смириться со смертью хорошего человека, талантливого исследователя, глубоко преданного науке и делу сохранения археологического наследия, ушедшего из жизни в расцвете сил, не дожив до своего 45-летия.

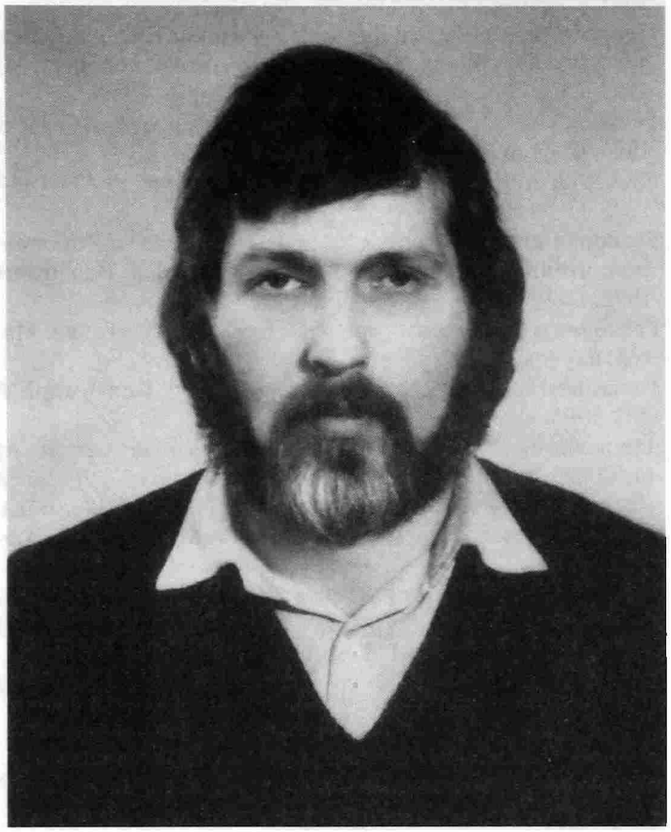
СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Ю.Э. ЖАРНОВА

1. Гнездово и Шестовицы (проблемы сравнительного анализа двух археологических памятников) // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Тез. докл. Чернигов, 1990. С. 152–155.
2. Животные в погребальном обряде курганов периода становления Древнерусского государства // СА. 1991. № 2. С. 76–89.
3. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 200–225.
4. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 23 с.
5. Раскопки в "Ветчаном городе" Владимира // АО-1993. 1994. С. 61, 62.
6. Раскопки во Владимире, в "Ветчаном городе" // АО-1994. 1995. С. 99, 100.
7. Раскопки во Владимире, в "Ветчаном городе" // Воронинские чтения – 94. Матер. обл. краевед. конф. Владимир, 1995. С. 20–22.
8. Раскопки в "Ветчаном городе" // Городецкие чтения. Матер. науч. конф. Городец, 1995. С. 181–183.
9. Раскопки усадьбы в "Ветчаном городе" Владимира // АО-1995. 1996. С. 135, 136.
10. Произведения декоративно-прикладного искусства из раскопок во Владимире // Искусство Византии и Древней Руси. К 100-летию со дня рождения А.Н. Грабара. Тез. докл. конф. СПб., 1996. С. 29–31 (в соавт. с В.И. Жарновой).
11. Усадьба первой трети XIII века "Ветчаного города" Владимира-на-Клязьме // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 82–93.
12. Исследования усадьбы древнерусского Владимира // АО-1996. 1997. С. 114, 115 (в соавт. с Н.Н. Мошениной).
13. Гнездовские курганы с остатками трупоположения // Историческая археология. Традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 92–105.
14. Археологические раскопки во Владимире: возвращение культурных ценностей древнего города // Вестн. РГНФ. 1998. № 3. С. 31–37.
15. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме // РА. 1999. № 3. С. 165–174.
16. Исследования в "Ветчаном городе" Владимира // АО-1997. 1999. С. 94, 95 (в соавт. с Н.Н. Мошениной).
17. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. 2000. № 1. С. 183–193.
18. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство. Византия и Русь. К 100-летию А.Н.Грабара. М., 1999. С. 451–462 (в соавт. с В.И. Жарновой).
19. Исследования во Владимире // АО-1998. 2000. С. 100, 101. (в соавт. с Н.Н. Мошениной).
20. Исследования в "Ветчаном городе" Владимира // АО-1999. 2001. С. 85, 86 (в соавт. с Н.Н. Мошениной).
21. Гнездово, Тимерево, Шестовицы: историографический миф об однотипности этих памятников // 125 лет изучения Гнездова. Тез. междунар. конф. М., 1999. С. 114–116.
22. Археологические исследования во Владимире и "проблема 1238 года" // Русь в XIII в. Континуитет или разрыв традиций? Тез. конф. М., 2000.
23. Исследования в "Мономаховом городе" Владимира // АО-2000. 2001. С. 69, 70 (в соавт. с Н.Н. Мошениной).
24. К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязьме // РА. 2003. № 2. С. 31–44.
25. Ювелирный производственный комплекс "Ветчаного города" домонгольского Владимира // РА. 2006. № 2. С. 40–56 (в соавт. с Н.В. Ениосовой).

Институт археологии РАН, Москва
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Н.А. Макаров
Н.В. Ениосова
Т.А. Пушкина

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ МАРКОВ



25 июля 2005 г. на 53-м году жизни остановилось сердце археолога Владимира Маркова.

Владимир Николаевич родился 29 ноября 1952 г. в Казани. Его знакомство с археологией произошло еще в школе. Первые археологические "университеты" он прошел в 1969 г. в Татарском отряде Нижнекамской экспедиции. Уже в юношеские годы В.Н. Марков стал "своим" для казанских археологов старшего поколения, тем более что он зарекомендовал себя надежным помощником и удачливым поисковиком. Именно в одном из таких разведочных маршрутов по р. Тойме мы с ним близко познакомились. Сентябрь 1971 г. остался для нас памятным на всю жизнь. С особым благоговением мы вступили на знаменитую Ананьинскую дюну, словно это был знак, определивший на годы нашу научную судьбу, связанную с изучением ананьинской культуры.

После службы в армии Володя в 1973 г. поступил на вечернее отделение историко-филологического факультета Казанского университета. Все студенческие годы он работал фотографом в Государственном архиве Тат.АССР, с увлечением занимался археологией и урывками ездил в экспедиции. Когда в 1979 г. после окончания университета ему предложили перейти на работу в Государственный музей Тат.АССР, В.Н. Марков был этому страшно рад, поскольку археология – хотя и с музейной спецификой – становилась его профессией.

В музее основная работа В.Н. Маркова была связана с археологическими фондами. В приведение в порядок богатейших музейных собраний он вложил много сил. С научной точки зрения его особенно привлекли коллекции вятских и камских ананьинских городищ. Это "погружение" в старые – в основном дореволюционные – материалы значило для Володи очень многое. Именно тогда он стал размышлять о том, насколько разнородны в культурном отношении ананьинские поселенческие и погребальные памятники. Самостоятельные раскопки ряда городищ (Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Черепашье, Сухой Берсут, Антоновское, Макарьевское и др.) усилили его сомнения в существовании единой ананьинской культуры.

К моменту поступления в заочную аспирантуру ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР у В.Н. Маркова уже сложился логический план и структура исследования, стержнем которого стали материалы эпохи раннего железа Нижнего Прикамья; на их фоне осуществлялся сравнительно-статистический анализ керамики памятников ананьинского времени различных областей Волго-Камья. Официальный руководитель В.Н. Маркова А.Х. Халиков не вмешивался в творческие поиски ученика, предоставив ему полную свободу. Для успешного завершения работы в тот момент это было самым важным.

Свое исследование о поселенческих древностях Нижнего Прикамья ананьинской эпохи В.Н. Марков завершил в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, в отдел археологии которого он пришел в 1985 г. При апробации рукописи кандидатской диссертации в отделе скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР Владимир Николаевич получил благожелательные отзывы М.Г. Мошковой и Н.Л. Членовой. В 1988 г. в Ленинградском отделении Института он успешно защитил кандидатскую диссертацию "Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности)".

В диссертации (Марков, 1988б), подготовленной на ее основе рукописи монографии, а также в цикле статей (Марков, 1984; 1985; 1987; 1988а; 1994; 1996; 1997; 1999; 2003; Беговатов и др., 1986; 1993; Габяшев и др., 1988; Кузьминых и др., 1993; Чижевский, Марков, 1999) Владимир Николаевич обратился к наиболее острым проблемам археологии финала бронзового и раннего железного веков Волго-Камья. В одной из статей (1994) он образно определил круг этих вопросов как "ананьинскую проблему". Актуальность начатых им исследований заключается еще и в том, что они напрямую связаны с решением сложных проблем этногенеза современных финно-угорских народов края – мари, мордвы, удмуртов и коми.

Для изучения собственно ананьинской проблемы особенно важно то, что исследования В.Н. Маркова открывают перспективу выяснения характера связей между выделенными им этнокультурными группами, определения их роли и места в этногенетических процессах финала бронзового и начала раннего железного веков в Волго-Уральском регионе. Перспективность этого направления исследовательских поисков со всей очевидностью подтвердилась в дальнейшем при изучении погребального обряда населения данного региона в конце II – начале I тыс. до н.э. В итоге намеченные В.Н. Марковым группы стали отождествляться с отдельными археологическими культурами ананьинской культурно-исторической области (Чижевский, 2002).

Защита диссертации стала дополнительным стимулом для научных поисков Владимира Николаевича. Казалось бы, впереди еще непочатый край работы и огромное желание свернуть горы. В.Н. Марков активно включился в охранные раскопки в зоне Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ. Но судьба оказалась к нему немилосердной. Более 15 лет Володя боролся с тяжелой болезнью. Только богатырское от природы здоровье и поддержка родных позволили ему не просто цепляться за жизнь, но в меру сил работать.

В середине 1990-х годов, в период незначительного улучшения здоровья, В.Н. Марков участвует в раскопках могильника Мурзиха 2. Найденные здесь стелы с изображениями оружия подвигли его начать работу по классификации и типологии каменных изваяний ананьинского времени (Чижев-

ский, Марков, 1999). Вместе с А.А. Чижевским он выдвинул гипотезу о раннем – финальнобронзовом – появлении каменных стел в Волго-Камье. Основанием к тому послужили полевые исследования В.Н. Маркова на Ильичевском могильнике маклашеевской культуры конца бронзового века. Предложенная им классификация каменных изваяний легла в основу современных разработок данной темы (Чижевский, 2005).

В эти же годы В.Н. Марков обратился к проблеме происхождения маклашеевской культуры (1996). Он поддержал гипотезу Н.Л. Членовой, согласно которой культура курмантау (включавшая, в понимании Наталии Львовны, и маклашеевские древности) проникла на Белую и Каму из Зауралья и Западной Сибири, а также попытался обосновать необходимость отделения маклашеевской культуры от приказанской. Под влиянием идей Н.Л. Членовой В.Н. Марков стремился "омолодить" маклашеевскую культуру, относя ее финал к раннему железному веку. Впрочем, Владимир Николаевич вскоре отказался от данной идеи и признал за маклашеевскими древностями "возраст финальной бронзы" (1997).

Важно обращение В.Н. Маркова еще к одной, пожалуй, наиболее дискуссионной и ключевой проблеме археологии эпох поздней бронзы и раннего железа лесной полосы Восточной Европы – проблеме культуры текстильной керамики (Марков, 1985; 1988б; Габяшев и др., 1988; Кузьминых и др., 1993). В своих исследованиях он стремился показать особенности процессов культурогенеза на Средней Волге в конце II – начале I тыс. до н.э., самостоятельное развитие "текстильных" этнокультурных групп, характер их взаимодействия с так называемыми приказанскими и постмаклашеевскими группами и т.д. Эти разыскания В.Н. Маркова нашли поддержку в трудах его коллег (Кузьминых и др., 1993; Соловьев, 2000; Чижевский, 2002) и, надеюсь, будут продолжены новыми поколениями исследователей.

Творческая работа и разведочные обследования островной и материковой части Нижнекамского водохранилища являлись для В.Н. Маркова отдушиной в долгой череде больничных палат и тотального нездоровья. Осуществить все намеченные после защиты планы он, увы, был уже не в силах. Скоро их не стало хватать даже на поездки в институт, и в 2003 г. В.Н. Марков ушел на пенсию по инвалидности. Владимир Николаевич и в этих тяжелейших условиях стремился привести в порядок рукопись книги, но силы неумолимо таяли...

В моей памяти Владимир Марков останется прежде всего как первоклассный специалист в области археологии раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. К сожалению, его высокий научный потенциал реализовался не в полной мере. Но даже то немногое, что он успел сделать, определило направление современных исследовательских поисков в ананьинской проблематике. Хочется надеяться, что подготовленная В.Н. Марковым к печати монография в скором времени выйдет в свет, что его поиски и идеи будут не только фактом историографического интереса, но и предметом пристального и заинтересованного обсуждения в нашей профессиональной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н. и др. Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993.

Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С. Исследования Мурзихинского I могильника // АО-1983. 1986.

Габяшев Р.С., Марков В.Н., Халиков А.Х. Рец.: Археология и этнография Марийского края. Вып. 1–9. Йошкар-Ола, 1976–1985 // СА. 1988. № 3.

Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С. Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993.

Марков В.Н. Керамика городища "Сорочьи Горы" // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // Археология и этнография Марийского края. Вып. 9. Йошкар-Ола, 1985.

Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Археология и этнография Марийского края. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1987.

Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988а.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988б.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Марков В.Н. К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. Казань, 1996.

Марков В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа // Finno-Ugrica. № 2. Казань, 1997.

Марков В.Н. О культурной принадлежности волго-камских бронзовых кельтов ананьинского времени // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.

Марков В.Н. О культурной принадлежности Волго-Камских бронзовых кельтов раннего железного века // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

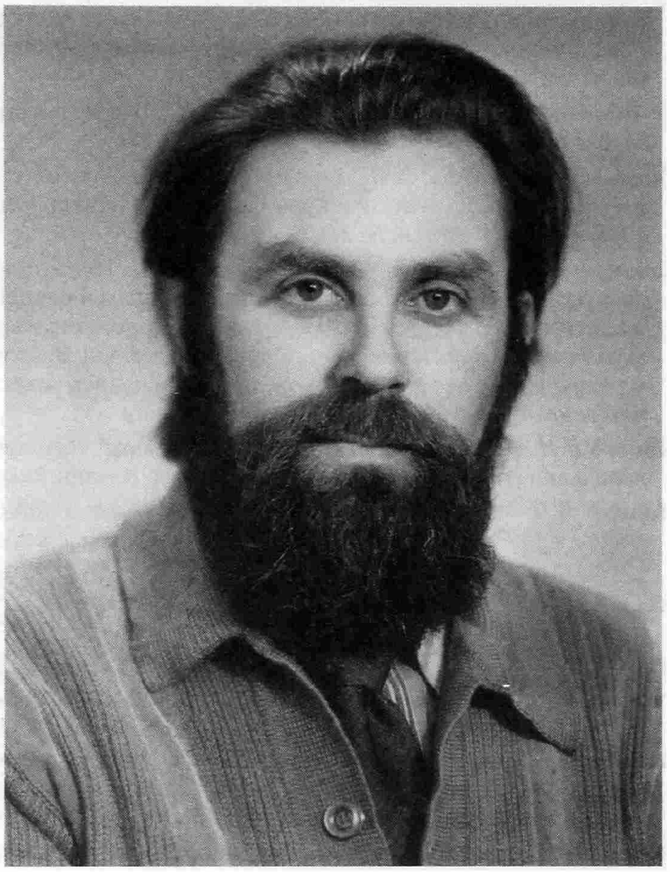
Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX–VI вв. до н.э. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.

Чижевский А.А., Марков В.Н. Стелы ананьинского типа (классификация и назначение) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999.

Институт археологии РАН, Москва

С.В. Кузьминых

ПАМЯТИ ИГОРЯ БОРИСОВИЧА ВАСИЛЬЕВА



8 августа 2004 г. ушел из жизни Игорь Борисович Васильев.

И.Б. Васильев родился 15 сентября 1948 г. в Уральске в семье профессионального военного, поэтому его детство и годы ученичества прошли в военных гарнизонах в разных уголках СССР. Ему было всего восемь месяцев, когда он вместе с родителями совершил свое первое путешествие: от тихого Уральска до Тихого океана, на один из Курильских островов – Кунашир. К тому времени, когда семья осела в 1963 г. в Уфе, он неплохо изучил географию страны.

В 1966 г. Игорь окончил среднюю школу. Попытка поступить на факультет иностранных языков в Башкирский университет оказалась неудачной, и он устроился на должность лаборанта в НИИ нефтехимии Баш.АССР. На следующий год И.Б. Васильев поступил на заочное отделение исторического факультета БГУ, который окончил в 1973 г.

Осенью 1967 г., первокурсником, Игорь впервые оказался в археологической экспедиции Г.И. Матвеевой. Это поворотный момент в его судьбе: вся дальнейшая жизнь была навсегда связана с археологией, вне ее он себя уже не мыслил. С осени 1968 г., когда Игорь Борисович стал лаборантом в кабинете археологии БГУ, начался отсчет его профессиональной деятельности. В 1970 и 1971 гг. на ежегодной истфаковской и на II Урало-Поволжской (тогда еще Уральской) археологической студенческих конференциях состоялось наше знакомство, переросшее в многолетнюю дружбу.

В 1970 г. Г.И. Матвеева получила приглашение перейти на работу во вновь созданный Куйбышевский университет, и вместе с нею легко "снялся" из Уфы и Игорь – на ту же лаборантскую должность. С приходом в университет Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева начался принципиально новый этап в изучении древней и средневековой истории юга Среднего Поволжья. Очень скоро вокруг них сплотился молодой коллектив, выросший со временем в куйбышевско-самарскую археологическую школу.

Вероятно, уже никогда не будет такого интереса и внимания молодежи к проблемам древней истории региона, как в 70-е годы прошлого века. Сотни студентов участвовали тогда в археологических экспедициях. Работа археологического кружка стала событием в жизни исторического факультета Куйбышевского университета. И, конечно, ключевую роль в этом играл И.Б. Васильев. Невероятная энергия, дружелюбие, а главное – его увлеченность наукой являлись своеобразным магнитом, притягивавшим окружающих и к нему, и к археологии.

Придя в университет, Игорь Борисович создал в городском Дворце пионеров школьный археологический кружок, положив начало так называемой школьной археологии в регионе. Пожалуй, нигде в СССР не было столь яркого и эффективного участия школьников в научной археологической деятельности, как в Куйбышеве–Самаре. Это и активное "погружение" школьников в полевую экспедиционную жизнь и работу, и конференции со своей символикой, и участие в них в качестве руководителей профессионалов, и Дни науки с двумя–тремя археологическими секциями, и Праздники юных археологов и др. Следом подобные кружки были созданы на туристических станциях, в районных Домах пионеров и даже в городских и сельских школах. В них пришли студенты – ученики Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева, специализирующиеся по археологии. Через эти кружки и школьные экспедиции прошли сотни учащихся города Куйбышева и области, некоторые из них стали профессиональными археологами (М.С. Седова, М.А. Турецкий, Е.В. Козин, Н.В. Овчинникова, П.Ф. Кузнецов, Ю.И. Колев, А.В. Богачев и др.).

Для Игоря Борисовича работа со школьниками не была случайностью или обязанностью, а тем более обузой. Многие из тех, кто побывал в его экспедициях, помнят бесчисленное количество лекций, которые он с увлечением читал в школьных трудовых и пионерских лагерях, его рассказы и разговоры об археологии на сельских полевых станах, да и просто с сельчанами, случайно оказавшимися на раскопках. Ему уже тогда было "тесно" в рамках чисто академической науки, и И.Б. Васильев стремился привнести "живые" результаты археологических исследований в школьный и вузовский образовательный процесс. В этом корни его серьезного отношения к популяризации археологии, хотя, казалось, на эту работу у него попросту не могло оставаться времени.

Заложенная Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильевым практика написания научно-популярных работ глубоко укоренилась в среде самарских археологов, и трудно найти в сегодняшней России область, где археологии отдельных районов посвящены такие же полноценные исследования (Кузнецов, Плаксин, 2004). Незадолго до своей смерти Игорь Борисович планировал новую серию красочных изданий "Золотой фонд Самарской области", посвященную отдельным выдающимся памятникам типа Утевского 1, Съезженского, Потаповского могильников. К сожалению, планам этим не суждено было сбыться...

С 1974 г. и до конца жизни научная и преподавательская деятельность И.Б. Васильева была связана с Куйбышевским/Самарским педагогическим университетом, в котором он прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой археологии и истории древнего мира – первой кафедрой такого профиля в педагогических вузах Урало-Поволжского региона. Здесь он организовал студенческий кружок, создал лабораторию, которая развернула масштабные охранные работы на новостройках Куйбышевской, Ульяновской, Саратовской и Оренбургской областей и стала одним из заметных археологических коллективов страны, открыл кафедру археологии и учебный археологический музей. Как доцент педагогического университета и руководитель аспирантуры по

археологии Игорь Борисович много сил отдал подготовке молодых научных кадров Урала и Поволжья.

Не прекращая своей основной деятельности в Самаре, И.Б. Васильев в 1989–1994 гг. работал заведующим отделом археологии и этнографии и заместителем директора по науке (с 1990 г.) Института истории и археологии УрО АН СССР/РАН (Свердловск/Екатеринбург). То было время распада Советского Союза и обретения новой российской государственности. Очередная "эпоха перемен" внесла заметные изменения в стратегию научной деятельности. В условиях резкого сокращения хоздоговорных археологических работ и ограниченных финансовых возможностей как никогда остро встал вопрос о налаживании и координации межрегиональных и междисциплинарных исследований. И.Б. Васильев это не просто понимал, но и предпринял реальные шаги, чтобы переломить ситуацию и остановить процесс дезинтеграции археологической науки в Урало-Поволжском регионе.

В ноябре 1990 г. по его инициативе в Свердловске на базе Института истории и археологии состоялось расширенное заседание Урало-Поволжского координационного Совета, в работе которого приняли участие представители 9 академических институтов, 14 университетов, 4 музеев, а также ряда госинспекций по охране памятников. В связи со сложной политической и экономической ситуацией в стране Совет призвал к объединению усилий археологов региона, оперативному обмену информацией, взаимопомощи и защите прав отдельных археологов. Исходя из этого Совет решил считать данное расширенное заседание учредительным съездом Археологической региональной ассоциации (Урал, Поволжье, Западная Сибирь, Северный Казахстан) и утвердил Урало-Поволжский Координационный Совет, председателем которого был избран И.Б. Васильев, а секретарем – Н.В. Федорова (Археологический вестник, 1991. С. 4–9).

На этом и последующих заседаниях Совета было выдвинуто немало предложений, а именно: о создании Центра археологической информации региона на базе Уральского университета и Института истории и археологии УрО АН СССР, информационного "Археологического вестника", научно-популярного альманаха, координационной группы по хоздоговорным исследованиям, Музея археологии и этнографии Урала в Свердловске и этнографического научного центра в Тобольске, о созыве в 1993 г . XII Уральского археологического совещания в Свердловске, о координации междисциплинарных исследований и т.д. Все эти предложения носили прежде всего рекомендательный характер и в условиях правового и экономического коллапса в стране в целом, и в регионе в частности остались в основном заявлением о намерениях. Но все же ряд практических действий удалось осуществить.

Главное – заметно окрепли связи и взаимодействие археологических коллективов региона. В структуре Института истории и археологии были созданы вузовско-академические лаборатории: Волго-Уральская (совместно с Самарским педуниверситетом), Западно-Сибирская (совместно с Уральским университетом), Урало-Казахстанская (совместно с Челябинским университетом и Петропавловским пединститутом), Урало-Западно-Сибирских этнологических исследований (совместно с Тобольским пединститутом и историко-археологическим музеем-заповедником).

На начальном этапе деятельность этих лабораторий осуществлялась вполне успешно. И.Б. Васильеву удалось вовлечь коллег из региональных центров в работу над крупными научными проектами, особенно над двумя из них – "История древних производств" и "Ранняя история индоевропейских народов Евразийской степи и лесостепи"; научное руководство последним проектом Игорь Борисович взял на себя. В обоих проектах были ощутимы наработки его самарских коллег и учеников. Однако сколь бы хорош не был замысел создания совместных лабораторий и участия в единых научных проектах, в условиях безденежья люди не могли работать только на энтузиазме. Подобная организационная структура в реалиях той жизни была обречена. Со временем часть региональных коллективов влилась в структуру Уральского отделения РАН (Удмуртский ИИЯЛ), другая (в Челябинске и Перми) стала филиалами Института истории и археологии.

В условиях новых геополитических реалий важную координирующую роль сыграло проведенное в 1993 г. под председательством И.Б. Васильева XII Уральское археологическое совещание (Археологические культуры..., 1993), которое – помимо обсуждения насущных проблем уральской археологии – призвало к продолжению совместных исследований ученых России и Казахстана. Археологи региона включились в работу по созданию "Уральской исторической энциклопедии", вышедшей двумя изданиями в 1998 и 2000 гг. Стараниями Н.К. Стефановой стало налаживаться функционирование Центра археологической информации региона. Существенно активизировалась издательская деятельность. Для оперативного обсуждения теоретических, методических и практических аспектов исследования археологических культур и общностей Большого Урала Институт истории и археологии осуществил также издание серии препринтов. Их авторами стали И.Б. Васильев, Л.Н. Корякова, Н.В. Федорова, В.И. Стефанов, Н.К. Стефанова, Ю.П. Чемякин, Н.А. Ганьжин, П.Ф. Кузнецов, А.А. Выборнов, А.М. Комаров, А.А. Бобринский, В.А. Шнирельман и др. Этим же целям служило проведение ряда совещаний и семинаров, таких как "Исследование технологии древней керамики: формовочная масса" (Тобольск, 1990 г.), "Керамика как исторический источник" (Самара, 1991 г.), "Проблемы перехода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы" (Самара, 1990 г.), "Экологические кризисы", "Проблемы средневековой археологии Зауралья и Западной Сибири" (Свердловск, 1990 г.) и др. (Археологический вестник, 1991. С. 16–34).

Но по большому счету Игорь Борисович не был удовлетворен итогами своей работы в Екатеринбурге. Подлинного межрегионального и междисциплинарного сотрудничества в те годы наладить не удалось. В условиях, когда финансовые ресурсы были ограничены, коллективы в регионах предпочитали бороться за выживание в одиночку. Сказывалась неустроенность быта и отсутствие у И.Б. Васильева собственного жилья в Екатеринбурге. В такой ситуации тяжкий груз организационной деятельности (а она на годы отодвинула "на потом" его научные планы), работа "на разрыв" между Самарой и Екатеринбургом не могли продолжаться вечно. Рано или поздно нужно было решиться и сделать выбор между Уралом и Волгой. Самара, где когда-то все начиналось с нуля, была для Игоря Борисовича, безусловно, роднее и дороже. Тем более что к тому времени археологическая академическая наука в Екатеринбурге крепко "встала на ноги", в Институте истории и археологии сформировался работоспособный коллектив, и И.Б. Васильев передал руководство им А.Ф. Шорину.

В 1995 г. Игорь Борисович сдал дела и простился с Екатеринбургом. С его уходом "отпочковалась" обратно в Самару и возглавляемая им Волго-Уральская лаборатория археологических исследований. В Самаре помимо прежней деятельности в педагогическом университете И.Б. Васильев занялся поиском других организационных форм, способных объединить самарское археологическое сообщество и снизить накал проблем, связанных с резким сокращением хоздоговорных исследований. Так родился региональный Институт истории и археологии Поволжья, которым И.Б. Васильев руководил до последних дней. За эти годы Институту удалось сделать немало. Достаточно вспомнить о трех археологических томах "Истории Самарского Поволжья", серии книг и сборников, ряде конференций. Однако он был (и остается) пасынком областного бюджета: не приходилось рас-

считывать на полновесное финансирование, а соответственно и полнокровную научную деятельность.

Все годы работы в Уфе, Самаре и Екатеринбурге Игорь Борисович вел активные полевые работы. Географические рамки его исследований удивительно широки: Самарская, Оренбургская (бассейны р. Самары, Сока и Тока), Саратовская (Хвалынский микрорайон), Курганская и Тюменская (поселение Ук-6) области, Башкирия, Подонье, полупустынные районы Северного Прикаспия (в пределах Астраханской и Гурьевской областей России и Казахстана).

За рулем верного старого "джипа" Игорь Борисович исколесил зауральские и восточноевропейские степи, лесостепи и полупустыни от Тобола на востоке до Днепра на западе. Он любил навещать экспедиции своих коллег, чтобы непосредственно в поле "почувствовать" и "понять" памятники, которые вовлекались в канву его научных интересов. Фактически эти встречи – у коллег или в ходе собственных раскопок – становились своеобразными полевыми семинарами. Необычайно широкий археологический кругозор И.Б. Васильева базировался не только на книжных и музейных познаниях, но в немалой степени на "живом общении" с древностями в поле.

Сам он раскопал множество разнообразных археологических памятников, в том числе и такие уникальные, как Утевский и Потаповский курганные могильники эпохи бронзы, Съезженский, Липовый Овраг, Хвалынские грунтовые могильники, Гундоровское, Виловатовское и Ивановское поселения эпохи энеолита, Старо-Елшанская неолитическая стоянка, ряд стоянок каменного века и эпохи раннего металла в Северном Прикаспии.

И.Б. Васильев еще студентом включился в научно-исследовательскую работу. Его профессиональный уровень рос очень быстро. Не случайно его – третьекурсника! – О.Н. Бадер назначил руководителем Московского отряда Нижнекамской археологической экспедиции, которая в 1970–1973 гг. успешно провела спасательные исследования в низовьях р. Белой. Показательно и то, что в 1971 г. доклад Игоря Борисовича был включен в программу Всесоюзной конференции, посвященной итогам полевых исследований в СССР (Васильев, 1972).

В 1979 г. в Институте археологии АН СССР И.Б. Васильев блестяще защитил кандидатскую диссертацию. В ней были проанализированы материалы памятников энеолита и ранней бронзы юга Среднего Поволжья, полученные, прежде всего, в ходе его собственных полевых работ (Васильев, 1979). В этом труде проявились основные качества И.Б. Васильева как исследователя – широта научных интересов, тщательность, добросовестность, фанатичная работоспособность, организаторский талант. Руководитель его диссертационной работы Н.Я. Мерперт тогда же предлагал Игорю Борисовичу представить данное исследование для защиты в качестве докторской диссертации, поскольку считал, что по своей научной значимости оно заслуживает столь высокого ранга. Однако для И.Б. Васильева это было неприемлемо: в качестве докторской работы он намеревался представить более углубленное исследование об энеолите Поволжья. К тому времени по этой теме у него уже имелся существенный задел, а само исследование задумывалось шире – в контексте освещения проблем всего восточноевропейского энеолита лесостепи и степи. Опубликованные в рамках данной темы монографии (Васильев, 1981; Васильев, Синюк, 1985; Васильев, Выборнов, 1988; Агапов и др., 1990) по совокупности вполне могли бы быть защищены в качестве докторской диссертации, но к себе Игорь Борисович был гораздо более требовательным, чем к коллегам, и продолжал работу над рукописью. Конечно, если бы не екатеринбургские "каникулы", он бы завершил этот труд.

И.Б. Васильев внес заметный вклад в разработку ряда актуальных проблем эпох камня и раннего металла Восточной Европы. Учитывая, что к началу 1970-х годов археологическая карта Самарского Поволжья являла собой по сути "белое пятно" в отношении памятников каменного и бронзового веков, И.Б. Васильев с самого начала исследований в крае направил основные усилия – и свои, и коллектива единомышленников – на создание общей схемы развития и взаимодействия культур степного и лесостепного Поволжья в эпохи мезолита, неолита и раннего металла. В результате планомерных археологических разведок и раскопок за прошедшие 35 лет это "белое пятно" не просто исчезло: Самарское Поволжье является одним из наиболее хорошо изученных регионов страны, и особенно в отношении древностей каменного и бронзового веков. Не менее важной в научном плане явилась организация многолетних работ в Хвалынском микрорайоне Саратовской области, в верховьях р. Самары и Тока в Оренбуржье (совместно с Оренбургским пединститутом) и в Северном Прикаспии.

Благодаря интенсивным полевым работам и целеустремленности Игоря Борисовича и его коллег открыты новые типы археологических памятников и выделены новые археологические культуры: елшанский ранненеолитический тип, нижневолжская и средневолжская культуры эпохи неолита, самарская и хвалынская культуры эпохи энеолита, потаповский и вольско-лбищенский типы памятников эпохи бронзы.

Среди важнейших итогов изучения неолитической эпохи в Самарском Поволжье следует назвать и намеченную И.Б. Васильевым и его коллегами проблему взаимодействия населения лесного, лесостепного и степного Волго-Уралья на разных этапах развития, от раннего неолита до энеолита. Конкретизация этого процесса в дальнейших исследованиях остается актуальной и в настоящее время.

Сама постановка вопроса об энеолите лесостепного и степного Поволжья стала возможной только после полевых открытий Игоря Борисовича. Выявление и изучение памятников самарской и хвалынской культур является, на наш взгляд, его важнейшим научным достижением. Осмысление этих древностей в контексте мариупольской и хвалынско-среднестоговской культурно-исторических областей, намеченная генетическая связь хвалынских и ямных памятников "вывели" данную тематику на общеевропейский уровень и придали заметный импульс исследованию проблемы древнейших индоевропейцев и их корней. Выявление в волго-уральской лесостепи памятников токского, волосовского, новоильинского, гаринского типов, связанных с таежными охотничье-рыболовческими племенами, позволило не только изучить процессы взаимодействия северных и южных групп населения, но и обратиться к вопросу о начальном этапе контактов древних индоевропейцев и финно-угров, который, безусловно, требует дальнейшей разработки.

Еще одна крупная проблема (вернее, целый круг проблем), в изучении которой вклад И.Б. Васильева особенно весом, – это ямные и полтавкинские древности Поволжья. Они явились базой его диссертационного исследования (Васильев, 1979) и нашли отражение в ряде опубликованных работ (см. библиографию: Васильев и др., 2000). Происхождение, периодизация и хронология, разграничение территориальных групп памятников древнеямной и полтавкинской культур, соотношение их с культурами катакомбной культурно-исторической области, проблема "больших" курганов и социальной дифференциации в ямно-полтавкинском обществе и др. активно обсуждаются в последние десятилетия в трудах П.Ф. Кузнецова, М.А. Турецкого, Н.Л. Моргуновой, С.В. Богданова и других исследователей. Ряд аспектов данной проблематики находится в настоящее время на совершенно ином уровне исследования, нежели в 70-е годы прошлого века, но это лишь подчеркивает их сложность и дискуссионность. При этом важно отметить, что Игорь Борисович всячески стимулировал творческие поиски своих коллег. Пере-

смотр прежних представлений он воспринимал как естественный и закономерный ход развития науки.

Любая из сколько-нибудь значимых проблем бронзового века Волго-Уралья, само направление их разработки так или иначе связаны с трудами И.Б. Васильева, будь то феномен своеобразных памятников вольско-лбищенского типа (Васильев, Кузнецов, 2000), особенности древностей абашевской культуры лесостепного Поволжья (Васильев, 1976), истоки и судьбы памятников потаповского типа и их соотношение с синташтинскими на востоке и власовско-филатовскими и бабинскими (многоваликовыми) на западе (Васильев и др., 1994), периодизация и хронология погребальных и поселенческих памятников срубной общности (Агапов и др., 1983; Васильев и др., 1985) и, наконец, процесс перехода от поздней бронзы к раннему железному веку в степях Волго-Уралья и Казахстана, импульсом к изучению которого послужило выделение памятников нурского типа в Самарском Заволжье (Агапов, Васильев, 1976).

Оценивая итоги более чем 30-летнего исследования первобытных памятников Самарского региона, необходимо сделать вывод: И.Б. Васильев и его коллеги не только создали общую схему развития и взаимодействия культур степного и лесостепного Поволжья в эпохи мезолита, неолита и раннего металла, но и сумели воссоздать целостную и последовательную картину далекого исторического прошлого края.

Если вернуться к полевым исследованиям И.Б. Васильева, то важно отметить присущую им планомерность. Сначала разрабатывался определенный план изучения какого-либо региона, который в дальнейшем последовательно осуществлялся, невзирая ни на какие трудности. Игорь Борисович очень серьезно подходил к подготовительному этапу археологического освоения каждой новой территории. Внешне эта работа зачастую не была видна и проявлялась уже тогда, когда экспедиция оказывалась в "поле". Подготовка всегда состояла из двух частей: работы с источниками, литературными и музейными, и работы с людьми, будь то специалисты-археологи, почвоведы, палинологи и др. или краеведы.

Несмотря на некоторую браваду по поводу пыльной работы в архивах и библиотеках, Игорь Борисович обладал совершенно феноменальной способностью собирателя источников. Причем это была не просто выборка отдельных материалов по конкретной территории и эпохе, а, что называется, работа до "последнего черепка", "до последней статьи". Многим археологам, и не только самарским, известны знаменитые васильевские папки, часто с очень короткими надписями "Хвалынск", "Прикаспий" и др. и бесчисленное количество "зеленых конвертов", склеенных из столь знакомой для нас упаковочной бумаги начала 1970-х.

Содержание этих конвертов могло поставить в тупик любого стороннего человека, попытавшегося определить по ним круг интересов Игоря Борисовича. В надписях на части конвертов были упоминания об обычных для каждого археолога вещах или категориях археологических источников (к примеру, керамика и металлические изделия). И наряду с ними имелись и конверты с материалами о снежном человеке, жрецах майя и инков, о способах рыболовства у северных народов, о трепанации черепов у североамериканских индейцев и т.д. Но что самое примечательное, все эти материалы постоянно были в работе: И.Б. Васильев использовал их и при написании статей, и при подготовке лекций по курсу археологии, и для занятий со школьниками.

Эти папки и конверты особенно были востребованы при работе на новых территориях. Часто именно в них содержались исчерпывающие сведения по археологии района и истории изучения отдельных памятников, включая прорисовки их вещевых комплексов. Особенно показательной в этом отношении является история изучения Хвалынского археологического микрорайона, который известен не только по знаменитому Сосновомазинскому кладу эпохи поздней бронзы, но прежде всего по Хвалынским энеолитическим могильникам и целому ряду других замечательных памятников эпохи раннего металла (Алексевские могильники среднего и позднего бронзового веков, поселение литейщиков эпохи поздней бронзы Липовый овраг и др.).

Мы не знаем сейчас, чем привлек Игоря Борисовича в самом начале 1970-х гг. этот микрорайон. И хотя собственно территория Самарской области была далека от полной изученности, он не просто присматривался к хвалынскому Правобережью, а методично, преодолевая самые разные преграды (в том числе и уже состоявшееся деление областей Советского Союза на зоны влияния отдельных археологических коллективов или конкретных исследователей), в течение 15 лет продолжал здесь изыскания, открывая все новые и новые памятники. Казалось бы, "погружение" в фонды Саратовского и Хвалынского краеведческих музеев не предвещало чего-то необычного, а уж тем более экстраординарного: то были совершенно стандартные археологические материалы позднего бронзового века и, прежде всего, срубной культурно-исторической общности. Тем не менее И.Б. Васильев, вероятно, предугадывал перспективы археологических исследований в этой уникальной природно-ландшафтной зоне – и не ошибся.

Никто из участников Средневолжской археологической экспедиции в 1974 г. в ходе первого выезда в пос. Алексеевка Хвалынского р-на Саратовской области не мог предположить, что итогом многолетних поисков станут раскопки Хвалынских энеолитических могильников, которые вместе с материалами могильника Липовый овраг в корне изменят все представления об энеолите степной и лесостепной зон Восточной Европы. Хвалынские экспедиции все эти годы оставались личным делом и И.Б. Васильева, и начальников отрядов: они не подкреплялись бюджетными или хоздоговорными средствами и зачастую финансировались за счет частных средств.

Похожим образом складывалась и ситуация с началом многолетних исследований в Северном Прикаспии, включая детальный анализ литературных источников, работу с тогда еще скудными музейными коллекциями и налаживание контактов с людьми. Для Игоря Борисовича эти контакты были неотъемлемой частью научных исследований, частью его жизни. Он относился к ним крайне бережно и никогда не делил своих корреспондентов на "больших ученых" и простых людей. Конечно, это отношение к людям "на местах" способствовало успеху экспедиций, помогало налаживать быт в "поле", но все же не это было главное – иначе совсем незачем было помнить всех этих людей, вести с ними переписку, поздравлять с праздниками, искренне вникать в их жизнь и интересы. Казалось иногда, что переписка с многочисленными корреспондентами отнимает у И.Б. Васильева безумное количество времени и сил, но столь же очевидно, что он воспринимал ее как нечто необходимое для себя как профессионала.

И.Б. Васильев поддерживал тесные научные связи не только с отечественными, но и с иностранными специалистами. Он вел многолетнюю переписку с болгарскими, немецкими, ирландскими, американскими учеными: Г. Тодоровой, А. Хойслером, Дж. Меллори, Д. Энтони. Когда стало возможно, в конце 1980 – начале 1990-х гг., все эти археологи (кроме А. Хойслера) по приглашению И.Б. Васильева побывали в Самаре и познакомились с интересующими их материалами. Впоследствии Д. Энтони в течение нескольких лет организовывал российско-американскую экспедицию, а затем участвовал в раскопках памятников бронзового века в Самарском Поволжье. По приглашению Г. Тодоровой самарские студенты под руководством Ю.И. Колева работали в археологической экспедиции в Болгарии.

И.Б. Васильев был одним из первых региональных российских археологов, кто реально начал проводить комплексные исследования археологических памятников совместно с почво-

ведами, палинологами, палеозоологами, антропологами, специалистами по истории древней металлургии. Он отчетливо понимал, что дальнейшее развитие археологии невозможно без таких работ. По его инициативе была сделана первая значительная серия радиоуглеродных дат из памятников Среднего Поволжья эпохи раннего металла. Была предпринята попытка открыть лабораторию абсолютного датирования при пединституте, к сожалению, не увенчавшаяся успехом. Игорь Борисович мечтал о создании в Самаре комплексного научного центра, в котором работали бы специалисты разных дисциплин, нацеленные на изучение древних памятников.

Становление самарской археологии в 70–80-е гг. XX в. с самого начала сопровождалось организацией И.Б. Васильевым и Г.И. Матвеевой целого ряда научных конференций и симпозиумов. Многим из ныне здравствующих археологов памятны конференции по проблемам неолита и бронзового века Поволжья и Приуралья (1976 г.), срубной культурно-исторической общности (1978, 1982 гг.), древней истории Прикаспия (1990 г.), перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье (1990 г.), взаимодействия природы и человека на границе Европы и Азии (1996 г.) и др. Их целью было не только оперативное знакомство с новыми полевыми материалами. Прежде всего они являлись трибуной для обсуждения тех насущных проблем, которые так или иначе были вызваны новыми открытиями самарских археологов.

Эти конференции и симпозиумы стали также школой воспитания молодых исследователей. Нам, тогда начинавшим свой путь в науке, памятно участие в них О.Н. Бадера, Д.А. Крайнова, Н.Я. Мерперта, К.Ф. Смирнова, В.Ф. Генинга, А.Х. Халикова, Н.К. Качаловой и многих других выдающихся российских ученых. В 1976 г. в Куйбышеве в первый раз была проведена Урало-Поволжская студенческая конференция, и ряд корифеев отечественной археологии по завершении конференции по проблемам неолита и бронзового века и благодаря инициативе И.Б. Васильева участвовали и в работе студенческой конференции. Примечательно, что некоторые из студентов постарались не пропустить заседания и "взрослой" конференции. Игорь Борисович, будучи участником еще I УПАСКа (1969 г.), прекрасно сознавал, насколько важно для молодых и в эмоциональном, и в научном планах прямое общение с их кумирами.

Для И.Б. Васильева вообще было характерно крайне бережное отношение к учителям и коллегам – не только к Галине Ивановне Матвеевой, своему первому Учителю, но и ко многим археологам, с которыми пересекались его жизненные и научные пути. Кажется, он никогда не переносил научные разногласия на личные отношения и долгие годы сохранял дружбу со многими своими оппонентами в науке. Наверное, символично, что последними его статьями стали очерки и воспоминания об археологах, которых он считал своими учителями: О.Н. Бадере, Н.Я. Мерперте, Г.И. Матвеевой (Васильев, 2003а; б; Васильев, Скарбовенко, 2004).

И.Б. Васильев опубликовал около 200 научных работ. В последние годы он работал над обобщающей монографией, посвященной энеолиту Поволжья. Завершить ее он не успел. Игорь Борисович не успел сделать очень многое из того, что планировал и что было у него в работе. Ждет завершения и долгожданная книга о Хвалынском 2 могильнике.

Игорь Борисович являл собой пример беззаветного, фанатичного служения археологической науке, которой он отдал всю свою жизнь. Таким примером он останется и для тех, кто знал его лично, и для тех, кто пользовался и продолжает пользоваться результатами его трудов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.

Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

Археологический вестник (Урал, Поволжье, Западная Сибирь). Свердловск, 1991. № 1.

Васильев И.Б. Новые могильники эпохи бронзы на севере Куйбышевской области // Тезисы докладов на секциях конференции, посвященной итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.

Васильев И.Б. Абашевские памятники лесостепного Заволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.

Васильев И.Б. Воспоминания о встречах с О.Н. Бадером // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003а.

Васильев И.Б. Н.Я. Мерперт и его роль в археологии Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003б.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев, 1985.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Васильев И.Б., Скарбовенко В.А. К юбилею Г.И. Матвеевой // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004.

Кузнецов П.Ф., Плаксин А.В. Древности Нефтегорского района. Самара, 2004.

Историко-эко-культурная ассоциация "Поволжье", Самара
Институт археологии РАН, Москва

С.А. Агапов,
С.В. Кузьминых